Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Под редакцией
профессора В.В. Локосова и профессора Л.Л. Рыбаковского

МОСКВА-2014

УДК 314.7
ББК 60.7
М57

Авторский коллектив:

О.Д. Воробьева – д.э.н., проф., руководитель НИЦ социально-экономических проблем народонаселения Московского психолого-социального университета – глава 14; *В.А. Ионцев* – д.э.н., проф., зав. кафедрой народонаселения эконом. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл.н.с. ИСЭПН РАН – главы 2.3.4,5. и 6; *Н.И. Кожевникова* – к.э.н., вед. н.с. ИСПИ РАН, вед.н.с. ИСЭПН РАН – глава 8; *Е.С. Красинец* – к.э.н., зав. лабораторией миграционных исследований ИСЭПН РАН – глава 11; *Е.Е. Письменная* – д.социол. н., профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ – главы 7 и 13; *Л.Л. Рыбаковский* – д.э.н., проф., гл.н.с. ИСПИ РАН, гл.н.с. ИСЕПН РАН – глава 8; *О.Л. Рыбаковский* – д.э.н., зав. лабораторией проблем социальной демографии – главы 9 и 10; *С.В. Рязанцев* – д.э.н., проф., член-корр. РАН, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН – главы 1, 7 и 12.

М57 Миграционные процессы в России. / Под.ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2014. – 383 с.
ISBN 978-5-9506-1115-5

В работе дан всесторонний анализ основных миграционных процессов, в первую очередь различных сторон безвозвратной миграции, её международных и внутренних аспектов. Другой вид – временные миграции, представлен в двух её проявлениях: трудовой и учебной. В числе авторов коллективной монографии – российские специалисты в области миграционной проблематики.

УДК 314.7
ББК 60.7

ISBN 978-5-9506-1115-5

© ИСЭПН РАН, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Наше время – это время радикальных перемен во всех сферах жизнедеятельности общества. Одна из таких сфер – пространственные перемещения населения. Знание характера, причин и особенностей миграционных процессов на различных существенно разнящихся этапах социально-экономического развития позволяет лучше осознать значение миграций в жизни общества. В практическом отношении это важно для совершенствования политики регулирования пространственного движения населения.

В миграционном движении населения современной России в зависимости от остроты и важности решаемых миграционных проблем можно выделить три этапа, не имеющих, правда, четких временных границ. Начало первого этапа приходится на распад СССР. В это время с новой силой вспыхнули межнациональные, в т.ч. и вооруженные, конфликты почти на всем постсоветском пространстве. Забытое по окончании гражданской войны такое явление как вынужденная миграция, к началу 90-х годов вновь обрело чудовищный характер. На конец 1993 г. в России насчитывалось около 450 тыс. беженцев и вынужденных мигрантов, из которых на долю русских приходилось 60%. Заметим, что после Первой мировой и начавшейся гражданской войн количество беженцев во всей стране вместе с военнопленными едва достигало 100 тысяч человек.

К началу 90-х годов XX столетия существенных размеров достигла эмиграция, не представлявшая сколько-нибудь значимой величины в советские годы. Лишь в 1987–1991 гг., т.е. накануне распада Советского Союза, объем эмиграции составил 270 тыс. человек, из которых в Германию, Израиль и США мигрировало почти 90%. Выезжали преимущественно русские, этнические немцы и

евреи, что в значительной мере определило географию стран вселения. В следующее пятилетие (1992–1996 гг.), в условиях независимой России, её уже покинули свыше 470 тыс. человек, причем 95% пришлись на те же три страны.

С 1992 г. значительно возрос миграционный прирост населения России в её обмене с превратившимися бывшими союзными республиками в независимые государства. В первой половине 90-х годов количество мигрантов, прибывавших в Россию из возникшего на постсоветском пространстве нового зарубежья, не на много превышало те объемы, которые были в 1989–1990 гг. В последовавший после 1994 года период стали непрерывно сокращаться масштабы прибытия, выбытия и соответственно сальдо внешней миграции населения России. Парадоксально, но вместе с сокращением объемов миграционного обмена населением со странами нового зарубежья, важность этой проблемы для России стала непрерывно возрастать.

Второй этап знаменуется, прежде всего, сокращением объемов вынужденной миграции. В 1998 г. беженцев и перемещенных лиц было 118 тыс. человек, через 5 лет в 2003 г. – менее 5 тыс. и еще через 5 лет, в 2008 г. – немногим более 4-х тысяч. Одновременно уменьшились и масштабы эмиграции. В пятилетие 1997–2001 гг. страну покинули 307 тыс. человек, что на одну треть меньше, чем в предшествующее пятилетие. Заметно сократился выезд в Израиль и США. В следующие пять лет (2002–2006 гг.) сальдо эмиграции со странами старого зарубежья сократилось вдвое по сравнению с предшествующим пятилетием и втрое по отношению к 1992–1996 гг.

Таким образом, в новом столетии проблемы вынужденных миграций и эмиграции в Германию, Израиль, США и другие страны старого зарубежья, уменьшавшие в заметной мере интеллектуальный потенциал России, заметно снизили свою актуальность. Так, уже в 2008 г. миграционное сальдо со странами старого зарубежья составило всего 2.7 тыс. Это же относится и к вынужденным

миграциям. В 2008 г. в России насчитывалось 0.3 тыс. беженцев и 4.3 тыс. вынужденных мигрантов.

На смену проблемам вынужденных миграций и эмиграции населения в страны старого зарубежья пришел клубок новых миграционных проблем. Одна из них, формирование миграционного сальдо из будущих граждан России, вызвана базовыми интересами страны, её геополитическим статусом, потребностью в сохранении целостности территории и располагаемых на ней ресурсов, поддержанием оборонной мощи, обеспечением безопасности государства и необходимостью повышения уровня заселенности страны.

Другая наиболее болезненная проблема для третьего этапа – временная трудовая миграция, а точнее, её нелегальная компонента. Острота этой проблемы зависит от состояния рынка труда, точнее, дефицита рабочей силы и носит временный характер. При соответствующем росте населения, его трудоспособной части, а главное – повышении эффективности труда спрос на неквалифицированных трудовых мигрантов должен снижаться.

В связи со сказанным в монографии значительно больше места уделяется историческому ракурсу международных миграций, чем их современным аспектам, хотя понятно, что без активизации притока мигрантов, прежде всего, соотечественников из нового зарубежья, не могут быть достигнуты параметры населения, установленные Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 года. Большое внимание в книге уделено характеру и особенностям внутренних безвозвратных миграций, а также различного рода, временных миграций, в первую очередь трудовых. В заключение заметим, что редакторы не ставили своей задачей менять стиль авторов монографии и сохранили его в оригинале. Надеемся, что книга вызовет интерес у читателя.

Глава 1.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ И ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ О МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ*

1.1. Вопросы терминологии и трактовки миграции

В динамике социально-экономического развития особое место принадлежит миграции населения, в отношении которой к началу XXI века сложилось множество трактовок и определений.

В классических работах по миграции населения фактор времени, а именно характеристика времени пребывания мигранта в новом месте жительства, рассматривался учеными как один из основополагающих индикаторов для идентификации мигрантов как мигрантов. В условиях, когда люди совершали миграцию один-два раза в жизни и почти навсегда, данный подход был, безусловно, правомерен и не вызывал никаких противоречий с жизнью.

Сторонники идеи узкой трактовки миграции традиционно аргументировали, что миграция должна представлять собой законченный вид территориального перемещения, т.е. переселение. Само переселение непременно должно было отвечать двум условиям. Во-первых, население должно перемещаться между разными населенными пунктами. Во-вторых, перемещения обязательно сопровождаются сменой постоянного места жительства. Эти подходы нашли отражение не только в науке, но также в практике учета и регулирования миграции в России. Например, в советский период система учета мигрантов была ориентирована на фиксацию только

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 12-06-33021-мол_а_вед

«постоянной» миграции, связанной с системой прописки. По инерции этот подход сохранился и в постсоветской России, хотя реалии жизни сегодня выглядят иначе. Россияне стали активно перемещаться, миграционные процессы существенно активизировались, появились новые формы временной миграции.

Л.Л. Рыбаковский ввел в научный оборот расширенную трактовку миграции за счет включения в нее временных форм миграционного движения, дав следующее определение миграции: «Территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности представляют собой миграцию в широком значении этого слова» (1). По сути, Л.Л. Рыбаковский в отечественной науке первым включил в классическое определение миграции те ее виды, которые исключались из нее по причине временности (например, эпизодические, маятниковые и временные трудовые миграции). Позднее авторы стали относить к миграции и другие виды миграционных передвижений (коммерческие, туристические, учебные поездки) которые носят временный характер и не связаны со сменой места жительства (2, с. 302).

В российской практике учета миграции (государственной статистике) традиционно использовался и преобладает до настоящего времени именно узкий подход к определению миграции. Разнообразные возвратные формы миграции, не связанные с изменением постоянного места жительства, а связанные только со сменой приложения труда (например, маятниковые передвижения, миграция коммерсантов («челноков»), вахтовая миграция, сезонные миграции, поездки туристов) долгое время не находили отражения в государственной статистике, хотя могут вполне обоснованно считаться разновидностями миграции с точки зрения широкого определения, принятого в науке. В последнее время стал меняться и статистический подход – теперь фиксируются некоторые из перечисленных выше видов миграции.

Миграция представляет собой сложное общественное явление, которое отличается значительным разнообразием. Это один из наиболее адекватных индикаторов социально-экономического благосостояния общества – своего рода способ голосования населения ногами. Как правило, миграционные потоки ориентированы из менее развитых в более развитые страны и регионы, с высоким уровнем заработной платы и лучшими социально-экономическими условиями. По примерным оценкам в различные виды миграции в мире ежегодно вовлечено около 2–3% населения. В некоторых странах эта цифра может быть гораздо выше – например, ежегодно только во внутренних миграциях в США участвуют до 15% населения (в России эта цифра около 1–2%, если учитывать миграцию, связанную со сменой места жительства, или 5–6% с учетом различных форм временной миграции).

Под ***типом миграции*** следует понимать миграционный поток, выделенный из общей миграции и представляющий собой таксономическую категорию, которая объединяет близкие по происхождению потоки мигрантов на основе одного крупного признака – отношения к границе, времени пребывания в новом месте жительства, влиянию государства на процесс регулирования миграции.

Под ***классом миграции*** понимается одна из высших таксономических категорий миграции, выделенных на основе одного признака в рамках крупного признака, характеризующего тип миграции.

В качестве следующей таксономической единицы предлагается выделять ***порядок миграции.*** Порядок – одна из таксономических категорий, выделяемых в рамках класса на основе того или иного признака и отражающего дробные части миграционного потока.

Также имеет смысл выделение такой категории как ***род миграции*** – надвидовая таксономическая категория миграции, объединяющая близкие по причине виды миграции. Наконец, существует категория ***вид миграции*** – элементарная единица миграции, отражающая совокупность миграционных перемещений индивидов

по одной из доминирующих причин и попадающих под одно из определений.

При классификации любого явления, в том числе и миграции населения, во избежание путаницы и нечеткости необходимо следовать основному принципу типологии – один критерий (основание).

На основе такого *политико-географического признака как пересечение человеком государственной границы страны* можно выделить два основных типа миграции. Первый тип миграции – внешняя (международная)[1] и внутренняя (внутригосударственная). Внешние миграции подразделяются на два основных класса миграций – межконтинентальные[2] и внутриконтинентальные. Среди внешних внутриконтинентальных можно выделить миграции двух порядков – миграцию между государствами и между крупными регионами. Относительно внешней миграции можно говорить о существовании двух основных видов – эмиграции (выезд из страны) и иммиграции (въезд в страну).

По времени пребывания мигранта в новом месте жительства или приложения труда возможно выделение двух основных типов миграции – постоянной (безвозвратной) и временной (возвратной). Постоянными миграциями можно считать перемещения, связанные с изменением места жительства на срок более года. Она должна отвечать двум основным условиям. Во-первых, население перемещается из одних населенных пунктов в другие, а во-вторых, перемещения сопровождаются сменой постоянного места жительства. Первое условие исключает из миграции всевозможные пере-

[1] В контексте политических и экономических реалий, происходящих в современном обществе, границы иногда не могут выступать в роли четкого рубежа для статистического учета мигрантов по причине их условности (феномен «прозрачных границ» между США и Канадой, странами Европейского Союза, государствами СНГ) или постоянного изменения. В этой связи, имеет смысл разграничивать понятия «внешняя миграция» и «международная миграция».

[2] В данном случае практически всегда миграция сопровождается пересечением границ, за исключением стран с особым географическим положением – Турции и России (расположена одновременно в Азии и Европе), Египта (в Африке и Азии), Панаме (в Северной и Южной Америке).

мещения населения внутри населенных пунктов, а второе – возвратные или краткосрочные поездки в другие населенные места.

Временный тип миграции можно подразделить на два основных класса – краткосрочную (до 1 года) и долгосрочную (более 1 года).[3] Краткосрочную миграцию можно подразделить на миграцию двух порядков – регулярную и нерегулярную. К данному типу миграции можно отнести такие ее виды как ежедневные маятниковые (в том числе приграничные)[4], челночные, вахтовые, сезонные миграции, кочевничество.

По степени законности – легальная и нелегальная. Под нелегальными мигрантами понимают людей, которые незаконно пересекают границу, а также людей, не имеющих официальной регистрации в соответствующих государственных органах и тех людей, кто нарушил сроки законного пребывания, либо чьи настоящие цели пребывания и занятия не соответствуют заявленным при въезде в страну. Однако, к оценке количества нелегальных мигрантов следует подходить с достаточной долей осторожности. Количество людей, нелегально въезжающих в страну, существенно отличается от количества мигрантов оставшихся в ней нелегально. В последнее время также появился термин «трэффик» мигрантов – это насильственная перевозка людей или добровольная перевозку людей за плату с попаданием их в последствии в зависимое положение от организаторов транспортировки (чаще всего, это женщины и дети).

По причинам миграция подразделяется на три основных типа – добровольная, вынужденная и принудительная миграция. ***Добровольная миграция*** обусловлена свободным принятием решения о миграции от государства, желания других людей и внешних обстоятельств индивидом или группой людей.

Принудительной миграцией можно считать переселения человека или группы людей, организованные государством или

[3] Критерии предлагаются в рекомендациях Организации Объединенных Наций по ведению национальной миграционной статистики.

[4] Приграничных рабочих, живущих в одной стране, а приезжающих ежедневно на работу в другое государство именуют «фронтальерами».

группой людей под прямым принуждением к перезду. Наиболее распространенными классами принудительной миграции можно считать ***депортацию*** – перемещение людей согласно решениям властей (в иторическом контексте депортация – переселение этнических или социальных групп, а в современной терминологии – отправление на родину нелегальных мигрантов, реже – перевозка преступников в места заключения) и ***трафик*** – перемещения, организованные преступными группами или отдельными преступниками с целью использования мигранта как товар для последующей перепродажи или эксплуатации.

Вынужденная миграция обычно вызвана с военными, политическими, преследованиями на этнической и религиозной основе, которые вынуждают человека изменить вопреки своему желанию место жительства. Вынужденная миграция – перемещение людей, которые покинули место жительства вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия, или под угрозой преследования и насилия. Этот вид миграции наиболее проработан с точки зрения юридических определений и формулировок, поскольку в мире сложилась система приема и предоставления убежища многим группам вынужденных мигрантов. Согласно фундаментальным международным документам в этой сфере – Женевской Конвенции по беженцам 1951 г. и Протоколу 1967 г. – выделяют несколько категорий вынужденных мигрантов (которые в моей классификации могут называться классами):

– ***беженцы*** – это вынужденные мигранты, которым до или после прибытия в страну предоставляется статус беженца. Например, в России беженцем на основании Федерального Закона «О беженцах» может быть признан человек, не являющийся гражданином России, отвечающий условиям вынужденной миграции;

– ***лица, желающие получить убежище*** – мигранты, которые подают ходатайство о получении убежища не в своей стране. Статус претендента согласно международным документам сохраняется за ними до тех пор, пока их заявление не будет рассмотрено и по

нему не будет вынесено соответствующее решение. В России их называют лицами, обратившимися с заявлениями (ходатайствами) о приобретении статуса;

– иностранцы, получившие временный статус защиты, им разрешается временное (иногда на неопределенный срок) пребывание в принимающем государстве до тех пор, пока их жизни угрожает реальная опасность в их стране. В Федеральном Законе РФ предусмотрен статус лица, получившего временное убежище;

– лица, принятые по иным соображениям гуманности – это иностранцы, не получившие полного статуса беженца, но тем не менее допущенные в страну по причинам гуманитарного характера, поскольку они оказались в положении сходном с положением беженцев. Например, в российском законодательстве это лица, получившие политическое убежище.

Если вынужденные мигранты возвращаются в страну своего происхождения (исхода), то их можно называть ***репатриирующимися беженцами или репатриирующимися претендентами на получение убежища.*** Возвращение вынужденных мигрантов может происходить как в рамках программ репатриации, осуществляемых при международной поддержке, так и по собственной инициативе вынужденных мигрантов.

Еще один вид вынужденных мигрантов – ***внутренне перемещенные лица*** – это граждане страны, которые не пересекают границ и мигрируют в пределах своего государства по вынужденным причинам (аналогичным в случае с беженцами). В России их именуют ***вынужденными переселенцами*** (например, мигранты из района чеченской войны, осетино-ингушского конфликта). Порой внутренне перемещенные лица страдают нисколько не меньше беженцев. В России принят Федеральный закон «О вынужденных переселенцах», который предоставляет статус вынужденного переселенца на пять лет.

Особым классом вынужденных мигрантов можно считать ***людей, поменявших место своего жительства в силу природных и***

техногенных катастроф. Например, землетрясений, наводнений, цунами, крупных аварий на предприятиях и электростанциях. В отношении части этих людей многда применяется термин ***«экологические мигранты».*** В некоторых случаях они могут рассчитывать на получение одного статусов вынужденных мигрантов, но законодательство не всех стран мира это предусматривает.

По целям миграцию можно подразделить на два типа – экономическая и социальная. ***Экономический тип миграции*** связан с извлечением материальной выгоды человеком в ней участвующим, к ней относятся такие классы как ***трудовая миграция, миграция с целью ведения традиционного хозяйства (кочевничество), коммерческая миграция, миграция с целью избежания налогов, вывоза и вложения капитала (инвестиционная миграция).*** Трудовых мигрантов, которые выехали на работу за рубеж, называют ***«гастарбайтерами»*** (от немецкого «рабочие-гости»). Подробная классификация трудовых мигрантов приведена в следующем параграфе. Людей, участвующих в ***коммерческой миграции*** в России и странах СНГ стали называть «челноками». ***Кочевничество,*** как особая форма экономической миграции, по-прежнему распространена в некоторых регионах и среди отдельных народов. Наконец, ***налоговая миграция*** – веяние нового времени – некоторые люди используют перезд в другие страны с целью с уменьшения налогов (например, в свое время известный теннисист Б. Беккер с этой целью специально перехал жить из Германии в Монако). ***Инвестиционная миграция (миграция инвесторов)*** – переезд людей, желающих вложить деньги в создание предприятий за рубежом. Выгоды от этой миграции используют некоторые страны – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия – они привлекают мигрантов-инвесторов, предоставляя им при определенных условиях в упрощенном порядке вид на жительство и гражданство.

Социальный тип миграции обусловлен удовлетвореним не материальных, а в большей степени духовных и социальных потребностей. К классам социальной миграции можно отнести брач-

ную миграцию, учебную миграцию, религиозную миграцию, миграцию с целью воссоединения семьи, с целью туризма, этническая миграция. ***Брачная миграция*** совершается в целью заключения брака. Некоторые страны стимулируют такую миграцию, открывают специальные визы (например, в США существуют визы «невесты» и «жениха»). ***Учебная миграция*** совершается с целью получения образования. На этой миграции многие страны получают значительные доходы, занимаясь практически экспортом образовательных услуг. ***Миграция с целью воссоединения семей*** также имеет место быть в разных странах мира, которые позволяют мигрантам приезжать по этой причине в свою страну. Достаточно часто все перечисленные выше виды миграции переплетаются с экономическими причинами.

Этнической миграцией можно назвать миграцию, которая обусловлена доминированием этнического фактора в миграционных потока, т.е. причастности мигрантов к тому или иному этносу, либо вытеснение этнических групп с территории их проживания. Особым видом этнической миграция можно назвать ***репатриацию*** – возвращение на родину, т.е. в страну с которой ассоциирует человек свое происхождение (чаще всего, на основе этнической принадлежности). Иногда репатриация становится стратегией миграционной политики, государство активно привлекает мигрантов из-за рубежа, как правило своих соотечественников. Подобную практику в разное время использовали Япония, Франция, Израиль, Германия, Греция и др. Репатриация евреев в Израиль обозначается термином ***«алия»*** и может считаться конкретным видом миграции. Репатриация из стран СНГ русских и других российских народов может быть основной современной миграционной политики нашей страны, которая позволит нам отчасти компенсировать сокращением численности населения.

Религиозная миграция представляет собой перемещения связанные с поклонением святыням, религиозными преследованиями, т.е. когда в основе принятия решения о миграции лежит принад-

лежность мигранта к определенной религии. В историческом аспекте религиозными миграциями можно назвать крестовые походы и миссионерскую деятельность. В качестве современных видов миграции можно считать паломничество. Видом религиозной миграции можно назвать ***«хадж»*** – религиозное поломничество мусульман в Мекку и Медину. Этот вид паломничества в последнее время поставлен на коммерческий поток и иногда рассматривается как разновидность туризма.

Туризм представляет собой временное перемещение людей из места своего постоянного проживания в другую страну или местность с целью отдыха, оздоровительных, гостевых, познавательных или профессионально-деловых целях без занятия оплачиваемой работой в посещаемом месте. Туризм как достаточно обширный класс миграции состоит из ряда классов, в том числе ***приключенческий, круизный, рекреационный, экологический, тематический, культурно-познавательный туризм***. По прогнозу Всемирной туристической организации в к 2020 г. количество путешествующих приблизится к 1,6 млрд. человек. В особый класс можно выделить ***секс-туризм*** (в Таиланд, Испанию, ряд других стран) ***и алкогольный туризм*** (из Финляндии в Россию). В некоторых стран появился даже поток желающих добровольно уйти из жизни (Нидерланды и Швейцария легализовали эвтаназию). Для целях статистического учета туристов подразделяют на посетителей (т.е. приехавших на 1 день) и экскурсантов.

Иногда однозначно выделить цели миграции просто невозможно. Например, если человек переселяется на постоянное место жительства из одной страны в другую, то наверняка им движут несколько целей – получить работы, получить образование, посмотреть страну, заключить брак и пр. Причем эти причины могут иметь разнообразные комбинации. Это достаточно трудно учесть и отразить в учете миграции. Тем не менее, исследования показывают, что в современном обществе преобладают трудовые миграции, которые связаны с переездом на работу.

В зависимости **от степени государственного регулирования** миграцию можно разделить на два типа – регулируемую и нерегулируемую. ***Регулируемый тип миграции*** организует государство с различными целями, но главные среди них – заселить и освоить территорию, пополнить население и трудовые ресурсы. Степень участия государства, формы поддержки и стимулирования мигрантов могут быть разными.

Первый класс – ***активно или прямо регулируемая миграция*** (активная санация) – мигрантам выдаются государственные средства для переселения на проезд или обустройство в местах нового проживания, либо они наделяются землей, порой государство использует помимо экономических методов еще и идеологические. Этот способ использовали ряд стран в своей истории, в том числе дореволюционная Россия при освоении Сибири и Дальнего Востока; США при заселении и освоении дикого Запада; СССР для хозяйственного освоения некоторых глубинных регионов (например, на строительство Байкало-амурской магистрали в Сибири, освоение целинных земель в Казахстане, строительство электростанций и крупных промышленных предприятий в Сибири, Дальнем Востоке, районах Крайнего Севера). К активно регулируемой миграции можно отнести ***эвакуацию*** – выезд людей из районов военных действий, природных бедствий и аварий, данный вид миграции организуется государственными структурами и от четкости его организации во многом зависит сохранение жизней многих людей.

Второй класс регулируемых миграций – ***опосредованно регулируемая миграция*** (пассивная санация) – регионам предоставляются разные преференции, которые способствуют развитию экономики и притоку капитала, что в свою очередь создает рабочие места и повышает уровень заработной платы, а в итоге стимулирует приток мигрантов.

Второй тип – ***нерегулируемая миграция.*** Она происходит в стихийном режиме, когда государство не имеет возможностей, средств или желания регулировать каким-либо образом миграцион-

ные потоки. Нерегулируемая миграция не может считаться синонимом термина нелегальная миграция, поскольку нелегальная имеет незаконный и иногда криминальный характер. Нерегулируемая связана с отсутствием участия государства в стимулировании

Иногда миграцию подразделяют **на основе структурных признаков,** а именно на основании возраста, пола, этнической принадлежности, семейного положения, образования, квалификации, времени переезда, места рождения, гражданства и т.п. В качестве видов миграции в этом случае можно считать части миграционных потоков, т.е. совокупности мигрантов, выделенные из общей миграции, на основании одного из выше перечисленных признаков. Например, в ***миграции по уровню образования*** можно выделить такие классы как ***миграция высокообразованных специалистов*** (в случае их выезда за рубеж используется термин «утечка умов (мозгов)», в стране приезда – «приток умов (мозгов)», в масштабах международной экономики в последнее время получил распространение термин «обмен умов»), ***специалистов среднего и низкого уровня образования.***

В миграции ***по уровню квалификации*** выделяются классы ***миграция специалистов высокой квалификации*** (ученые, инженеры, врачи, высококвалифицированные преподаватели, подготовка которых требует нескольких лет и больших затрат, а их труд используется на сложных производствах, в науке, здравоохранении), ***миграция работников с определенной подготовкой*** (техники, электрики, программисты, наладчики оборудования, переводчики, средних медицинский персонал, учителя школ, повара и т.п., затраты на подготовку этой категории работников меньше, но в некоторых случаях их быстрее или дешевле пригласить из другой страны или региона для того, чтобы ликвидировать дефицит на рынке труда) и ***миграция работников без специальной подготовки*** (временные работники в непрестижных отраслях экономики с низкой оплатой и тяжелыми условиями труда, требующих затрат физических сил).

В миграции ***по возрасту*** можно выделить классы ***мигрантов трудоспособного возраста, младше трудоспособного возраста*** (детей и подростков), ***старше трудоспособного возраста*** (пенсионеров и пожилых людей). В большинстве миграционных потоков преобладают люди трудоспособных возрастов, но в некоторых случаях в потоке бывает повышена доля детей и/или пенсионеров (например, в случае вынужденной миграции, в миграционных потоках связанных с усыновлением, либо в случае миграции людей, вышедших пенсию в регионы с более благоприятным климатом).

В миграции ***по полу*** можно выделить классы мигрантов ***мужчин и женщин.*** В миграции ***по семейному положению – мигрантов, состоящих в браке и одиноких людей.*** В миграции ***по гражданству – граждан своей страны, граждан других стран, лиц без гражданства.***

При характеристике конкретного миграционного потока и случая миграции его можно «пропустить» через все основные приведенные выше классификации. Например, когда исследуется переезд беженцев из Афганистана в Россию, то, характеризуя этот поток, мы говорим о том, что это международная (внешняя) миграция, для России – иммиграция, внутриконтинентальная и межрегиональная миграция, постоянная (безвозвратная) или транзитная миграция, легальная миграция, по цели – социальная миграция, по структуре в потоке преобладают мужчины трудоспособного возраста без специальной квалификации с низким уровнем образования, имеющие семьи. Характеризуя выезд конкретно российской гражданки Н., которая вышла замуж за гражданина Франции можно сказать, что это международная, внутриконтинентальная миграция, для России – это эмиграция, постоянная, легальная, брачная, социальная миграция и далее можно посмотреть на основные демографические и социальные признаки мигранта (образование, возраст и пр.).

Подобный подход позволяет четко разделять составляющие миграционных потоков не только для научных и познавательных целей, но и дает возможность регулировать миграционные потоки более эффективно.

1.2. Миграция как трехстадийный процесс

Миграционный процесс – это множество событий, влекущих за собой смену места жительства. Чтобы это был действительно процесс, такие события, как прибытие, выбытие или переселение, должны составлять статистически значимую величину. Миграция – массовый в количественном отношении процесс.

Концепция трехстадийности миграционного процесса была сформулирована в конце 1970-х гг. известными российскими учеными Т.И. Заславской и Л.Л. Рыбаковским.

Миграционный процесс состоит из трех стадий: Первая – *исходная, или подготовительная стадия,* представляющая процесс формирования территориальной подвижности населения. Основной характеристикой первой стадии является миграционная подвижность населения, которая зависит от демографических, этнических, генетических и социальных характеристик. Замечено, что более подвижны люди трудоспособного возраста по сравнению с детьми и пенсионерами, одинокие люди – по сравнению с состоящими в браке, мужчины – по сравнению с женщинами, «новоселы» – по сравнению со «старожилами», высокообразованные люди – по сравнению с людьми более низкой квалификации. Миграционная подвижность формируется под воздействием разнообразных причин – экономических, социальных, этнических, политических, семейных. Считается, что решающую роль в миграции играют экономические факторы.

Вторая стадия – *основная, или собственно переселение населения.* Совокупность переселений, совершающихся в определенное время в рамках той или иной территории составляет миграционный поток. Миграционный поток формируется из серии прибытий и выбытий. Миграционные потоки можно характеризовать по полу, возрасту, уровню образования, семейному положению, национальному составу. Можно также изучать потоки между странами, регионами, населенными пунктами.

Третья стадия миграции – *заключительная, или завершающая,* выступающая как приживаемость мигрантов на новом месте. Во многих научных работах и публикациях СМИ, которые освещают процесс «вхождения» мигрантов в новое общество, характерно смешение или недостаточно четкое разграничение терминов «интеграция», «адаптация» и «приживаемость» мигрантов.

Термин «интеграция мигрантов» применим только к внешней (международной) миграции. Под интеграцией следует понимать процесс приспособления личности или социальной группы (иммигранта или группы иммигрантов) с иными, отличными от коренного населения, социо-культурными, религиозными и этническими характеристиками.

В то время как «приживаемость» – термин, применимый скорее к внутренним мигрантам, либо к внешним мигрантам той же национальной группы, что и коренное население. В этом случае речь идет о мигрантах близких к коренному населению по культурному уровню, этническому и религиозному компоненту и их приспособление к новой среде проживания происходит с меньшими проблемами и более быстрыми темпами. Процесс адаптации можно рассматривать как первую стадию приживаемости мигрантов на новом месте жительства.

В мировой практике в настоящее время сложилось два основных способа интеграции иммигрантов в новое общество – ассимиляция и взаимное сосуществование культур. При этом следует иметь ввиду, что существуют различные составляющие интеграции – экологическая, гражданская, религиозная, социально-экономическая, социально-психологическая и культурная.

Между некоторыми результатами ассимиляции и взаимного сосуществования культур нет принципиальных отличий, а по некоторым составляющим существует целый ряд расхождений. Наиболее значительные отличия касаются культурной, социально-психологической и религиозной интеграции. Некоторые отличия имеет, видимо и гражданская интеграция, которая в случае асси-

миляции предусматривает полное смешение иммигрантов с коренным населением, а в случае взаимного сосуществования культур оставляет им возможность идентифицировать себя с определенной этнической группой.

Таблица 1.1.

Результаты различных способов интеграции иммигрантов в новое общество

Составляющие интеграции	**Способы интеграции**	
	Ассимиляция	**Взаимное сосуществование культур**
Гражданская интеграция	Натурализация Отсутствие ограничений на передвижение Возможность реализация избирательных прав Замена этнической идентичности на гражданскую идентичность	Натурализация Отсутствие ограничений на передвижение Возможность реализация избирательных прав Возможность идентифицировать себя с определенной этнической, религиозной или территориальной общностью
Экономическая Интеграция	Возможность получения работы Возможность иметь равный доход с коренным населением Возможность получения любых социальных благ Возможность реализации предпринимательского потенциала Возможность приобретения недвижимости и реализация имущественных прав	
Экологическая интеграция	Удовлетворенность природно-географическими характеристиками территории Удовлетворительное здоровье	
Социально-психологическая Интеграция	Свободный доступ к образованию Знание и свободное владение основным языком страны проживания	Возможность учить и говорить на родном языке Возможностью получения традиционного национального образования Возможность компактного проживания с родственниками и представителями своей этнической группы
Религиозная Интеграция	Принятие основной религии нового общества	Возможность исповедовать прежнюю религию
Культурная Интеграция	Принятие культуры страны проживания Отказ от национальных традиций	Возможность развивать и пропагандировать национальную культуру и искусство Возможность придерживаться национальных традиций

Позиция правительств различных стран мира в отношении интеграции иммигрантов зачастую существенно различается. Страны можно подразделить на две основные группы. К странам с политикой ассимиляции относятся Франция, Германия, США и Швейцария. Политики взаимного сосуществования культур придерживаются Великобритания, Канада, Австралия, Нидерланды, Бельгия, Дания, Финляндия и Швеция.

Интеграция мигрантов – это сложный процесс, который происходит под воздействием, как объективных экономических факторов, так и субъективных психологических и этнических составляющих. Существенное воздействие на процесс интеграции иммигрантов в новое общество оказывают различные факторы объективного и субъективного плана. Они во многих случаях определяют скорость и характер протекания процесса интеграции иммигрантов (4, с. 84). Среди них:

– *продолжительность проживания в новом месте жительства* (необходима смена как минимум нескольких поколений для успешной и окончательной ассимиляции иммигрантов в новое общество);

– *характер расселения и численность иммигрантов.* Традиционно мигранты стремятся концентрироваться в определенных местах, что помогает им чувствовать себя увереннее в новом обществе. Однако концентрация в анклавах зачастую затрудняет интеграцию иммигрантов в новое общество;

– *уровень образования и социально-экономическое положение иммигрантов,* которые чем выше, тем успешнее интеграция;

– *религиозная основа этнической общности,* которая в некоторых случаях играет весьма существенную роль в интеграции. Значительно медленнее ассимилируют в новое общество представители этнических групп, исповедующих иную религию по сравнению с преобладающей в данной стране;

– *восприятие коренным населением интеграции иммигрантов.* Зачастую «иммигранты воспринимаются как опасный элемент

ломки сложившейся этносоциальной односторонности и структурированности, в их поведении усматривают неуважение к нормам и традициям той культуры, в которую они попали, пренебрежение сложившимися в этой среде ценностями и устоями».

Интеграция мигрантов представляет собой двусторонний процесс вхождения людей, совершивших миграцию, в новое общество. От того насколько успешно иммигранты интегрируются в него, будет зависеть с одной стороны – самочувствие самого переселенца, а с другой стороны – социально-экономическое и политическая стабильность в обществе в целом. Важно отметить необходимость использования двух составляющих интеграции – потенциала самих мигрантов и воздействие на условия внешней среды.

1.3. Статистический учет миграции в России

Миграция представляет собой очень разнообразное явление, которое происходит как внутри страны, так и за пределы государства. Учитывать разнообразные формы миграционного движения населения очень сложно. В современной России миграцию фиксируют несколько уполномоченных структур.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ ИММИГРАЦИИ

Министерство внутренних дел (МВД) ведет текущий учет внутренних и внешних миграционных передвижений в России на основе регистрации населения. Этот вид учета ведет свою историю с советских времен, когда существовала система «прописки». Однако, в 1990-е гг. она подвергся значительной модификации. В том числе, были введены два вида регистрации – по месту жительства (постоянная миграция) и по месту пребывания (временная миграция). Учет осуществляется паспортными столами МВД на основе заполнения специальных листков статистического учета мигрантов

(форма № 12), которые заполняются по месту нового жительства мигранта. Однако, данная форма учета не охватывает некоторые категории мигрантов. Например, из учета выпадают российские граждане, которые находятся в другом населенном пункте менее 90 дней – они могут не получать регистрацию на этот срок. Также не регистрируются по месту пребывания белорусские граждане, если они находятся в России до 30 дней. В листке статистического учета мигранта присутствует пункт «национальность», который заполняется по желанию мигранта. Кроме того, в листке есть пункт «гражданство». Как свидетельствуют экспертные оценки сотрудников Росстата, пункт «национальность» заполнялся в последнее время очень плохо, поскольку сотрудники паспортных столов не уделяли должного внимания качеству заполнения листков миграционного учета.

Из паспортных столов МВД один экземпляр миграционных листков поступает в статистическую обработку в территориальные структуры Росстата. До 2007 г. (включительно) Росстат обрабатывал данные об этнической принадлежности и гражданстве мигрантов. Готовилась серия таблиц, которые публиковались в ежегодном сборнике «Численность и миграция населения в Российской Федерации». Последний раз в сборнике за 2007 г. были опубликованы три таблицы, отражавшие распределение прибывших и выбывших мигрантов в России (как внутренних, так и внешних) по национальностям. В том числе данные были доступны в разрезе отдельных стран.

Однако, с 2008 г. Росстат прекратил обработку данных и публикацию информации о национальном составе мигрантов. Трудно комментировать истинные причины этого, но исключение национальности из статистической разработки привело к серьезному ухудшению возможности анализа миграции в России. После этого шага российская статистика полностью лишилась источника информации о национальном составе миграционных потоков. В настоящее время разрабатываются сведения только о гражданстве

постоянных мигрантов, в том числе в разрезе возрастных групп и причин миграции. Однако, эта информация отражает совершенно иной аспект миграционных процессов, поскольку гражданство и национальность это разные характеристики. Кроме того, нужно отметить, что только некоторое время назад Росстат стал «досчитывать» в цифры постоянной миграции тех людей, которые находятся в России больше одного года (в их число попадают трудовые и учебные мигранты, которых довольно много). Листки, которые заполняются на мигрантов, находящихся в России меньше одного года, к сожалению, не обрабатываются Росстатом. Однако заметим, что значительная масса трудовых мигрантов, численность которых в России измеряется миллионами человек, трудятся в стране несколько месяцев, т.е. именно меньше одного года. И даже если они получают регистрацию, они все равно выпадают из статистического учета.

Учет эмигрантов, выезжающих из России на постоянное место жительства в другие страны, осуществлялся на основе двух источников. Во-первых, это описанная выше система учета на основе регистрации по месту жительства. Она сохранилась до сих пор, но не отражает полной картины, поскольку многие постоянно проживающие за рубежом россияне сохраняют свое жилье в России и не отказываются от российского гражданства. Фактически, их отсутствие остается незаметной для статистики. На основании данных этого источника этническую принадлежность можно проследить вплоть до 2007 г. (включительно). По описанным выше причинам разработка сведений от этнической принадлежности Росстатом была прекращена. Во-вторых, в СССР для выезда на постоянное место жительства за границу надо было получить специальное разрешение. Разработка данных на основе разрешений на выезд просуществовала некоторое время и после распада СССР до конца 1990-х гг., но затем была прекращена.

Федеральная миграционная служба (ФМС) собирает данные о внешней трудовой международной миграции на основе информа-

ции о количестве выданных разрешениях на работу в России иностранным гражданам и их работодателям, а также на основании отчетности российских фирм, которые занимаются трудоустройством российских граждан за границей. Данные об иностранных гражданах, работающих в России, сводятся в статистическую форму 1-т (миграция). Материалы данной отчетности публикуются в двух источниках. Первый – сборник «Труд и занятость в России», который издает Росстат один раз в два года. Второй источник – сборник «Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции», издаваемый ФМС ежегодно. Однако, национальный состав мигрантов в них не представлен. Возможно получение информации только о гражданстве трудовых мигрантов, работающих в России. Также можно проследить распределение работников с разным гражданством по статусу работодателя (юридическое или физическое лицо), отраслям экономики и субъектам Российской Федерации.

Сравнительно недавно в России была введена новая форма учета – уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания. Оно направляется в адрес ФМС для постановки мигранта на учет в соответствии с федеральным законом № 109-ФЗ от 18 июля 2006 г. «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и постановлениями Правительства РФ № 9 от 15 января 2007 г. «Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и № 10 от 15 января 2007 г. «Об установлении размера платы за услуги организаций федеральной почтовой связи по приему уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания на территории Российской Федерации».

Уведомление о прибытии может быть принято в отделении почтовой связи: от принимающей стороны (в качестве принимающей стороны может выступать: физическое лицо – гражданин РФ или постоянно проживающий на территории РФ мигрант, юриди-

ческое лицо – организация, пригласившая мигранта), от самого мигранта (если он имеет вид на жительство в России).

Отправитель должен предъявить документ, удостоверяющий его личность. Бланк уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания заполняется отправителем в двух экземплярах и передается для проверки оператору почтовой связи. К уведомлению прилагаются: копия документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина, копия миграционной карты или визы (копия документа, удостоверяющего личность принимающей стороны, если уведомление направляется постоянно проживающим мигрантом самостоятельно). Уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания и прилагаемые к нему документы пересылаются в территориальные органы ФМС. После проверки уведомления и отправки почтового отправления оператор вместе с квитанцией об отправке почтового отправления и одним экземпляром описи вложения выдает клиенту отрывной талон уведомления с оттиском календарного штемпеля и подписью оператора.

В уведомлении указывается гражданство и место рождения мигранта. Однако, ФМС России пока детально не обрабатывает эту информацию. Приводятся сведения об общей численности полученных уведомлений, а также их соотношение с числом выданных разрешений на работу. В перспективе эти сведения могли бы обрабатываться более детально.

Данные о российских граждан, работающих за границей, сводятся в статистическую форму 2-т (миграция). Эти материалы также публикуются в сборнике «Труд и занятость в России» (Росстат) и «Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции» (ФМС). Следует отметить, что эти данные не полные, поскольку включают российских граждан, которые нашли работу только через лицензированные в ФМС фирмы или саму ФМС. Но исследования показывают, что очень много тех, кто находит работу самостоятельно через объявления, знакомых, родственни-

ков. Кроме этого, многие выезжают по туристической визе и остаются на работу. Такие трудовые мигранты незаметны для статистики. Кроме того, этническая принадлежность россиян, выезжающих на работу, не фиксируется. Можно проследить только регионы их выезда и страны трудоустройства.

Министерство образования и науки (Минобрнауки) России собирает через российские вузы сведения о численности иностранных студентов, аспирантов, стажеров и докторантов, в них обучающихся. Фактически это наиболее полный источник данных об учебной миграции иностранных граждан в Россию. Сведения в сводном виде публикуются Росстатом в сборнике «Образование в России» и Минобрнауки в статистическом сборнике «Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации». В обоих случаях данные достаточно детальные, но отсутствуют сведения о национальности иностранных учебных мигрантов. Имеются сведения об их гражданстве. Можно проследить распределение иностранных студентов по регионам, видам вузов, профилям специальностей и т.д. К сожалению, эти данные доступны в разрезе укрупненных групп (страны СНГ, страны Восточной Европы, страны Азии и т.п.). Однако, исследования показывают, что некоторые вузы в России склонны занижать численность иностранных граждан, которые у них обучаются, особенно за счет тех, кто оплачивает свое обучение самостоятельно. Очевидно, вузы не хотят показывать полностью своих доходов от экспорта образовательных услуг.

Пограничная служба Федеральной службы безопасности (ПС ФСБ) собирает данные о количестве фактов пересечения государственной границы России иностранными гражданами в разрезе целей поездок. Эти сведения собираются пограничниками в контрольно-пропускных пунктах (КПП) на границе. В сводном виде данные публикуются Росстатом в сборнике «Численность и миграция населения Российской Федерации» (ежегодное издание) в виде таблицы «Распределение мигрантов – иностранных граждан по целям поездок». Сведения не включают информации о национальном

составе иностранных граждан. В 2002 г. в Российской Федерации были введены миграционные карточки, которые обязаны заполнять все иностранные граждане, прибывающие в Россию. В ней содержится пункт «Гражданство» и отсутствует пункт «Национальность». Однако, до сих пор информация из миграционных карточек не обрабатывается Росстатом. Хотя эти сведения могли бы быть весьма полезными для анализа данных о внешней миграции. Таким образом, миграционная карта требует дополнения, а также необходима система разработки данных миграционной карты органами статистики.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ ЭМИГРАЦИИ

Несмотря на существенную активизацию эмиграции из России после распада Советского Союза, в настоящее время не существует единого статистического источника по эмиграции из России и численности российских мигрантов за рубежом. Можно выделить несколько источников информации, использованных нам и в данном исследовании.

Первый источник – данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Они показывают численность эмигрантов из России, выехавших на постоянное место жительства за рубежом. Данные ежегодно публикуются в сборнике «Численность и миграция населения Российской Федерации» и «Демографический ежегодник России». Однако, эти сведения имеют существенный недостаток – они учитывают только тех, кто снялся с регистрации по месту постоянного жительства в России, «не замечая» многочисленную категорию эмигрантов, которые живут и работают за границами России, не снимаясь с регистрационного учета по месту жительства в России. Этот источник информации занижает сведения о числе российских эмигрантов.

Второй источник – данные Федеральной миграционной службы России (ФМС). Они показывают численность россиян, которые выехали для временного трудоустройства за границу. Сведения

можно считать относительно доступными – они публикуются в сборнике «Мониторинг легальной трудовой миграции в России» и «Труд и занятость в России». Нужно отметить, что первый сборник не издавался ФМС последние годы. А второй – выходит только 1 раз в год (по нечетным годам). Другим, недостатком данного массива информации является учет только тех временных трудовых мигрантов из России, которые трудоустроились через официальные каналы (фирмы, имеющие лицензию ФМС на трудоустройство, а также непосредственно через ФМС). Однако, исследования показывают, что многие российские граждане в настоящее время находят работу за рубежом, минуя официальные каналы, выезжая в различные страны по рабочим, деловым, туристическим и гостевым визам, напрямую выходя на работодателей и минуя учет ФМС. Масштабы временной трудовой эмиграции из России на порядок выше, чем это показывают данные ФМС.

Третий источник – данные Министерства иностранных дел России, которые основаны на сведениях посольств и консульств, которые в свою очередь базируются на данных консульского учета. Например, по официальным данным МИД к 2006 г. на консульском учете в качестве постоянно проживающих за границей состояли 1,5 млн. российских граждан. Однако, данные эти не публикуются в статистических сборниках. Кроме того, данные включают только тех российских граждан, которые зарегистрировались в посольствах и консульствах. Однако, делают это не все россияне в силу разных обстоятельств.

Четвертый источник – данные национальной статистики стран, принимающих основные потоки мигрантов из России. Эти данные публикуются национальными службами принимающих стран. Однако, в некоторых государствах по-прежнему используется категория «граждане бывшего СССР», хотя такой страны нет уже более 20 лет. На международном уровне эти сведения систематизируются и публикуются Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ежегодно в сборнике «Обзор мигра-

ции». Эти сведения доступны по следующим категориям: численность эмигрантов из России в ежегодной динамике (миграционные потоки); численность российских граждан, получивших гражданство принимающих стран в ежегодной динамике; численность людей, родившихся в России, но проживающих на территории принимающей страны в ежегодной динамике; численность граждан России, проживающих за рубежом в ежегодной динамике. Парадоксально, но данные зарубежной статистики фиксируют большую численность россиян за границей и более адекватно отражают масштабы явления российской эмиграции.

Таким образом, миграция в Российской Федерации учитывается недостаточно точно. Миграционная статистика в России нуждается в совершенствовании в части расширения сбора сведений о временных миграционных потоках в страну. Более детальная информация о них может помочь государственным структурам формировать миграционную политику, отвечающую вызовам времени и принимать адекватные решения по регулированию миграционных процессов в интересах государства.

Источники

1. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.

2. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007.

3. Введение в демографию/ Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2003.

4. Костинский Г.Д. Мигранты в городах// Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона. – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998.

Глава 2

РОССИЯ В МИРОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКАХ

Трудно назвать еще какую-либо страну, как Россия, которая столь щедро «разбрасывала» своих людей за границы отечества. Из них в страны ближнего (или нового) зарубежья (бывшие советские республики) за 1796–1991 гг. переселилось, по одним оценкам, более 10 млн. человек и в страны дальнего (или старого) зарубежья (США, Франция, Австралия и др.) – чуть менее 10 млн. человек. По другим оценкам, только в старом зарубежье на начало 90-х годов насчитывалось около двух десятков миллионов наших соотечественников. За последние 20 лет (1992–2012 гг.) их численность возросла еще примерно на 2 миллиона. Поистине «великое переселение», затронувшее весь мир, ставшее своеобразной мессией России по отношению ко многим народам и государствам. Достаточно сказать, что центробежный, колонизационный характер потоков из России в страны ближнего зарубежья, в XVIII в. – начало XX в. способствовал не только формированию и расширению Российской империи, но и сохранению и развитию входящих в нее новых территорий Средней Азии, Закавказья и др.

Но рассматривая эти процессы в форме колонизации, необходимо отличать российскую колонизацию, под которой понимается процесс хозяйственного освоения и заселения русскими практически незаселенных территорий, от колониализма, который является политикой закабаления и ограбления народов развитыми государствами, превращение захваченных стран в придаток метрополий, находившихся, как правило, далеко за океаном.

Каковы же особенности и проблемы экономического и демографического развития России, обусловленных процессами эмиграции и иммиграции, рассматривая их как в прошлые, так и в настоящий периоды. При этом роль России как «собирателя своих людей» становится жизненно важной для ее существования и дальнейшего развития. Но прежде чем перейти к этим вопросам, рассмотрим вкратце особенности международной миграции в России, ее роль и место, как Евразийского центра, в мировых тенденциях международной миграции населения.

Миллионы людей ежегодно пересекают государственные границы в поисках нового места жительства или работы, с целью учебы или различного рода стажировок, на отдых или лечение, спасаясь от политических, национальных, расовых и т.п. преследований или экологических бедствий. Эти и другие виды и формы миграционного движения часто объединяются в понятие международная миграция населения, которая в наши дни приобрела глобальный характер и затрагивает практически все страны мира, в том числе и Россию. Поистине трагическая судьба «вечного изгнанника» – мифического Агасфера – это не только миф, но и удел многих реальных людей, странствующих по свету в поисках лучшей жизни, получения знаний, знакомства с мировыми достижениями в области культуры, желающих вернуться на Родину и т.п.

Не случайно, все более распространяются утверждения о том, что «выразителем сущности нашей эпохи является скорее кочевник – человек, странствующий из края в край» и что в обществе будущего «все люди, независимо от своей культуры, будут мигрировать», и что «важнейшим фактором интеграции имеющим место с самого начала существования человечества и обеспечивающим возможность преодоления разных процессов дифференциации, является постоянная склонность людей к переселению» (1, с. 75). Заметим, что среди этносоциологов сложилось мнение, что «в течение трех первых четвертей XX века русские были наиболее подвижным в миграционном

отношении этносом СССР и одним из наиболее подвижных в мире» (2, с. 96–97).

Участие России в мировых миграционных потоках приобретает с конца 80-х и по настоящее время довольно масштабный и многообразный характер. Достаточно сказать, что совокупная или валовая миграция россиян и иностранцев по разным причинам и с различной целью с 1987 по 1999 гг. возросла почти в 6 раз, превысив в 2000 г. 32 млн. человек, в 2012 г. совокупная (валовая) миграция только иностранных граждан составила 55 млн. человек (3, с.87, 90).. И вполне можно утверждать, что международная миграция в России, несмотря на то, что сохраняет определенные особенности, связанные, в частности, с появлением так называемого ближнего зарубежья, тем не менее все в большей степени начинает соответствовать мировым закономерностям, определяющим это явление.

При этом мифы в отношении международной миграции в России, как и в некоторых других странах СНГ, сложившиеся еще в начале 90-х годов XX века, к сожалению, продолжают иметь место и в настоящее время.

Миф первый, зародившийся в начале 90-х годов XX в., связан с «отождествлением» прежних межреспубликанских миграций между Россией и бывшими союзными республиками с межгосударственными миграциями между ними после распада СССР. Отсюда неверные подходы к разработке миграционной политики и выделению в ней соответствующих приоритетов, как и неверные выводы о том, что «межгосударственные миграции на постсоветском пространстве замирают», что базируется исключительно на количественных показателях бывшей внутренней миграции, или таком показателе, как сальдо миграции. В то время как показатель валовой миграции, о котором шла речь выше, показывает значительное увеличение потоков международных мигрантов.

Миф второй заключается в том, что современную международную миграцию в России определяет репатриация русских (часто понимая под последними все русскоязычное население бывших

союзных республик) и что основная масса мигрантов в России в 90-е годы – это не экономические мигранты, а вынужденные мигранты и репатрианты, подразумевая под ними по существу тех же вынужденных мигрантов, что также не совсем верно. Тем не менее, несмотря на всю остроту проблем, связанных с вынужденной миграцией (если рассматривать процесс шире), заметим, однако, что не она, а именно экономическая миграция, является преобладающей в международных миграционных потоках, в том числе это происходит и в России, что особенно наглядно стало проявляться в 2000-е годы, когда численность трудовых мигрантов еще более возросла. Так, по данным ФМС, в 2013 г. в России получили право на легальную работу 1,9 млн. иностранных граждан. В целом же, по оценкам руководителя ФМС, К.О.Ромодановского, ежегодно в Россию в последние годы въезжает работать более 7 млн. мигрантов, из которых в 2013 г. работало нелегально 5,7 млн.

Именно с последними с 2001 г. получает распространение третий миф о главенстве нелегальной иммиграции, а в связи с ней в западных странах, включая и Россию, начинает насаждаться тезис о миграции как криминальном явлении, о преобладании среди мигрантов «бандитов и террористов», что совершенно не соответствует действительности.

И еще одна из серьезных проблем, миф в отношении которой также хотелось бы обозначить и полемика по которой в настоящее время приобрела острый характер, заключается в рассмотрении роли миграции, как одного из важных демографических процессов, в демографическом развитии России.

Реальная картина в отношении международной миграции в России искажается и в результате разного понимания таких категорий, как иностранное население, вынужденная миграция, «утечка умов», репатриация и других. Чего стоила, например, оценка численности иностранного населения в России в 27 млн. человек, т.е. все нерусское население было зачислено в категорию иностранцев! (4, с. 315). Надо сказать, что разное толкование, например, таких

категорий как «нелегальные иммигранты», «незаконные мигранты», «иностранные граждане» и др., смешение которых ведет не только к методологическим упущениям при анализе миграционного движения, но и искажает его суть, что в свою очередь не способствует разработке и проведению в жизнь эффективной миграционной политики. Не случайно, видимо, в Концепции миграционной политики, утвержденной Президентом РФ в 2012 г., одна из главных целей обозначена как обеспечение национальной безопасности, что по своей сути, не может быть главной целью непосредственно миграционной политики.

С другой стороны, чтобы найти эффективные решения, необходимо также правильно осознать место и роль России в мировом миграционном круговороте, в тех современных тенденциях, которые его формируют и определяют, исходя при этом из понимания России как Евразийского центра, обеспечивающего тесную связь, в том числе и миграционную, между Востоком и Западом.

Каковы же основные тенденции, которые характеризуют современную международную миграцию населения и имеют, по существу, закономерный характер? Остановимся вкратце на этих закономерностях, среди которых выделим следующие

1) глобализация миграционных потоков;

2) качественные в них изменения;

3) определяющее развитие международной экономической миграции;

4) неуклонный рост и определенная «непреодолимость» нелегальной иммиграции;

5) рост масштабов и расширение географии вынужденной миграции;

6) двойственный характер развития миграционной политики;

7) увеличение демографической значимости международной миграции населения

Анализ многочисленной литературы в этой области, причем как отечественных, так и зарубежных авторов показал, что, начи-

ная со второй половины 80-х годов и особенно в 90-е гг., международная миграция населения все более приобретает глобальный характер, что стало особенно заметно после крушения социалистического лагеря и распада СССР.

Именно глобализация мировых миграционных потоков представляет собой одну из основных современных тенденций, принимающих, все более закономерный характер.

Эта тенденция обусловливается, во-первых, вовлечением в орбиту мировых миграций практически всех стран мира, среди которых довольно четко можно выделить страны иммиграции (в основном богатые западные страны) и страны эмиграции, являющиеся поставщиками дешевой рабочей силы (в основном развивающиеся стран). Россия, как и ряд других государств, по классификации Международной организации по миграции, была в 1994 г. отнесена к странам, одновременно выступающим в роли принимающих и отдающих стран. С другой стороны, с учетом нового зарубежья Россия выдвинулась на второе место после США среди государств иммиграции.

Выделение России среди государств ближнего зарубежья в качестве своеобразного центра притяжения мигрантов, превращение ее из региона, длительное время «отдававшего» людей в их «собирателя», и «прозрачные границы» с большинством из бывших союзных республик создали здесь условия для интенсивной миграции. Резкое обострение межнациональных отношений в 90-е годы, обусловленное политическим экстремизмом, причем как между бывшими республиками, так и внутри них, и как результат – потоки вынужденных переселенцев и беженцев, устремившихся главным образом в Россию, также способствовали увеличению масштабов международной миграции в России. При этом в 2000-е годы значительно возросла международная трудовая миграция, причем как в Россию, так и из нее.

Во-вторых, беспрецедентными масштабами международной миграции и формированием своеобразной «нации мигрантов» чис-

лом более 1,2 млрд. человек, которые слагаются из следующих групп:

– 232 млн. человек–классические мигранты (переселенцы, иммигранты).

– 105 млн. – трудящиеся-мигранты, (250 млн. – трудящиеся-мигранты с членами их семей).

– 25–50 млн. – нелегальные иммигранты.

– более 10 млн. – сезонные и приграничные рабочие.

– 42 млн. – вынужденные мигранты (беженцы, экологические беженцы, депортированные и др.)

– более 700 млн. – эпизодические мигранты, включая «экономических туристов» (5, p. 49, 53).

Насколько верны эти цифры, учитывая недостатки в статистике международной миграции, никто сказать в настоящее время не может. Но о чем достоверно известно, это то, что годовые темпы роста численности мигрантов по миру в целом возросли с 1,2% в 1965–1975 гг. до 2,6% в 1985–1990 гг. и 3,1% в 2002–2012 гг., что значительно выше годовых темпов роста населения в западных государствах.

Относительно достоверно выглядит и рост численности трудящихся-мигрантов: с 3,2 млн. человек в 60-е гг. до 100 млн. человек в 2010 г., определяющих по существу (особенно, если к ним прибавить нелегальных трудовых мигрантов) всю международную миграцию населения, выдвигая тем самым на первое место экономическую значимость мировых миграционных процессов. Как отмечает В. Бёнинг, известный специалист в области международной трудовой миграции, «сегодня она является одним из наиболее существенных аспектов интенсивной глобализации мировой экономики, который заметно влияет на экономику и рабочую силу более чем в 100 странах» (4, с. V)..

После 2-й мировой войны, наряду с США, Канадой, Австралией, куда эмиграция из России значительно возросла после 1991 г. (только в США с 1991 по 2000 г. выехало на постоянное местожи-

тельство около 100 тыс. российских граждан, плюс уже около 0,5 млн. человек, выезжавших по трудовым контрактам, приглашениям, на учебу и т.д.), сформировались новые центры притяжения иммигрантов, обусловленные прежде всего экономическим фактором. Самый мощный из них сложился в рамках ЕЭС, он существенно изменил миграционную ситуацию в мире – Европа из поставщика иммигрантов за океан (межконтинентальная миграция населения составила за 100 лет примерно 60 млн. человек) превратилась в их «покупателя». На начало 90-х гг. в ЕЭС насчитывалось около 15 млн. официально зарегистрированных иммигрантов, большинство из которых в статусе иностранных рабочих. Из них более трети в Германии, чуть более 4 млн. во Франции. В целом в Западной Европе находилось более 20 млн. иммигрантов, т.е. 5% общего населения этого региона мира. При этом заметим, что для многих российских рабочих выход на рынки труда большинства из стран Европы представляется довольно проблематичным в настоящее время.

Более реальным такой выход выглядит на Ближнем Востоке, где в середине 70-х гг. возник новый центр привлечения иностранных рабочих, главным образом из 6 аравийских монархий, ставших основными экспортерами нефти в мире, где в результате сложилась уникальная экономическая и демографическая ситуация. На начало 90-х гг. 70% всей рабочей силы этого региона были иностранцы, общая численность которых оценивалась в 5–6 млн. человек.

Аналогичные центры сформировались в Латинской Америке (Аргентина, Бразилия, Венесуэла) с общей численностью от 5 до 8 млн. иммигрантов, в Юго-Восточной Азии (Сингапур, Гонконг, Япония), в Африке (ЮАР, Республика Кот-д-Ивуар) с численностью трудящихся-мигрантов свыше 6 млн., где шансы наших рабочих и специалистов также значительно выше, чем в Европе. Своеобразным центром стал в 1948 г. Израиль, куда в начале 90-х гг. прибывало по 190 тыс. человек в год, из них почти 90% составляли граждане б.СССР.

Надо заметить, что основными поставщиками иммигрантов и иностранной рабочей силы являются Индия, Пакистан, Филиппины, Вьетнам в Азии; Египет, Йемен, Ливан, Иордания на Ближнем Востоке; Марокко, Алжир, Тунис, Гана, Мали, Чад, Гвинея, Мозамбик в Африке; Парагвай, Боливия, Колумбия в Южной Америке; Мексика в Северной Америке; Португалия, Ирландия, Турция в Европе. В конце 80-х гг. таковыми становятся (как и сто лет назад) страны Восточной Европы, отдельные государства бывшего СССР (далее б.СССР).. С этого момента действительно можно говорить о глобальном характере международной миграции населения, что, в частности, выделяется зарубежными авторами, как основная тенденция развития международной миграции на предстоящие 20 лет.

В последние годы не меньшее внимание привлекает еще одна тенденция, тесно связанная с глобализацией мировой экономики, а именно: неуклонный рост нелегальной иммиграции. Хотя среди нелегальных иммигрантов можно встретить и лиц, ищущих убежище, и различного рода террористов и других, вместе с тем, по своей сути нелегальная иммиграция имеет ярко выраженный трудовой характер.

При этом мигранты могут въехать в другую страну как легально (в качестве туристов, по приглашениям и т.п.), так и нелегально (по поддельным документам, незаконно пересекая границу и т.д.). Но и в том и другом случае цель одна – нелегально трудоустроиться. Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции практически невозможно. И как было отмечено уже на 59-й сессии МОТ, в 1974 г., «несмотря на усилия, прилагаемые главными странами, использующими иностранную рабочую силу, в целях укрепления национальных учреждений, ведающих набором этой рабочей силы, тем не менее число стихийных (нелегальных) мигрантов остается значительным, а если подойти к этому вопросу в плане всего мира, то эта миграция является скорее правилом, а не исключением». Прошло почти 40 лет, численность нелегальных иммигрантов еще более возросла. Различные косвенные методы позволяют дать

лишь приблизительные оценки, которые могут значительно расходиться. Так, в США число нелегальных иммигрантов оценивается от 2 до 15 млн., в Европе от 1,3 до 5 млн., в Японии от 300 тыс. до 1 млн. человек, в России от 1,5 до 15 млн.

Рост нелегальной иммиграции объясняется различными факторами. Например, если говорить о России и государствах ближнего зарубежья, то это более прочное экономическое положение России, чем в других странах СНГ, «прозрачные российские границы» и др. Но самый главный из них состоит в том, что трудящиеся-мигранты, работающие нелегально, представляют для предпринимателей самую дешевую и бесправную рабочую силу, что является огромным стимулом к найму таких рабочих, несмотря на принятые в последние годы во многих странах иммиграции законы, запрещающие подобный труд. Более того, как ни парадоксально, нелегальные иммигранты выгодны не только для отдельных предпринимателей, но и для государства в целом, поскольку представляют собой «чистых налогоплательщиков», выплачивающих в большинстве случаев различные налоги, но очень редко получающие какие-либо социальные пособия и льготы.

Надо отметить, что нелегальная иммиграция в России с конца 80-х и особенно в 90-е гг. приобретает все большие масштабы. И если в начале она представляла из себя в основном транзитный характер (т.е. Россию рассматривали как некий «перевалочный пункт» в Западную Европу, США и другие развитые страны), то в последние годы наряду с увеличением ее масштабов она все более приобретает трудовой характер и связано это, в первую очередь со странами ближнего зарубежья. По нашим оценкам, только в Москве и Московской области в последние годы нелегально работает свыше 3 млн.. человек из стран ближнего зарубежья. В целом же по России средняя оценка экспертного опроса, проведенного Е.С. Красинцом, составляет около 2 млн. трудящихся-нелегалов (разброс мнений составил от 300 тыс. до 5–7 млн. человек). Наиболее многочисленные потоки нелегальных иммигрантов в России

приходятся на Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Азербайджан и др. и аккумулируются они, как правило, в строительстве, в торговле (анклавный рынок) и некоторых других отраслях производства.

Что касается последствий дальнейшего роста нелегальной иммиграции в России, то, видимо, надо признать, что они имеют не только негативный, но и «позитивный» характер с точки зрения «чистых налогоплательщиков». Правда, заметим, что однозначного ответа на вопрос об «эффективном» использовании нелегальных иммигрантов, как среди отечественных, так и зарубежных исследователей пока нет.

Но что не вызывает сомнения, так это необходимость разработки соответствующей миграционной политики в отношении этой категории мигрантов, для чего нужна, в частности, соответствующая законодательная база, учитывающая исторические особенности взаимоотношений между Россией и странами нового зарубежья.

Другая характерная тенденция современной международной миграции населения заключается в том, что в ней все более значимо происходят качественные изменения, суть которых состоит в увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификацией. Данная тенденция несет в себе одну из самых, возможно, болезненных проблем, получившую образное выражение «утечка умов», т.е. безвозвратная эмиграция высококвалифицированных (ученые, инженеры, врачи и др.) специалистов, в т.ч. потенциальных (студенты, аспиранты, стажеры), в отношении которых, проводится целенаправленная политика по их привлечению (похищению) со стороны развитых стран иммиграции, прежде всего США.

Надо заметить, что в отечественной литературе нет однозначного подхода к определению самого понятия «утечка умов» и определения тех факторов и причин, которые обусловливают это, по сути, очень негативное, с нашей точки зрения, явление. Только финансовые потери развивающихся стран от «утечки умов», по оценкам ООН, за последние 30 лет XX в. превысили 60 млрд. долл.. В наибольшей степени в результате «утечки умов» пострадали аф-

риканские страны. За период с 1985 по 1990 г. Африка, согласно оценкам, одних менеджеров «потеряла» около 60 тыс.

Значительное увеличение количества вынужденной миграции (беженцев, лиц, ищущих убежище, перемещенных лиц и других) можно обозначить как еще одну из основных тенденций в современных мировых миграционных процессах, которая получает все более закономерный характер. Более того, ее решение невозможно без усилий большинства государств мира, что, в частности, также характеризует ее глобальный характер.

Если в 1975 г. в мире насчитывалось примерно 2,5 млн. официально зарегистрированных беженцев, то двадцать лет спустя их численность возросла более чем в 8 раз. Общее же число вынужденных мигрантов, которыми занимается Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) в 2000-х тыс.годы превысило 20 млн. человек, большая часть из которых пришлась на Африку.

Существенный рост численности вынужденных мигрантов произошел в Европе, что связано, прежде всего, с событиями в бывших СССР и Югославии. В последней, например, события, связанные с Косово и начавшимися в марте 1999 г. варварскими бомбардировками НАТО, привели к появлению миллионов новых беженцев (на начало 1995 г. их уже насчитывалось 3 млн. человек). В результате «цветочных революций» в арабских странах в последние годы численность беженцев в этом регионе мира увеличилась еще на несколько млн. человек. В немалой степени эти изменения связаны и с распадом СССР и превращением России в своеобразный миграционный эпицентр, куда в 90-е гг. устремились миллионы вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья. По экспертным оценкам их численность превышала 3 млн. человек.

В этническом составе вынужденных мигрантов на начало 1997 г. 70% составляли русские, 7% – татары, 5% – армяне и по 4% – осетины и украинцы. Вынужденная миграция в России, принявшая в 90-е гг. XX-го столетия огромные масштабы, не есть нечто принципиально новое в жизни страны, обусловленное исключительно

распадом Союза и переходом на псевдорыночные формы хозяйствования, хотя они и обострили чрезвычайно миграционную ситуацию. Отдельные категории вынужденной миграции, такие, например, как «принудительные переселения», «депортации» были присущи в полной мере, и царской России, и б.СССР. И в этом отношении история России не особенно выделяется среди многих развитых стран мира.

Важно другое. Как отмечает Г. Витковская, «численность зарегистрированных (получивших статус) вынужденных мигрантов в России отражает не столько реальные масштабы процесса, сколько ограничительную российскую политику приема, проявляющуюся в отсутствии необходимой государственной поддержки мигрантов».

Таким образом, как и в случае с нелегальной иммиграцией, и с «утечкой умов», и трудовой миграцией, к сожалению надо констатировать недостаточную эффективность государственной политики в отношении как отдельных категорий мигрантов, так и миграции в целом.

Подчеркнем, что в отношении международных мигрантов проводится вообще более жесткая и строго регламентированная миграционная политика, которая представляет собой систему специальных мер, законодательных актов и международных соглашений (двусторонних и многосторонних) по регулированию миграционных потоков, преследующую как экономические, так и демографические цели. Например, получение валютных средств от своих граждан, выезжающих на работу за рубеж, сумма которых превысила в 2000-е гг. 240 млрд. долл. в год, стало для отдельных стран эмиграции одной из первых статей валютных поступлений.

Заметим также, что в современной миграционной политике, определяющей является ее иммиграционная составляющая. Именно страны ярко выраженной иммиграции определяют современную миграционную ситуацию в мире. Это прежде всего США, Канада, Австралия, страны Западной и Северной Европы, аравийские монархии на Ближнем Востоке, Венесуэла, Аргентина, в Южной Америке, ЮАР, Заир и Кот — д’Ивуар в Африке, Сингапур, Япония, Гонконг в Азии.

Изменения, имеющие место в современной миграционной политике в мире, отражают очень любопытные тенденции. С одной стороны, во многих странах мира имеет место принятие более жестких мер в отношении мигрантов, обусловленных как политическими, так и экономическими соображениями (например, в 1993 г. страны Западной Европы потратили 11,6 млрд. долларов только на регистрацию и размещение лиц, ищущих убежище). С другой стороны, активно идут интеграционные процессы, предусматривающие в рамках создающихся и расширяющихся Союзов, типа Европейского экономического сообщества, североамериканского союза НАФТА, арабского общего рынка и др. свободу перемещения рабочей силы граждан стран-участниц через их государственные границы. Идет формирование, как мирового, так и отдельных международных региональных рынков труда, без чего, видимо, невозможно уже дальнейшее поступательное развитие мирового сообщества и его отдельных составляющих.

Россия же и еще в большей степени другие страны ближнего зарубежья, имеющие значительные преимущества в интеграционном направлении, все более упускают возможности объединяющего экономического сотрудничества, в том числе и в области эффективного использования имеющегося трудового потенциала, обусловленного, в частности, различиями в демографическом развитии, устоявшимися экономическими связями, общностью языка и др.

Что касается последней выделенной тенденции о повышении значимости миграции в демографическом развитии, подчеркнем, что для России в ближайшем, по крайней мере, будущем международная миграция сохранит свою ведущую роль в демографическом развитии страны, о чем ниже мы расскажем подробнее. Сейчас же заметим, что с демографической точки зрения важной является тенденция к увеличению роли международной миграции населения в демографическом развитии большинства развитых стран мира. Как отмечалось на Каирской конференции ООН по народонаселению и развитию (сентябрь 1994 г.), в последние годы в этих странах отме-

чался чистый миграционный приток населения примерно в 1,4 млн. в год, около 2/3 из числа которых составляли мигранты из развивающихся стран. В 90-е гг. в Европе, почти 88% ее общего прироста населения приходилось на чистую миграцию (против 36% в 60-е и 48% в 70-е годы). Например, в Германии и Италии, где естественный прирост населения является отрицательным, как и в России, рост населения осуществляется исключительно за счет положительного миграционного прироста. Надо подчеркнуть, что почти во всех странах Европы иностранное население (и иммигранты) продолжает увеличиваться. Около 39% от общего прироста населения составила в 80-е гг. доля миграционного прироста в США, где ежегодное число иммигрантов и политических беженцев в 90-е гг. достигло 800 тыс. чел., против 700 тыс. человек в 80-е гг. и 450 тыс. в 50-е гг.. В Австралии эта доля в 80-е годы достигала 50% (более 250 тыс. человек в год). Не менее важную роль в общем росте населения мы наблюдаем в Канаде, Израиле и других странах, в том числе и в России.

В целом по миру вклад миграции отражен в табл.2.1. При этом речь идет не просто об увеличении общей численности населения, а о более глубоких структурных изменениях, особенно если учитывать более молодую возрастную структуру мигрантов, что имеет немаловажное значение в условиях «демографического старения» в развитых государствах мира. Не случайно в ООН в последние два года получил развитие новый исследовательский проект по так называемой «замещающей миграции» (Replacement Migration).

Таблица 2.1

Вклад международной миграции в рост населения развитых и развивающихся стран

Регион	1985–1990 гг.		1990–1995 гг.		2005–2009 гг.	
	КЧМ*	ДМ**	КЧМ*	ДМ**	КЧМ*	ДМ**
Развитые страны	1,6	26,7	1,8	45,0	3,0	54,0
Развивающиеся страны	-0,5	-2,5	-0,5	-2,0	-1,0	-1,7

* КЧМ – коэффициент чистой миграции, в промилле.

** ДМ – доля миграции в общем приросте населения, в процентах

Таким образом, даже краткая характеристика основных современных тенденций международной миграции населения дает нам возможность более наглядно представить себе место и возрастающую роль России в мировых миграционных потоках. При этом хотелось бы особо подчеркнуть, а наш анализ, как и работы ряда авторов, в том числе зарубежных, это убедительно показывает, что усиление межгосударственных миграционных процессов не есть нечто новое для России, как в области эмиграции, так и в иммиграции. Трудно согласиться с авторами из Центра демографии и экологии человека, которые говорят о международной миграции в России, зачастую обращая внимание только на эмиграцию и часто смешивая ее с внутренней миграцией, как о новом для страны явлении. Например, С. Захаров пишет, что «исторически новое явление для России – массовая иммиграция из-за пределов бывшего СССР». Мы еще вернемся к этому вопросу в следующих главах. А пока заметим, что изначально иммиграция в России значительно превышала эмиграцию, а некоторые современные этнические особенности последней как раз и обусловлены массовым привлечением иностранцев в XVII–XIX вв.

Ознакомление с историческими истоками того или иного явления, в т.ч. и с миграциями населения в России, – это не только дань прошлому. Без знания прошлого часто очень сложно понять настоящее и это в полной мере касается миграционного движения, которое играло и будет играть огромную роль в социально-экономическом и демографическом развитии нашей страны.

О значимости миграции и ее составляющих – эмиграции и иммиграции – в развитии России можно прочитать во многих исторических работах, как прошлого, так и настоящего. В частности, в исторических сочинениях М.В. Ломоносова, В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, А.А. Кауфмана, Д.К. Шелестова, В.М. Кабузана и др. Так, Ключевский писал, что «переселение, колонизация страны были основным фактором нашей истории, с которым в близкой и отдаленной связи стояли все

другие ее факторы». При этом хотелось бы сразу разделить такие два понятия, как колонизация и колониализм, последнее из которых, по существу, было чуждо России, как чуждо было и рабовладельческое отношение к пришлым людям. Не случайно в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона 1898 года отмечается, что «поселения иностранцев были характерны для России с древнейших времен. Здесь они могли селиться, находя обеспечение свободы религии и получая одинаковые права с русскими» (6, с. 672–675). В этом, видимо, и заключается евразийская суть русского народа, в целом терпимо и доброжелательно относящегося к переселенцам других вероисповеданий, ненасильственно привлекающего их к идеям православия, как и небольшую часть коренных жителей тех стран, куда в силу тех или иных обстоятельств эмигрировали сами русские.

Источники

1. Цитируется по: Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения, М., 1999 г.

2. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. М., Аспект-Пресс, 1998. С.96–97.

3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 году Статистический бюллетень. ФСГС. М., 2013 г., с. 87, 90.

4. Стокер П. Работа иностранцев: обзор международной миграции рабочей силы. М., Academia, 1996, с. 315

5. International migration and development : report of the Secretary-General , Imprint: [New York] : UN, 25 July 2013; World Migration Report, IOM, 2011, p.49,53; UNDP, Human Development Report 2009: Overcoming Barriers: Human Mobility and Development (New York, 2009); United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision.

6. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь, СПб., 1898, полутом 48, с. 672–675.

Глава 3

ЭМИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ РОССИИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Говоря об истории эмиграции в рамках крупных исторических периодов (или двух волн российской эмиграции, обычно выделяемых, вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на ряд важных моментов) внутри этих периодов и лишь затем рассмотреть особенности современной эмиграции из России, которая продолжает иметь место, пополняя таким образом ряды наших соотечественников за рубежом. Для Российского государства эмиграция за его пределы в тех или иных масштабах всегда имела место, хотя и определялась обстоятельствами и причинами различного характера: экономическими, политическими, религиозными и другими.

В более ранние времена (до XVII века) эмиграция, в ее современном понимании, если и была, то очень незначительной, эпизодической и скорее индивидуально-политической (типа князя Курбского, убежавшего в Польшу). Позже, уже в XVIII–XIX веках, политическая эмиграция из России становится более массовой и заметной, учитывая как общественное лицо эмигрирующих (это Тургенев и Герцен, Бакунин и Кропоткин, Аксельрод и Плеханов и другие известные и малоизвестные россияне, не согласные с существующим режимом), так и военные победы России (например, в Крымской войне), в результате которых имела место массовая эмиграция татар, горцев с Кавказа и др.

Зачастую трудно отделить одни причины от других. Тем не менее, для периода XVII – начало XX века эмиграция имела в ос-

новном более выраженный экономический характер, который наиболее наглядно проявился на рубеже двух последних столетий этого периода, на что указал еще в 1761 г. наш соотечественник М.В. Ломоносов. В своем известном трактате «О сохранении и размножении российского народа» образно называя эмигрантов «живыми покойниками», он в частности, писал, что эмиграция бывает «более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов», что ее «силою совершенно запереть невозможно» (1, с.143).. А именно «запрещение» лежало в основе всего уклада российского самодержавия с его крепостным правом, с сильно развитыми феодальными ограничениями.

Точности ради, надо сказать, что эмиграция в XVII – первая половина XIX века была относительно небольшой, уступая по своим масштабам иммиграции. В 1891 году ситуация изменяется, резко возрастает эмиграция, обусловленная в первую очередь экономическими причинами, в том числе сезонная трудовая миграция. Сальдо миграции становится отрицательным, каковым собственно, за редкими исключениями, оставалось вплоть до распада б. СССР. Этому же способствовало развитие капиталистических отношений, дальнейшее разорение безземельного крестьянства, других беднейших слоев населения, как и политика царского самодержавия в отношении национальных меньшинств, жителей окраин Российской империи (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1.

Российская эмиграция, 1828–1915 гг. (в тысячах человек)

Период	Чистый отток	Среднегодовой отток	в % к общему итогу
1820 – 1859	33	1	0,8
1860 – 1889	1129	38	25,0
1890 – 1915	3348	129	74,2
1820 – 1915	4510	51	100,0

Источник: Obolensky – Ossinsky V.V. Emigration from and Immigration into Russia // Demographic Monographs. Vol. 8. International Migration. Ed by W.F. Willcox. N.Y., 1969. p. 523.

Так, принятый в мае 1882 года закон об оседлости еврейского населения, лишавший его права на передвижение, как и последующие аналогичные законы, касающиеся запретов на образование, занятий земледелием и т.п., привели к страшной нищете и разорению в районах дозволенной черты оседлости. Последнее в первую очередь и вынуждало жителей этих местечек эмигрировать из России, хотя имели место и другие факторы, как, например, провоцируемые властями погромы против иноверцев.

Составленный в 1906–1907 годах П. Столыпиным «Свод действующих в России ограничений по религиозному и национальному признакам» лишь усугубил положение национальных меньшинств (собственно как и русского населения, придерживающегося других религиозных взглядов и убеждений), привел к усилению эмиграции в поисках выхода из ужасающей нищеты. Из 2,4 млн. российских жителей, эмигрировавших в США в 1899–1913 годах, 41% составили евреи, 29% поляки, 9% литовцы и латыши, 7% финны и эстонцы, 7% русские, 6% немцы и др. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что число русских, эмигрирующих в США, резко возросло после 1907 года, составив в 1909–1913 годах 111 тыс. человек (12%) против 9 тыс. (2%) в 1899–1903 годах. (см. табл.3.2).

Таблица 3.2

Российская эмиграция в США, 1899–1913 гг.

Национальные группы	Количество иммигрантов (тыс. человек)				В процентах			
	1899–1903	1904–1908	1909–1913	1899–1913	1899–1903	1904–1908	1909–1913	1899–1913
Русские	9	45	III	165	2	5	12	7
Евреи	185	482	297	964	38	50	32	41
Поляки	133	237	305	675	28	25	33	29
Литовцы	60	82	90	222	10	8	10	9
Финны	61	61	52	174	13	6	6	7
Немцы	35	48	55	138	7	5	6	6
Другие	8	6	9	23	2	1	1	1
Вцелом	481	961	919	2,361	100	100	100	100

Источник: «Emigration from and Immigration into Russia» By Obolensky-Ossinsky V.V. Demographic Monographs.
Volume 7 By Wakter F. Willcox. INTERNATIONAL MIGRATIONS. N.Y.-London-Paris. 1969 г. С. 268.

При этом, если в США эмигрировали 2,4 млн. за 1899–1913 года, как правило, насовсем (лишь 120 тыс. или 11% от общего числа эмигрировавших в эту страну в 1909–1913 годах возвратилось обратно в Россию, причем в основном русские и украинцы), то в Германию, Данию, другие европейские государства получает развитие сезонная трудовая миграция. Ни до, ни после этого относительно небольшого отрезка времени, включая день сегодняшний, трудовая миграция не имела в России таких масштабов. Только в Германию в 1910–1913 годах ежегодно прибывало на срок не более 10,5 месяцев по 288 тыс. россиян, что составляло около 70% всех иностранных рабочих в германском сельском хозяйстве (2, с. 309).

В то же время получает распространение нелегальная эмиграция, вызванная сложностями, зачастую неразрешимыми, при получении документов для выезда за рубеж (паспорта, а для сезонных рабочих легитимиционные карточки). По разным оценкам, нелегальная эмиграция по своим масштабам была даже более значительной, нежели официальная, а число убитых и пострадавших при нелегальном переходе границы в отдельные годы за период с 1898 по 1910 год достигало 100 человек и более. Все это дает основание утверждать, что царская Россия на рубеже XIX и XX столетий стала одним их основных поставщиков дешевой неквалифицированной рабочей силы, как в западные европейские страны, так и за океан.

Вместе с тем, каких-либо экономических выгод Россия в результате массовой миграции не получила. И не получила, в первую очередь, в силу пренебрежительного к ней отношения со стороны царского правительства, фактически отдававшего на произвол и за бесценок своих людей германским и прочим работодателям. По оценкам Н. Тудоряну, если в 1899–1910 годах на каждого российского эмигранта приходилось в среднем от 11 до 19 долларов, то в 1910–1914 годах они еще больше обеднели: только 5,3% из них привезли с собой свыше 50 долларов (3, с.87)..

Полное бесправие российского крестьянина-эмигранта, брошенного на произвол судьбы власть держащими, прекрасно описал в своем рассказе «Без языка» В.Г. Короленко. Не менее точно подметил суть явления Иван Франко, писавший в 1892 году, что «эмиграция крестьян из Галиции – неразлучная спутница обнищания, пролетаризации галийского крестьянства... Капиталистический порядок продвинулся за последние десятилетия в Галиции сильно вперед. К сожалению, это продвижение было несколько односторонним... Разве удивительно, что при таких обстоятельствах сельское население из Галиции эмигрирует массами в южную Венгрию, Северную Америку, в Бразилию... и еще бог знает куда» (4, с. 454–455).

Это написано более 120 лет назад, но насколько актуально и сегодня, когда мы делаем очередную неумелую попытку вхождения в цивилизованный рынок, совершенно не принимая во внимание исторические особенности развития нашего государства. В целом за период с 1820 по 1916 гг. эмиграцию из России оценивают в более, чем в 4,5 млн. человек (5, с.238)

С приходом в 1917 году к власти большевиков и образования советского государства уже буквально через 8 лет на долгие годы эмиграция, особенно трудовая, была фактически поставлена вне законов развития нашего общества. Запретительный синдром в еще большей красе, чем прежде, появляется на арене общественной жизни российского государства. Более того, «запрещение» с приходом к власти Сталина, как и будущих преемников, было возведено в абсолют, в связи с чем суть явления от перемены власти ничуть не изменилась, хотя естественно появились и свои особенности.

Российская эмиграция 1917–1940 годов была обусловлена последствиями первой мировой и гражданской войнами и определялась главным образом политическими мотивами. Сегодня можно по-разному относиться к деятельности первого советского правительства, но надо отдать ему должное, поскольку, при всех его упущениях, уже в первые месяцы своей деятельности оно уделило

самое пристальное внимание вопросам международной миграции. И это в условиях разрухи и голода, гражданской войны и интервенции! Более того, именно в первые годы НЭПа была до минимума (хотя есть и иная точка зрения) упрощена процедура оформления выезда за рубеж, а свобода эмиграции этим правительством не только декларировалась, но и признавалась.

Не случайно, Иван Бунин в своей речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года, в частности, говорил: «Мы эмигранты, – слово «emigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину» (6, с. 3).

По разным оценкам, численность «первой советской» или точнее «второй российской» волны эмиграции (в основном до 1925 года) колеблется в пределах 2–3 млн. человек. Хотя, видимо, сугубо политическая эмиграция не превысила и одного миллиона, 80% которой выехало непосредственно в Европу, большая часть остальных – на Дальний Восток и лишь 2% – в США.

Можно выделить две особенности этой волны российской эмиграции. Первая особенность заключается в том, что в отличие от предыдущей волны эмиграции более 70% эмигрировавших составило русское население, метания и сомнения которого на чужбине, тоску по Родине прекрасно изобразил А. Толстой в своем романе «Эмигранты», И. Бунин в миниатюре «Роза Иерихона» и романе «Жизнь Арсеньева», Б. Зайцев в романе «Золотой узор» и многие другие писатели и ученые, оказавшиеся в эмиграции. А Куприн, державшийся особняком в эмигрантской среде (вернулся в Россию в 1937 г., незадолго до своей смерти) писал, например в 1924 г. «Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва – это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбил дюжину тухлых яиц… Почему-то прелестный Париж (воистину красота неисчерпаемая!) и все, что в нем происходит, кажется мне не настоящим, а чем-то вроде развертывающегося экрана кинематографа».

Вторая особенность этой волны российской эмиграции заключалась не столько в ее масштабах, сколько в ее качественном составе. Ведь наряду с помещиками и генералами, министрами и политическими деятелями эмигрировали именитые профессора и инженеры, видные военные специалисты и медики, выдающиеся литераторы и музыканты – определенный интеллектуальный потенциал был потерян для России, первой в мире болезненно ощутившей так называемую «утечку умов». Что, кстати говоря, в конце концов не могло не сказаться на качестве и темпах культурного и экономического развития страны.

Так, Русский научный институт в Белграде, одним из основателем которого был русский инженер, профессор П.Н. Пио-Ульский, выпустил в 1931 и 1941 годах два тома под названием «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом», из которых видно, что только за 20 лет за пределами СССР было выпущено 13 тыс. научных трудов по медицине, истории, литературе, горному делу и т.д., которые обогатили мировую науку и литературу, внесли существенный вклад в развитие стран Запада. Например, немногие знают, что основоположник телевидения Валентин Козьмич Зворыкин (1889–1982) это наш соотечественник эмигрировавший в США в 1919 г. Именно в США на базе научных разработок В.К.Зворыкина в 1936 г. были начаты первые телевизионные передачи. Среди его послевоенных разработок – система электронного управления движением транспорта, компьютерный метод предсказания погоды, компьютерная информационно-поисковая система для медицины.

Еще менее известен в современной России Георгий Николаевич Пио-Ульский (1864–1938 гг.), эмигрировавший в Белград в 1920 г., объемный курс которого из 4-х томов по паровым турбинам был признан лучшим в мире и переиздан во Франции известным парижским издательством «Dunod». Г.Н. Пио-Ульскому принадлежит идея создания за рубежом Российского научного института (1928 г.), из стен которого вышли десятки работ мирово-

го значения, и который стал своего рода оплотом поддержки многих российских ученых, популяризации их идей. При этом, сам Г.Н. Пио-Ульский, на наш взгляд, лучше других эмигрантов обозначил миссионерскую роль русской эмиграции. В своем известном обзоре «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» (Белград, 1939 г.) он написал о том, что «Совершенно исключительную, хотя на первый взгляд незаметную, просветительскую миссию выполняет русская православная церковь… Русское православие за рубежом покрыло все уголки земного шара, в которые проникли русские люди. Стихийно, без особой организации и средств совершается большое миссионерское дело. Не только на Северном полушарии, но и в Африке, Южной Америке и Австралии, всюду, где скопилась даже небольшая группа русских эмигрантов, устраивается церковка и начинаются богослужения, которые привлекают внимание местного населения. Таких приходов насчитываются сотни. Не обычными миссионерскими словами, а бытом и культом, который каждый может наблюдать и изучать, возбуждается внимание и интерес местного населения к православию».

И еще одну выдержку из данного обзора хотелось бы обязательно привести, учитывая ее огромную актуальность и для современной России, а именно: «В заключение позвольте обратиться к представителям нашей русской молодежи. Гордитесь, что вы – русские, гордитесь этой чудной культурной страной и не берите пример с наших соотечественников-эмигрантов, которые хорошо усвоив местный язык, стараются забыть, что они – русские. Эти люди не достойны своего Отечества. Кличка «русский» – кличка почетная, и к ней с вполне оправданным уважением должны относиться не только славянские народы, но и иноземцы, а что касается отношений разных народов к нам – эмигрантам, то могу сказать: есть Страшный Суд, но раньше еще будет неумолимый суд истории, который отделит правду от неправды, истину от заблуждения, и этот суд вынесет свой приговор над тем, что сделано и делается в Европе по отношению к сынам Национальной России, а эта последняя, когда будет восстановлена,

разберется, кто и где ее истинные друзья, и русские люди сумеют всякому воздать по его заслугам» (Цит. по: 2, с. 313–314).

При этом заметим, что многие крупные достижения этой русской волны эмиграции так и не были обозначены русскими именами. Да и в нашем разделе невозможно назвать имена всех выдающихся российских ученых, врачей, инженеров, языковедов, писателей, артистов, ставших «бриллиантами» мирового сообщества. И тем не менее, думаю, будет правильно назвать хотя бы еще нескольких наших соотечественников, имена которых крупными буквами внесены в мировую науку и культуру.

Это, прежде всего, Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1852) – химик, создатель высооктанового бензина, который уже в 1913 г. первым из химиков осуществил полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы, который будучи также генерал-лейтенантом в 1915 г. был поставлен во главе химической промышленности. После революции в 1921 г. В.Н. Ипатьев возглавил вновь созданное Главное Управление химической промышленности ВСНХ. И тем не менее, являясь по сути главой химической промышленности СССР, В.Н. Ипатьев был вынужден из-за своего «царского прошлого» в 1930 г. эмигрировать из страны в США, где в 1937 году был признан «Человеком года», а нобелевский лауреат Р. Вильштеттер утверждал, что «никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев».

Не меньшую известность получил и другой русский ученый, лауреат Нобелевской премии (1973 г.) в области экономики – Василий Васильевич Леонтьев (1906–1998), эмигрировавший из России практически сразу после завершения учебы в Петербургском университете (1925 г.). Одно из научных направлений В.В. Леонтьева связано с проблемами роста мировой экономики, ее влияния на окружающую среду. Под эгидой ООН он в середине 70-х гг. руководил глобальным исследовательским проектом по прогнозированию мировой экономики, итоги которого нашли,

в частности, отражение в книге «Будущее мировой экономики» (М., 1979).

Нельзя не сказать и о вкладе российских эмигрантов в развитие мировой культуры. Это и певец Ф.И. Шаляпин (1873–1938 гг.), эмигрировавший в 1922 г., балерины Анна Павлова (1881–1931 гг.) и Любовь Егорова (1880–1972 гг.), композитор и пианист Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1843 гг.), выехавший из России в 1917 г., писатели Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938 гг.), Иван Алексеевич Бунин (1870–1953 гг.), Борис Константинович Зайцев (1881–1972 гг.), Владимир Владимирович Набоков (1899–1977 гг.), философы Николай Александрович Бердяев (1874–1948 гг.), Иван Александрович Ильин (1883–1954 гг.), высланные из России в 1922 г., и многие, многие другие (см., напр., 7).…

И хотя в эти же годы имела место и реэмиграция, то есть возвращение ранее выехавших, как и иммиграция в Россию тысяч иностранных граждан, в целом потери, особенно в области науки, оказались тяжелыми. Принимая при этом во внимание принятое в июне 1925 года первое Положение о въезде и выезде из СССР, опустившего «железный занавес», можно сказать что эмиграция приобретает ярко выраженную идеологическую окраску, становится синонимом чуть ли не предательства и измены Родине. Фактически на нет сводятся, в частности, научные командировки и стажировки за рубежом, обмен научной информацией и т.п. А ведь еще по царским указам 1844–1847 годов ученые, едущие за границу для усовершенствования в науках, пользовались значительными льготами при получении паспортов для выезда за рубеж.

Эмиграция из СССР в 1939–1952 годах носит, прежде всего, принудительный характер, обусловленный второй мировой войной. По данным Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриантов, к марту 1946 года за границей оказалось в живых 4,2 млн. таких советских граждан (2,7 млн. гражданских лиц и 1,5 млн. военнопленных). В 1952 году численность этой волны эмиграции (в основном не желавших или просто побоявшихся воз-

вратиться в СССР) составила около 620 тыс. человек. Из них 140 тыс. – это бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ, и примерно 4 тыс. бессарабцев и буковинцев, ставших гражданами Румынии.

1953–1986 годы – это годы, если так можно выразиться, «диссидентской» эмиграции, то увеличивающейся, то сходящей на нет, в зависимости от «настроения» власть державших, но в основе которого, оставалось все то же «не пущать и все тут, а если и пущать, то избранных». Несогласных же с режимом и особо возмущающихся -посадить или просто изгнать за пределы государства, как диссидентов.

Если в 1979 году из СССР эмигрировало 48 тыс. взрослого населения, то в 1985 году – лишь чуть более 4 тыс., если за 1971–1980 годы из СССР только в США выехало более 43 тыс., то за 1953–1960 годы – всего около 600 человек. В связи с последним надо сказать, что в отличие от второй волны российской эмиграции, направлявшейся в основном в Европу, «диссидентская» эмиграция в подавляющем большинстве направлялась в США и Израиль.

По данным американской статистики, за рассматриваемый период в США численность эмигрантов из . СССР составила 130 тыс. В эти же годы получает распространение термин «невозвращенец», то есть советские люди выезжали за границу как туристы или в командировку заведомо с целью просить политического убежища и устройства там на постоянное жительство.

В 70-е годы возрастает эмиграция по израильской визе, причем с февраля 1967 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР выезжающие по этой визе, независимо в какую страну, автоматически лишались советского гражданства (как тут не вспомнить царский Указ Александра III от 1892 года, согласно которому лица еврейской национальности могли эмигрировать из страны без права возвращения в Россию). Всего из СССР с 1971 по 1986 годы эмигрировало за рубеж более 255 тыс. взрослого населения, с учетом же детей (до 18 лет) их численность превысила 360 тыс.

При этом почти 80% данной эмиграции составляли лица еврейской национальности, автоматически получающие статус «беженцев» при въезде в США и Канаду. Что касается эмиграции лиц другой национальности, то она, по выражению А. Солженицына, была лишь «хвостик, отколок от израильской эмиграции» и «ни по значению, ни по численности она не идет в сравнение с первыми двумя русскими». Да, и этот «хвостик» в основном был охарактеризован А. Солженицыным самым отрицательным образом: «Есть категория, которая уехала с острой ненавистью не к советскому строю, а к самой России, к самому народу... И тут печатно питают свою ненависть...» (2, с. 317).

Но, думается, что с эмиграцией этого периода были связаны и потери для России. Это и сам Солженицын, Ростропович и Нуреев, Шемякин и Неизвестный и многие другие. И очень хочется надеяться, что эти потери, как и потери современные (конца 80-х – начала 90-х годов), не безвозвратные, что с возрождением России многие, а не только единицы, из них вернуться обратно. Ибо, как писал еще в 431 году до н. э. Еврипид: «Нет горя большего, чем утрата родины».

Что касается современных потерь – это потери, связанные с резко возросшей с 1987 года эмиграцией российских граждан, причем в значительной мере с высоким уровнем образования, на постоянное жительство за рубеж. Если в 1987 году из России выехало 9,8 тыс. человек (из СССР – 39 тыс.), то в 1988 году – уже 21 тыс. (108 тыс.), в 1989 году – 47 тыс. (235 тыс.), в 1990 году – 104 тыс. (452 тыс.) (см. табл.3.3).

Причем в отличие от дореволюционного периода одной из основных причин российской эмиграции, по крайней мере до середины 1991 года, являлась национальная. Обострение национальных отношений, рост национальной нетерпимости и национального экстремизма, отсутствие перспектив для национального самоутверждения в ближайшем будущем, совпавших с относительным упрощением в 1986 году процедуры выезда, и дало всплеск эмиг-

рации советских граждан, две трети которой приходилось на Россию, Украину и Казахстан.

В первую очередь выезжают те из граждан, кто имеет за рубежом сильную национальную диаспору, кто может рассчитывать на помощь государств, способных и готовых принять сотни тысяч своих «соотечественников по национальности». Не случайно, на начало 90-х годов 44% советской эмиграции пришлось на Израиль, 42% на Германию, 6% на США (в основном лица армянской национальности), 4,5% на Грецию и лишь 3,5% на все остальные страны мира. Надо иметь в виду и то, что среди эмигрирующих в эти страны евреев, немцев, армян, греков были лица и других национальностей (в связи со смешанными браками или вообще сокрытия своей настоящей национальности – лишь бы выехать за рубеж). Так, считается, что согласно еврейским законам 30% вновь прибывающих в Израиль наших соотечественников не являются евреями как таковыми.

Таблица 3.3

Динамика «внешней» безвозвратной миграции в России, 1988–2012 гг., тыс. чел.

	Годы					
Направление миграционных потоков	**1988 -1990**	**1991 -1995**	**1996 -2000**	**2001 -2005**	**2006–2010**	**2011–2012**
Прибыло – всего	2642	4530,4	2472,9	803,6	1226,7	681,5
в том числе из стран:						
Ближнего зарубежья	2640,1	4517,3	2424	767,1	1176,2	589,5
дальнего зарубежья	1,9	11,1	21,1	36,4	50,3	92
Выбыло – всего	2260,7	2508,3	1099,6	471,5	206,6	135,4
в том числе в страны:						
Ближнего зарубежья	2089,6	1980,1	426	237,1	138,8	118,2
дальнего зарубежья	171,1	528,2	-120,7	234,4	68,1	41,4
Сальдо миграции	381,3	2022,1	1373,3	332,1	1020,1	546,1
в том числе со странами:						
Ближнего зарубежья	550,5	2537,2	1998	530	1037,4	471,3
дальнего зарубежья	-169,2	-517,1	141,8	-198	-17,8	50,6

Если попробовать классифицировать российскую эмиграцию по историческим периодам, то можно выделить следующие из них:

Первый период (1820–1890 гг.), характеризующийся относительно слабой эмиграцией. Общее число эмигрантов составило примерно 1,2 млн. человек.

Второй период (1891–1916 гг.), характеризуется резким увеличением как безвозвратной эмиграции общей численностью чуть более 3,3 млн. человек, так и трудовой миграцией в западные европейские страны – в отдельные годы численность российских трудящихся-мигрантов превышала 300 тыс.

Третий период (1917–1925 гг.), обусловленный первой мировой войной, февральской и октябрьской революциями, гражданской войной и иностранной интервенцией, является наиболее драматичным. По средним оценкам, из России за эти годы эмигрировало, главным образом в Европу (80%), более 3 млн. человек.

В четвертый период (1926–1938 гг.), время начала действия «железного занавеса» эмиграция значительно сокращается и по ряду оценок не превысила 400 тыс. человек.

Пятый период (1939–1952 гг.) характеризуется, прежде всего, принудительной миграцией и эмиграцией сотрудничавших с немцами, послевоенной эмиграцией немцев, поляков, прибалтийских народов и др. По оценкам А. Вишневского и Ж. Зайончковской, только за 1939–1948 гг. эмиграция из б. СССР составила 8–10 млн. человек, что, на наш взгляд, является явно завышенной оценкой. Если же говорить конкретно о России, то величина данной волны чистой эмиграции, по максимальной оценке, в частности, официальных государственных органов, не превысила к концу 1952 г. 600 тыс. человек.

Шестой период (1953–1986 гг.) – это период в целом незначительной эмиграции с определенными всплесками и спадами. В рамках этого периода, начиная, правда, с 1948 г., Е. Красинец выделяет, например, три этапа: 1948–1970 гг. (около 60 тыс. человек), 1971–1980 гг. (в среднем за год 20 тыс.). С учетом третьего этапа этот автор определяет общую численность эмигрантов в данный период в 430 тыс. При этом надо иметь в виду, что из б. СССР

за 1987–1990 гг. выехало, по данным Госкомстата, 834 тыс. человек, то есть остается 266 тыс., в то время, как, по нашим оценкам, которые базируются как на советских официальных статистических данных, так и на западных оценках, только с 1971 по 1986 гг. за рубеж эмигрировало более 360 тыс. человек, из которых более 255 тыс. составило взрослое население. В целом же, если оценивать численность эмигрантов в данный период, начиная именно с 1953 и по 1986 г. включительно, без всяких подэтапов, которые принципиально ничем не отличаются, несмотря на «оттепели» и «заморозки», учитывая при этом, что 1948–1952 гг. – это годы предыдущего периода, а 1987–1990 гг. – следующего периода по нашей классификации, и при этом еще иметь в виду непосредственно российскую эмиграцию, то их общая численность, по всей вероятности, не превысила 390 тыс., в том числе из России – около 185 тыс. человек.

Седьмой период (1987–1991 гг.) обусловлен принятием в конце 1986 г. специального Положения, облегчающего выезд из страны, а в 1991 – первого Закона о въезде и выезде, что привело к резкому росту эмиграции с 39 тыс. до 450 тыс. человек, в том числе из России с 10 тыс. до 104 тыс. человек, в частности, в Израиль (45% всей эмиграции) и в Германию (42%).

Наконец, можно выделить современный период, начиная с 1992 г. по настоящее время, для которого характерна стабилизация эмиграции из России в дальнее зарубежье на уровне 70 тыс. человек в год и который подробно будет рассмотрен в следующей главе.

Источники

1 Ломоносов М.В. Соч. в двух томах. М., 1986. Том 2.

2.Ионцев В.А., Н.М.Лебедева, Назаров М.А., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

3. Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986.

4. Франко И.Я. Эмиграция галицких крестьян. Соч. в 10 томах. М., 1959. Т. 10.

5. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.

6, Бунин И. Речь в Париже от 16 февраля 1924 года. Диалог, №18, 1990.

7. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., РОССПЭН, 1997.

Глава 4

СОВРЕМЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНЫ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Эмиграция из России на современном этапе ее развития приняла стабильно высокий (в сравнении с советским периодом) уровень в среднем около 100 тыс. человек в год, хотя надо заметить, что в последние 4 года она снизилась до 80 тыс. человек (см. табл.4.1). При этом важно подчеркнуть, что вопреки многим прогнозам середины 80-х – начала 90-х годов о многомиллионной миграции из б.СССР (от 3 до 50 миллионов человек к началу 2000 года), в действительности эмиграция из России в страны дальнего (или старого) зарубежья, хотя и возросла до 100 тыс. человек в год, многомиллионного характера, к счастью, не получила. И не получила в силу, во-первых, несколько преувеличенных оценок о числе желающих россиян покинуть свою страну, а, во-вторых, из-за «железного занавеса», но уже со стороны западных стран, которые, опасаясь «миллионных толп голодных советских граждан», возвели свой занавес сразу же в начале 90-х годов. Исключения коснулись только отдельных групп наших граждан, этническая принадлежность которых позволяла им эмигрировать в Германию, Израиль, Грецию и в США, имеющих значительные диаспоры евреев и армян (табл. 4.1).

И в последующие годы основные направления российской эмиграции касались Германии (максимум был достигнут в 1995 г. – 72,8 тыс. российских немцев), Израиля (по сравнению с 1990 г., когда эмиграция евреев достигла своего пика – 61 тыс., к концу 90-х гг. она упала до 17 тыс.) и США (около 6 тыс. в 1999 г., против 15 тыс. в 1993 г.).

Таблица 4.1

Этническая структура эмигрантов из России в 1993–1907 гг.

Годы	всего	В том числе этнические группы			
		Русские	немцы	Евреи	Другие
Тысяч человек					
1993	113,8	21,3	47,5	14.0	31,0
1994	105,4	24,1	47,1	13,6	20,6
1995	110,3	28,8	51,3	12,8	17,4
1996	98,6	29,2	38,6	12,5	18,3
1997	84,4	29,8	30,0	9,5	15,1
1998	80,3	29,3	28,3	7,3	15,4
1999	85,3	34,5	28,0	9,0	13,8
2000	62,3	25,8	22,6	4,5	9,4
2003	47,059	19,79	14,930	1,005	11,334
2006	18,078	9,148	2,442	0,346	6,142
2007	14,857	7,983	1,735	0,316	4,823
В процентах					
1993	100%	18.7	41,7	12,4	27,2
1994	100%	22.8	44,6	12,8	19,8
1995	100%	26,1	46,5	11,6	15,8
1996	100%	29,5	39,1	12,6	17,8
1997	100%	35,3	35,5	11,4	17,8
1998	100%	36,4	35,2	9,3	19,1
1999	100%	40,4	32,8	10,7	16,1
2000	100%	41,5	36,2	7,2	19,1
2003	100%	14	31,7	2,1	24
2006	100%	50,6	13,5	1,9	34
2007*	100%	53.7	11,7	2,1	32,4

*-статистические данные по национальностям мигрантов с 2008 года в бюллетенях «Численность и миграция населения РФ в году» не публикуются. В данных бюллетенях появились данные о гражданстве мигрантов.

Таким образом, можно подчеркнуть, что эмиграция из России в страны дальнего зарубежья вплоть до 1998 г. носила узкоэтнический характер: немцы, евреи, значительно меньше греки и армяне. Как видно из табл. 4.1 около 62% всех эмигрантов в 1993–1995 гг. составляли немцы и евреи.

К концу 90-х годов российская эмиграция начинает охватывать и такие страны как Австралия, Канада, Финляндия, Италия и др. При этом в ее орбиту все более вовлекаются жители не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и многих других городов и регионов

России. Так, если в 1992 г. 40% всех эмигрантов в дальнее зарубежье приходилось на эти первые два города, то в 1999 г. лишь 11%.

Расширение географии эмиграции из России связано, прежде всего, с ростом эмиграции русских, доля которых возросла с 19% в 1993 г. до 36% в 1998 г., когда впервые за долгие годы она превысила все остальные национальности. И в этом заключается одно из важнейших изменений в этнической структуре эмигрантов. И что особенно удивительно, даже в эмиграции в Израиль доля русских более чем в два раза превысила долю евреев, в США – почти в 4 раза. Значительно возросла эмиграция русских и в Германию, составив в 2000 г. около 33% от общей эмиграции в эту страну.

Данная тенденция последних 3 года XX века, на наш взгляд, представляется особенно негативной в свете плохой демографической ситуации, сложившейся в России в 90-е годы. Россия, по прежнему, разбрасывает по всему свету «русские камни», вместо того, чтобы собирать эти камни и на их фундаменте строить новую Россию. Последнее тем более важно, что эмиграция, как собственно и миграция из России в целом, это не только, как писал М.В. Ломоносов еще в 1761 г., «живые покойники», т.е. демографические потери, но это и потеря капиталов, вывозимых, в частности, нашими мигрантами. По оценкам, например, директора Института проблем глобализации М. Делягина, в 1998–2000 гг. «утечка капиталов» из России достигла 25 млрд. долларов в год.

По нашим расчетам за 90-е годы из России эмигрировало около 300 тыс. семей. В среднем, на каждую семью пришлось по 100 тыс. долларов (накопления, деньги за квартиры, дачи, мебель и т.п.). Таким образом, по самым скромным оценкам, за эти годы было вывезено только легальными эмигрантами более 30 млрд. долларов. При этом мы не затрагиваем еще многие миллиарды долларов, вывезенных незаконно отдельными «предпринимателями».

По данным Центрального Банка России только в 1995 г. из страны эмигрантами и туристами было вывезено соответственно 1,1 млрд. и 6,7 млрд. долларов, в то время как ввезено иммигран-

тами и туристами 0,5 и 1,2 млрд. долларов, т.е. «утечка капиталов» только за один год в результате миграции составила чуть более 6 млрд. долларов. Косвенным подтверждением вывоза капиталов нашими мигрантами может служить и факт их «трудоустройства» в соответствующих регионах, где налог на капитал или очень низкий, или вообще отсутствует. Так, в 1994–1995 гг. из 20 тыс. официально трудоустроенных за рубежом россиян более трети оказались на Багамских островах и на Кипре. И в этом случае скорее можно говорить о вывозе капиталов, чем о реальном трудоустройстве. Таким образом можно утверждать, что миграция из России в 90-е годы обуславливает значительный вывоз капиталов, что может иметь для нее самые негативные последствия с точки зрения экономического и социального развития.

Не меньшую, а скорее даже большую, угрозу для России, для ее национальной безопасности, для ее будущего представляет и «вывоз капитала человеческого» или «интеллектуального», который непосредственно связан с эмиграцией, получившей образное выражение «braindrain» или «утечка умов (мозгов)», в результате которой Россия, по мнению многих специалистов, уже теряет ежегодно до 50 млрд. долларов! Если даже допустить, что эта цифра завышена, скажем вдвое, то и 25 млрд. долларов в год это огромные средства, так необходимые сейчас для развития России. Но, видимо, мы действительно очень богатые, хотя и ходим по всему миру с протянутой рукой в поисках денежных подачек.

А, возможно и не все так уж и страшно. Подумаешь, выехало 100 тысяч высококвалифицированных специалистов, еще подготовим! Сумела же Россия после первой волны «утечки умов» (1917–1930 гг.) не только восстановить свои потери, но и создать мощную образовательную, научную и промышленную базу, первыми выйти в космос, разработать уникальные образцы высоких технологий и др. Из той же науки, между тем, за 90-е годы в торговлю, посредническую и финансовую сферы, коммерческое производство ушло в несколько раз больше специалистов, чем уехало на Запад. Не слу-

чайно появились и высказывания типа «надуманности данного явления», «о взаимовыгодном научном сотрудничестве», «о позитивном ее влиянии на мировую науку и соответствующем благе для каждой отдельной страны» и т.д.

Для того, чтобы разобраться в подобных вопросах и реально оценить последствия «утечки умов» для разных государств, в том числе и для России, видимо, необходимо хотя бы вкратце остановиться на основных методологических вопросах изучения этого явления. Термин «Брейн Драйн» / Brain Drain – англ., Exode des cerveaux – франц.), переводимый как «утечка», «перекачка», «переманивание», «похищение умов», «мозгов», «серого вещества» и т.п. был введен в начале 60-х годов английскими журналистами, обратившими внимание на значительно возросшую после 2-й мировой войны эмиграцию ученых, врачей и инженеров из Великобритании и ряда других европейских стран в Соединенные Штаты Америки. Так, если в 1949 г. иммиграция специалистов в США из всех стран мира составила 2,3 тыс. человек, то в 1954 г. только из 13 государств Западной Европы – 4271 человек, из них почти половина (2017) из Великобритании. В целом вплоть до 1967 г. иммиграция высококвалифицированных специалистов из развитых стран в США значительно превышала подобную иммиграцию из развивающихся государств, доля которых в этот период была на уровне 30%.

Во второй половине 60-х годов и особенно в 70-е годы этот в общем-то не очень удачный термин, с точки зрения глубинной сущности данного явления получает широкое распространение в научной литературе многих стран мира, а само явление становится предметом обсуждения на различных международных конференциях и семинарах, становится объектом целенаправленной политики развитых западных государств. Это, на наш взгляд, и является определяющим признаком данного понятия. Не случайно и то, что именно в США был принят в 1965 г. новый иммиграционный Закон, который кардинально изменил иммиграционную политику, причем не только самих Соединенных Штатов, но и других разви-

тых стран Запада. Именно с этого времени политика по сманиванию специалистов, проводимая до этого в основном отдельными фирмами, приобретает государственный статус, принимает целенаправленный характер «похищения умов» из менее развитых и развивающихся стран развитыми государствами Запада. И именно последнее выделяет такое явление, как «утечка умов», в общей интеллектуальной миграции, позволяет говорить о времени возникновения и ее негативных (или положительных) последствиях, как и о массовом характере, который она принимает.

Великобритания, Франция, Германия, Канада, продолжая оставаться поставщиками своих интеллектуалов в США, в то же время, но в значительно больших масштабах начинают сманивать специалистов из развивающихся стран, тем самым с лихвой компенсируя свои потери от «утечки» специалистов в США. Если в Великобритании, например, в 1939 г. в сфере здравоохранения работало лишь несколько процентов (до 7%.) выходцев из Индии, Пакистана и некоторых других бывших британских колоний, то во второй половине 60-х таковых становится 35%.

В конечном счете, резко возросшие масштабы «утечки умов», значительное расширение ее географии и привели к тому мировому общественному резонансу, который она получила в 60-х – начале 70-х годов и который по сей день приковывает к себе внимание ученых и политиков многих стран мира. Больше того, можно сказать, что в конце 80-х – начале 90-х годов «утечка умов» приобретает, по существу, всемирный характер, учитывая резкое вовлечение в нее стран Восточной Европы и бывших советских республик, в первую очередь России, долгое время вообще изолированных от мировых миграционных процессов.

А изначально под этим термином понималась лишь эмиграция ученых. Затем это понятие получает все более широкое толкование, в него начинают включать: вообще любую миграцию высококвалифицированных специалистов, независимо от формы (трудовая, семейная, этническая и др.), времени выезда за рубеж (безвозвратная,

длительная, кратковременная) и самого содержания категории «умы» (ученые, врачи, медсестры и т.д.); процессы как бы вторичные от миграционных. Речь идет о миграции молодых людей на учебу или стажировку за границу, после завершения которых остающихся в стране обучения на постоянное жительство; процессы, ничего общего не имеющие с миграцией: а именно,работу ученых и инженеров в иностранных фирмах, как и переход ученых и других специалистов из одной сферы деятельности в другую непосредственно *у* себя на родине.

В конце 70-х – начале 80-х гг., наряду с термином «утечка умов», появляется другое образное название данного явления – «обратная передача технологии» (ReverseTransferofTechnology), которое было призвано придать ему как бы взаимовыгодное значение и тем самым закамуфлировать проявившиеся уже к этому времени резко отрицательные последствия «утечки умов» для стран-доноров «серого золота». Правда, надо заметить, что особого распространения этот термин, в плане характеристики данного явления, в дальнейшем так и не получил.

Получает расширение и сама категория «умы». Впервые эта категория была выделена в американской статистике в 1949 г. и в нее был включен относительно большой список специалистов, включая и средний медицинский персонал. Однако уже в этом списке отсутствовали писатели и художники, музыканты и артисты, некоторые представители общественных наук, высший управленческий и административный персонал. Позже из нее исключаются также все специалисты среднего уровня и по существу .большинство ученых в области общественных наук (приоритет остается только для экономистов и психологов). Вместе с тем иммиграция этих групп специалистов в США остается на достаточно высоком уровне (особенно средний медицинский персонал) и аккумулируется в различных иммиграционных преференциях. По численности иммигрантов они почти в 5 раз превышают официальные американские статистические данные по «утечке умов».

С 1984 г. подробная статистика по «утечке умов» США практически вообще закрывается.

В отличие от США, эксперты ООН, МОТ и других международных организаций почти все эти группы включают в понятие «утечки умов». Близка к международной и национальная статистика Австралии, Канады, Англии и других западноевропейских стран. На наш взгляд, международный подход является более правильным. Ведь «потери», скажем, для Филиппин от безвозвратной эмиграции среднего медицинского персонала не менее значимы, чем тех же врачей, а квалифицированного юриста-международника, известного музыканта или писателя могут быть и более ощутимы, нежели экономиста или психолога.

Не менее важен в методологическом отношении и вопрос возникновения во времени рассматриваемого явления и его исторической предопределенности (например, по принципу «Так было, так есть, так будет») и рассмотрения, в частности, науки, как единой общечеловеческой категории, не имеющей национальных границ и препятствий. Действительно, история развития мировой цивилизации – это и история беспрерывной миграции талантов, носителей самых передовых научных знаний через национальные границы. Эта международная интеллектуальная миграция внесла большой вклад в сокровищницу мировой культуры и науки, способствовала распространению идей просвещения, созданию и развитию в средние века наиболее престижных ныне университетов Европы, таких как Лейпцигский, Кембриджский, Оксфордский. Последний, например, был основан учеными и студентами, приехавшими из Парижа. В то время в Парижском университете в течение довольно длительных периодов времени подавляющее большинство студентов составляли иностранцы, таковыми были и первые деятели науки в России, эмигрировавшие из Германии. Не случайно поэтому, что «утечка, умов» отождествляется многими исследователями прежде всего с миграцией ученых, а ее возникновение относят ко времени возникновения самой-науки.

Такой подход, на мой взгляд, не отвечает существу понимания такого феномена как «утечка умов». Это явление не есть любая интеллектуальная миграция, и уж совсем неверно, как это делают в последнее время в России, включать в нее высококвалифицированных специалистов, работавших у себя в стране, но в иностранных фирмах, а тем более тех из них, кто сейчас устремился из научной и образовательной сфер в различные торгово-посреднические коммерческие структуры, и при этом объяснять ее всевозможными «естественными законами», вроде «закона сохранения энергии».

Если под современной «утечкой умов» понимать безвозвратную эмиграцию высококвалифицированных специалистов (как высшего, так и среднего уровня), в том числе и потенциальных специалистов (студентов, аспирантов, стажеров), в отношении которых странами иммиграции проводится целенаправленная иммиграционная политика по их привлечению, сманиванию, «похищению», и обусловленную, в первую очередь, экономическими и социально-моральными факторами (а именно так автор понимает «утечку умов»), то ее начало приходится на конец XVII в.., а не на 40-е и тем более 20-е или 30-е годы XX-го столетия, как, в частности, полагал ранее и сам автор.

И первой страной, которая стала проводить целенаправленную политику по привлечению иностранных специалистов и ученых, политику «сманивания чужих умов», стала Россия. Именно Петр I первым осознал всю важность и «выгодность» подобной политики, ее настоятельную необходимость для поступательного развития России. А началось все с привлечения иностранных военных специалистов, обосновавшихся к тому времени в так называемой Немецкой слободе близ Москвы, в знаменитые «потешные» полки Петра I – Преображенский и Семеновский. Дальше – больше. И вот уже многим россиянам, выезжающим учиться за границей, предписывается по возвращению в Россию привезти с собою не менее двух специалистов, за что и поощрялись они из государственной казны.

Но наиболее показательно данная политика проявилась в деятельности Торжественного посольства, отправившегося в 1697 году к европейским дворам для ведения переговоров по поводу шедшей тогда коалиционной борьбы с Турцией. Негласная же и при этом не менее главная цель, как отмечал известный русский историк В.О. Ключевский, этого посольства состояла в сманивании в Россию европейских высококвалифицированных специалистов и, в первую очередь, в привлечении морских дел мастеров.

Сам Петр I, будучи в составе Торжественного посольства под вымышленным именем, в одной только Голландии нанял на работу до 900 специалистов – от вице-адмирала до корабельного повара, – причем, большинство из них с приглашением на постоянное проживание в России/ При этом, как писал другой известный русский историк С. М. Соловьев, несмотря на упреки в пристрастии Петра I к иностранцам, он, привлекая во множестве даровитых иноземцев, подходил к этому крайне разборчиво и осмотрительно, не допуская их, как правило, до первых мест в государстве. Стремясь перенять мировые достижения в науках и военном деле, Петр I при этом старался сохранить лучшие российские традиции, русский дух государства, что для нас сейчас не менее актуально. И еще, мысль, которую Петр I постоянно подчеркивал, о том, что «иностранцы всячески старались не допускать нас до света разума, да проглядели, точно в глазах у них помутилось», и признавал это «чудом Божиим, содеянным для русского народа», также имеет сегодня для России большой смысл. Вместе с тем, если в дело просвещения России, становления ее науки, развития военного искусства и вмешивалась божья сила, несомненно и то, что этому в немалой мере способствовала целенаправленная миграционная политика, проводимая достойным России государем – Петром Великим.

В XVIII и XIX веках Россия по-прежнему остается первой страной, проводившей миграционную политику по привлечению «чужих умов» из Германии, Англии и особенно из Франции. Достаточно ска-

зать, что в середине XVIII в. из 107 членов Санкт-Петербургской Академии наук только 34 были непосредственно россиянами. В 1908 г. она уже насчитывала только 50 «иностранцев» при общей численности в 189 человек. Правда, надо отметить, что после Петра I приоритет в иммиграционной политике все более и более стал отдаваться привлечению больших крестьянских масс из Германии, Австро-Венгрии и др., призванных заселить и освоить южные пустынные окраины России.

Первая мировая война и революционные потрясения XX в. коренным образом изменяют характер миграционных процессов. В 1917–1930 годы Россия, например, пережила такой массовый исход своих интеллектуалов за рубеж, который за столь короткое время не знала прежде ни одна страна мира. Вместе с тем, данную эмиграцию специалистов лишь условно можно отнести к такому явлению, как современная «утечка умов», учитывая ее негативные последствия, поскольку определялась она не целенаправленной политикой стран иммиграции, а была вызвана сугубо внутренней политикой страны выезда и обусловлена в первую очередь политическим фактором.

Подобное явление мы наблюдаем несколько позже, в 30-е годы, когда из фашистской Германии эмигрировало большое число ученых, врачей, писателей. Только за 1933–1935 гг. из страны выехало более 1200 ученых и научных сотрудников ведущих немецких университетов. Среди них Альберт Эйнштейн и пять других лауреатов Нобелевской премии. При этом, помимо политического фактора, данный подход был обусловлен и национальным фактором, политикой так называемой «чистоты арийской нации». Национальный фактор стал одним из основных побудительных мотивов и послевоенной эмиграции из России (СССР), хотя ее масштабы вплоть до 1987 г. и были относительно незначительными.

Незначительным был и отток высококвалифицированных специалистов, несмотря на то, что именно после второй мировой войны сначала США, а затем и другие развитые западные государства на-

чинают проводить активную целенаправленную иммиграционную политику по привлечению «чужих умов». Своего апогея «утечка умов» достигает в 70-е годы, принося США, Великобритании, Канаде и др. миллиарды долларов прибыли, способствуя постоянному увеличению разрыва между ними и развивающимися странами, несущих колоссальный ущерб от «утечки умов».

Из России, огражденной «железным занавесом», интеллектуальная эмиграция в основном была представлена так называемыми «диссидентами», «невозвращенцами» и другими лицами, главным образом, еврейской, немецкой и армянской национальности, которые при выезде на Запад вплоть до 1989 г. почти все автоматически получали статус «беженцев». Это, кстати, стало одним из первых важных элементов сманивания из бывшего Союза высококвалифицированных специалистов, поскольку данный статус давал и дает большие экономические льготы, а также право первоочередного получения гражданства страны-въезда.

Если рассматривать в отдельности каждый критерий нашего определения, то нельзя отрицать существование ряда альтернативных определений, вкладывающих иной смысл в понимание «утечки умов». Среди вновь появившихся терминов можно выделить следующие: «растрата умов» («brain waste»), «обратная передача технологий» (reversetransferoftechnology), «возвратная утечка умов» (reversebraindrain), «обмен умами» (brainexchange), «циркуляция умов» (braincirculation), «приток умов» (braingain). Отбрасывая особенности каждого из приведенных выше определений, на наш взгляд, все эти термины, по существу, призваны показать, что утечка умов несет в себе взаимовыгодный обмен, что полностью искажает суть этого явления, подразумевающего – еще раз подчеркиваем – безвозвратный характер, т.е. потерю интеллектуального капитала для страны выезда.

Благодаря наличию статистических данных об уровне образования мигрантов (как правило с точки зрения утечки умов, выделяют средне-специальное и высшее, с подразделением на кандида-

тов и докторов наук) становятся возможными оценки масштабов каждого из потоков в отдельности, хотя в целом получить достоверные данные по утечки умов из России в настоящий момент практически невозможно.

Неслучайно к настоящему моменту появилось множество различных оценок масштабов утечки умов, отличных по методике составления, по представлению результата и т.д. (например, в виде финансового эквивалента потерь от отъезда специалистов). Однако объединяет их одно: с 1980-х гг., когда на мировой рынок труда вышли специалисты бывших социалистических стран, международная миграция приобрела глобальный характер, а проблема «утечки умов» стала ещё более злободневной, причем это актуально для всех стран мира, но в особенности для менее развитых и развивающихся государств и, в частности, для стран постсоветского пространства. Так, по данным Всемирного Банка за 1990 и 2000 годы, среди стран, рынок труда которых в наибольшей степени подвержен «утечке умов», преобладают менее развитые и развивающиеся государства.

Не менее острой и злободневной остается ситуация и в России. Как мы отмечали, уже в 1995 г. доля лиц с высшим и средним специальным образованием, безвозвратно покидающих Россию, составила 47%. За 1975–1988 гг. удельный вес американских ученых в мире возрос с 23 до 34%, тогда как советских специалистов снизился с 24 до 19%. За период с 1991 по 1992 гг. только из научно-исследовательских организаций РАН на постоянное место жительства за рубеж выехали 508 ученых, или 0,8% численности РАН. Вообще вместе с ростом общей эмиграции возрос и отток высококвалифицированных специалистов, доля которых увеличилась с 14% в 1992 г. до 31% в 1999 г. Численность только работников науки, эмигрировавших из России составила за эти годы более 13 тыс. человек (см. табл. 4.2).

Таблица 4.2.

Динамика эмиграции работников науки из России (в тыс.)

1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
0,95	2,1	1,8	2,1	2,3	2,1	2,2	1,9	1,2	1,1	1,3

Источник: В.А. Ионцев и др. «Эмиграция и репатриации в России», М., 2001 г., стр. 330.

А сколько их выехало по приглашениям на более или менее длительный срок с желанием впоследствии переменить свой статус на статус постоянного жителя (хотя это в большинстве случаев запрещается иммиграционным законодательством принимающих стран), вообще неизвестно. Так, по оценкам Председателя счетной палаты С.В. Степашина, в 2011 г. за рубежом проживало уже 1,5 млн. российских граждан, большинство из которых не собираются возвращаться в Россию. И в этом случае можно говорить об «утечке умов», хотя изначально речь шла о временной миграции (как, собственно говоря, и в случае миграции студентов и аспирантов). По официальным данным ОЭСР, в странах-членах ОЭСР в 2006 г. обучалось около 34740 человек. За последние 6 лет эта цифра, по данным Росстата, увеличилась еще на 30%, т.е. на лицо тенденция к увеличению миграции студентов и аспирантов из России. Наряду с этой тенденцией имеет место тенденция роста числа тех, кто не возвращается после учебы за рубежом. Так, по имеющимся оценкам, численность не вернувшихся после обучения за рубежом в Новосибирской области составило за 2001–2005 гг. 70%. Примерно такая же картина и по стране в целом.

Если обратить внимание на динамику эмиграции высококвалифицированных специалистов из России за последние 10 лет, она имела тенденцию к некоторому сокращению, особенно во второй половине этого десятилетия (см. табл. 4.3). Хотелось бы обратить внимание на два момента. Первый–это то, что налицо увеличение числа докторов и кандидатов наук, т.е. самых высококвалифицированных специалистов. И второй момент, который, на наш взгляд, имеет особое значение, поскольку, если раньше число уезжающих специалистов достаточно быстро компенсировалось подготовкой новых специалистов в стране, то в настоящее время с учетом демо-

графического кризиса, данная компенсация становится мало возможной. Это очень важно с точки зрения будущих тенденций, поскольку этот фактор связан не только с плохими количественными показателями, но и с качественными негативными изменениями, которые происходят в населении России.

Таблица 4.3

Эмиграция высококвалифицированных специалистов из России в 2003–2012 гг., человек

	2003	2006	2007	2009	2010	2011	2012
Высшее профессиональное (высшее)	14463	10798	10013	8173	8595	9059	13990
Доктор наук	14	23	9	38	32	35	40
Кандидат наук	59	42	34	38	31	193	194
Среднее профессиональное (среднее специальное)	22009	12598	10908	7496	7596	7252	21426

Источник: данные Росстата.

И хотя Россия, по сравнению с другими странами постсоветского пространства находится не в самом худшем положении, тем не менее, острота последствий, порождаемых утечкой высококвалифицированных специалистов из страны, представляется чрезвычайно злободневной для России и ведет к ее отставанию от других развитых стран мира.

Вместе с ростом общей эмиграции возрастает и отток высококвалифицированных специалистов. Только в 1990 г. численность ученых, врачей и инженеров, покинувших страну, составила более 83 тысяч. Численность только работников науки и народного образования, эмигрировавших из России в 1992 г., превысила 3,5 тысяч человек (см. табл.4.4).

Таблица 4.4.

Численность эмигрантов из России, работавших в отрасли «Наука и научное обслуживание» (тыс.чел.)

Годы	1980	1989	1990	1991	1992	1993
Тыс. человек	0.14	0.95	2.1	1.8	2.1	2.3
Годы	1994	1995	1996	1997	1998	1989–1998
Тыс. человек	2.1	2.2	1.9	1.2	1.1	17.75

А сколько их выехало по приглашениям на более или менее длительный срок с желанием впоследствии переменить свой статус на статус постоянного жителя, хотя это в большинстве случаев запрещается иммиграционным законодательством принимающих стран, вообще неизвестно. Но, известно другое. В отношении многих из них, наиболее талантливых в области математики, ядерной физики, биологии, как и в сфере искусства, осуществляется целенаправленная политика по их сманиванию с целью постоянного устройства в стране въезде. И в этом случае можно говорить об «утечке умов», хотя изначально речь шла о временной миграции (как, собственно говоря, и в случае с миграцией студентов и аспирантов).

С распадом в конце 1991 г. СССР началась просто неприкрытая «охота» зарубежных фирм и университетов за лучшими российскими талантами, активизировалась вся иммиграционная политика Запада по сманиванию умов. Достаточно упомянуть лишь одно из последних распоряжений (декабрь 1992 г.) бывшего президента США Дж. Буша «О принципе наибольшего благоприятствования для переезда в Соединенные Штаты ученых из России и др. государств СНГ», как и один из последних документов (декабрь 1999 г.), подписанных другим бывшим президентом, Б. Клинтоном, в соответствии с которыми наши специалисты, связанные с космонавтикой, ядерной физикой и другими отраслями оборонного характера, получили преимущественное право для пересечения границ США, где им гарантируется работа и высокий заработок. Подобные документы в 1999–2000 гг. приняты в Германии, Франции и других развитых странах, касающихся в первую очередь российских программистов.

И если прогнозируемая многими учеными и политиками многомиллионная российская эмиграция оказалась проблематичной, то, в чем нет никаких сомнений, это сохранение при любой конъюнктуре постоянной заинтересованности Запада в лучших российских умах. В этом для России и суть современных потерь, а не вообще в нарастающем количестве эмигрирующих за рубеж, и тем

более, если речь идет о кратковременной трудовой, в том числе интеллектуальной, миграции, которая, напротив, может стать одним из противовесов «утечке умов». При всей трагичности интеллектуальной эмиграции 20-х годов современная «утечка умов» по своим масштабам и негативным последствиям представляется значительно более пагубной для будущего развития России, требующей пристального внимания не только со стороны государственных структур, но и общества в целом.

В связи со сказанным, остановимся еще на одном методологическом аспекте проблемы. Это вопрос воздействия последствий, связанных с «утечкой умов». Зачастую, представляя «утечку умов», как любую интеллектуальную миграцию, делается вывод о ее положительном влиянии на социально-экономическое развитие, как стран иммиграции (что совершенно справедливо), так и стран-доноров «серого вещества», о взаимовыгодном характере этого явления, особенно в плане тезиса об общемировой науке и культуре. Высказывается даже мнение, что «утечка умов» это вообще надуманная проблема, подброшенная в свое время Западу с Востока (имеется в виду бывший СССР).

Выше уже было сказано о положительной роли интеллектуальной миграции вообще. И с этим трудно спорить, учитывая тот поистине неоценимый вклад в развитие науки, производства, культуры мира, который внесли иммигранты. Более того, свободный и равноправный обмен научными идеями и разработками, достижениями в медицине и национальной культуре через возвратную, временную миграцию специалистов – это не только экономически и политически выгодный процесс, как для каждой отдельной страны-участницы, так и для мирового сообщества в целом, но и единственно возможный путь, дальнейшего поступательного развития человечества, учитывая его все большую «хрупкость» и взаимозависимость.

Что же касается такого проявления интеллектуальной миграции, как «утечка умов», то а этом случае ни о каком равноправном и взаимовыгодном двустороннем процессе говорить не приходит-

ся. Не случайно одним из первых докладов ЮНКТАД, посвященных «утечке умов», было подчеркнуто, что «постоянный отъезд квалифицированных специалистов из развивающихся стран в высокоразвитые капиталистические государства, это не простая миграция отдельных людей. Это целенаправленное перекачивание высокопроизводительных сил из бедных в богатые страны».

В результате, богатые становятся еще богаче, бедные – беднее, сводя фактически на нет всю так называемую бескорыстную помощь первых последним. Так, например, прибыль, получаемая в процессе использования «чужих умов» Канадой, в 7 раз перекрывает размеры канадской помощи развивающимся странам. Увеличивая помощь в деле обучения и подготовки высококвалифицированных специалистов, в то же время развитые страны в еще больших размерах осуществляют «переманивание молодых умов» из развивающихся государств. В 80-е годы число иностранных специалистов, остающихся в США после завершения учебы в американских вузах достигало 40%. В одном Нью-Йорке работает больше иранских врачей, получивших образование в США, чем во всем Иране. Почти 80% иорданских студентов, обучающихся на Западе, не возвращаются на Родину. По данным ООН, 70% только арабских ученых, проходящих стажировку в западных странах, остаются там на постоянное жительство. Численность российских студентов, обучавшихся и оставшихся на Западе оценивается в 10%.

К сожалению, в такие же неравноправные отношения все более вовлекаются Россия и другие бывшие союзные республики. Потери России из-за «утечки умов» превышающие 50 млрд. долларов составили величину гораздо большую, чем весь приток капитала и экономической помощи из-за рубежа.

Имея много общего с прошлой эмиграцией интеллектуалов современная «утечка умов» имеет и существенные особенности. Неизмеримо возросли ее масштабы. Если а прошлом эмигрировали в год десятки, в лучшем случае сотни, людей науки, то в настоящее время – это десятки тысяч ученых, инженеров, врачей и других

специалистов. Изменились и направления интеллектуальной безвозвратной миграции, которая осуществляется в наше время глазным образом из бедных в более богатые и развитые страны. Более 80% в общем ее потоке занимают представители развивавшихся стран, включая в последние годы также государства Восточной Европы, Россию, другие регионы бывшего Союза.

Целенаправленное лишение этих стран наиболее ценного их «капитала» неизбежно ведет к экономическому отставанию. И можно ли вообще измерить в деньгах «человеческий капитал» в самом широком смысле этого понятия, можно ли дать экономическую оценку интеллектуальному и духовному богатству населения, потеря которого ведет к его деградации и самоуничтожению? Как образно отмечал Паскаль может случиться так, что «достаточно будет уехать 300 интеллектуалам и Франция превратится в страну идиотов». Скольким умам для этого нужно эмигрировать из России, 3 тыс. или 3 млн. сказать однозначно, видимо, нельзя. Но как тут не вспомнить слова известного переводчика Михаила Лозинского, сказанные им в 1923 году: «В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он наносит ей ущерб...».

Можно ли оценить потери России, например, от эмиграции М. Лукина в США, одного из российских физиков, участвовавшего в разработках «по остановке света» (1999–2000 гг.), что уже в ближайшем будущем может помочь, в частности, в создании «квантового компьютера», который будет отличаться от современного ноутбука, как нынешние компьютеры отличаются от бухгалтерских счетов. Как отметил Нобелевский лауреат 2000 г. Ж. Алферов, первый и единственный российский ученый, ставший иностранным членом Академии наук США и Национальной инженерной академии наук США, «не может быть богатой и стратегически независимой страны без возрождения российской элек-

троники, без вывода ее на совершенно новый уровень, соответствующий XXI веку».

Кто же будет возрождать не только электронную науку, но и науку и производство в целом и сумеем ли как 50–70 лет назад восстановить современные интеллектуальные потери? Когда разрушается отечественная система образования, когда 46% ученых перешагнули за возраст 50 лет, а нового пополнения явно недостаточно, когда и времени на восстановление не будет, учитывая чрезвычайно быстрые изменения, которые в век информационной революции происходят в научно-технической сфере?

Трагедия сегодняшнего дня в том и состоит, что совершенно несопоставимы последствия этого явления в прошлом и настоящем, когда именно высокие наукоемкие технологии определяют будущее. Именно острота негативных последствий современной «утечки умов» для стран-доноров и вызвала, как уже было сказано, в 60-е – 70-е годы нашего столетия столь пристальное к ней внимание мирового сообщества, которое не только не ослабевает, но и усиливается в связи с изменениями, которые произошли в Восточной Европе и России.

Глава 5

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В СТРАНЫ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Одна из основных современных особенностей миграции населения в России связана с появлением в 1992 г. так называемого ближнего зарубежья и соответственно одномоментным превращением внутренних миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками в международные. Эти изменения привели к появлению более чем 25-ти миллионной русской диаспоры в странах ближнего зарубежья, которая во многих из них стала рассматриваться сугубо как некая «оккупационная армия мигрантов» подлежащая к вытеснению из многих сфер производства и общественной жизни, а нередко и к депортации.

Вместе с тем, миграционные процессы между Россией и странами ближнего зарубежья, которые складывались на протяжении длительной истории отношений между ними, имели, на наш взгляд, совершенно другой, нежели оккупационный, характер. И в историческом плане можно выделить три периода этих отношений.

Первый период – XVIII в. – начало XX в. – характеризуется центробежным, колонизационным характером миграционных процессов, способствовавших не только формированию и развитию Российской империи, Российского государства, но и сохранению и развитию входящих в нее новых территорий Средней Азии, Закавказья и др. Например, катастрофическое сокращение численности грузинского народа с конца XIII в. было приостановлено, а темпы

роста населения Грузии ускорились лишь после ее присоединения в 1801–1864 гг. к России и значительного миграционного притока из Российского государства, позволившего затем не только восстановить Грузию, как государство, но и сохранить сам грузинский народ. В 1897 г. численность населения Грузии составила 1894 тыс. человек против 785 тыс. в конце XVIII в., в 1913 г. она составила уже 2600 тыс. человек. Не менее 20% этого прироста приходится на миграционный приток переселенцев из России. К 1917 г. численность русских в Грузии превысила 189 тыс. или 7,5% от всего населения.

Еще более важна роль России в возрождении и развитии армянского государства, основой которого стали вошедшие в ее состав в конце XVIII – начале XIX веков Эриванское и Нахичеванское ханства. Результатом последовавшей затем эмиграции армян из Персии и Турции стало то, что уже к 60-м годам XIX в. в России проживало более 530 тыс. армян. Особенно массовой армянская эмиграция стала в связи с репрессиями 1894–1896 гг., в результате которых в 1897–1916 гг. Россия приняла около 500 тыс. армян. Непосредственно численность русских в Армении к 1917 г. достигла 30 тыс. или 2,2% от общей численности.

Соперничество между Россией, Турцией и Персией привело к тому, что в начале XIX века Северный Азербайджан окончательно вошел в состав России, а его социально-экономическое и демографическое развитие получило значительное ускорение по сравнению с южной (иранской) частью. Численность русских в Азербайджане к 1917 г. составила 224 тыс. или 8,4% общей численности населения.

В целом по Закавказью численность только русских эмигрантов возросла с 243 тыс. в 1897 г. до 442 тыс. в 1917 г., составив более 18% от общей численности населения данного региона. Заметим, что именно эти переселенцы стали промышленным ядром развития закавказских республик. Важно подчеркнуть и то, что присоединение к России этих государств и последовавшая за этим эмиграция русских позволили не только сохранить там (Грузия,

Армения) православные начала, но и способствовать их распространению к дальнейшему развитию.

Не менее значима была роль эмиграционных потоков из России и для государств Средней Азии, Казахстана, Молдавии. Именно в Средней Азии русские удачно вписались в жизнь коренных народов, наладив в этом регионе не только промышленное производство, способствовавшее развитию городов, но и производство продуктов, бывших дефицитными до их вселения. В первую очередь это касалось зерновых культур.

С демографической точки зрения важно отметить, что развитие населения государств Средней Азии XIX – начала XX вв. определялось низкими темпами роста численности населения, что было обусловлено очень высокой смертностью коренного населения, достигавшей 40‰ (т.е. 40 случаев смерти на 1000 населения) и значительным миграционным приростом (см. табл. 5.1). Вхождение этих государств в состав России во второй половине XIX века способствовало активизации миграционных процессов и увеличению общей численности их населения.

Таблица 5.1.

Баланс миграций и направления миграционных потоков в России в 1871–1916 гг. (тыс. человек)

Годы	Районы вселения						
	Новороссия	Южное Приуралье	Северный Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Закавказье	Казахстан и Средняя Азия	Всего
1871–1896,	883,0	248,9	868,2	1148,7	265,4	401,2	3815,4
%	23,15	6,52	22,76	30,10	6,96	10,51	100,0
1897–1916,	318,9	-8,2	507,1	2549,9	431,0	1428,9	5227,6
%	6,10	-0,16	9,70	48,78	8,25	27,33	100,0
Всего,	1201,9	240,7	1875,3	3698,6	696,4	1830,1	9043,0
%	13,30	2,66	15,21	40,90	7,69	20,24	100,0

Источник: Кабузан В. Русские в мире. С.-Петербург, 1996. С. 320.

Наиболее болезненным и политически агрессивным представляется присоединение прибалтийских государств к России. Сразу заметим, что речь о самостоятельных государствах может идти, да и то с определенными оговорками, лишь применительно к Литве. Что касается Латвии и Эстонии, то статус самостоятельных государств они получили лишь после 1917 г. благодаря позиции советской России.

По свидетельству известного историка М.К. Любавского, область Прибалтики вошла в сферу славянской колонизации в незапамятные времена. Так, течение реки Луги было обставлено славянскими погостами и селами уже в X–XI веках. Но лишь после продолжительной северной войны и победы Петра I над шведами в начале XVIII в. значительная часть современной Прибалтики вошла в состав России и вплоть до 1918 г. являлась в виде губерний (Лифляндия, Эстляндия, Курляндия) неотделимой ее частью.

Важно отметить, что миграция в эти губернии непосредственно из центра России в начальный период была относительно небольшой. Но уже к 1917 г. она возрастает и численность только русских составила в Литве – 175 тыс. (5,9% всего населения) против 36 тыс. в 1858 г., в Латвии – 228 тыс. (9,6%) против 72 тыс., в Эстонии – 47 тыс. (4,2%) против 19 тыс. в 1858 г. Если же говорить о всех переселенцах (украинцах, белорусах, поляках и др.), то их численность (включая и русских) возросла в Литве с 580 тыс. (35%) до 1533 тыс. (46%) в 1917 г., в Латвии с 311 тыс. (25%) до 835 тыс. (35%) , в Эстонии с 60 тыс. (8%) до 115 тыс. человек (10%).

Увеличение доли некоренного населения в прибалтийских губерниях связано как непосредственно с его иммиграцией, так и с ростом эмиграции непосредственно литовцев, латышей и эстонцев большей частью в дальнее зарубежье, которое и в последующем (после 1917 г.) имела довольно большие размеры. В США, например, только с 1899 по 1913 гг. иммигрировало 222 тыс. литовцев. Нужно иметь в виду и более низкий естественный прирост среди коренного населения прибалтийских губерний. В Эстонии и Лат-

вии общий коэффициент прироста в 1851–1860 гг. равнялся 7,9‰ против 12‰ по России в целом, в 1911–1916 гг. этот показатель снизился до 2,9‰ против 13,2‰ по России.

Таким образом, высказывания о геноциде со стороны России в отношении коренного населения Прибалтики, об оккупации, об имперских традициях и тому подобных вещах, мягко говоря, не совсем верны, по крайней мере, в отношении Прибалтики в этот период времени. Надо заметить, что Россия по сравнению с теми странами и территориями, которые она присоединяла, была государством достаточно мощным и хорошо заселенным. На территориях, вошедших в состав российского государства, численность населения была значительно меньше. Так, в 1897 году население всего Закавказья составляло 4,5 млн. человек, в то время как по данным переписи 1897 года в России проживало 124,6 млн. человек.

Всякий раз, когда к российскому государству присоединялись новые земли и страны, начинался непрерывный процесс пространственного перемещения населения, причем, как правило, из центра России на новые территории. Интенсивность этого процесса во многом зависела от характера территорий, вошедших в состав российского государства, их местоположения, уровня заселенности, государственного статуса и т.д.

Результатом миграционного обмена между Россией и сопредельными колонизуемыми территориями было изменение расселения населения, переход от гомогенности к гетерогенности его этнической структуры. В итоге русские расселились среди украинцев и белорусов, узбеков и киргизов, грузин и азербайджанцев, латышей и эстонцев. В свою очередь, все эти народы достаточно полно, если учитывать их общую численность, были затем представлены в России. Так, доля украинцев среди всех русских, проживающих на территории бывшего Советского Союза, в 1989 г. составляла 7,8%, а русских на Украине – 9.9%, узбеков в численности русских – 1,2% и русских в численности населения Узбекистана – 0,8% и т.д.

В целом за 1796–1916 гг., по ряду оценок из них более 9 млн. переселилось за 1971–1916 гг. (см. табл. 9), из европейских районов России на ее окраины переселилось 12,6 млн. человек. Если вычесть из них переселенцев в Сибирь, на Дальний Восток и Северный Кавказ, то на страны ближнего зарубежья приходится около 7 млн. человек, из которых 80% составили русские. Затем следуют украинцы и другие народы Российской империи. Косвенно центробежный характер миграционных потоков из России подтверждают и следующие данные: население европейских губерний в период с 1863 по 1897 гг. возросло с 61,1 до 93,4 млн. человек, или на 52,8%, а Азиатской части страны – с 8,8 до 32,9 млн. человек, или почти в 4 раза.

Отмечая масштабы и характеризуя направления миграционных потоков из России подчеркнем одну характерную их особенность в этот исторический период. Многие из них выступали в форме колонизации. Вопросам колонизации было уделено относительно много внимания в работах А.А. Кауфмана, М.К. Любавского, И.А. Ямзина, В.П. Вощинина, Л.Л. Рыбаковского и др. И большинство из них выделяют самостоятельный российский тип колонизации, который существенно отличался от испанского, английского, голландского и германского типов колонизации.

Говоря о колонизации и переселениях этого времени, надо иметь в виду не только несовершенство учета миграционных потоков, но и их обратный характер, причем как самих переселенцев, не сумевших в силу тех или иных обстоятельств адаптироваться на новом месте, так и коренных жителей государств (территорий) так называемого ближнего зарубежья. Но в целом в этот период Россия имела ярко выраженное отрицательное сальдо миграции со всеми этими государствами, обусловленное колонизационным характером значительной его части. При этом отметим, что большая часть колонизационных потоков в России была сугубо «внутренней», т.е. направленной в Сибирь и на Дальний Восток, на Урал и Северный Кавказ.

Второй период развития миграционных связей, который начинается с момента создания советского государства и заканчивается моментом его распада (1917–1991 гг.), изобилует многочисленными катаклизмами и катастрофами военного и политического характера, обусловившими многообразие форм и типов миграционных потоков между Россией и ее бывшими губерниями и краями. Последние стали после 1917 г. равноправными союзными республиками с единым центром, определяющим направления и масштабы этих потоков, не всегда, правда, исходя из интересов России.

За советский период, в историческом измерении относительно краткий, Россия пережила окончание 1-й мировой войны, революцию и гражданскую войну, голод 1921–1923 гг., голод 1933 г., массовые политические репрессии 30-х-40-х годов, войну с Финляндией, вторую мировую войну, голод 1947 г., участие в локальных войнах в других частях мира, например, в Афганистане, наконец, индустриализацию, коллективизацию и т. п. Все эти события и породили многообразие форм миграционных потоков между Россией и другими бывшими союзными республиками, начиная от «плановой» и заканчивая «вынужденной» миграцией. Но, несмотря на это многообразие, суть миграции, как и в предыдущем периоде, заключалась в ее «внутреннем» характере по отношению к Российской империи, а затем советского государства в целом.

Вместе с тем, советский период характеризуется и существенными особенностями. Во-первых, как уже было сказано, многообразием форм миграции; во-вторых, что очень важно наличием как центробежных, что собственно было преобладающим для всего предыдущего периода, так и центростремительных миграционных потоков и их существенным преобладанием со второй половины 70-х гг., особенно среди русских (русского этноса); в-третьих, присоединением в 1939–1940 гг. Западной Украины, Прибалтики, Западной Белоруссии и части Бессарабии.

Учитывая эти особенности, советский период мы разделили на 5 этапов, три из которых имеют положительное сальдо миграции

для России, два – отрицательное сальдо (см. табл.10), но в целом за советский период миграционное сальдо с союзными республиками было явно отрицательным, чуть более -4,0 млн. человек, и в этом смысле он является логическим продолжением первого периода.

1-й этап (1917–1926 гг.), на который приходятся первые, самые возможно трудные годы советской власти, формирование союзного государства и единого центра на территории России, отличается относительно незначительной межреспубликанской миграцией, положительным сальдо миграции между Россией и другими республиками в 100–200 тыс. человек (сопоставление, в частности, данных переписей 1897 и 1926 гг. в границах 1927 г. показывает, что из отдельных республик, входивших в это время в состав СССР, наибольший прирост наблюдался в РСФСР – более 40%- и определяющим фактором этого прироста, была миграция населения, появлением вынужденных мигрантов, значительной эмиграцией в Западную Европу (80% всей эмиграции), на зарубежный Дальний Восток, в США (2%) и др., а также в Польшу и Финляндию, в связи с их отделением (о чем мы писали выше).

2-й этап (1927–1940 гг.) также характеризуется положительным сальдо миграции (около 600 тыс.), но значительно возросшим. Это объясняется в первую очередь индустриализацией (первые стройки пришлись на Россию, куда потянулось население из других союзных республик), коллективизацией и раскулачиванием (десятки тысяч раскулаченных из Украины, Белоруссии и других республик принудительно вывозились в Сибирь), становлением плановой системы распределения трудоспособного населения (например, обязательное распределение выпускников средних специальных и высших учебных заведений), так называемой системы оргнабора (за 1931–1940 гг. таким образом было территориально перераспределено почти 29 млн. человек).

Усиление центростремительных тенденций в миграционных потоках сдерживалось сохранением ряда старых и появлением но-

вых центробежных тенденций. Так, российские кулаки и середняки зачастую выселялись в Среднюю Азию и Казахстан. Введение в конце 1932 года паспортной системы значительно ограничило миграцию сельского населения, а начавшиеся политические репрессии вылились в депортационные процессы, первым из которых стала депортация 120 тыс. корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Эти депортации, оказали большое влияние на миграционные процессы в последующий период.

С этими тенденциями Россия (СССР в целом) вступила в Великую Отечественную войну, на которую и приходится третий этап (1941–1952 гг.), определяемый вынужденным характером миграционных потоков из России в республики Средней Азии и Казахстан. Это и эвакуационные потоки, которые в целом оцениваются в 25 млн. человек (около 3 млн. из них приходится на названные республики), и депортации 40-х гг., из которых более одного миллиона немцев (в основном с Поволжья) были выселены в Казахстан и др. республики региона. Заметим, что большинство из них так и осталось жить в этом регионе после окончания войны, в отличие от других депортированных народов (чеченцев, ингушей и др.), вернувшихся на свои родные места. В целом за этот этап, который определялся главным образом военными и политическим событиями, отрицательное сальдо миграции составило чуть менее 4 млн. человек.

4-й этап (1952–1975 гг.) характеризуется хотя и снижением, но еще преобладанием центробежных миграционных потоков из России в бывшие союзные республики, что было обусловлено, в частности, поднятием Целины в Казахстане и развитием ткацкого, алюминиевого и др. производств в Средней Азии, строительством различных предприятий в Прибалтике, Закавказье. При этом заметим, что из России в основном выезжало городское население, имеющее более высокий уровень образования и квалификации по сравнению с населением республик въезда. Вообще, как отмечают специалисты, доля выходцев из села в межреспубликанских миграциях этого периода

была очень мала и на них приходилось лишь около 1/3 всех переселений (т.е. сельские жители мигрировали почти исключительно в пределах своих республик).

И хотя истинные масштабы и направления миграционных потоков между бывшими союзными республиками установить довольно сложно, вместе с тем косвенные результаты, подтверждают центробежную роль России вплоть до середины 70-х годов, что показывают, в частности, данные переписей населения 1939 и 1959 гг., в соответствие с которыми население Азиатской части бывшего СССР (включая Закавказье) увеличилось с 42,3 до 56,0 млн. человек, Европейской части – с 148,4 до 152,8 млн. человек. То есть, численность населения республик, расположенных в Азиатской части возросла за это время на 31,8%, а в Европейской части – только на 3,6%. Если сопоставить эти коэффициенты роста населения с аналогичными в период 1926–1939 гг., то становится очевидным увеличение темпов прироста населения в послевоенный период в среднеазиатских и закавказских республиках.

Заметим вместе с тем, что данный прирост был обусловлен конечно не только миграционным приростом, но и определившимися к этому времени более высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности (в основном за счёт более молодой возрастной структуры) и соответственно высокого естественного прироста в этих республиках. Более того, именно на этом этапе происходит «перемена знака» во все ускоряющихся изменениях в межреспубликанских миграциях, которые на 5 этапе приобрели устойчивый центростремительный для России характер.

Начало «перемены знака» миграционных потоков, другими словами перелом в направлениях сальдо миграции (чистой миграции), для России берет начало в 60-е гг. Одной из первых республик, с кем Россия имела до этого постоянно отрицательное сальдо миграции, стала Грузия, а к середине 60-х гг. к ней присоединился и Азербайджан. Это обусловлено прежде всего оттоком русского населения, которое начинает постепенно вытесняться из сфер

управления, услуг, науки и др. кадрами коренных национальностей, подготовленных как в самих республиках, так и в лучших вузах России.

И хотя в 60-е гг. еще трудно говорить об обострении межнациональных отношений, как главном факторе оттока русскоязычного населения из национальных республик (главными причинами особенно для Казахстана и Средней Азии, по мнению большинства ученых, были избыток рабочей силы, открытая безработица в городах и скрытая на селе, обусловленные, в частности, набирающим быстрый темп ростом населения), думается, что именно тогда межнациональный фактор начинает себя проявлять, пользуясь попустительством центральных властей и упущениями в федеральной национальной политике (см. табл. 5.2).

Таблица 5.2.

Динамика сальдо миграции населения (тыс. человек)

Республики	1961–1965	1966–1970	1971–1976	1979–1988	1961–1988
Россия	-522	-598	-195	1767	670
Украина	173	344	226	153	743
Белоруссия	-162	-1	-61	-8	-232
Молдавия	43	24	9	-56	20
Литва	14	34	34	100	182
Латвия	78	70	64	93	305
Эстония	43	48	33	55	179
Прибалтика в целом	135	152	131	248	662
Грузия	-35	-54	-70	-52	-211
Азербайджан	-53	-47	-22	-266	-388
Армения	60	80	70	-321	-111
Закавказье в целом	-28	-21	-22	-639	-710
Казахстан	407	24	-261	-784	-614
Узбекистан	130	127	143	-507	-107
Киргизия	73	53	-38	-157	-69
Таджикистан	56	14	1	-102	-31
Туркмения	1	3	3	-84	-77
Средняя Азия в целом	260	197	109	-850	-284
СССР	306	121	-64	-169	194

Источник: Переведенцев В. Рынок труда и миграция населения// Вопросы экономики. 1991. № 9..с. 47).

Важно отметить и то, что за 1956–1975 гг. значительная часть естественного прироста населения России, который по своей величине в 11 раз превысил отрицательное миграционное сальдо, была перераспределена в пользу других союзных республик, тогда как в 1976–1990 гг. из общего прироста населения только 4/5 пришлось на долю естественного прироста, а 1/5 на долю миграционного сальдо. Таким образом, произошло возмещение ранее потерянного Россией естественного прироста. Общим выводом является то, что независимо от результатов межреспубликанского миграционного обмена все 50-е – 80-е годы население России прирастало, и притом ежегодно. В целом для 4-го этапа, несмотря на снижение центробежных тенденций, отрицательное сальдо миграций составило более 2,7 млн. человек

На пятом этапе (1976–1991 гг.), завершающем советский период, центростремительные миграционные потоки в Россию становятся определяющими (табл.5.3).

Таблица 5.3

Нетто-миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1989–1991 гг., тыс. чел.

Страны	1989	1990	1991	1989–1991
Украина	2,1	-4,2	-66,1	-68,2
Белоруссия	-4,6	23,3	-4,7	14
Молдавия	2,0	0,9	2,5	5,4
Литва	1,1	5,0	4,4	10,5
Латвия	2,5	3,9	5,8	12,2
Эстония	0,6	3,3	4,2	8,1
Грузия	10,8	14,5	28,7	54
Азербайджан	37,7	52,0	20,7	110,4
Армения	8,6	1,4	4,1	14,1
Узбекистан	41,6	65,9	35,9	143,4
Киргизия	5,0	21,2	17,7	43,9
Таджикистан	6,7	40,3	17,6	64,6
Туркмения	4,6	5,1	4,5	14,2
Казахстан	43,9	54,5	29,6	128
Всего	162,6	287,3	104,9	554,8

Источник: Данные Госкомстата РФ.

Практически со всеми бывшими союзными республиками, куда прежде мигрировал основной поток переселенцев из России, сальдо миграции стало положительным. Так, за 1979–1988 гг. только из Казахстана в Россию переехало около 700 тыс. человек (всего выехало из Казахстана 784 тыс. человек), из республик Средней Азии – около 800 тыс. человек. Эти потоки, прежде всего, являются результатом конкуренции на рынках труда, обусловленной национальными особенностями демографического и социально-политического развития. Например, в республиках Средней Азии с 1976 по 1988 годы численность работников коренных национальностей более чем удвоилась, в то время как среди других национальностей увеличилась только на 38%, а в Туркмении вообще сократилась на 13%. Таким образом, доля лиц коренных национальностей в пополнении рабочей силы в 1,4 раза превысила их долю в общей численности населения республики, что неизбежно привело сначала к мягкому, а затем и ко все более резкому выталкиванию пришлого русскоязычного населения.

До 1989 г. лишь с республиками Прибалтики и Украиной у России сохраняется отрицательное сальдо миграции. Но, начиная с этого года и с прибалтийскими республиками сальдо миграции становится положительным. К концу 80-х гг. наибольший приток в Россию имел место из Узбекистана, Казахстана и Азербайджана, что в значительной мере было обусловлено резким обострением национальных отношений и появлением уже в бытность СССР вынужденных переселенцев, первые из которых появились после погромов армян (Сумгаит, 1988 г., Баку, 1990 г.) и турок-месхетинцев (Фергана, 1989). Что касается Казахстана, занявшего с начала 70-х гг. первое место по оттоку русскоязычного населения (в первую очередь русских и немцев), то его величина составила в 80-е гг. около 40% общего сальдо миграции со всеми бывшими союзными республиками и в 90-е гг. еще более возросла.

Говоря об оттоке русскоязычного населения из бывших союзных республик, надо заметить, что на последнем 5-м этапе получил ускорение и отток непосредственно коренного населения некото-

рых из этих республик, который стал особенно заметен между переписями населения 1979 г. и 1989 г. Главными регионами эмиграции коренных жителей, которые направлялись в основном в Россию, на Украину и в Прибалтику, стали Закавказье, Средняя Азия и Молдова. Так, численность молдаван в России между двумя переписями увеличилась на 69% (в своей республике их численность возросла всего на 10,5%), грузин и армян – на 46% (в своих республиках – на 10.3 и 13.2%), азербайджанцев – в 2,2 раза (и всего лишь 24% у себя), узбеков и туркмен – в 1,8 раза (34%), киргизов – в 2,9 раза (в своей республике на 33%), таджиков – в 2,1 раза (у себя на 46%).

И хотя масштабы выезда коренного населения из так называемых «трудоизбыточных» регионов были несколько меньшими, чем это можно было ожидать, имея в виду собственно экономические соображения, в последующем, в 90-е годы, эта тенденция получила дальнейшее развитие, в частности, в форме трудовой миграции в Россию. В целом, если оценивать «внешнюю» миграцию на 5-м этапе, то для России сальдо миграции, учитывающее и возросшую с 1988 г. эмиграцию в дальнее зарубежье (260 тыс. за 1988–1991 гг.), составило положительную величину в 2586 тыс. человек.

Подводя итоги рассмотрению «внешней» (межреспубликанской) миграции за 2-й (советский), выделенный нами, период, можно сделать ряд выводов:

1) в целом за период сальдо межреспубликанской миграции определялось для России центробежными тенденциями 3-го и 4-го этапов (1941–1975 гг.) и составило за 1917–1991 гг. отрицательную величину в 4 млн. человек;

2) результаты межреспубликанской миграции в 80-е годы стали прямо противоположными результатам 60-х гг. Другими словами центробежные миграционные потоки превратились в центростремительные и Россия, чуть ли не три столетия (и даже больше) «отдающая» своих граждан, начала превращаться в их собирателя, правда еще далеко не доброжелательного и разумного;

3) «международная» миграция 2-го периода была обусловлена не только экономическими (индустриализация и связанные с ней великие стройки и др.), но скорее всего, в равной степени и политическими событиями (раскулачивание, депортации, политические репрессии и т.п.), которые в первую очередь пришлись на 1-й и 3-й этапы этого периода;

4) для последнего 5-го этапа (1976–1991 гг.), определяемого «переменой знака» миграционных потоков, характерно резкое обострение межнациональных отношений и появление вынужденных переселенцев, что стало затем характерной чертой 3-го (современного) периода «внешней» миграции между Россией и странами ближнего зарубежья.

При этом, важно подчеркнуть, что в последние три года советского периода характеризуются резким этническим поворотом в миграциях между Россией и бывшими союзными республиками, который захватил и начало третьего современного периода и суть которого заключалась в значительном увеличении эмиграции представителей большинства титульных национальностей. Практически в эти годы Россия имела отрицательное сальдо миграции по большинству титульных национальностей б. союзных республик.

В 1993 г. ситуация вновь начинает изменяться и по существу в последние годы сальдо миграции по всем титульным национальностям становится положительным.

Третий (современный) период (с 1992 г.) развития миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками в своем роде является уникальным, в силу очень резких, кардинальных политических изменений и связанного с ними появлением так называемого «ближнего зарубежья», одномоментно превратившего «внешние» колонизационные, а затем межреспубликанские миграции в международные, требующие, как мы уже писали, принципиально иной миграционной политики (см. табл. 5.4).

Таблица 5.4

Нетто-миграция между Россией и бывшими союзными республиками СССР, 1992–2012 гг., тыс. чел.

Страны	1992–1995	1996–1999	2000–2003	2004–2007	2008–2012
Украина	135,3	232,8	74,5	84,5	527,1
Белоруссия	-7	-12	-38,36	0,78	-56,58
Молдавия	36,8	29,7	26,8	31,36	124,66
Грузия	217,1	91,4	37,43	25,1	371,03
Азербайджан	175	91,2	21,5	31,8	319,5
Армения	115,8	65,6	28,56	51,7	261,66
Узбекистан	389,5	141,5	104,5	132,7	768,2
Киргизия	211,3	30,2	41,2	63,1	345,8
Таджикистан	210	77,3	114,1	29,9	431,3
Туркмения	53,4	52,4	20,5	16,3	142,6
Казахстан	719	639	214,3	123,9	1696,2
Литва	38,4	19,5	1,8	0,55	60,25
Латвия	85,6	17	3,7	2,2	108,5
Эстония	52,5	9,4	0,8	0,68	63,38
Всего	2432,7	1468,7	589,5	594,4	5085,3

«Благодаря» появлению ближнего зарубежья Россия превращается в 3-й (после США и Германии) мировой центр иммиграции. В это время несколько возрастает валовой объем миграционных потоков между Россией и бывшими союзными республиками, а чистая миграция между ними приобретает для России ярко выраженный центростремительный характер, составив только за 1992–1999 гг. около 4 млн. человек, против 2,9 млн. общего миграционного сальдо с учетом чистой миграции с дальним зарубежьем.

Глава 6

ИММИГРАЦИЯ В РОССИЮ ИЗ БЛИЖЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

6.1 Иммиграция населения из государств ближнего зарубежья

Иммиграция в Россию по существу имела место на протяжении всей ее истории, значительно превышая в отдельные периоды эмиграцию, играя важную роль и в экономическом и демографическом развитии. Но в отличие от прошлого, когда эта роль была значима в первую очередь для отдельных регионов страны, в настоящее время она становится определяющей, особенно в демографическом плане для России в целом. Эта определяющая демографическая роль обусловливается прежде всего иммиграцией из стран ближнего зарубежья, которая рассматривается, если говорить о русском населении, и как репатриация, и как реэмиграция, и как сугубо вынужденная миграция. Например, по мнению Ж.А. Зайончковской, 2/3 всех современных мигрантов из стран ближнего зарубежья – это репатрианты. Такой подход, на наш взгляд неверен, особо принимая во внимание особенности появления стран «ближнего зарубежья» и получения гражданства России (до начала 2001 г.), в частности, русскими, оказавшихся в этих странах в большинстве своем в результате добровольных внутренних переселений их дедов и прадедов.

И еще один важный признак понятия «репатриация» обусловлен ролью государств, из которых выезжают и в которые возвра-

щаются. Так, в русской версии многоязычного демографического словаря ООН отмечается, что возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживавшихся в чужой стране организуется государственной властью**.** Большинство мигрантов из стран ближнего зарубежья переезд в Россию, как мы увидим ниже, осуществляли и до сих пор осуществляют без поддержки государственных структур, как стран-выезда, так и России. Именно поэтому, говоря о возвращении российских соотечественников в Россию, будет более правильным употреблять термин «репатриация» в отношении скорее соотечественников из стран дальнего, чем ближнего зарубежья, поскольку «возвращение на историческую Родину» из стран Запада по своему определению невозможно без вмешательства государства.

Говорить об иммиграции из стран ближнего зарубежья строго с научной точки зрения можно лишь с 1992 г., с момента образования отдельных самостоятельных государств на территории б. СССР. Вместе с тем, сам процесс возвращения русского населения из этих государств в прошлом становится заметным со второй половины 60-х годов. Особенность же предшествующего периода заключалась в том, что данное возвращение было обусловлено в первую очередь экономическими причинами и выступало, если так можно сказать, в форме реэмиграции. Другими словами речь шла о мигрантах, въехавших в страны ближнего зарубежья из России в 50-е – 60-е гг. Но столкнувшись с резко возросшим давлением на рынке труда со стороны местного населения, они, в большинстве своем, стали возвращаться в Россию, меньшая часть мигрировала на Украину и в Прибалтику. При этом надо иметь ввиду, что сохранялись жесткая ограничительная система по переселениям, например, в крупные города, распределительная практика молодых специалистов по всей стране, миграция по общественным призывам и другие формы полупринудительного характера, которые часто не учитывали изменений, происходивших в трудовой и демографической сферах в

Закавказье и Средней Азии. Но именно эти изменения становились главным фактором «реэмиграции».

Ситуация коренным образом изменяется в конце 1991 г. в связи с распадом СССР на отдельные самостоятельные государства, между которыми сразу же была возведена государственная граница, а в самих этих государствах, за исключением России, стала проводиться политика (где-то более, где-то менее явная) по выталкиванию населения некоренной национальности. В силу сложившейся ситуации, Россия с ее «прозрачными границами» превращается в мощный иммиграционный центр, куда устремились миллионы бывших советских граждан. И хотя имела место и эмиграция из России, о чем мы писали выше, в целом иммиграция, которая приняла разнообразные формы (вынужденная, добровольная, нелегальная), была значительно выше, составив, по официальным данным, за 1992–2000 гг. 6,2 млн. человек. Если к ним прибавить 1,2 млн. беженцев и более 2 млн. официально незарегистрированных, то общая численность «возвратившихся» в Россию из стран ближнего зарубежья за эти годы составила, по минимальным оценкам, около 10 млн. человек, из которых примерно 70% составили непосредственно русские. Столь высокий приток населения в Россию (более чем по 1 млн. в год) стал для нее в 90-е годы значимым фактором политического, экономического и демографического развития.

С политической точки зрения очень важно было показать, что Россия может быть тем центром, который готов принять миллионы своих соотечественников из ближнего зарубежья. Отсюда и «прозрачные границы» со стороны России с большинством из бывших союзных республик. И хотя России до сих пор не удалось решить проблемы, связанные еще с первой волной беженцев из-за войны между Азербайджаном и Арменией (январь-февраль 1990 г.), как, впрочем, и с последующими волнами из Средней Азии, Грузии, Казахстана и др., как и не удалось сформировать эффективную федеральную миграционную политику и принять соответствующие законы о гражданстве Российской Федерации, об иностранцах и

др., тем не менее переселение миллионов бывших советских граждан из стран ближнего зарубежья на постоянное жительство в Россию, как и временная трудовая миграция сотен тысяч не только русских, но и коренных жителей этих стран, стало, видимо, важнейшим ее политическим шагом в 90-е годы, который необходимо не только усилить, но и наполнить новым содержанием.

Не менее важной представляется и экономическая значимость иммиграции из стран ближнего зарубежья. В частности, Россия получает возможность хотя бы частично компенсировать экономические потери от «утечки умов», эффективно используя иммигрирующих высококвалифицированных специалистов из стран ближнего зарубежья, зачастую и подготовленных в прошлом непосредственно в России.

Заметим, что иммиграция, как массовое социально-экономическое явление характерно, главным образом, для более развитых стран мира, в значительной степени способствуя их экономическому и демографическому развитию. Как писал в 1989 г. известный американский экономист Дж. Саймон, «в целом иммигранты прибавляют к общему американскому капиталу и даже составу физических ресурсов больше, чем вычитают. Каждая новая, прибавляющаяся группа людей – конечно, в разумных пределах, например, от 500 тыс. до 2 млн. чел. В год, дает чистый плюс, анеминус» (1.с..309).

Правда, для того, чтобы получить плюс, необходимы соответствующее внимание и разумная политика по отношению к иммиграции, тем более, если речь идет о возвращении соотечественников на историческую родину, примером чему могут служить, например, Германия конца 80–90-хх годов и Израиль, обладающих при этом, в отличие от США, очень небольшой территорией (357 тыс. кв. км. и 21 тыс. кв. км. соответственно).

Для России с ее огромной территорией (17 млн. кв. км. и плотностью 9 человек на 1 кв. км., например США с 9,6 млн. кв. км. и плотностью 28 чел. на 1 кв. км., или Япония с 378 тыс. кв. км. и 336 чел. на 1 кв. км.) экономическое освоение отдельных регио-

нов страны (например Сибири и Дальнего Востока, Центрального Нечерноземья) и в прошлом, и в настоящее время всегда представлялось довольно сложной экономической задачей. Решение этой задачи усугублялось и продолжает усугубляться трудозатратным типом экономики, требующим, помимо прочего, дополнительных рабочих рук, которых, несмотря на структурный рост безработицы в России, явно не хватает. При этом появляются не только регионы, но и целые сферы производства, куда неохотно стали идти россияне. Только в 1993–1995 гг., несмотря на рост безработицы, в России свободных рабочих вакансий насчитывалось около 444 тыс. И лишь половину из них сумели заполнить за счет иммигрантов и иностранной рабочей силы.

Таким образом, можно утверждать, что для экономического освоения всех регионов России ее собственного населения становится явно недостаточно и одним из решений данной задачи может быть более активное привлечение иммигрантов и иностранной рабочей силы, один из главных потенциалов которых находится непосредственно в странах ближнего зарубежья. Более того, именно этот потенциал становится с 1992 г. ведущей компонентой динамики общей численности населения России, переживающей в настоящий момент серьезный демографический кризис, который, в свою очередь, стал основным фактором, блокирующим все экономические программы по возрождению России.

В условиях огромной территории (свыше 23 млн. кв. км в начале XX в. и 17 млн. кв. км в начале XXI в.), для 2/3 которой характерны сложные (суровые) природно-климатические условия, при трудозатратной экономике, которая господствует по сей день, демографический фактор, особенно общая численность населения, и прежде всего его трудоспособная часть, имеют для России особо значимую роль. Примечательно в связи с этим отметить, что одна из западных концепций обусловливает крушение царской России тем, что она «не справилась с высокими темпами экономического роста». Не полемизируя по поводу «высоких темпов», особенно

после поражения в русско-японской войне, тем не менее зададимся вопросом, «почему же не справилась», как не справилась впоследствии (60-е – 90-е гг.) и Россия советская. Как не в состоянии, учитывая при этом уровень производительных сил и уровень технического оснащения производства, его территориальные особенности, сделать существенный поступательный шаг в экономическом развитии современная Россия?

Ответ на этот вопрос может быть сложным, если принимать во внимание множество факторов, обусловливающих развитие России. Если же выделить главный из них, то ответ довольно «прост» – России явно «не хватало населения, на что обратил внимание уже в середине XVIII в. М.В. Ломоносов, который в трактате 1761 г. «О сохранении и размножении российского народа» писал о том, что численность населения, её увеличение представляет для России огромное значение и именно в этом видел «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» (3.с.131).

Более того, по нашему глубокому убеждению, какую бы модель экономического развития не выбрала сегодняшняя Россия, лучшее, на что она может рассчитывать в условиях современного демографического кризиса, это лишь на некую экономическую стабилизацию. Если даже на минуту представить, что на Россию в ближайшее время обрушится «золотой инвестиционный дождь», кто будет осваивать «золотые капиталовложения» на огромной территории центрального Нечерноземья – сотня, другая 70-летних стариков? Или на ещё более огромной территории Дальнего Востока, где и таковых нет? Причём «нехватка населения» начинает со всей остротой ощущаться уже во времена Петра I и особенно Екатерины II, хотя само демографическое развитие, например, на рубеже предыдущих двух веков (XIX и XX вв.) существенно отличается от ситуации конца XX в. – начала XXI в. (табл. 6.1). На начало XX столетия численность населения России достигла 70 млн. человек, что было чуть меньше, чем в США. Вместе с тем, естествен-

ный прирост в России более чем в 2 раза превышал естественный прирост в США, более 3 раз – в Германии, и почти в 8 раз – во Франции. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в России равнялся 7 (среднее число детей на одну женщину репродуктивного возраста), в США – 4,5, во Франции – 2,8.

Таблица 6.1

Компоненты изменения численности населения России, 1897–2012 тыс. человек

Год / период	Численность населения на конец периода (года)	Общий прирост (убыль)	в том числе	
			Естественный прирост	Миграционный прирост
1897–1916	91000	23527	24392	-865
1917–1926	93600	2600	5100	-2500
1927–1940	111359	17759	16960	799
1941–1945	97547	-13812	-9953	-3859
1946–1950	102945	5398	6505	-1107
1951–1955	112266	9321	9991	-670
1956–1960	120766	8500	9283	-783
1961–1965	127189	6423	6944	-521
1966–1970	130704	3515	4107	-592
1971–1975	134690	3986	4180	-195
1976–1980	139028	4338	3731	607
1981–1985	143835	4807	3938	869
1986–1991	148515	4680	3750	930
1917–1991	148515	57515	64536	-7022
1992	148562	47	-219	266
1993	148356	-206	-732	526
1994	148460	104	-874	978
1995	148292	-168	-822	654
1996	148029	-263	-777	514
1997	147802	-227	-741	514
1998	147539	-263	-692	429
1999	146890	-649	-919	270
2000	146304	-586	-949	363
2001	145649	-654	-933	279
2002	144964	-686	-917	231
2003	144168	-796 (-630)*	-889	93 (259)*
2004	143475	-694 (-533)*	-793	99 (260)*
2005	142754	-721 (-564)*	-847	126 (282)*
2006	142221	-533 (-374)*	-687	154 (313)*
2007	142009	-212 (-115)*	-452	240 (355)*

Окончание таблицы 6.1

Год / период	Численность населения на конец периода (года)	Общий прирост (убыль)	в том числе	
			Естественный прирост	Миграционный прирост
2008	141988	-121 (-10)*	-363	242 (352)*
2009	141986	-2 (96)*	-249	247 (345)*
2010	141904	-82 (32)*	-240	158 (272)*
2011	142095	191	-129	320
2012	143347	291	-4	295
1992–2012	143347	-5151	-13228	6953(8077)*

Источник: Население СССР 1973. М., 1975. С.14, 70; Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998. С. 32–34, 84–85; Демографический ежегодник России 2005–2010. М: Росстат. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2012 году. М.,ФСГС, 2013.

* Данные, пересчитанные с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Вместе с тем, наряду с очень высокой рождаемостью для России начала прошлого века была характерна и высокая смертность, чуть менее, чем в 2 раза превышающая её общий уровень в США, Франции, Великобритании, при очень высокой младенческой смертности. Для православного населения последняя «зашкаливала» за 300 ‰, более, чем в 3 раза превышая этот показатель в развитых странах мира, соответственно, средняя продолжительность предстоящей жизни была почти в 2 раза ниже, чем в этих странах. При этом, сальдо миграции, которое вплоть до 1890 г. было положительным, к рубежу двух веков становится отрицательным, каковым и остаётся почти до конца 70-х гг., в отличие от США, где чистая иммиграция по сей день остаётся важным положительным фактором демографического развития.

Таким образом, можно утверждать, что при трудозатратной экономике в царской России имел место и «человекозатратный» тип воспроизводства населения, что в совокупности, при прочих равных условиях, просто не могло способствовать высоким темпам экономического развития, не говоря уже об экономическом освоении огромной территории страны.

Вместе с тем, история XX в., как собственно и предыдущего века, изобилует таким количеством потрясений (смена общественно-экономических формаций, 3 войны, интервенция, голод, политические репрессии, прежде всего против крестьянства, которое составляло на начало века более 85% населения, и др.), которые не могли не сказаться на росте населения, демографическом развитии России в целом. Так, только за 1941–1946 гг., по различным подсчётам, б. СССР потерял около 25 млн. человек, из них более половины пришлось непосредственно на Россию. И, тем не менее, за первые 50 лет советской власти в демографическом развитии нашей страны произошли кардинальные положительные изменения. Уже к 1970 г. доля городского населения России превысила 60%, общий коэффициент смертности в 1964 г. составил 7,2‰, по существу один из самых низких показателей в мире, на данный период, младенческая смертность снизилась более, чем в 10 раз, достигнув 23‰, тогда как в США – в 4 раза, в Западной Европе – в 5 раз, средняя продолжительность предстоящей жизни возросла более, чем в 2 раза, составив 69 лет для обоих полов, в США этот показатель увеличился с 52 до 72 лет. Суммарный коэффициент рождаемости, хотя и снизился до 2,34, то есть почти в 3 раза, оставался ещё на уровне расширенного воспроизводства.

Одним словом, налицо значительные демографические успехи, не случайно сопровождающиеся наиболее высокими темпами роста производительности труда, определённым экономическим подъёмом. Хотя уже и в этот период «нехватка населения» для отдельных регионов России начинает всё более негативно сказываться на их развитии. И особенно это стало заметно к концу 60-х гг., когда необходимо было сделать следующий шаг: внести значительные средства на борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, дальнейшего снижения младенческой смертности, развернуть в обществе пропаганду здорового образа жизни и бережного отношения к своему здоровью, к человеческой жизни вообще, то есть то, что, собственно и было в основном сде-

лано на Западе, что затем в теории народонаселения было названо «вторым демографическим переходом».

Бывший СССР, ставший заложником собственной идеологии и вынужденный выступать внешним донором по поддержанию мирового военного паритета и социалистической системы в целом, не смог сделать этого шага сугубо из-за отсутствия необходимых для этого средств, как и сохраняя «призрачную» надежду, что демографические проблемы в социалистическом обществе разрешаться сами собой, стоит только ещё более укрепить военную, а соответственно, и экономическую мощь социалистического содружества. При этом, что не менее важно, Россия оказалась ещё и внутренним донором, поскольку единственная из бывших союзных республик только отчисляла средства в союзный бюджет, ничего не получая обратно, что лишь усугубляло её дальнейшее демографическое развитие, которое в свою очередь всё более и более препятствовало развитию экономическому.

Но означает ли данное ухудшение демографических показателей, что страна уже в 70-е гг. вступила в демографический кризис, который лишь «слегка обострился» в 90-е гг., что главные причины резкого ухудшения демографической ситуации в середине 90-х гг. кроются лишь в советском прошлом? А ведь именно на этом акцентируют всё своё внимание такие российские демографы, как Вишневский А.Г., Захаров С.В., Андреев Е.М. и некоторые другие, которые, например, свои доклады о сегодняшних проблемах смертности обязательно начинают с конца 60-х гг. и лишь на второй, а чаще третий – четвёртый план ставят «псевдодемократические преобразования» 90-х гг. При этом высказывается даже мнение, что реального повышения смертности в 90-е гг. практически не было (2. с.166–168), а коэффициент младенческой смертности вообще стал ниже и собственно в демографическом плане в отношении смертности ничего неожиданного не произошло, да и вообще на фоне прошлого «потери последующего десятилетия не кажутся особенно большими». Между тем, с 1999 г., по-

сле двухлетнего небольшого снижения вновь стал расти общий коэффициент смертности: в 1999 г. он составил 14,7‰, в 2000 г. – 15,3‰, против 13,6‰ в 1998 г.

С другой стороны, Б.С. Хорев, А.И. Антонов и многие другие связывают современный демографический кризис в первую очередь со снижением рождаемости и разрушением семьи, обусловленных сугубо политическими и экономическими преобразованиями 90-х гг., считая, что столь пагубных демографических тенденций в мирное время в истории страны вообще не наблюдалось. Правда, при этом не всегда понятно, что же имеют в виду эти авторы, когда говорят о «глубоком демографическом кризисе» в России, обозначая его чаще всего термином «депопуляция» или иногда термином «демографическая катастрофа».

Подчеркнем при этом, что снижение рождаемости – это ведь не только уменьшение темпов роста населения или даже его естественная убыль, если имеет место превышение смертности. Это и главный фактор, а в России в настоящее время и единственный, демографического старения, роста «демографической нагрузки» пожилого населения на трудоспособное население, которая, как правило, представляет собой отношение нетрудоспособного населения в возрасте 60 лет и старше к трудоспособному населению.

В настоящее время она превысила в странах Европы, в т.ч. и в России, 0,3 (т.е. 300 нетрудоспособных пожилого возраста на 1000 трудоспособного населения). К 2030 г. этот показатель прогнозируется до 0,6 и к 2050 г. – до 0,8. И это уже сейчас становится огромной проблемой, которую еще не до конца осознали и которая потребует существенной перестройки всей социальной сферы, значительных финансовых ресурсов, неподъемных (при нынешней системе распределения материальных благ) в полной мере даже для развитых стран мира, не говоря о др. государствах, в т.ч. и России. В целом по миру к началу 2000 г. общая численность лиц в возрасте 60 лет и старше составила около 600 млн. человек, к 2050 г. она прогнозируется в 2 млрд. человек!

Что же все-таки представляет собой демографический кризис, означает ли он устойчивую депопуляцию (то есть нулевой или отрицательный естественный прирост), обусловленную в первую очередь снижением рождаемости, или это «ухудшение» всех демографических показателей, или это некие качественные изменения в населении, имеет ли он место в современной России и можно ли его рассматривать аналогично экономическому кризису как одной их циклических фаз производства? Так, С.Захаров на начало 90-х годов насчитал 9 демографических периодов (4 в XIX в. и 5 в XX в.), для которых было характерно значительное снижение темпов роста населения (в ряде случаев ниже нулевой отметки), что он и обозначает как демографические кризисы. Налицо неправомерное отождествление таких понятий как «депопуляция» и «демографический кризис». При этом естественно и депопуляция, которая, на наш взгляд, представляет собой длительный процесс «нулевого» воспроизводства с переходом в отрицательный прирост населения, также трактуется не совсем верно, отсюда и выделение пяти далеко не равнозначных с демографической точки зрения периодов.

До начала 90-х годов можно выделить лишь один период (1941–1945), когда имела место абсолютная убыль населения со значительной амплитудой падения. Причем падение затронуло и естественное, и миграционное движение населения. Но удивительного в этом падении ничего нет, поскольку оно связано с одной из самых кровопролитных войн в истории не только нашей страны, но и всего человечества. «Удивительное» начинается с 1992 г., когда по нарастающей население России стало убывать, несмотря на значительный за 1992–2000 гг. миграционный прирост (более 3,2-х млн. чел.). При этом естественная убыль населения составила почти 7 млн. человек, т.е. около 60% естественной убыли военного времени 40-х годов, а 2000 г. стал своего рода «рекордсменом» по этому показателю, достигнув почти миллиона человек.

Население России сократилось за 90-е годы примерно на 2%, против, скажем, 30% в Армении (одного из наиболее низких до са-

мого высокого показателей убытка населения среди бывших союзных республик). Можно утверждать, таким образом, что ни в Армении, ни тем более в России, к счастью, пока говорить о демографической катастрофе преждевременно. Правда, в отличие от Армении, где убыль происходит за счет миграционного оттока, в России – это результат естественной убыли.

Другой не менее распространенный термин – это депопуляция, под которой часть исследователей понимают, собственно говоря, отрицательный естественный прирост, что позволяет, например, А.Г. Вишневскому утверждать, что «с точки зрения демографической динамики она (Германия – В.И.) находится примерно в том же положении, что и Россия», забывая добавить при этом, что в Германии, наблюдаемая с 1971 г. естественная убыль населения измеряется вот уже много лет в сотых процента, в то время, как в России на порядок выше.

На наш взгляд, депопуляция – это суженное воспроизводство населения, при котором каждое новое поколение не восполняет предыдущее. Это процесс, который может наблюдаться довольно длительное время и не обязательно сопровождаться отрицательным естественным приростом, а тем более абсолютной убылью населения. При том же коэффициенте суммарной рождаемости, составляющим в России в настоящее время 1,2 (для воспроизводства он должен превышать 2,15), возможен нулевой или даже небольшой рост населения, кстати, наблюдаемый в конце 90-х гг. в уже упоминавшейся Германии – результат низкой смертности и значительного миграционного притока. Заметим, что депопуляция непосредственно в России началась в конце 60-х гг. и соответственно, если утверждать, что Россия переживает именно это явление, естественно можно говорить о том, что основные причины современной ситуации в стране заключаются в первую очередь в советском прошлом.

В России же в 90-е гг. сложилась ситуация военного времени 1941–1945 гг., когда впервые наблюдалась значительная абсолют-

ная убыль населения. Именно резко нарастающая абсолютная убыль населения и является характерной, определяющей чертой такого понятия как демографический кризис, под которым мы понимаем резкое ухудшение всех основных демографических процессов: быстрое снижение рождаемости, сокращение брачности и рост разводимости, снижение средней продолжительности жизни, резкий рост смертности, в первую очередь, среди мужчин трудоспособного возраста, сохранение относительно высокой младенческой смертности, усиление эмиграции, приводящей, в частности, к «утечке умов», и как апогей – значительная абсолютная убыль населения и ухудшение качественных характеристик населения.

Такое понимание демографического кризиса, сопровождаемого кризисом семьи и проблемами старения населения, позволяет, к сожалению, констатировать, что с 1993 г. Россия стала одной из немногих стран в мире, переживающей полномасштабный демографический кризис. И главная причина этого заключается не в «советском прошлом», как это пытаются доказать, например, демографы нынешней Высшей школы экономики, хотя и оно несомненно внесло с конца 60-х гг. свою негативную лепту, а в политических и социально-экономических преобразованиях 90-х годов, в ходе которых про демографический фактор окончательно «забыли».

Каковы же перспективы, возможен ли уже в ближайшем будущем выход России из демографического кризиса или он завершится демографической катастрофой? Вопрос чрезвычайно важный для страны, поскольку численность населения, ее рост был и остается для России одним из основных факторов ее развития. Ей всегда не хватало и сейчас не хватает населения для освоения всей огромной территории. Для тех же, кто не понимает его важности, как, например, В.А. Тишков, который пишет, что «одержимость обязательным ростом населения и страх перед «вымиранием» есть проявление отсталого сознания и плохого знания» (Независимая газета, 10.10.2000), остается лишь порекомендовать, если это во-

обще нужно, обратиться хотя бы к работе нашего великого соотечественника М.В. Ломоносова, о которой мы говорили выше.

Но прежде чем сказать о перспективах, несколько подробнее об одном, на наш взгляд, ошибочном утверждении, получающим все большее распространение, которое рассматривается чуть ли не как единственный путь выхода из демографического кризиса, переживаемого Россией. Речь идет об определяющей роли миграции в современном демографическом развитии. Действительно, и мы не раз уже об этом писали, международная миграция населения все более и более обусловливает демографическое развитие практически всех развитых стран, становиться главной компонентой динамики численности населения этих государств и в обозримом будущем таковой и останется.

Вместе с тем уповать только на миграционный приток, что только миграция выведет нас из демографического кризиса, по крайней мере, наивно. При всей значимости иммиграции, как демографического процесса, необходимо ясно представлять ее роль при той или иной демографической ситуации. Не останавливаясь подробно на этом важном вопросе, заметим лишь, что наш анализ показал: при нарастающем демографическом кризисе международная миграция не способна коренным образом изменить ситуацию, тем более в России с ее огромной территорией. Она может его сгладить, что само по себе, конечно, важно, смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной мере решить отдельные региональные проблемы и локальные демографические задачи, но не более. Пример развитых стран убедительно показывает, что миграция может быть эффективным средством лишь в условиях депопуляции. Выход из демографического кризиса в России и ее дальнейшее поступательное развитие возможны только при комплексном подходе, а именно: стимулировании роста рождаемости или, по крайней мере, ее стабилизации, уменьшении смертности, привлечении мигрантов, рассмотрении человеческой жизни, как самой главной ценности государства, в

соответствии с чем и разрабатывать меры демографической политики в целом, и миграционной политики, в частности.

Пока же, практически все прогнозы (и отечественные, и зарубежные) конца 90-х годов предсказывают дальнейшую убыль российского населения, обусловленную сохранением естественной убыли и сокращением миграционного прироста, по отдельным оценкам, чуть ли не до 100 млн. к 2050 г. Есть и еще более пессимистические варианты развития, к которым автор относится с большим недоверием. Тем не менее, несомненно, что при сохранении современных демографических тенденций Россия неминуемо скатывается к демографической катастрофе, восстать после которой будет (если это вообще возможно) чрезвычайно сложно, по крайней мере в современных территориальных границах.

Возможен ли другой, более благоприятный вариант развития? Да, возможен, но только в том случае, если общество в целом, его политические и административные руководители в особенности, наконец осознают первостепенность демографических проблем, первоочередность их решения, исходя из стратегических интересов России в новом столетии, примут как аксиому необходимость демографической экспертизы при принятии любых проектов и программ, признают значимость и важность демографического образования на всех уровнях, от школьной скамьи до подготовки и переподготовки кадров, которые, прав был классик, решают всё. И в этом плане обнадежило первое Послание президента В.В. Путина, в котором впервые в такого рода документах демографическая проблема была обозначена как приоритетная, где были замечательные слова: «Россия – это прежде всего люди, которые считают ее своим домом». Главное надо было начать воплощать их в жизнь, как это сделал, став во главе государства, французский президент Шарль де Голль, взявший под личный контроль решение не менее сложных демографических проблем, переживавших его страной в середине XX века. Для России личный президентский контроль за решением приоритетных проблем (включая такие как

военная, наука и образование, здравоохранение) особенно значим и необходим. К сожалению, во втором Послании нашего Президента (2001 г.) данная приоритетная проблема практически не нашла отражение, а за прошедший 2000 год демографическая ситуация лишь ухудшилась. В этих условиях приток наших соотечественников из-за рубежа, даже небольшой, как это имеет место из дальнего зарубежья, представляется чрезвычайно важным для развития России.

6.2 Иммиграция населения в Россию из стран дальнего зарубежья

В отношениях с дальним зарубежьем современная Россия выступает больше как страна эмиграции, чем страна иммиграции. Хотя изначально именно иммиграция была определяющим миграционным процессом, поставляя России дополнительное население из Германии, Голландии, Кореи, Китая и других государств Запада и Востока.

Начало массовой иммиграции в России, в ее современном понимании, приходится на царствование Петра Великого, когда в страну хлынул первый поток иммигрантов. Хотя и относительно небольшой, он представлял собой заметное явление, поскольку допускались в Россию главным образом военные специалисты, состоятельные деловые люди, ученые. При Елизавете Петровне (1741–1761) усиливается стремление правительства к заселению южных пустынных окраин России иностранными колонистами. Но здесь акцент делается уже на крестьянские массы.

Более массовый же характер иммиграция в России приобретает во времена царствования Екатерины II (1762–1796), стремление которой к дальнейшему расширению империи неизбежно требовало роста населения. Не случайно в гл. XII–XIII своего знаменитого «Наказа» (своеобразной программы нового царствования) она говорит о необходимости максимального размножения населения и колонизации пустынных пространств.

Принятые ею в 1762–1764 годах манифесты и были направлены на привлечение иностранцев на пустующие земли между Доном и Волгой. Для этих целей манифестом 1763 года в С. Петербурге была создана специальная «Канцелярия Опекунства Иностранных» (по сути одна из первых в мире государственных служб по миграции), которой ежегодно выделялось до 200 тыс. рублей на оказание помощи иностранцам при их переселении в Россию. При этом переселенцам гарантировались религиозные права, свобода от платежей податей на несколько лет, свобода от военной службы, невмешательство чиновников во внутренние дела колоний иммигрантов.

Эти манифесты через специальных посланников были обнародованы в Германии, где вызвали сильное движение среди бедной и неимущей части ее населения. Именно колонисты из Пфальца, Вюртемберга и ряда других немецких земель и составили подавляющее большинство среди иммигрантов, въехавших в Россию во второй половине XVIII века. Только в 1764–1766 годах в Саратовской и Самарской губерниях было образовано 102 колонии с численностью около 50 тыс. человек. Всего же за время царствования Екатерины II только немцев переселилось в Россию более 300 тыс. человек.

В целом же, по данным десятой ревизии (1857 г.), к этому времени в 12 губерниях, где селились иммигранты, только лиц мужского пола насчитывалось порядка 202 тыс., всех же колонистов – более 450 тыс. человек. Надо подчеркнуть, что доля немецких колонистов и в дальнейшем оставалась довольно высокой. Например, с 1857 по 1890 годы чистая иммиграция в России составила около 300 тыс. человек. Из них, 183 тыс., т. е. более 60% – немцы. Можно выделить также иммигрантов из Австро-Венгрии – 96 тыс. (32%), из Румынии – 6 тыс. и Турции (в основном, болгары и греки) – 5 тыс.

И в последующие годы иммиграция не только не уменьшается, но и еще более увеличивается. Так, с 1881 по 1903 годы она составила более 830 тыс. человек. Заслуживает внимания резкое увеличение к концу этого периода иммиграции из Персии, доля

которой достигла 28%, из Турции – 9%, из Китая – 4,5% и Кореи – 4%. И хотя доля немцев снизилась, чуть ли не вдвое (до 35%), их численность и в этот период осталась самой высокой. По первой Всероссийской переписи населения в 1897 году в стране насчитывалось уже 1,8 млн. лиц немецкой национальности. Причем 77% из них приходилось на крестьян, которые играли немалую роль в российской экономике. Российские немцы, часть из них приняла православие, вообще оставили заметный след в русской истории и культуре. Это Д. Фонвизин и А. Фет, К. Брюллов и И. Крузенштерн, П. Шмидт и Н. Бауман и многие, многие другие. Среди немецких иммигрантов и сейчас можно назвать немало имен, составляющих гордость нашей науки и культуры.

Немалый вклад в развитие земельного хозяйства Дальнего Востока внесли корейские и китайские иммигранты, хотя в целом значение иммиграции в освоении этого региона России было менее значительно, чем в центре. Исторически первыми были не столько китайцы, сколько корейцы, и именно они стали наиболее значимой группой, которая впоследствии стала неразрывной частью российского народа.

Заметим в связи с этой иммиграцией, по мнению такого авторитетного автора, как В.В. Граве, корейцы представляли «несомненно полезный элемент». «Оседание корейцев – считал В.В. Граве – и связанное с ним приведение в культурный вид глухих мест в тайге, кроме пользы ничего принести не может и если бы вовремя было обращено на это внимание, то, несомненно, Приамурье не представляло бы ныне во многих местах пустыню, а ряд оазисов, возделанных корейцами, вокруг бы которых селились наши колонисты».

Но надо сказать, что была и другая точка зрения, представители которой обращали внимание на «желтую опасность» в лице корейцев, японцев и китайцев. Лучше всего эту точку зрения выразил генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, который 8 марта 1908 года писал министру внутренних дел России: «Захват значительных площадей корейцами равносилен ослаблению нашего положения на бе-

регах Тихого океана. Рассчитывать, что корейцы, даже перешедшие в наше подданство и принявшие православие, будут ассимилироваться с русским населением нет никакого основания, так как опыт показал, что проживающие в Южно-Уссурийском крае уже 40 лет корейцы, за немногими исключениями, сохранили свою национальность в полной мере и остаются во всех отношениях чуждым нам народом… Желтая опасность сильно грозит Приамурью, поэтому необходимо принимать против нее радикальные меры…» И далее добавлял: «Я предпочитаю пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский».

Вместе с тем, несмотря на прямо противоположные мнения местных губернаторов и других представителей российской власти, был один общий момент, определяющий их политику в отношении корейцев и китайцев в целом, а именно: корейские переселенцы представляли собой самую дешевую рабочую силу для развития сельского хозяйства и всей экономической жизни Дальневосточного края. Однако в отличие от не менее дешевых китайцев и японцев, эмиграция корейцев в большей мере определялась их стремлением к постоянному жительству в России, к полной интеграции в российском обществе и с этой точки зрения данная эмиграция была важным демографическим фактором для Дальневосточного края.

Мы привели прямо противоположные мнения о роли корейцев в России не только потому, что они представляют исторический интерес. К сожалению многие вопросы, поставленные жизнью тогда, не были решены и позже уже в годы Советской власти, а часть из них не снята с повестки дня и в современной России.

Говоря об иммиграции, необходимо сказать, что, наряду с положительными моментами, имели место и некоторые негативные последствия массовой иммиграции. В частности, в 30-летний период после Петра I происходит «засилье» иностранными учеными. Так, в середине XVIII века из 107 членов Академии Наук в Санкт-Петербурге лишь 34 были русскими. Вспомним в связи с этим яро-

стную борьбу М.В. Ломоносова против иностранцев за утверждение в своем отечестве именно российских ученых, причем, не обязательно русских по национальности, но обязательно русских по духу, душой болеющих за российскую науку, за благополучие России. Далее, как отмечалось на рубеже XIX–XX веков, сильный наплыв персов на юго-восток России и побережье Каспийского моря (более 170 тыс. человек), хотя и используемых в основном на черных работах, вел к понижению и без того низкой заработной платы, ухудшая тем самым условия рабочих, прибывающих туда из внутренних российских губерний. Аналогичное наблюдаем и на Дальнем Востоке, где китайцы получали значительно ниже русских рабочих, хотя и в этом случае это было в 3,5 раза больше, нежели у себя в Китае. Такая дешевизна труда китайцев, как и корейцев и японцев, вела к вытеснению российских рабочих из многих отраслей промышленности Дальнего Востока. А в конечном счете приводила к увеличению вывоза золота за рубеж. По оценкам, в конце XIX – начале XX веков за границу из этого региона России вывозилось иностранными рабочими по 6 млн. рублей в год. Такое положение становилось возможным по мере утраты контроля со стороны государства за иммиграционными процессами.

При этом надо подчеркнуть важную особенность данной иммиграции, а именно, ее, в основном, временный трудовой характер. Можно вообще утверждать, что иммиграция в Россию в целом была обусловлена в основном экономическими причинами, хотя имели место и политические мотивы, как в случае с болгарской эмиграцией из Турции или поселения в России греков и сербов, служивших добровольцами в наших войсках во время Крымской войны.

В связи с последним целесообразно сказать еще об одной группе «поселенцев», сыгравших впоследствии довольно заметную роль в политической жизни России. Речь идет о лицах еврейской национальности, первоначально оказавшихся на территории Российской Империи в значительном числе в результате 3-х разделов

Польского государства между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией, и, наконец, «Венского Конгресса» (1815 г.), в соответствии с которым «Царство Польское» полностью вошло в состав российской империи, а само польское государство прекратило свое существование более чем на 100 лет, на территории которого к этому времени проживала большая часть мирового еврейского населения. Ведь еще в начале 1776 года в России насчитывалось всего 7 человек еврейской национальности!, в то время как в Польше более 577 тыс., что, в частности, было обусловлено очень строгими ограничениями в отношении еврейской иммиграции. Известны, например, слова императрицы Елизаветы: «От врагов христовых не желаю интересной прибыли», которая таким образом пыталась оградить интересы русского капитала.

Их численность начинает возрастать во времена царствования Екатерины II, которая уже в 1791 г. приняла Указ, уравнивающий евреев в правах с купцами, ремесленниками и мещанами тех городов и местечек, в которых они проживали в момент, когда эти города и местечки, бывшие раньше польскими, стали российскими. Этому же способствовал и Указ Александра I от 1804 г., в соответствии с которым «все евреи могут быть принимаемы и обучаемы, без различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и университетах». Не случайно уже к 1815 г. общее число евреев-русских подданных составило около 1,2 млн. человек. По переписи 1897 г. численность лиц еврейской национальности составила 5,1 млн. человек. По данным известного еврейского демографа Я. Лещинского в 1915 г. их насчитывалось 5,5 млн. человек, не считая тех, кто эмигрировал в Америку в конце XIX – начале XX столетий (по тем же оценкам свыше 1,5 млн.).

Наряду с поощрительными мерами с конца XVIII в. все более начинают выступать запретительные акты против иммигрантов, которые зачастую были обусловлены политическими и военными соображениями, хотя экономический фактор все же, видимо, был преобладающим. Так, уже в 1796 году, пытаясь предотвратить влияние

Великой французской революции, принимаются ограничительные меры в отношении иностранцев. Можно отметить указ Александра I от 1804 года, в соответствии с которым число иммигрантов-поселенцев ограничивалось до 200 семей в год. При этом предпочтение отдавалось крепким хозяевам. Для новых поселений был выделен Новороссийский край (Одесса, Феодосия и др.).

В 1871 году принимаются существенно новые правила об устройстве иностранцев, становившихся при въезде «поселянами-собственниками», поскольку с 1842 года их иммиграция происходит не на казенные земли, как прежде, а на купленные ими земельные наделы. С 1874 года они начинают привлекаться к отбыванию воинской повинности, что, в частности, вызвало среди въехавших ранее иммигрантов определенный отток. Так, многие менониты, считающие использование оружия несогласным с их религиозными убеждениями, предпочли покинуть Россию, в которой они прожили уже свыше 100 лет.

1904–1916 годы – это время значительного сокращения иммиграции в Россию, что было обусловлено ухудшением политической и экономической ситуации, поражением в русско-японской войне, началом первой мировой войны. В эти же годы принимаются и наиболее одиозные указы в отношении иностранцев. Так, в 1916 году издается закон против «немецкого засилья», в развитие которого было подготовлено изгнание из Поволжья всех немцев, намеченное на апрель 1917 года. Свержение монархии помешало осуществлению этого «грандиозного» акта.

Но то, что не успел царь Николай II, то, что отложил Керенский, с успехом осуществил в 1941 году Сталин, правда, с тем изменением, что выслал всех немцев не за пределы страны, а в казахстанские степи. И вновь, как на примере эмиграционных процессов, наблюдаем удивительные аналогии в действиях власть держащих, несмотря на все их общественно-политические различия.

В целом же за рассматриваемый период чистая иммиграция в Россию составила около 4 млн. человек и в демографическом от-

ношении она не оказала особо заметного влияния на численность населения страны, как это было, например, в США, куда за эти годы иммигрировало более 20 млн. человек. Но для отдельных регионов России, как в демографическом, так и в экономическом плане, роль иммиграции оказалась довольно значительной, несмотря на все те минусы, о которых шла речь выше.

Несколько слов об адаптации иммигрантов в России, для которой исторически была присуща многонациональная структура населения. Для простого русского народа, его лучших представителей интеллигенции всегда была характерна терпимость и уважение к другим народам, населяющим Россию. Не случайно уже в царствование Екатерины II получают распространение термины «российский народ», «российское общество», неотъемлемым элементом которых стали и иммигранты. И, в первую очередь, те из них, для которых Россия стала Отечеством, а служение ему смыслом их жизни.

Позднее, уже в советское время была предпринята попытка трансформировать российское общество в новую социальную общность «советский народ». Однако, по существу, принимаемая «снизу», эта попытка наталкивалась на декларации «сверху». И не здесь ли корень национальных раздоров, буквально захлестнувших бывший Союз? И не умышленная ли политика власть держащих, как далекого и недалекого прошлого, так и настоящего, порождала и порождает национальный пожар, в котором в конечном счете неоднократно горели и сами его творцы?

Необходимо обратить внимание на то, что, наряду с иммиграцией иностранных граждан с начала XX века получает развитие и реэмиграция российских граждан, главным образом русских. Так, только в 1908–1910 гг. из США в Россию возвратилось около 15 тыс. русских. По статистике США, которая начала регистрировать реэмиграцию по странам с 1908 г., в 1911–1920 гг. число «русских реэмигрантов» (включай украинцев и белорусов) составило еще 69 тыс. В целом, по оценкам В.М. Кабузана, реэмиграция из

США в Россию в XIX в. составила около 18% от общего числа российских эмигрантов в США. Определенная реэмиграция русских имела место и из других стран, куда мигрировали в этот период российские эмигранты.

В этот же период можно отметить и процесс репатриации российских граждан, который был обусловлен Первой Мировой Войной. По отдельным оценкам к 1918 г. в Россию было репатриировано 3,2 млн. российских граждан, главным образом из числа российских военнопленных.

С 1917 года политические и идеологические мотивы занимают главенствующее место в иммиграционной политике. Уже в декабре 1917 года принимается первое иммиграционное Постановление, резко ограничившее миграционный поток в Россию только политическими мигрантами. Надо сказать, что в первые годы советской власти десятки тысяч иностранцев, истинно верящих в социалистическую идею, устремились в Россию. Причем их прием в советское подданство был максимально упрощен, вплоть до принятия в советское гражданство даже тех из них, кто еще находился за границей, но изъявил желание ехать в Россию. Предоставление всех политических прав российских граждан иностранцам – рабочим было зафиксировано и в первой советской конституции (1918 год).

С введением НЭПа, наряду с политическим, начинает приниматься во внимание и экономический фактор. При этом больше руководствуются не классовой принадлежностью иммигрантов, а наличием у них соответствующих средств производства и капитала. В промышленность привлекаются иностранные специалисты, в которых Россия ощущала большую нехватку, в частности, в связи с массовой эмиграцией своих специалистов в первые годы советской власти.

Вновь возобновляется иммиграция корейцев, китайцев, в небольших размерах японцев и других на Дальний Восток и в Сибирь (соответственно 57,8%, 41,3%, 0,5%, 0,4%). В 1926 году здесь насчитывалось, например, уже более 169 тыс. корейцев, что более чем

вдвое больше, чем в 1917 году. Из них 20% к этому времени уже имели советское гражданство. В 1937 году большинство из корейцев были насильно переселены в Казахстан и Среднюю Азию. Не случайно из общего их числа в 439 тыс. в 1989 году 183 тыс. проживало в Узбекистане, 103 тыс. в Казахстане и всего 107 тыс. в России, причем на Дальнем Востоке лишь половина из них, многие их которых без советского гражданства.

С началом коллективизации кратковременный экономический период иммиграции в советскую Россию фактически заканчивается: на нет сходит иммиграция американских фермеров, значительно сокращается иммиграция специалистов в промышленность, от услуг которых совсем решили не отказываться, учитывая набирающую темпы индустриализацию. В начале 30-х годов полностью прекращается поток иммигрантов на Дальнем Востоке. Вновь во главу угла выдвигаются политические и идеологические мотивы. Так, согласно Положению о гражданстве от 13 июня 1930 г., убежище в СССР могли получить теперь только иностранцы, преследуемые исключительно «за революционно-освободительную деятельность.»

В 20-е и 30-е годы имела место и относительно небольшая реэмиграция из числа эмигрантов «большой советской волны» 1917–1925 гг. Эту реэмиграцию можно разделить на две части. Первая часть, по численности очень небольшая (не более 300 человек), но очень значимая по социальному и профессиональному уровню. Среди наиболее известных людей можно назвать М. Горького, А. Толстого, А.И. Куприна, М.И. Цветаеву, А.Н. Вертинского, Л.П. Красавина, И.Л. Кондакова, Д.П. Мирского и др. Вторая часть, состоявшая из военнослужащих-крестьян и служащих среднего звена, «случайно» оказавшихся среди эмигрировавших из России, была значительно больше, достигая, по оценкам, до 3 тысяч человек.

В 1936–1939 годах получает развитие многотысячная иммиграция испанцев, спасающихся от фашистского режима. Позже, в конце 40-х – середине 50-х годов, в Союз въехало около 120 тыс.

армян из Сирии, Ирана, Греции и др. (всего за годы советской власти – более 170 тыс.), 70 % из которых поселилось непосредственно в Армении. В 60-е годы с приходом к власти в Греции «черных полковников» десятки тысяч греков иммигрировали в СССР. Подобная иммиграция, но в меньших размерах, имела место в последующие годы из других «горячих точек» планеты, например, курдов из Ирана. Вместе с тем надо подчеркнуть, что часть из этих «политических иммигрантов» позднее с приходом к власти в странах выезда демократических режимов вернулись к себе на родину или, как армяне, выехали на Запад: во Францию, США, Австралию. В целом за годы советской власти чистая иммиграция в страну составила порядка миллиона человек.

В 1981 году был принят новый закон о правовом положении иностранных граждан, который учитывал изменения, происшедшие в мире к этому времени, согласовывался с документами Хельсинского совещания 1975 года, и тем не менее, отвечая основным нормам международного права, он фактически не коснулся вопросов, например, индивидуальной трудовой иммиграции и в целом все-таки ориентировался на «закрытое» общество.

А вместе с тем, уже в середине 70-х годов в страну хлынул поток трудовых мигрантов из Болгарии, Польши, Румынии и других бывших социалистических европейских стран. Позже к ним прибавились рабочие из Кубы, Вьетнама, КНДР. Наконец, в самые последние годы появляются рабочие и специалисты из Китая, Турции, Австрии, Финляндии и других западных государств. Всего на начало 90-х годов в стране насчитывалось более 200 тыс. иностранных рабочих и специалистов, причем значительная часть из них непосредственно в России.

С распадом СССР ситуация коренным образом изменяется, что было обусловлено и распадом социалистической системы в целом. Практически прекращается миграция в Россию из бывших социалистических стран, зато резко возрастает иммиграция из так называемого ближнего зарубежья. Ведь Россия единственная из всех

ныне «независимых государств Содружества» готова принять всех желающих в нее въехать, будь то русские или грузины, узбеки или эстонцы, армяне или украинцы. Последнее в очередной раз убедительно свидетельствует о национальной терпимости большинства россиян (несмотря на усилия определенных сил обострить национальные противоречия), их поистине интернациональном духе, в лучшем смысле этого понятия, об исторической миротворческой миссии русского народа в трудные для Российского государства времена. Однако, в 2000-е годы в России все более и более распространяется нетерпимость, враждебность и ксенофобия по отношению к мигрантам.

Источники

1. (J.L. Simon, The Economic Consequences of Immigration. Blackwell, 1989.
2. Население России. 1999. Отв. ред. Вишневский А.Г. М. 2000.
3. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 2. М. 1986.

Глава 7

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ОБЩИНЫ ЗА РУБЕЖОМ*

Теоретические и практические (статистические) подходы к идентификации русских за рубежом

К моменту распада СССР (вначале 1990-х гг.) за его пределами проживало примерно 2 млн. человек с «русскими корнями». Это «старая» часть русской диаспоры сформировалась в результате миграции в дореволюционный и советский периоды. Распад СССР и активная эмиграция из России на протяжении последних лет существенно увеличили численность россиян и русских за границей. Относительно их численности существуют противоречивые и неточные оценки, которые даются на основе разных подходов, не имеют общей методологической базы. По некоторым данным численность русских и представителей народов России в мире (за пределами России) составляет 25–30 млн. человек. Это означает, что численность русская (русскоговорящая) диаспора находится на втором месте в мире после китайской диаспоры.

Несмотря на существенную активизацию эмиграции из России после распада Советского Союза, в настоящее время не существует единого статистического источника по эмиграции из России и численности российских мигрантов за рубежом. Можно выделить несколько источников информации, использованных нам и в данном исследовании.

Первый источник – данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Они показывают численность эмиг-

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00497-а

рантов из России, выехавших на постоянное место жительства за рубежом. Данные ежегодно публикуются в сборнике «Численность и миграция населения Российской Федерации» и «Демографический ежегодник России». Однако, эти сведения имеют существенный недостаток – они учитывают только тех, кто снялся с регистрации по месту постоянного жительства в России, «не замечая» многочисленную категорию эмигрантов, которые живут и работают за границами России, не снимаясь с регистрационного учета по месту жительства в России. Этот источник информации занижает сведения о числе российских эмигрантов.

Второй источник – данные Федеральной миграционной службы России (ФМС). Они показывают численность россиян, которые выехали для временного трудоустройства за границу. Сведения можно считать относительно доступными – они публикуются в сборнике «Мониторинг легальной трудовой миграции в России» и «Труд и занятость в России». Нужно отметить, что первый сборник не издавался ФМС последние годы. А второй – выходит только 1 раз в год (по нечетным годам). Другим, недостатком данного массива информации является учет только тех временных трудовых мигрантов из России, которые трудоустроились через официальные каналы (фирмы, имеющие лицензию ФМС на трудоустройство, а также непосредственно через ФМС). Однако, исследования показывают, что многие российские граждане в настоящее время находят работу за рубежом, минуя официальные каналы, выезжая в различные страны по рабочим, деловым, туристическим и гостевым визам, напрямую выходя на работодателей и минуя учет ФМС. Масштабы временной трудовой эмиграции из России на порядок выше, чем это показывают данные ФМС.

Третий источник – данные Министерства иностранных дел России, которые основаны на сведениях посольств и консульств, которые в свою очередь базируются на данных консульского учета. Например, по официальным данным МИД к 2006 г. на консульском учете в качестве постоянно проживающих за границей со-

стояли 1,5 млн. российских граждан. Однако, данные эти не публикуются в статистических сборниках. Кроме того, данные включают только тех российских граждан, которые зарегистрировались в посольствах и консульствах. Однако, делают это не все россияне в силу разных обстоятельств.

Четвертый источник – данные национальной статистики стран, принимающих основные потоки мигрантов из России. Эти данные публикуются национальными службами принимающих стран. Однако, в некоторых государствах по-прежнему используется категория «граждане бывшего СССР», хотя такой страны нет уже более 20 лет. На международном уровне эти сведения систематизируются и публикуются Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ежегодно в сборнике «Обзор миграции». Эти сведения доступны по следующим категориям: численность эмигрантов из России в ежегодной динамике (миграционные потоки); численность российских граждан, получивших гражданство принимающих стран в ежегодной динамике; численность людей, родившихся в России, но проживающих на территории принимающей страны в ежегодной динамике; численность граждан России, проживающих за рубежом в ежегодной динамике. Парадоксально, но данные зарубежной статистики фиксируют большую численность россиян за границей и более адекватно отражают масштабы явления российской эмиграции.

Можно ли называть русских и мигрантов из России, живущих за рубежом диаспорой? Широкое понимание диаспоры предполагает рассмотрение «этнической группы, проживающей вне исторической родины или основного ареала расселения» (11, с. 7). В узкой трактовке в дополнение к этим признакам выдвигается определенная институциональная структура, помогающая этносу сохранять свою идентичность, язык и культуру. Российский социолог Ж. Тощенко понимает под диаспорой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в ином этническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа), имеющих социальные институты для

развития данной национальной общности (12, с. 80). Некоторые исследователи предполагают, что наиболее типичными чертами диаспоры являются рассеяние по отношению к родине, коллективная память и мифологизация утраченной родины, возвратная миграция (репатриация), чувство солидарности с этническими собратьями и пр. (13, с. 115). Другие ученые в качестве основных признаков диаспоры называют пребывание этноса за пределами страны происхождения, отрыв от исторической родины, сохранение национальной самобытности и содействие ее развитию, устойчивость к ассимиляции, наличие организационных форм своего существования, осуществление социальной защиты своих членов (12, с. 79).

Традиционный термин «диаспора» практически не применим к русским и российским гражданам, живущим за пределами России. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, русские и россияне, живущие за пределами России, представляют собой очень многообразную группу в этническом, религиозном, социальном и политическом отношениях. Русские эмигранты за рубежом оказались в разное время, выехав из России по разным причинам и в разных социально-экономических и политических условиях. Например, в числе эмигрантов из России, кроме этнических русских много евреев, немцев, украинцев, татар, чеченцев, армян и представителей многих других народов. Большинство из них говорят по-русски, поскольку прожили в России долгое время и несколько поколений. Русский язык – это вторая важнейшая характеристика мигрантов из России (кроме страны происхождения). Кроме того, русский язык – реальный социальный инструмент, скрепляющий русских за рубежом. В последнее время в разных странах активизировалась публикация газет и журналов на русском языке. Часто сами мигранты и их окружение называют «русскими» всех, кто имеет хоть какое-то отношение к России (родился там, приехал оттуда, его родители или прародители русские по происхождению, говорит на русском языке и пр.). Например, в Германии даже этнических немцев часто называют

«русскими немцами». В США, Канаде, Австралии и многих других странах «русскими» называют всех, кто родился и приехал с территории бывшего СССР, независимо от гражданства и этнической принадлежности.

Во-вторых, русские и россияне во многих странах очень быстро и хорошо интегрируются в принимающие общества. Часто мигранты из России уже в первом поколении интегрируются настолько успешно, что пытаются отказаться от российской идентичности. Например, в наших исследованиях мы зафиксировали случай в Сиднее, где программист-эмигрант последней волны из России, женившийся на гражданке Австралии, назвал сына Майклом (не Михаилом) и не хочет общаться с ним по-русски. Очень показательный, но, конечно, экстремальный случай – отец лишает ребенка знания дополнительного языка. Очевидно, что столь успешная ассимиляция русских в принимающих странах обусловлена их стремлением к интеграции, а также некоторыми объективными характеристиками мигрантов из России. Они, обычно, имеют высокий уровень образования, активны в бизнесе, прагматичны, легко приспосабливаются к новой ситуации, быстро осваивают язык.

В-третьих, русским не свойственная консолидация и компактное проживание. Наоборот, русские стремятся жить обособленно от других русских мигрантов. Они скорее ориентируются в выборе жилья на социальный статус, чем на этничность или страну происхождения соседей. Районов компактного проживания русских, а тем более замкнутых анклавов, практически не существует. Есть исключения типа Брайтон-бич в Нью-Йорке и некоторых других крупных городах. Однако, обычно, это не русские районы в «чистом» виде, или они складывались в особых социально-экономических условиях, имеют многонациональный компонент. Русские редко консолидируются в обычной жизни, чаще только под влиянием внешних угроз или экстремальных внешних обстоятельств. Практически не развита организованная государственная или общественная инфраструктура адаптации русских ми-

грантов за рубежом. Например, «русские» общественные организации, действующие за рубежом, выполняют функции «клубов по интересам» для уже адаптировавшихся мигрантов, нежели оказывают реальную поддержку вновь прибывшим мигрантам.

В-четвертых, многие русские и представители народов России, которые проживают за рубежом, попали туда не как эмигранты, а по причине изменения границ между государствами. Например, распад Советского Союза в 1991 г. оставил за пределами России около 25 миллионов русских и других российских народов. Многие из них сильно ориентированы на Россию, стремились получить российское гражданство или вернуться в Россию. Это уникальная форма образования диаспоры или общины, которая свойственна немногим народам и накладывает отпечаток на ее менталитет и существование.

В государственных документах и научной литературе используются разные термины по отношению к гражданам России и этническим русским, проживающих за границей. Изначально, в официальных российских документах и на практике использовалась категория «граждане Российской Федерации», которая была основана исключительно на наличии российского гражданства. Это отражалось на взаимодействии государства с мигрантами, живущими за границей. Оно было достаточно ограниченным. Однако, постепенно трактовка расширилась и в конце 1990-х годов произошел переход к более расширенной категории, стал использоваться термин «соотечественники» в отношении людей с русскими корнями, живущими за границей. Термин «соотечественник» впервые был закреплен на законодательном уровне в 1999 г. Согласно Федеральному Закону №-99, соотечественниками являлись: граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации; лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского госу-

дарства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства либо имеющие вид на жительство или ставшие лицами без гражданства; потомки лиц, принадлежащих к вышеуказанным группам, за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств (14). В этом определении был объединен этнический и территориальный принцип.

После старта Государственной программы оказания содействия добровольному переселению соотечественников в РФ, проживающих за рубежом, термин «соотечественник» стал вызывать дискуссию. Юридически, соотечественниками считались представители этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации и представители не титульных наций бывших советских республик. Однако, фактически, в процессе реализации Государственной программы термин «соотечественник» трактовался более широко. Например, участниками Госпрограммы становились представители титульных наций иностранных государств, проживающие в третьих странах. Например, киргиз, проживающий в Таджикистане, мог стать участником госпрограммы, в отличие от киргиза, проживающего в Киргизстане.

Другим важным моментом является статус представителей титульных наций иностранных государств, которые сохранили языковую, культурную и духовную связь с «русским миром». Многие таджики, киргизы, узбеки, украинцы и представители других народов говорят и думают по-русски, знают русскую культуру, оказались по политическим причинам отделенными от России. Имеют ли они право быть «соотечественниками»? В результате, Правительство Российской Федерации в июле 2010 г. в закон были внесены изменения. По новому закону понятие «соотечественник» было расширено: «1) соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории,

культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии; 2) соотечественниками за рубежом являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации; 3) соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства» (15).

Фактически был признан принцип самоидентификации. Сейчас закон гласит: «Признание своей принадлежности к соотечественникам, является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбора данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Российской Федерацией».

Итак, в отношении русских и граждан России, проживающих за рубежом более правомерен термин «русскоговорящие общины», чем «русская диаспора». «Общины», а не «диаспора» потому, что

русские слабо консолидированы и не объединены, хорошо интегрированы в принимающее общество и не очень сильно ориентированы на родину. «Общины», а не «община», потому что в каждой стране и даже регионе одной страны существуют существенные отличия между русскими, кроме того, они практически не взаимодействуют между собой. «Русскоязычная», а не «русская» потому, что очень разнообразна в этническом отношении и чаще всего только русским языком как средством общения и коммуникации.

Русскоговорящие общины в странах «старого» зарубежья: численность и особенности расселения

Существенная активизация эмиграционных процессов из стран бывшего СССР после 1991 г. привела к увеличению численности русскоговорящих общин в странах «традиционного» проживания в «старом» зарубежье (например, в США, Канаде, Европе), так и к их появлению в самых отдаленных уголках мира. Наиболее достоверными источниками информации о русском населении можно считать национальные переписи населения. В разных странах переписи населения фиксируют русских тремя способами (или их комбинацией): по месту (стране) рождения, по владению языком, по самоидентификации. К сожалению, унифицированная методика отсутствует. Отсюда, достаточно трудно делать адекватные сравнения присутствия русских по странам, а также сложно выявлять динамику русских в странах, в которых преобладает второй и третий способ фиксации (язык и самоидентичность). Это обусловлено тем, что мигрантам свойственно изменять идентичность спустя некоторое время после проживания в принимающей стране по мере интеграции в общество. А их дети, как правило, лучше владеют языком принимающей страны, чем русским. Тем не менее, в настоящем параграфе, описываются наиболее крупные русскоговорящие общины в различных государствах мира в порядке их численности.

Русскоговорящие общины в США и Канаде

США традиционно привлекали значительное число эмигрантов из России. Активная эмиграция началась еще во времена существования Российской империи, усилилась в начале XX века, продолжилась после Октябрьской революции, новый всплеск отмечался в 1970–1980е гг. и был связан с еврейской эмиграцией из России и, наконец, миграция в США резко возросла после распада СССР (табл. 7.1 и рис. 7.1).

Таблица 7.1.

Страны «старого» зарубежья с максимальной численностью русскоговорящих общин

	Максимальная оценка численности, человек (источник, год)	**Преобладающий способ идентификации русских**
США	3.163.084 (оценка, 2009)	Самоидентификация
Канада	500.600 (перепись, 2006)	Самоидентификация
Бразилия	50.000 (оценка, 2010)	Самоидентификация
Германия	187.835 (оценка, 2008)	Гражданство
Франция	115.000 (оценка, 2010)	Самоидентификация
Великобритания	100.000 (оценка, 2010)	Самоидентификация
Аргентина	100.000 (оценка, 2012)	Самоидентификация
Австралия	67.055 (перепись, 2006)	Самоидентификация
Куба	50.200 (перепись, 2002)	Самоидентификация
Бразилия	50.000 (оценка, 2013)	Самоидентификация
Румыния	35.719 (перепись, 2002)	Гражданство
Финляндия	26.909 (оценка, 2008)	Гражданство
Болгария	18.497 (оценка, 2005)	Гражданство
Греция	18.219 (перепись, 2001)	Гражданство
Китай	15.609 (перепись, 2000)	Гражданство

Во-вторых, в 2000-е гг. существенно возросли объему и роль временной трудовой эмиграции россиян в США. Более того, начиная с 2004 г. объемы временной трудовой миграции перекрыли объемы эмиграции на постоянное место жительства. Т.е. эмиграция россиян в США не снижается, а трансформируется в иные формы.

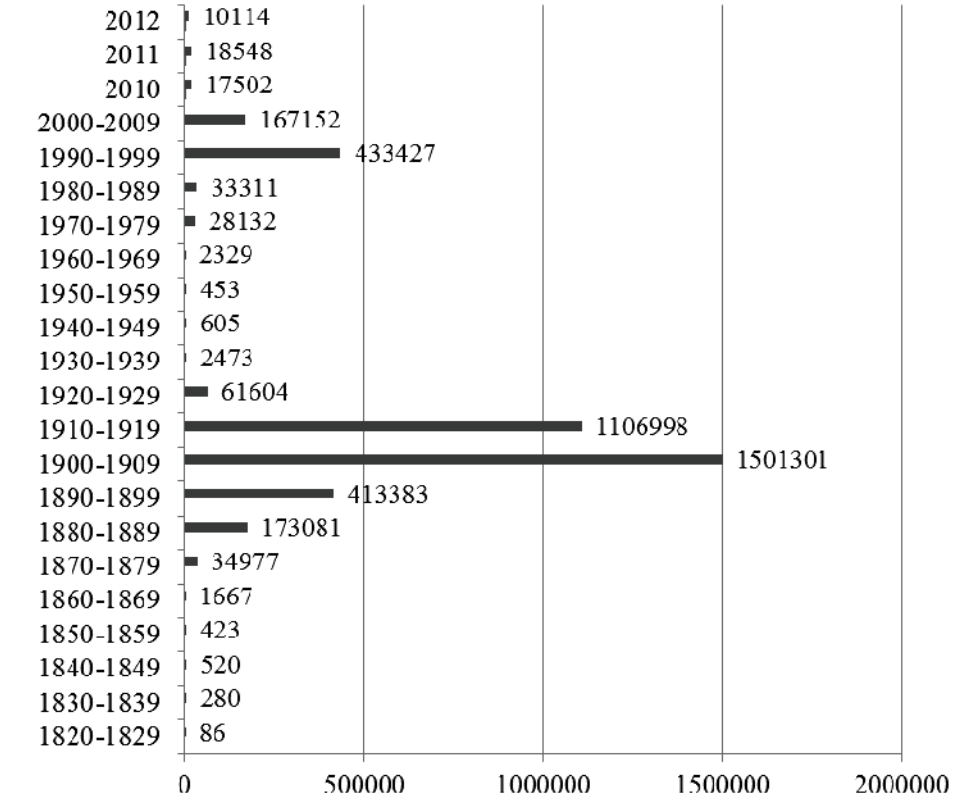

Рис. 7.1. *Численность иммигрантов в США из Российской империи, СССР и Российской Федерации в 1820–2012 гг., человек (16)*

Динамика эмиграции из России в США на протяжении 1990–2012 гг. имела следующие количественные и качественные закономерности (табл. 7.2.). Во-первых, эмиграция на постоянное место жительства была максимальной в 1990-е гг., особенно сразу после распада СССР, когда открылись границы и смогли выехать многие желающие. Затем она постепенно снижалась.

В-третьих, по американским данным объемы миграции из России в три раза больше, чем по российским сведениям. Совершенно очевидно, что это обусловлено меньшей точностью статистического учета мигрантов, выезжающих в России российской статистикой системой, по сравнению с учетом мигрантов, въезжающих в США со стороны американской системы контроля. В общей сложности за период 1991–2011 гг. по российским данным в США уехали 213 тыс. человек из Российской Федерации, а американские данные свиде-

тельствуют о том, что в то же самое время примерно 627 тыс. россиян получили легальный статус в США (табл. 7.2).

Таблица 7.2.

Миграционные потоки из Российской Федерации в США по данным российской и американской статистики, человек (17, с 131–133; 18, с. 136–137; 19, с. 471; 20, с. 444; 21)

Год	Эмигранты на постоянное место жительства	Временные трудовые эмигранты	Всего эмигрантов	Иммигрантов из России по данным американской статистики (справочно)
1991	11.014	…	11.014	433.427 (1990–1999 гг.)
1992	13.194	…	13.014	
1993	14.850	…	14.850	
1994	13.750	118	13.868	
1995	10.651	93	10.854	
1996	12.295	182	12.477	
1997	9.087	336	9.423	
1998	6.919	450	7.369	
1999	5.912	…	5.912	
2000	4.793	1.135	5.928	167.152 (2000–2009 гг.)
2001	4.527	1.153	5.680	
2002	3.134	1.739	4.873	
2003	3.199	2.237	5.436	
2004	2.919	6.073	8.992	
2005	4.040	7.409	11.449	
2006	3.109	13.457	16.566	
2007	2.108	11.542	13.650	
2008	1.722	13.698	15.420	
2009	1.440	9.740	11.180	
2010	1.461	12.070	13.531	7.502
2011	1.422	…	1.422	8.548
2012	…	…	…	10.114
Всего	**131.546**	**81.432**	**212.978**	**626.743**

Согласно более детальным данным американской миграционной статистики свидетельствуют о том, что пик получения статуса легального резидента в США пришелся на 2005 г., когда его получили 18 тыс. человек из Российской Федерации. Максимальное количество российских граждан получили американское гражданство в 2008 г. – 10 тыс. человек. Значительный поток в США из России

составляют также беженцы, численность которых достигла максимума в 2006 г. – 6 тыс. человек (табл. 7.3).

Таблица 7.3.

Миграционные потоки из Российской Федерации в США по данным американской статистики, человек (16)

Год	Получили легальный статус резидента в США	Получили гражданство США	Получили статус беженца
2003	13.935	6.669	1.394
2004	17.410	7.586	1.446
2005	18.055	8.297	5.982
2006	13.159	9.412	6.003
2007	9.426	7.660	1.773
2008	11.671	10.778	426
2009	8.238	9.490	495
2010	6.718	7.566	326
2011	7.944	8.257	165
2012	9.969	8.154	197

В результате активной миграции в США проживает максимальная численность русскоговорящих соотечественников в сравнении со всеми другими странами мира. Несмотря на то, что перепись населения в США проводится регулярно, как ни в одной другой стране, оценить численность русскоговорящих соотечественников однозначно достаточно сложно. Прежде всего, потому, что в США преобладает метод самоидентификации, вносящий существенную корректировку в численность русского населения. Иными словами, каждый человек в ходе переписи идентифицирует себя самостоятельно с той или иной этнической группой. Данные американских переписей населения позволяют выявить любопытную статистическую коллизию с русскоязычным населением: при значительном увеличении иммиграции из Российской Федерации и стран бывшего СССР в период 1990–2000 гг. происходило сокращение численности русских в США.

Например, по данным переписи 1990 г. свою этническую принадлежность как «русские» определили около 2,9 млн. человек.

Несмотря на активную иммиграцию русских в США, в переписи 2000 г. только 2,6 млн. человек в США назвали себя русскими (около 1% населения страны), а 706 тыс. человек владели русским языком (22, с. 46). Полагаем, что «сокращение» численности русских в США между переписями 1990 и 2000 гг. объясняется успешной интеграцией русских иммигрантов в американское общество. К 2009 г. по примерным оценкам в США проживали примерно 3,2 человек русского происхождения.

Второй источник информации в американской переписи – это данные о месте рождения. В 1990 г. примерно 390 тыс. человек назвали местом своего рождения СССР, т.е. были иммигрантами в первом поколении. По расчетным данным Бюро цензов с учетом иммиграции в 1994 г. в США проживали около 460 тыс. родившихся в России и странах бывшего СССР. В 2003 г. эта цифра составляла примерно 544 тыс. человек.

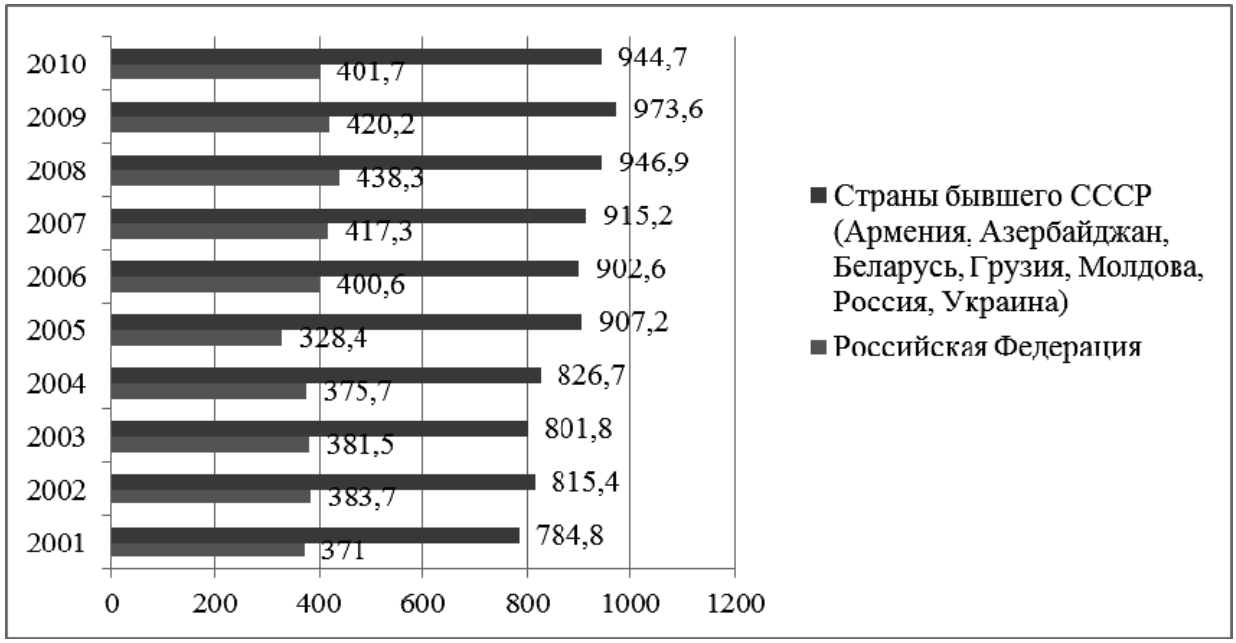

Рис. 7.2. *Численность населения, родившегося в странах бывшего СССР и проживающего в США, тыс. человек (на 1 января соответствующего года) (23)*

Таким образом, по американским данным за период с 1990 по 2003 гг. в основном за счет иммиграции численность родившихся в

России увеличилась на 154 тыс. человек (примерно на 40%). Это примерно соответствует данным российской статистики по эмиграции на постоянное место жительство из России в США, масштабы которой за 1991–2005 гг. составили 120 тыс. человек. Плюс к этому была временная трудовая миграция российских граждан, часть из которых «осела» в США. Однако, данные переписи населения США 2000 г. снова выявили несоответствие межпереписным расчетам – в стране проживали 340 тыс. человек, родившихся в России (22, с. 46). В 2010 г. их численность составила около 402 тыс. человек. Количество выходцев из основных стран бывшего СССР (включая Россию) составляло около 945 тыс. человек (рис. 7.2).

В составе выходцев из стран бывшего СССР в США преобладают женщины (около 57%) (рис. 7.3). Понятие «русские» в США довольно широкое. Как правило, оно включает представителей многих этнических групп и мигрантов различных волн. Достаточно часто в США русскими называют всех, кто говорит на русском языке, происходит из бывшего СССР или имеет русских родителей или прародителей. Большая часть (39%) представителей русской общины живет на Северо-востоке США. Наибольшая численность – в Нью-Йорке – порядка 300 тыс. человек, причем с 1991 г. по 2000 г. она практически удвоилась. Темпы роста численности русских составили 190%. Быстрее русских росло только количество мексиканцев, бангладешцев и пакистанцев. В Нью-Йорке есть районы компактного проживания выходцев из России. Прежде всего, это Брайтон-бич на Манхэттене, а в последние годы и район Бруклин. Выходцы из бывшего СССР и России, опираясь на социальные связи и миграционные сети, предпочли селиться компактно, это позволяло им лучше адаптироваться к новым условиям жизни в США. В особенности это было свойственно еврейским мигрантам, благодаря которым собственно и появился Брайтон-бич. Это уникальный социо-культурный феномен, представленный концентрацией бизнеса, инфраструктуры, сервисов, ориентированных на русскоговорящее население. Его уникальность в том, что русского-

ворящим мигрантам за границей, как правило, не свойственно компактное проживание. Очевидно, что именно еврейский компонент иммиграции стал «ядром» формирования такого уникального социального феномена как Брайтон-бич.

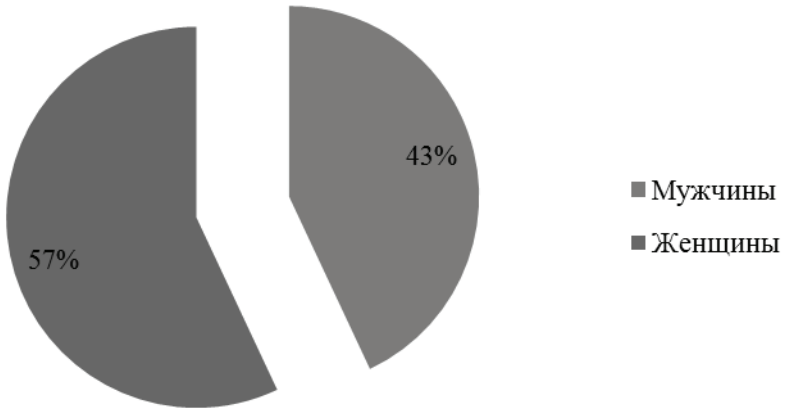

Рис. 7.3. *Половая структура населения, родившего в странах бывшего СССР и проживающего в США в 2009 г., %*

Примерно 25% русских живут на Западе США – здесь крупнейшая русская община размещается в Калифорнии, прежде всего, в Сан-Франциско, и Лос-Анджелесе, а также в Сиэтле. Нужно отметить, что примерно 130 тыс. российских специалистов и программистов работают в США, в большинстве своем в Силиконовой долине (24, с. 119). Согласно данным Бюро цензов США в городе Писфул Вэлли (штат Вашингтон) о русском происхождении заявляют более 22% жителей. В городе Конкордиа (штат Нью-Джерси) около 22% жителей назвали себя русскими. В городе Уишкек-сити (Северная Дакота) – более 20,1%, Мэйфилд-боро (Пенсильвания) – 20%, Макинтош–каунти (Северная Дакота) – 19,9%, Уиттингэм (Нью-Джерси) – 19%, Клирбрук-парк (Нью-Джерси) – 18,7%, Пайкс-вилл (Мэрилэнд) – 18,5%, Рослин-истэйтс-виллидж (Нью-Йорк) – 18%, Хьюлит-Харбор-виллидж (Нью-Йорк) – 17,9% (25). Порядка 19% русских живут на Юге страны – во Флориде, в Майами, а 17% – на Среднем Западе – главным образом в Детройте.

Второй страной после США по численности русскоговорящей общиной обладает Канада, где по примерным оценкам около 500 тыс. человек имеют русские «корни» (по данным переписи 2006 г.). В основном они расселены в Торонто и Монреале. Следует отметить, что особенностью русскоязычных общин в Канаде является то, что они включают большое количество выходцев из Украины. Согласно данным канадской переписи 1996 г. в стране насчитывалось только 272 тыс. человек российского происхождения (1% населения). Основной рост численности русскоговорящей общины в Канаде произошел за счет активной миграции в 1990–2010 гг. По данным российской статистики эмиграция из России в Канаду была более масштабной в 1990-е гг., в 2000-е гг. ее масштабы несколько сократились. По примерным расчетам с 1997 по 2011 гг. в Канаду переехали более 12 тыс. россиян. По канадским данным в 2000–2009 гг. канадское гражданство получили около 36 тыс. российских граждан (табл. 7.4).

Таблица 7.4.

Миграционные потоки из Российской Федерации в Канаду по данным российской статистики, человек (17, с 131–133; 18, с. 136–137; 19, с. 471; 20, с. 444; 21)

Год	Эмигранты на постоянное место жительства	Временные трудовые эмигранты	Всего эмигрантов	Граждане России, получившие гражданство Канады
1997	1.333	…	1.333	…
1998	1.181	…	1.181	…
1999	1.190	…	1.190	…
2000	841	…	841	3.113
2001	812	…	812	3.417
2002	725		725	3.379
2003	701	94	995	3.438
2004	783	37	820	3.796
2005	628	15	643	4.077
2006	552	67	619	4.621
2007	571	66	637	3.677
2008	516	137	653	3.324
2009	457	88	545	2.714
2010	497	394	891	…
2011	471	…	471	…
Всего	**11.258**	**898**	**12.156**	**35.556**

Русскоговорящие общины в Латинской Америке

Латинская Америка не сразу получила популярность как направление эмиграции русских. Это связано с ее удалённостью от России и других крупных центров русской эмиграции, особыми социально-экономическими, культурно-языковыми и климатическими условиями. Тем не менее, русскоговорящие общины в Латинской Америке довольно многочисленны (прежде всего, в Аргентине и Бразилии), а эмиграция из России в регион все более активизируется в современных условиях. Прежде остановимся на некоторых исторических особенностях формирования русскоязычных общин в регионе. Можно выделить несколько этапов русской иммиграции в Латинскую Америку.

Первый этап – ***дореволюционная миграция (1870–1917 гг.),*** начавшаяся во второй трети XIX века и продолжавшаяся вплоть до Октябрьской революции. Иммиграцию русских стимулировала иммиграционная политика стран Латинской Америки, которая была направлена на привлечение переселенцев и рабочих в сельскохозяйственные районы.

Пытаясь решить вопросы социально-экономического освоения обширных территорий, Аргентина и Бразилия стали проводить активные информационные кампании через прессу и агентов колонизационных обществ в Европе и Российской империи. Были изданы специальные законодательные акты: «О поощрении иммиграции в Аргентину» (1876 г.) и «О полной натурализации иностранцев в Бразилии» (1889 г.), стимулировавшие иммиграцию в страны (26, с. 14). Такие страны как Уругвай, Парагвай, Перу и Чили стремились с помощью иммигрантов решить экономические проблемы (развитие промышленности и сельского хозяйства) и этнодемографические и геополитические вопросы (стимулировать рост населения, увеличить долю белого (европейского) населения, укрепить внешние границы).

В свою очередь эмиграцию из России в Латинскую Америку стимулировали такие «выталкивающие» факторы как политиче-

ские события 1905–1907 гг., неурожаи и голод в Центральной России, религиозные противостояния в России. Например, после революции 1905 г. в России некоторые революционеры нашли политическое убежище в Бразилии. В 1906 г. «староверы», недовольные литургическими новшествами, внедряемыми Русской православной церковью, с целью поддержания своих религиозных убеждений решили покинуть Россию (2). Следует отметить, что доля русских переселенцев в потоке дореволюционной миграции в страны Латинской Америки была незначительной на фоне переселенцев из других государств Восточной Европы. В социальном отношении среди русских переселенцев доминировали крестьяне. Тем не менее, на протяжении дореволюционного этапа миграции в общей сложности в Аргентину переселились около 164 тыс. выходцев из России, в Бразилию – 108 тыс., в Уругвай – около 7 тыс. человек. Безусловно, не все эти люди адаптировались успешно в принимающих странах, но они сформировали ядро русскоговорящих общин в Латинской Америке.

Переселенцы из России первоначально расселялись правительствами Аргентины и Бразилии в сельскохозяйственные районы. В это время даже появились названия русских поселений в Аргентине. Однако, в сельскохозяйственных районах были достаточно сложные условия жизни, не все смогли приспособиться к новым условиям жизни и языковой среде и постепенно значительная часть русских переехали в крупные города, в первую очередь в Буэнос-Айрес. В Бразилии русские также концентрировались преимущественно в наиболее развитых районах – городах Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. Русская иммиграция в Бразилию сильно зависело от конъюнктуры на мировом рынке кофе. В периоды благоприятного экономического развития русские расселились в зоне плантаций кофе в штатах Сан-Паулу и Минас-Жерайс. Староверы, приехав в Бразилию, обосновались штате Мату-Гроссу, основав здесь маленькие сельскохозяйственные коллективные поселения. Интересно, что староверы ведут традиционный образ жизни в Бразилии до сих пор.

Русские иммигранты внесли определенную лепту в аграрное освоение Пампы, Ла-Платы, южной Бразилии, Уругвая, некоторых районов Центральной Америки и тихоокеанского побережья Мексики. Нужно отметить, что другие страны Латинской не имели значительной трудовой иммиграции из России в этот период времени.

В итоге, к началу XX столетия в ряде государств Латинской Америки уже проживали порядка 150 тыс. русских эмигрантов и их потомков. Главным образом они были сосредоточены в Аргентине и Бразилии (суммарно около 110 тыс. человек), Парагвае (около 10 тыс. русских), а также в Уругвае, Чили и Венесуэле (28).

Второй этап миграции русских начинается после Октябрьской революции и гражданской войны в России – ***послереволюционная миграция (1917–1940 гг.).*** Большая часть русских приезжала в качестве беженцев из России, стран Балканского региона, Центральной Европы, а затем Западной Европы (кадровые военные, остававшихся после Первой мировой войны в лагерях за пределами российской территории). Прежде всего, вторая иммиграция, состояла из беженцев из Росси. После революции 1917 г., но особенно в 1920 г. и позднее в Бразилию приехало большое количество «белых» русских из Крыма. Русские иммигранты были представителями разных социальных и профессиональных классов: студенты военных училищ, писатели, ученые, духовенство, офицеры и солдаты «белой» армии. Разными способами они переплыли Черное море до Стамбула, затем доехали до Галлиполя и острова Лемнос, а оттуда, направились в разные страны мира, в том числе и в Бразилию. В 1926 г., другая группа иммигрировала из России по маршруту Балтийского моря, пройдя через Эстонию и Финляндию, затем попали в Бразилию. В это время бразильские власти продолжали стимулировать приток иммигрантов. Например, власти штата Сан-Паулу предоставляли льготы на приезд людям, готовым работать в сельском хозяйстве (27).

Отличительной особенностью данного этапа русской иммиграции в Латинскую Америку было присутствие в миграционных

потоках значительного числа интеллигенции, в том числе военных. В большинстве своем они были представителями «белого» движения и ориентировались на Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай. Например, власти Парагвая, в знак благодарности за вклад русских специалистов в победу над Боливией в Чакской войне, с 1934 г. стали активно поощрять иммиграцию русских соотечественников, прежде всего военных. Столица Парагвая – город Асунсьон стал новым центром расселения русских в Латинской Америке. Русские иммигранты и их потомки стали играть заметную роль во внутриполитической жизни этого государства. Иммигранты новой волны также активно участвовали в освоении сельскохозяйственных районов Аргентины, основывая поселения в районах земледельческой колонизации.

В этот период русские беженцы также поехали в Чили, Перу, Мексику. Необходимо отметить, что первые переселенцы из России в Мексике появились ещё в 1905 г. по официальному разрешению императора Николая II. После революции в Мексике сформировалась очень активная и высокообразованная русскоговорящая община. Мексика стала одним из главных центров иммиграции русской интеллигенции, включавшей политиков, инженеров, философов, учёных, деятелей искусства. Русская интеллигенция сыграла значительную роль в экономической, политической, культурной жизни страны.

Третий этап – ***послевоенная миграция (1945–1950 гг.).*** Это короткий, но очень важный этап. Дело в том, что к началу 1940-х гг. эмиграция русских в Латинскую Америку практически полностью иссякла, но после окончания Второй мировой войны снова усилилась. В миграцию включились бывшие военнопленные, которые были угнаны фашистами с территории СССР, не могли или не хотели вернуться домой, а также ранних эмигрантов, которые не сумели интегрироваться в других странах. Особая роль в организации эмиграции принадлежит специальным обществам (например, Переселенческий комитет под руководством Грабе и Толстовский

фонд) и Русской Православной Церкви, стремившейся сохранить институты православия, на родине попавшие под прессинг советской атеистической власти (1, с. 15). Основной поток русских в это время направлялся в Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Парагвай, Мексику и другие страны. Большинство русскоговорящих мигрантов поселились в крупнейших урбанизированных приморских районах и столицах данных государств. В Буэнос-Айресе, например, в это время поселилось много русских монархистов из разных стран. И до сих пор в столице Аргентины русская община имеет особый монархический контекст.

Четвертый этап – ***1950–1980 гг.*** – был связан с сокращением общего объема миграции из России и изменением структуры миграционного потока. Единственной возможностью эмиграции из СССР стал брачный канал – некоторые русские женщины выходили замуж на студентов из стран Латинской Америки, обучавшихся в СССР, и выезжали с мужьями на их родину. Например, подавляющее большинство русскоязычной диаспоры в Колумбии составляют члены семей латиноамериканцев, которые обучались в советских вузах. В большинстве своем они живут в крупных колумбийских городах – Боготе, Медельине, Кали. Данное обстоятельство предопределило занятость русскоязычных мигрантов в системе образования, науки и коммерции.

Необходимо отметить, что в 1950–1960-е гг. страны Латинской Америки имели много политических и экономических проблем. Все это привело к тому, что многие русские из Латинской Америки в этот период времени эмигрировали в США, Канаду, Австралию, Западную Европу, определённая часть русских предпочла вернуться на историческую родину. В середине XX века русское население латиноамериканских стран перестало пополняться новыми группами русских переселенцев и стало сокращаться. Свой вклад в сокращение русского населения внесла политика ассимиляции и подавления идентичности, которая проводилась некоторыми диктатурами в Аргентине, Парагвае, Уругвае. Ассимиляция русских способство-

вала их неоднородность и разобщенность, отсутствие контактов и поддержки со стороны СССР. Этот период можно считать этап «заката русской эмиграции» в Латинской Америке.

Пятый этап – ***современная миграционная волна миграции,*** которая происходит с начала 1990-х гг. (после распада СССР) по настоящее время. Активизация миграция русских в Латинскую Америку связана с одной стороны с усилением действия выталкивающих социально-экономических и этнополитических факторов в странах бывшего СССР, а с другой стороны, с иммиграционной политикой ряда стран Латинской Америки по привлечению инвестиций и мигрантов на постоянное место жительства. Например, в 1990-е гг. Аргентина практиковала облегченные условия предоставления временного вида на жительства сроком на один год с возможностью продления и получения постоянного вида на жительство после трех лет проживания в стране. Власти Бразилии заявили о готовности абсорбировать для работы в наукоёмких отраслях до 10 тыс. высококвалифицированных специалистов из СНГ и Восточной Европы. Венесуэла привлекала иностранных специалистов для работы в нефтяной отрасли страны. Однако, экономические кризисы конца 1990-х гг. в Латинской Америке привели к ужесточению иммиграционного законодательства и существенно сократили миграцию из России (1, с. 12).

Данные российской статистики показывают, что трудовая эмиграция из Российской Федерации в Латинскую Америку в 2007–2010 гг. составила 45 тыс. человек (табл. 7.5). Однако, данная статистика включает только часть российских трудовых мигрантов, которые трудоустроились через фирмы, имеющие лицензию на право трудоустройства россиян за границей. В большинстве это персонал морских судов и технический персонал иностранных компаний, сотрудники российских компаний за рубежом. Неслучайно, основной поток трудовых мигрантов направляется в страны с «дешевыми флагами», к портам которых судовладельцы приписывают морские суда в целях экономии на налогах – Панама, Антигуа и Барбуда, Ба-

гамские острова, Белиз и пр. Конечно, это в большинстве своем временные трудовые мигранты, но многие из них, как показывает практика, остаются на длительные сроки на работу, а иногда и на постоянное место жительства за рубежом.

Таблица 7.5.

Трудовая эмиграция из Российской Федерации в страны Латинской Америки в 2007–2010 гг. по данным российской статистики, человек (29)

Год	2007	2008	2009	2010	Всего
Ангилья	170	32	61	0	**263**
Антигуа и Барбуда	1.433	1.923	1.657	2.275	**7.288**
Аргентина	110	11	143	3	**267**
Багамские острова	2.576	2.554	2.020	2.023	**9.173**
Барбадос	560	699	728	787	**2.774**
Белиз	1.699	1.417	1.148	1.360	**5.624**
Бермудские острова	51	84	73	192	**400**
Боливия	7	0	0	0	**7**
Бразилия	3	9	10	9	**31**
Венесуэла	22	0	321	1	**344**
Доминика	24	41	47	45	**157**
Доминиканская Республика	6	36	0	2	**44**
Колумбия	133	0	0	1	**134**
Панама	1.860	2.563	2.336	2.648	**9.407**
Перу	7	21	2	46	**76**
Сент-Винсент и Гренадины	2.132	2.094	1.517	1.147	**6.890**
Сент-Китс и Невис	207	130	456	350	**1.143**
Уругвай	41	76	174	270	**561**
Фолклендские острова	7	0	0	0	**7**
Чили	76	4	33	1	**114**
Эквадор	1	0	0	0	**1**
Ямайка	120	172	174	1	**467**
Всего	**11.245**	**11.866**	**10.900**	**11.161**	**45.172**

В последнее время в Российской Федерации агентства по эмиграции, трудоустройству и продаже недвижимости за границей стали активно «продвигать» на рынке возможности работы и жизни, инвестиций и даже получения гражданства в таких латиноамериканских странах как Эквадор, Доминиканская Республика, Кос-

та-Рика, Сальвадор, Бразилия, Аргентина и др. Не всегда ожидания потенциальных эмигрантов оправдываются, не всем удается хорошо интегрироваться в принимающих странах, но поток эмиграции из России в Латинскую Америку возрастал в 1990–2000-е гг.

По нашей оценке численность русскоговорящих общин во всей Латинской Америке в настоящее время может достигать 450–600 тыс. человек. Однако, критики сетуют на ограниченный потенциал российской диаспоры в целом, и в Латинской Америке в частности, делая упор на её невысокую численность, примитивную организацию и низкую политическую активность – отдалённость от институтов власти и неспособность к лоббированию. В ответ на такие пессимистические высказывания можно поспорить, что в настоящее время наши соотечественники за рубежом имеют достаточный социально-экономический потенциал. Имеют место быть позитивные примеры. Например, в уругвайском поселении Сан-Хавьер местные русские жители выступили с инициативой открытия совместного российско-уругвайского предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, мотивируя такое предложение перспективой снятия безработицы и остановки оттока молодёжи. Стимулирование развития русского бизнеса в принимающих странах будет залогом облегчения межгосударственного сотрудничества межкорпоративного сотрудничества России со странами Латинской Америки. Российские власти в лице специальных фондов должны поощрять вхождение наших соотечественников в инновационные отрасли принимающих стран, освоение ими современных практик, позволяющих не только интегрироваться в принимающие общества, но и занимать в них значимые социально-экономические ниши.

Современная диаспора в регионе переживает стадию формирования, а, значит, имеет перспективы роста и развития. Особенно в контексте переноса акцента внешнеполитических отношений России в сторону Латинской Америки. Возникают объективные условия налаживания через российскую диаспору делового, культурного и политического сотрудничества со странами Латинской Америки.

Крупная российская диаспора проживает и в европейских странах. Формирование её проходило также в несколько этапов, что обусловило неоднородность русскоязычного сообщества. Потомки эмигрантов из Российской Империи, Советского Союза, выходцы из современной России проживают практически по всей территории Европейского Союза. Среди стран обладающих значительными диаспорами следует выделить Германию, Великобританию, Францию, Ирландию, Норвегию, Швецию, Данию, Нидерланды. Словакию, Чехию, Польшу, Грецию, Португалию, Испанию Италию, Кипр, Мальту, Черногорию и т.д. Остановимся на некоторых из них.

Эмиграция из России в **Германию** в 1991–2012 гг. составила более 800 тыс. человек. В этническом отношении российская диаспора включает русских, евреев, армян, грузин, азербайджанцев и даже российских немцев. В 1998 г. в стране насчитывалось порядка 50 тыс. человек, имевших советское гражданство или гражданство стран СНГ. По данным на 2002 г. примерно 156 тыс. немецких граждан родились в России. В Германии широко распространен русский язык – здесь родным его считают около 3 млн. человек, а порядка 40 млн. понимают или говорят на русском языке. В большинстве своем это либо выходцы из стран СНГ или восточные немцы, которые в советское время изучали русский язык. По данным российской статистики в Германию на работу за 1994–2005 гг. выехали около 28 тыс. человек, или примерно 7% всех трудовых эмигрантов. По данным МОМ примерно 50 тыс. российских специалистов и программистов работают в Германии (24, с 119).

Значимой страной эмиграции для россиян стала **Великобритания.** Здесь «новая» российская диаспора состоит из двух групп мигрантов – очень состоятельные люди, выехавшие из России вместе со своим капиталом, либо трудовые мигранты. Представители первой группы приобрели в Великобритании дорогую недвижимость по цене более 1 млн. фунтов стерлингов, за что получили прозвище «новые арабы». В Лондоне живут временно или постоянно

несколько тысяч состоятельных россиян, которые смогли нажить значительные состояния в период приватизации государственной собственности в России, именно им принадлежат особняки в престижных районах Найтсбридж и Кенсингтон (2). По данным телеканала НТВ российские покупатели приоретают в последнее время примерно 1/3 всей выставляемой на продажу недвижимости, также каждый пятнадцатый дом и квартиру в дорогом сегменте (стоимостью свыше 1 млн. фунтов стерлингов). По примерным оценкам на начало 2000-х гг. российские граждане вложили в недвижимость в Великобритании около 2 млрд. фунтов стерлингов. В настоящее время возросла доля представитей среднего класса, приехавших на постоянное место жительство и (или) работу, а также отправивших детей на учебу в британские школы, колледжи и университеты.

По данным посольства России, в настоящее время в Лондоне проживает 100 тыс. русских. По другим оценкам в Лондоне проживает от 150 до 200 тыс. русскоговорящих. По данным британской газеты «Дэйли телеграф» данным российская диаспора в Лондоне насчитывает до 250 тыс. человек (2). Вклад русской диаспоры в экономику и общественную жизнь Великобритании достаточно заметен. Здесь живут известные музыканты, ученые, писатели, бизнесмены. Самым известным российским бизнесменом является Р. Абрамович, купивший футбольный клуб «Челси», вложивший значительные средства в приобретение новых игроков. Благодаря этим инвестициям «Челси» стал одним из сильнейших клубов в Европе.

В Великобритании работают 63 тыс. гастарбайтеров из стран Центральной и Восточной Европы – среди них не только российские граждане, но и украинцы, литовцы, поляки, болгары, румыны. По сведениям компании Би-Би-Си их количество только в строительной отрасли достигает 100 тыс. человек. Более детальная статистика по географии происхождения трудовых мигрантов отсутствует.

В **Испании** по официальным данным постоянно проживает около 500 тыс. выходцев из стран бывшего СССР, по неофициаль-

ным оценкам – не менее 1 млн. человек. Массовая миграция русскоязычного населения в Испанию началась сразу после распада СССР, но особенно увеличилась в конце 1990-х гг. В Испании пока не сложилась единая российская диаспора, здесь есть разрозненные региональные организации соотечественников, которые, как правило, не консолидированы. Российская диаспора представлена людьми всех возрастов и специальностей – от рабочих до высококвалифицированных специалистов в медицине, педагогике, бизнесе, а также представителей научно-технической элиты и среднего класса.

Районом компактного проживания россиян в Испании является Барселона и ее окрестности. Здесь живут примерно 2 тыс. бывших российских граждан. Пока в Каталонии русские больше сами работники, чем работодатели. Количество фирм, открытых русскими невелико, а сферы деятельности русских мигрантов ограничены. Прежде всего, это сфера услуг. Русским принадлежит несколько агентств недвижимости, парикмахерских, салонов красоты и переговорных пунктов. Второй и более обширный пласт – строительно-ремонтные конторы. В Барселоне считается, что русские строители делают качественно и недорого ремонт квартир и офисов. Они ответственны, аккуратны, всегда соблюдают проект и смету. Ремонтный бизнес – типичный пример мигрантского бизнеса – в этих компаниях не наемные работники, но и владельцы являются мигрантами.

Вполне успешным можно назвать и такой вид предпринимательства как торговлю. Торгуют русские в основном продуктами. Товарооборот здесь большой и спрос постоянный. Торгуют магазины русскими крупами, конфетами, соленьями, рыбой, икрой, колбасами, традиционными полуфабрикатами, пивом, вином, водкой, книгами, видеокассетами и DVD с русскими фильмами. В Барселоне работают три крупных русских и один украинский продуктовый магазин. Основные покупатели – русские, украинцы, грузины. Есть магазины и другого рода – модной одежды и книжный магазин.

Представители русскоязычной общины заняты в ресторанном бизнесе в Каталонии. Русские в Барселоне держат несколько баров, в основном ничем не отличающихся от всех других – кофе, пиво и закуски к нему. Недавно в городе открылся первый небольшой ресторан русской и украинской кухни. Сложность национального ресторанного бизнеса состоит в том, что первые несколько лет он обречен обслуживать немногочисленных соотечественников. Каталонцы долго привыкают к новой кухне. Многие, приехав в Испанию, продают свои знания и умения, в первую очередь соотечественникам. Это юристы, переводчики и консультанты. Большинство из них работают в одиночку, но некоторые, чтобы выжить и приобрести хорошую репутацию и постоянную клиентуру, объединяются в небольшие консалтинговые фирмы (2).

Территория расселения российских эмигрантов не ограничивается американскими и австралийским континентами, а также Европой. Значительные наши диаспоры имеются в **Турции** (прим. 20–25 тыс. человек), **Японии** (более 6 тыс. человек), **Южной Корее** (прим. 5 тыс. человек), **Сянгане** (прим. 4,5 тыс. человек), **Объединенных Арабских Эмиратах** (до 25 тыс. человек), **Новой Зеландии** (около 10 тыс. человек), странах **Африки**. Отдельно стоит остановиться на российской диаспоре, проживающей в Израиле и представленной евреями и русскими, выезжавшими на протяжении 1990–2000-х гг. Общие масштабы «чистой» эмиграции из России на постоянное место жительство в Израиль в 1991–2012 гг. составили около 190 тыс. человек, что соответствует второму месту после Германии. Русских в Израиле насчитывается около 200 тыс. человек, или 4% населения страны (2).

В африканских странах российские диаспоры, как правило, малочисленны и насчитывают не более нескольких десятков человек. Соотечественники в Африке представлены преимущественно женами выпускников российских вузов и членами их семей, а также трудовыми мигрантами. Еще с советских времен в Африке были востребованы наши летчики, врачи, преподаватели, инженеры. По-

сле распада СССР в африканских странах некоторые остались, продлив свои контракты, а также приехали новые трудовые мигранты.

Русским женщинам в Африке было посвящено специальное исследование российской ученой Н. Крыловой. По данным этого автора в начале 1990-х гг. в африканских странах число русских женщин перешагнуло рубеж в 6 тыс. человек. Большинство из них жили в **Алжире** (более 1,1 тыс.), **Нигерии** (0,7 тыс.), **Египте** (0,6 тыс.), **Конго** и **Марокко** (по 0,4 тыс.), **Тунисе** (более 0,3 тыс.) и **Гане** (0,2 тыс. человек). В общей сложности по данным Н. Крыловой на начало 1990-х гг. русские женщины жили в 43 странах Африки (30, с. 17–18).

После распада СССР началась новая волна трудовой миграции в страны Африки. Безусловным лидером, принявшим максимальное число российских работников, может считаться **Либерия.** По данным ФМС РФ с1994 по 2005 гг. в эту страну выехали на работу в общей сложности более 17,2 тыс. человек. В настоящее время в **Южно-Африканской Республике** трудятся около 200 россиян, на острове Маврикий – 10 человек. Общественных организаций и русскоязычных СМИ в африканских странах практически нет. Исключение составляют только Алжир, Мозамбик, Тунис и Эфиопия. В Алжире и Эфиопии имеются небольшие ассоциации выпускников российских вузов (31, с. 105).

Русскоговорящие общины становятся все более численно и социально-экономически значимым компонентом населения многих государств мира. Общины выполняют важные социально-экономические функции. Помимо денежных переводов и инвестиций в российскую экономику они являются проводниками проектов с российскими партнерами в сфере бизнеса, торговли, научно-технического сотрудничества, образования, науки. Община пропагандирует в силу своих возможностей российскую культуру и русский язык в странах своего проживания (зачастую без существенной поддержки государства). Во многих странах весом ее вклад в развитие спорта, балета, живописи, музыки, науки и образования. Все это во многом влияет

на формирование позитивного «имиджа» России за рубежом. При этом государственная политика Российской Федерации хотя и активизировалась существенно в отношении общин в последние годы, пока не является достаточно эффективной с точки зрения их поддержки и использования как социально-экономического ресурса.

Источники

1. Официальный ответ Министерства иностранных дел России на запрос Института социально-политических исследований Российской академии наук в 2007 г. относительно численности российских граждан, проживающих за рубежом.

2. Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф., Лукьянец А.С. Эмиграция и российская диаспора за рубежом// Демографические перспективы России/ Под ред. академика Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. – М.: Экон-информ, 2008.

3. Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. Возвратная миграция в Россию: потенциал и миграционная политика// Демографические перспективы России/ Под ред. академика Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. – М.: Экон-информ, 2008.

4. Численность и миграция населения Российской Федерации: Статистический сборник. – М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2011.

5. Данные Федеральной миграционной службы (http://www.fms.gov.ru) [Дата обращения: 15 сентября 2013 г.]

6. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2007–2008 годы: Сборник. – М.: Управление внешней трудовой миграции ФМС России, 2009.

7. Праворотов О. Последний рейс челнока?// Огонек. – № 32. – август 1996.

8. Нагатин С. Старые ходы против нового «челнока»// Итоги. – 10 сентября 1996.

9. Нарзикулов Р. «Челноки» подправили баланс внешней торговли России// Сегодня. – 21 декабря 1993.

10. Туризм в цифрах 2010: Статистический сборник. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

11. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья. – Ставрополь: СГУ, 1997.

12. Тощенко Ж. Диаспора как объект социальной политики// Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. – М., 1997.

13. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор// Общественные науки и современность. – № 3, 2000.

14. Федеральный закон № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (http://www.rusintercenter.ru/ ?lang=ru&text=101) [Дата обращения: 15 сентября 2013 г.]

15. Федеральный закон № 179 «О внесении изменений в Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»» от 23 июля 2010 г., статья 1.

16. Yearbook of Immigration Statistics: 2012, Legal Permanent Residents, Table 2: Persons obtaining legal permanent resident status by region and country of last residence: Fiscal years 1820 to 2012 (www.dhs.gov/sites/default/files/publications/immigration-satatistics/yearbook/2012/) [Дата обращения: 1 июля 2012 г.]

17. Демографический ежегодник России 1999: Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 1999.

18. Демографический ежегодник России 2002: Стат. сб./ Госкомстат России. – М., 2002.

19. Демографический ежегодник России 2006: Стат. сб./ Росстат. – М., 2006.

20. Демографический ежегодник России 2010: Стат. сб./ Росстат. – М., 2011.

21. Труд и занятость в России 2011: Стат. сб./ Росстат. – М., 2012 (www.gks.ru/bgd/reg/b11_36/IssWWW.exe/Stg/d1/05-19.hml) [Дата обращения: 1 июля 2013 г.]

22. Statistic Abstract of the United States: 2004–2005, The National Data Book, US Census Bureau, 2004.

23. КАРИМ-Восток. База данных. Демографический и экономический модуль (www.carim-east.eu) [Дата обращения: 1 июля 2013 г.]

24. Migration Trends in Eastern Europe and Central Asia: 2001–2002 Review, Geneva: IOM, 2002.

25. Ваничкин П. Свыше 2,6 млн. американцев считают себя русскими// www.rusedina.org [Дата обращения: 1 июля 2013 г.]

26. Подрез С.В. Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке. – Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 Всеобщая история. – М., 2005 (www.dissercat.com/content/genezis-i-problemy-sovremennogo-polozheniya-rossiiskoi-diaspoty-v-latinskoi-amerike) [Дата обращения: 30 июля 2013 г.]

27. Селин В. Русские в Бразилии (http://ricolor.org/rz/latin_amerika/br/br/rus_br/) [Дата обращения: 30 августа 2013 г.]

28. Нечаева Т. Адаптация русских эмигрантов в Латинской Америке (www.rusedina.org) [Дата обращения: 1 августа 2011 г.]

29. Данные ФМС России. Форма 1-Т за 2007–2010 гг. (электронные формы для служебного пользования)

30. Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.

31. Жаренова О.А., Кечил Н.В., Пахомов Е.Ю. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. – М.: Центр политической информации, Изд-во «ГНОМ и Д», 2002.

Глава 8

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ РОССИИ В СТРАНАХ НОВОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Категория «миграционный потенциал» стала крайне актуальной в конце прошлого века. Она привлекла внимание демографов, которые уже в первой половине 90-х годов предприняли попытки оценить миграционный потенциал нового зарубежья, возникшего в результате развала Советского Союза. Объединяющим признаком для всех подходов к определению миграционного потенциала является численность той или иной совокупности населения, в основе формирования которой лежит либо этнический признак в чистом виде, либо этнический признак в комбинации с языковым, либо геополитический в сочетании с этническим. Сразу подчеркнем, что количественная мера – это лишь необходимое условие, отнюдь еще недостаточное для определения реальной величины миграционного потенциала. Это, по сути, теоретические границы миграционного потенциала, которые для различного времени, разных стран и этнических групп населения, могут весьма существенно отличаться (1).

По нашему мнению, миграционный потенциал – это та часть населения предполагаемых стран-доноров, которая обладает возможностью мигрировать в государство-реципиент и соответствует по своим характеристикам его требованиям, т.е. геополитически и экономически заданным критериям отбора, предъявляемым к иммигрантам – будущим гражданам страны. Основными среди этих критериев, могут выступать два: страновой, устанавливающий количественные границы (параметры) миграционного потенциала, и

этнический, определяющий его структурные предпочтения. Возможны и другие критерии, но для современной России до настоящего времени, по нашему мнению, эти два остаются базовыми.

Каждая страна имеет свой миграционный потенциал, который находится в государствах, исторически связанных с нею. Франция, например, тесно связана в миграционном отношении с франкоязычными арабскими странами Северной Африки, Великобритания – с англоязычными государствами бывшей Британской империи. Это же относится к Голландии, Испании, Португалии, Германии, которые в прошлом обладали обширными колониями. Всюду в основе лежит признак исторического общения населения донора с населением реципиента (родственные связи, экономические интересы, знакомство с культурой, языком и др.). У современной России её миграционный потенциал сосредоточен в первую очередь в государствах, возникших на постсоветском пространстве, т.е. в бывших союзных республиках, ныне независимых государствах нового (ближнего) зарубежья.

Говоря о пребывании всех этих стран и народов в едином советском государстве, нужно отметить следующее. Все советские годы шло расселение одних народов среди других. Это расселение было пропорциональным: от больших совокупностей того или иного этноса, в частности русских, мигрировали и большие численности в другие этнические регионы. Но в относительном выражении (отношение численности русских, украинцев и т.д. переселившихся в другие республики к их численности, проживающей в общей стране), диспропорций не наблюдалось. В 1989 г. из общей численности украинцев Советского Союза в других союзных республиках проживало 15.3%, соответственно русских -17.4%, казахов -19.7%, армян -33.3% и т.д.

Все народы единой страны пронизывала общая советская идеология, которая имела не только отрицательные черты, но и способствовала развитию культуры в каждой республике «национальной по форме и социалистической по содержанию». Было нормой

знакомство населения всей страны с музыкальными, литературными и иными произведениями, создаваемыми её народами. Киргизская, Казахская, Таджикская, Грузинская и т.д. классика была общенародным достоянием. У каждого на слуху сотни, тысячи имен композиторов, певцов, писателей, художников, артистов и т.д., составлявших золотой фонд, как своего, так и всего советского народа. К тому же, обучение в учебных заведениях объединяло людей, способствовало смешанным бракам, прививало общую культуру и что не маловажно, вело к общению представителей разных народов на едином для страны русском языке. Так, согласно последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., в шести республиках в составе титульного населения доля лиц свободно владевших вторым русским языком составляла 50 и более процентов, среди них: Беларусь (63%), Латвия (58%), Узбекистан (53%), Украина (52%), Литва (52%) и Казахстан (51%). Молдаван, проживавших в Молдове было 46% свободно владевших вторым русским языком, среди армян в Армении -34%. В остальных республиках доля свободно владеющих вторым русским языком была от 20 до 30%. (3.с.102–139).

Накануне развала СССР во всем будущем новом зарубежье в 1989 г. проживало 138.7 млн. человек. К концу первого десятилетия XXI века численность населения в новом зарубежье согласно данным ООН возросла примерно до 145 млн. человек (начало 2009 г.). Благодаря существенному росту населения в государствах Средней Азии и Азербайджане, в целом за 20 лет население стран нового зарубежья увеличилось примерно на 3.5 млн. человек, Во всех остальных, включая и Казахстан, население сократилось. Несколько миллионов человек из стран нового зарубежья эмигрировали, как в другие государства постсоветского пространства, так и за его пределы. Наибольшие по масштабам результаты в происходящем миграционном обмене населением между новыми государствами получила Россия. Со времени последней советской переписи 1989 г. вплоть до 2009 г. население России за счет миграционной компоненты увеличилось почти на 6 млн. человек (табл.8.1).

Таблица .8.1

Численность населения в странах нового зарубежья, как верхняя граница миграционного потенциала для России (млн. человек)

Государства нового зарубежья	Последняя перепись в СССР, 1989 г.*	Оценка Демографического департамента ООН**			
		1994 г.	1998 г.	2002 г.	2007 г.
Украина	51.5	51.5	50.9	48.5	46.2
Беларусь	10.2	10.2	10.3	9.9	9.7
Молдова	4.3	4.4	4.4	4.3	3.8
Казахстан	16.5	17.0	16.3	15.4	15.4
Узбекистан	19.8	22.3	23.6	26.1	27.4
Кыргызстан	4.3	4.7	4.6	5.1	5.3
Таджикистан	5.1	5.9	6.0	6.2	6.7
Туркменистан	3.5	4.0	4.3	4.9	5.0
Грузия	5.4	5.5	5.1	5.1	4.4
Азербайджан	7.0	7.5	7.7	8.4	8.5
Армения	3.3	3.5	3.5	3.1	3.0
Литва	3.7	3.7	3.7	3.4	3.4
Латвия	2.7	2.6	2.4	2.3	2.3
Эстония	1.6	1.5	1.4	1.3	1.3
Всего	138.9	144.2	144.2	144.0	142.4

*(3.с.4–5). **(4)

Понятно, что «отдача» мигрантов от возможной численности населения со временем будет сокращаться, но не маловажно от какой численности это будет происходить и при этом за счет каких стран миграционный потенциал может увеличиваться, и за счет каких сокращаться. Формальные границы миграционного потенциала возрастут в Казахстане, Кыргызстане, Азербайджане и особенно – в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении. Это – страны с растущим населением и миграционной направленностью в сторону России. В то же время, если исходить из прогнозов ООН, во всех других странах границы миграционного потенциала уменьшатся.

Все 90-е и первые годы нового столетия объемы прибытия мигрантов в Россию из стран нового зарубежья достаточно быстро сокращались (в 2002–2005 гг. были меньше, чем в 1990–1993 гг. почти в 6 раз). Лишь в последние годы объемы немного возросли. Более последовательно сокращались объемы выбытия: в 2002–2005 гг. от-

носительно уровня 1990–1993 гг. – в 12 раз и в 2006–2009 гг. – в 18 раз. В результате такой динамики чисел прибывших и выбывших сальдо миграции все эти периоды за исключением 2002–2005 гг. держалось в границах 900–2200 тыс. человек, а коэффициент результативности миграционных связей с середины 90-х годов находился на предельно низком уровне и за все прошедшие 20 лет составил 434, т.е. из каждой тысячи мигрантов прибывших в Россию в 1989–2009 гг. осталось в стране 566 человек.

Все рассматриваемые годы результативность миграционного обмена между странами нового зарубежья, с одной стороны, и Россией, с другой, менялась преимущественно в её пользу. Прежде всего, из общего числа государств нового зарубежья надо исключить Украину и Беларусь. С этими странами у России сохранился, как это было и в прежнее время, нормальный миграционный обмен, в результате которого население Беларуси возрастало, а Украины уменьшалось. В определенной мере это относится и к государствам Балтии и Молдове, результативность миграционного обмена у России с которыми в последние годы существенно улучшилась.

Иное дело Закавказье и Центральная Азия. Последние годы результативность миграционного обмена населением с Грузией, Азербайджаном и Арменией, по сути, менялось в одну сторону. Причем за весь период (1989–2009 гг.) у России оказались наилучшие показатели результативности миграционного обмена с Арменией (158 выбывших на каждую тысячу прибывших) и Таджикистаном (130).

Помимо количественного критерия, как уже говорилось, другим не менее важным является этнический. Он предполагает наличие одинаковых этносов, языково-культурного и иного сходства у доноров и реципиентов, их геополитических интересов. У России этнически соответствующий миграционный потенциал сконцентрирован в государствах нового зарубежья. Там в 1989 г. только русских насчитывалось 25.3 млн. человек. В 90-е годы прошлого века численность русских сократилась, скорее всего, на 6–8 млн. чело-

век, в том числе в Азербайджане – в 2.8 раза, Армении – в 3.5 раза, Грузии – в 5 раз и Таджикистане – в 5.7 раза. Видимо, русских с наступлением нового века в новом зарубежье могло быть 17–18 млн. человек.

Россия в 90-е годы получила из нового зарубежья примерно 3 млн. мигрантов русской национальности. С остальными русскими произошло следующее. Часть, как и в России, уменьшилась в результате депопуляции, другая во многом меньшая, чем миграция в Россию, эмигрировала за пределы постсоветского пространства. Третья, наибольшая по численности группа, растворилась в населении стран нового зарубежья. После того, как русские, особенно родившиеся в смешанных браках, осознали, что историческая родина отвернулась от них, они стали приспосабливаться к условиям, в которых им осталось доживать свой век, а главное где будут жить их дети. Основной механизм этого приспособления – смена национальной принадлежности. Так в Украине в год проведения переписи населения в 2001 г., сменивших свою национальность оказалось 1.8 млн. человек (кстати, в результате этого возросло число украинцев, считающих родным языком русский), в Беларуси – их было примерно 190 тыс., в Казахстане -450 тыс., в Грузии – несколько десятков тыс. человек и т.д.

В новом зарубежье остались также титульные для России народы. На начало 1989 г. согласно переписи населения, за пределами России в других союзных республиках проживало: татар (1126.7 тыс. человек), лезгин (208.7 тыс.), осетин (195.7 тыс.) и башкир (103.8 тыс.). Другую группу составляли мордва (81.1 тыс.), чуваши (68.7 тыс.), аварцы (57 тыс.), удмурты (32 тыс.), марийцы (27.2 тыс.), ингуши (22.3 тыс.) и лакцы (11.9 тыс.). Их всего -300 тыс. человек. Другие национальности представлены меньшей численностью. Калмыков проживало за пределами России в других союзных республиках 8 тыс., бурятов -4 тыс., карелов – 6 тыс. и т.д. Тувинцев, чукчей, коряков, эвенков, ненцев и других малочисленных народов Севера за пределами России было по нескольку сот или даже десятков че-

ловек. В целом 40 титульных для России народов, сведения о которых опубликованы Госкомстатом РСФСР в 1990 г., все вместе насчитывают 1960.6 тыс. человек. (3. с.32–43). С учетом остальных еще, более малочисленных, народов общая численность, проживавших в 1989 г. за пределами России в государствах нового зарубежья титульных для неё национальностей, составляла примерно 2 млн. человек. К началу нового столетия за пределами России в новом зарубежье находилось примерно 19–19.5 млн. русских и других титульных для России народов (1).

В XXI веке продолжилось сокращение численности русских в новом зарубежье, причем, только за счет миграции в Россию в 2000–2007 гг. – почти на 680 тыс. человек. В абсолютных величинах в эти 8 лет больше всех потеряли Казахстан (почти 250 тыс.), Узбекистан (свыше 120 тыс.), Украина (77 тыс.) и Кыргызстан (61 тыс.). Потери Закавказья составили 23 тыс., но там русских осталось всего ничего: по данным переписи 2001 г. в Армении их было 16 тыс. (миграционное сальдо в 2001–2007 гг. равно 3.2 тыс.) и в Грузии в 2002 г. -68 тыс. (сальдо в 2002–2007 гг. -5.9 тыс.). Это же относится и к Таджикистану. Там в 2000 г. оставалось 68 тыс. русских, сальдо миграции за 2000–2007 гг. составило 16.8 тыс. Очень немного прибыло в Россию русских из государств Балтии (6.5 тыс. человек). Русских в трех прибалтийских государствах в 1989 г. было 1725 тыс. человек, за 1989–1999 гг. их вернулось в Россию около 200 тыс. По сути, прекратился из прибалтийских государств миграционный отток русских.

Можно приблизительно определить численность русского населения, проживающего в настоящее время во всех странах нового зарубежья. Сразу заметим, что нельзя темпы сокращения русского населения, имевшие место в 90-е годы, экстраполировать на первое десятилетие нового века, т.к. процесс изменения национальной принадлежности лицами, имевшими «смешанную кровь», скорее всего, завершился в 90-е годы, что, кстати, выявили прошедшие на стыке веков переписи населения.

На сокращение численности русских в новом зарубежье в 2000–2007 гг. могли повлиять три фактора: их эмиграция в страны старого зарубежья (в начале нового столетия отток свелся до минимума); естественная убыль русских, которая была в одних странах (Украина, Латвия и др.), тогда как в других, был естественный прирост (Узбекистан, Азербайджан и т.д.), и миграционный отток в Россию. С учетом сказанного численность русских, проживающих во всех странах нового зарубежья, в настоящее время составляет от 16 до 17 млн. человек, а вместе с другими титульными для России народами в новом зарубежье, их от 17 до 18 млн. человек.

В первом десятилетии XXI века, как и в девяностые годы XX века, продолжались порой мучительные реэмиграционные процессы на постсоветском пространстве, хотя объемы последних заметно сократились, изменилась и доля различных этнических групп в миграционном сальдо России. Определить какие этнические группы внесли наибольший вклад в формирование положительного миграционного сальдо можно лишь для 17 лет, т.е. для 1989–2007 гг., поскольку с 2008 г. национальный состав мигрантов не фиксируется. Двенадцать лет назад, благодаря правовой безграмотности Государственной думы, существенно ухудшилась статистика естественного движения населения, в частности, был отменен учет рождения детей по их очередности, исключены некоторые другие сведения. Ныне подобная участь постигла статистику миграции населения.

За те годы, в которые учитывался национальный состав мигрантов (1989–2007 гг.), миграционный прирост всего населения в России составил 5.5 млн. человек (5485 тыс.). Русских в миграционном сальдо оказалось 3.6 млн. (3620 тыс.), титульных для стран нового зарубежья народов соответственно 0.3 млн. (314 тыс.) и на долю всех остальных пришлось 1.6 млн. (1551 тыс.). В рассматриваемые 17 лет миграционный прирост населения России на 2/3 сформировался за счет русских (66%). Титульные народы государств нового зарубежья в миграционном сальдо составили менее

6%, причем в 1991–1995 гг. сальдо было отрицательным для России: в те годы интенсивно шла реэмиграция этих народов.

Миграционное сальдо в 1989–2007 гг., как и показатели прибытия и выбытия населения к концу периода заметно снизились. Чтобы сгладить случайные колебания в отдельные годы, разобьем период с 1990 г. по 2007 г., т.е. 18 лет на трехлетки и получим 6 равных отрезков времени. Это позволит проследить динамику объемов прибытия, выбытия и сальдо русских за почти двадцатилетие.

Сразу же с распадом СССР в Россию хлынул огромный поток русских. В 1990–1998 гг. число прибывших составило 4.3 млн. человек, особенно поток был велик в 1994 г. – около 730 тыс. Связано это было с повсеместным нарушением прав некоренного, прежде всего, русского населения, жившего до распада СССР в странах нового зарубежья. Из государств Закавказья с 1989 г. по 2007 гг. вернулось в Россию почти 400 тыс. этнических русских. Весь период после переписи 1989 г. вплоть до 2007 г. без единого исключения численность русских, прибывавших в Россию, была больше, чем выбывавших обратно. В формировании совокупного сальдо миграции русских на долю Азербайджана приходилось 188.3 тыс. человек, Грузии -162.6 тыс. и Армении, где русских и без того было немного, – 33.8 тыс. В 2005–2007 гг. в Россию вернулось русских меньше чем в 1992–1994 гг. из Армении в 12.8 раза, Азербайджана – в 27.5 раза и Грузии –в 32.5 раза.

Сокращение притока русских из прибалтийских государств к 2005–2007 гг. по сравнению с 1992–1994 гг. произошло в катастрофических масштабах: сальдо миграции русских из Латвии уменьшилось в 58.4 раза, из Литвы – в 63.7 раза и Эстонии – в 125.3 раза. Весь период с 1990 г. по 2007 г. сальдо миграции русских из Латвии, Литвы и Эстонии было положительным для России, несмотря на сокращение его размеров, и его совокупная величина по всем трем государствам за 18 лет (1990–2007 гг.) составила 200 тыс. человек (на долю Латвии приходится 95.3 тыс., Эстонии - 58.9 тыс. и Литвы – 45.4 тыс.).

Наибольший приток русских в Россию в 1989–2007 гг. происходил из государств Средней Азии. Всего прибыло за этот срок из 4-х государств около 1.2 млн. человек, в т.ч. из Узбекистана 550.7 тыс., из Киргизии-276.8 тыс., из Таджикистана -235.6 тыс. и из Туркмении -108.3 тыс. человек. Все годы 19-ти летнего периода сальдо миграции русских из всех четырех стран для России было только положительным. Размеры сальдо миграции с 1992–1994 гг. по 2005–2007 гг. уменьшились из Узбекистана в 3.8 раза, Туркмении – в 4.3 раза, Киргизии – в 5.8 раза и Таджикистана – в 20.6 раза.

Подобная картина миграции русских в Россию также из Казахстана и Молдовы. Из Молдовы вселилось в Россию 78.0 русских, а из Казахстана -1334.7 тыс. Сальдо миграции русских в России в обоих случаях все годы было положительным, как и в государствах Средней Азии. В 2005–2007 гг. по сравнению с 1992–1994 гг. сальдо миграции русских из Казахстана уменьшилось в 5.9 раза, тогда как из Молдовы – лишь в 2.5 раза.

Начиная с 1993 г. сальдо миграции русских из Украины стало положительным, что определило сравнительно большие масштабы русских вернувшихся на свою историческую родину. В период с 1990 г. по 2007 г. суммарное сальдо миграции русских составило 360 тыс. человек. Тем не менее, по масштабам миграции русских Украина занимает третье место, уступая Узбекистану (у этого среднеазиатского государства сальдо миграции русских больше чем у Украины в 1.4 раза) и Казахстану (сальдо миграции русских из этого государства превышает аналогичный показатель из Украины в 2.4 раза). В последнее трехлетие сальдо миграции русских из Украины сократилось относительно 1992–1994 гг. в 3.9 раза. В такой же мере уменьшилось и сальдо миграции украинцев, прибывающих в Россию из Украины. Причем сальдо миграции украинцев стало положительным для России с 1994 г., т.е. примерно с того же времени как и сальдо миграции русских. Видимо с этого времени резко изменились траектории социально-экономического

развития двух стран. И хотя в России ситуация была плохой, в Украине она оказалась еще хуже.

Иная картина, отличная от всех остальных стран нового зарубежья, наблюдается в Беларуси. Начиная с 1998 г. сальдо миграции русских из Белоруссии было для России отрицательным. Тем не менее, итоговое, положительное сальдо миграции в 7 тыс. человек образовалось за счет сравнительно большого притока русских в Россию в 1994–1995 гг. В 1998–2007 гг. его отрицательная величина составила 13.2 тыс. Белоруссия – единственная страна с положительными для неё показателями миграционного обмена русскими с Россией.

Девяностые годы – это годы утраченных возможностей выполнить Россией свою историческую миссию – вернуть тех, кто или добровольно, или по принуждению (служба в армии, направление специалистов и т.д.) оказался за её пределами в других частях единого государства. В 90-е годы в Россию прибыло из нового зарубежья свыше 4-х млн. её соотечественников, а осталось менее трех. Особенно велики были масштабы прибытия русских в Россию в 1992–1994 гг. (соответственно 612, 595 и 727 тыс.). Такие масштабы обусловливались, прежде всего, тем, что в государствах нового зарубежья население титульных для них национальностей свои беды и трудности связывало с тем, что их республики были в составе единого государства (часто считалось, что все союзные республики кормят Россию) и что без русских они заживут богато и свободно. Как результат – последовало нарушение прав русского, да другого русскоговорящего населения.

Степень участия государств нового зарубежья в формировании миграционного сальдо России в 1990–2007 гг. была различной и зависела от многих факторов, в числе которых численность проживавшего в них русского населения, сходство этнокультур, отношение коренного населения и, прежде всего, властных элит к не титульному населению и т.д.

Вклад двух стран Казахстана и Узбекистана в миграционное сальдо России в 1990–2007 гг. составил 52.5%, причем особенно

существенным он был в 1996–1998 гг. -59,2% и 1999–2001 гг. -68%. По сути, в эти годы миграционное сальдо русских в России формировали две страны Казахстан и Узбекистан. В заметной мере им помогала Украина, доля которой в миграционном сальдо в 1996–1998 гг. достигала 19.1% и в 1999–2001 гг.-14.3%. В последние трехлетки в миграционном сальдо русских возросла доля Молдовы, Кыргызстана и Туркмении, а доля государств Закавказья, Балтии и Таджикистана стала минимальной.

Больше всего численность русского населения сократилась в Таджикистане, Армении, Грузии и Азербайджане. В меньшей мере – в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане, хотя им принадлежит наибольший вклад в миграционное сальдо. Ко второму пятилетию численность русских сократилась и вместе с тем возрос процент их потерь: в Украине – в 1.5 раза, Казахстане – в 2 раза, Молдове и Латвии -2.3 раза, Туркмении – в 2.5 раза, в Узбекистане – в 2.6, в Эстонии – в 2.9, в Азербайджане – в 3.5 раза, в Кыргызстане – в 3.8 раза, в Литве – в 4 раза, в Армении – в 4.1 раза, в Таджикистане – в 4.2 раза и в Грузии – в 4.4 раза. Важно отметить, что процент потерь, будучи высоким уже в первой половине 90-х годов в таких странах как Грузия, Азербайджан, Армения и Таджикистан, во втором пятилетии (1996–2000 гг.) возрос в большей мере, чем в других районах (в 3.5–4.5 раза). В среднем по всем странам процент потерь русского населения в результате миграции в Россию вырос более чем вдвое. По этим процентам потерь и их динамике видно, где оставшемуся русскому населению в 90-е годы, особенно во второй их половине, было и в экономическом, и в правовом, в этнокультурном отношении хуже всего.

Динамика миграционных потоков в 90-е годы XX века и первое десятилетие нового столетия в целом свидетельствует, что с каждым годом у России становится меньше возможностей привлекать русских мигрантов из нового зарубежья. К тому же некоторые страны СНГ активизировали политику возвращения соотечественников из-за рубежа. Наиболее наглядно это видно по Беларуси, где

в 2002 г. был принят Закон о демографической безопасности, в котором сформулирована задача содействия добровольному возвращению белорусов на этническую родину.

Если формальные границы (численность) миграционного потенциала русских в новом зарубежье за прошедшие 20 лет существенно сократились, то у титульных народов в государствах, возникших на постсоветском пространстве, они возросли. В 2007 г. население всех стран нового зарубежья составляло 142.4 млн. человек. В нем русских и других, титульных для России народов, было 17.5–18 млн. Следовательно, на все остальное, включая и титульное население, приходилось 124–125 млн. человек. В начале 2009 г. их было 127–128 млн. В странах, в которых проводились в 1999–2002 гг. переписи населения соотношение между титульными и остальными народами (титульные для России народы исключены) было 9 к 1. Если принять это соотношение для 2009 г., то численность титульного населения составит примерно 115 млн. человек. По сравнению с 1989 г. численность титульных народов стран нового зарубежья возросла на 24 млн. человек. На динамику титульного населения в истекшие годы в очень слабой мере повлиял их миграционный отток в Россию. В течение 1989–2007 г. общее миграционное сальдо с плюсом для России составило для титульных народов всего 313 тыс. человек или в среднем по 16.5 тыс. человек в год, тогда как для русского населения среднегодовое сальдо превышало 190 тыс.

В 1989–2007 гг. население России пополнилось за счет прибывших в Россию украинцев (6.3 тыс.), киргизов (7.6 тыс.), молдаван (9.7 тыс.), узбеков (15.8 тыс.), таджиков (44.5 тыс.), грузин (48.7 тыс.), азербайджанцев (54.1 тыс.). и армян (200 тыс.). Но одновременно Россия потеряла в миграции литовцев, латышей и эстонцев (4.2 тыс.), казахов и туркмен (16 тыс.) и белорусов (22.8 тыс.). Следует иметь в виду, что не все титульные народы, прибывали в Россию из своих стран. В отличие от грузин, таджиков и киргизов, которых 8–9 из десяти прибывали в 2001–2007 гг.

из своих стран, молдаван прибывало 8 из десяти, армян – 6–7, украинцев и узбеков -5–6, а эстонцев и литовцев даже 2–3 из десяти.

В миграции титульных для стран нового зарубежья народов выделяются два периода: 1990–1993 гг., когда сальдо миграции было отрицательным (Россия потеряла 215 тыс. человек) и 1994–1997 гг., когда Россия получила миграционное сальдо в 263 тыс. человек. Титульные народы, ставших независимыми стран нового зарубежья, в первые, три-четыре года пребывали в состоянии эйфории, полагая, что случившееся сделает всех богатыми и счастливыми. Отсюда и столь небывалый отток этих народов из России. В 1992 г. из каждой тысячи, прибывших в Россию титульных народов стран нового зарубежья, обратно выбывало свыше 2.1 тыс. человек. Но уже к 1994 г. произошло отрезвление. Оказалось, что в России, хотя и плохо, но, тем не менее, лучше, чем в большинстве стран нового зарубежья. В результате обратные из России потоки резко сократились, что существенно улучшило коэффициенты результативности миграционных связей. Миграционное сальдо титульных народов Армении, Грузии и Азербайджана для России было положительным, начиная с 1992 г. (с азербайджанцами – с 1993 г.). Тем не менее, в 2005–2007 гг. относительно 1992–1994 гг. миграционное сальдо грузин сократилось в 6.1 раза, а азербайджанцев – даже в 27.5 раза. Исключение составляют армяне. Миграционное сальдо по этой национальности за рассматриваемые трехлетия увеличилось в 70 раз.

В отличие от миграционного сальдо русских, которое из всех прибалтийских государствах было для России положительным, у титульных для этих стран народов оно чередовалось на фоне сокращающихся масштабов. В 1992–1994 гг. сальдо миграции латышей составляло хотя и небольшое, но отрицательное число (-134 человека). В 2005–2007 гг. оно равнялось плюс 67 человек, т.е. в обоих случаях не было значимым. То же было и с литовцами: минус 354 человека в первое трехлетие и плюс 58 человек – во второе. Только сальдо миграции эстонцев было иным: плюс 173 чело-

века и практически нулевая величина во второе трехлетие (в год прибывало в Россию и выбывало обратно по 10–20 человек этой национальности.

Сальдо миграции титульных народов государств Средней Азии положительным для России стало только со второй половины 90-х годов: для таджиков с 1992 г., узбеков – с 1994 г., киргизов и туркмен – с 1995 г. За истекшее время Россия получила за счет миграции титульных народов из стран Средней Азии 69.1 тыс. человек, в том числе: 44.5 тыс. таджиков, 15.8 тыс. узбеков, 7.6 тыс. киргизов и 1.2 тыс. туркмен. Эти цифры показывают, что миграционный потенциал титульных народов государств Средней Азии реализуется в России в очень небольших количествах.

Сальдо миграции казахов, прибывающих в Россию из Казахстана, до 1993 г. было отрицательным, затем вплоть до 2000 г. оставалось положительным, после чего Россия вновь стала терять казахское население. Одна из причин такого перелома – интенсивное экономическое развитие Казахстана в наступившем XXI веке. Другое дело приток в Россию молдаван. С 1994 г. сальдо миграции молдаван для России стало положительным и таким осталось во все остальные годы, хотя и не большим по размерам (в 2005–2007 гг. – 6.4 тыс.).

Если в миграционном обмене молдаванами Россия преуспела, то в обмене украинцами и особенно белорусами она потеряла 36 тыс. человек. Судя по данным о миграционном обмене между Россией и Белоруссией, ни русские, ни белорусы не желают мигрировать в Россию, которая несравнимо богаче Белоруссии. По-видимому, в России, хотя и значительно выше уровень экономического развития, и соответственно среднедушевое производство, тем не менее, ей присущ иной характер распределения производимых благ и более существенная дифференциация доходов населения.

Таким образом, можно полагать, что из титульных народов стран нового зарубежья, миграционная направленность на Россию проявилась в истекший период в наибольшей мере у армян, азербайджанцев и грузин, таджиков, узбеков и киргизов, а также мол-

даван. С учетом демографической динамики и тенденций сальдо миграции основную часть миграционного потенциала для России могут представлять три титульных народа Средней Азии – узбеки, таджики и киргизы.

Миграционный потенциал, как показано выше, определяется не только общей численностью населения в тех или иных государствах нового зарубежья, но и национальным составом населения и его эволюцией в той этно-культурной среде, в которой осуществляется его жизнедеятельность. Это относится, прежде всего, к русскому населению и к другим титульным народам России. Исходные цифры для оценки, имеющегося в настоящее время в странах нового зарубежья, миграционного потенциала для титульных народов России составляют 17.5–18 млн. человек. Давая оценку реальному их миграционному потенциалу, следует иметь в виду два обстоятельства.

Первое. За прошедшие годы после образования независимых государств существенно изменился состав населения по его генезису (генетической структуре). В каждом населении, подверженном миграционным процессам, имеются местные уроженцы и пришлые (бывшие мигранты), среди которых находятся люди разных лет вселения. У проживших менее 10 лет (новоселов) крайне высока миграционная подвижность. Скорее всего, после распада СССР, в первые годы в Россию хлынули преимущественно не русские уроженцы стран нового зарубежья (в 1989 г. таковых было 44% от всех русских нового зарубежья), и даже не старожилы, а скорее всего новоселы. Последняя советская перепись населения позволяет представить состав населения по его генезису (генетической структуре) во всех бывших союзных республиках кроме Армении

За исключением Беларуси и Литвы во всех республиках доля новоселов в составе пришлого населения составляла примерно 1/3, во всем населении их было от 12.3% в Эстонии до 18.2% в Азербайджане (исключение Украина -20.5%). Согласно переписи насе-

ления 1979 г. доля новоселов в составе пришлого населения была заметно больше: в Узбекистане, Таджикистане и Литве было по 47%, в Кыргызстане и Молдове – около 50%, Беларуси и Казахстане – свыше 50%. Сравнение данных о генетической структуре населения в 1979 г. и 1989 г., показывают, что в 80-е годы сократился приток русского населения в союзные республики, особенно закавказские, а оттуда в свою очередь возрос их отток.

Но не только новоселы участвовали в миграционном оттоке 90-х годов. Из ряда государств выбывали и старожилы, и видимо русские- местные уроженцы. Об этом говорит то, что в обмене населением с Россией у одних стран, в частности, Украины, Беларуси и в меньшей мере Молдовы, Литвы и Латвии сальдо миграции оказалось меньше, чем численность русских – новоселов, проживавших там. Так новоселов в 1989 г. в Украине было 2328 тыс. человек, а сальдо миграции составило в 1989–1999 гг. всего 318 тыс., в Беларуси соответственно 190 и 14 тыс. и т.д. Наоборот, в обмене русским населением у других стран: Узбекистане, Кыргызстане, Туркмении, Азербайджане, Грузии и особенно Таджикистане сальдо миграции значительно превысило численность новоселов в составе русского населения. В частности, в Азербайджане миграционное сальдо превысило численность новоселов в 2.7 раза, в Грузии – в 3 раза и в Таджикистане – почти в 4 раза. В Казахстане и Эстонии цифры миграционного сальдо и численности новоселов оказались близки между собой. Объяснение, почему в одних случаях миграционное сальдо было много меньше численности новоселов, а в других – существенно его превышало, кроется в характере ситуации, в которой оказались после распада СССР русские, проживавшие в бывших союзных республиках. Крайности – это Беларусь, где русские и белорусы в одинаковой мере переживали трудности адаптации к новым реалиям, и Таджикистан, откуда русские бежали, спасая собственную жизнь и жизнь своих близких.

В настоящее время в новом зарубежье среди русских практически нет новоселов (если есть, то ничтожно малое число), более

того и среди старожилов возросла доля тех, кто прожил в местах прежнего вселения 20–25 и более лет. Стало быть, нынешнее русское население, проживающее в новом зарубежье, уже не обладает той миграционной направленностью в сторону своей исторической Родины, как это было в 90-е годы. И связано это не только с разочарованием в том отношении к ним, которое проявила Россия, чему способствовала проводимая ею в тот период миграционная политика, не только с тем, что отношение к русским в новых независимых государствах стало более цивилизованным (сократилось ущемление прав не титульного населения), но и с происшедшим изменением генетического состава населения. В русском населении выросла доля местных уроженцев и их детей в разных поколениях, в том числе и рожденных в 1991 и последующие годы.

Другое обстоятельство, которое необходимо учитывать при оценке миграционного потенциала русских, проживающих в новом зарубежье, состоит в том, что за время, истекшие после образования независимых государств на постсоветском пространстве, прошло почти 20 лет. За это время у титульных народов России, в т.ч. и русских, проживающих за пределами своей родины, родилось примерно 1.5–1.8 млн. детей. Это уже люди, у которых формируется иной менталитет, чем он был прежде у советских людей в единой стране. Социализация многих поколений детей в странах нового зарубежья, наступившая с начала 90-х годов (рожденных до распада СССР и достигших того или иного возраста), проходила в иных социально-экономических и политических условиях как по сравнению с Россией, так и по сравнению друг с другом. Добавим сюда тех, кто вступил в пенсионный возраст и достиг 60–75 лет, и получим совсем иную социально-демографическую совокупность населения.

В нынешнем русском населении, проживающем в странах нового зарубежья, только детей разного возраста должно быть 15–20%. Другая группа поколений, родившихся в 1976–1990 гг., пройдя социализацию в новых условиях, существенно пополнила трудовые ресурсы соответствующих стран. Лица этого возраста составляют

примерно четверть всего населения и 2/5 трудовых ресурсов. Это население интегрировалось в отличный от российского социум, значительная его часть самостоятельна в экономическом отношении, состоит в браке и притом не всегда с лицами свой национальности, участвует в политической и общественной жизни тех государств, гражданами которых они являются. Лица в возрасте до 30 лет составляют примерно 40% численности населения соответствующих стран нового зарубежья.

Одновременно, существенная доля (1/3 населения трудоспособного возраста) из того населения, которое в наибольшей мере придерживалось менталитета, общего для всех граждан СССР, перешла в состав пенсионеров. Не составляя значимой величины трудовых ресурсов, они не могут рассматриваться и как необходимый миграционный потенциал. Среди всего населения у них наиболее низкая миграционная подвижность. К тому же в ряде стран размер пенсии больше, чем в России и пожилые люди на старости лет, навряд, ли, без сильного «допинга», решатся на такой ответственный шаг как иммиграция в другую страну, где потребуются большие усилия и средства, чтобы интегрироваться в новый социум.

Следует добавить, что каждый год увеличивается в населении стран нового зарубежья доля тех, кто вырос вне единого государства, в ином социуме, а также сокращается среди трудового потенциала удельный вес бывших граждан Советского Союза, т.е. тех, для кого иммиграция в Россию – это переезд на историческую Родину. В настоящее время миграционный потенциал для России в странах нового зарубежья с учетом возрастной динамики и её социальной трансформации, скорее всего в 3–4 раза меньше, чем проживающая там численность русских. И каждый год эта величина уменьшается.

В настоящее время русских вместе с другими титульными для России народами, как уже отмечалось, в новом зарубежье осталось, видимо, не более 18 млн. человек. Из них свыше половины проживают в Украине и Беларуси, которые вместе за весь рассматривае-

мый период (1989–2007 гг.) потеряли в миграционном обмене с Россией всего 4% русского населения. Еще раз подчеркнем, это нормальный миграционный обмен равных партнеров, а не государств-доноров с государством-реципиентом. Да и результативность миграционного обмена у России с этими странами не велика: на каждую тысячу прибывших русских с Украины выбывало обратно 715, а из Беларуси -969.

Государства Балтии совместно потеряли в миграционном обмене с Россией 12% русских, чуть больше 200 тыс. человек, т.е. по 11 тыс. в год. Причем Латвия, где больше всего проживает русских среди стран Балтии, потеряла их меньше всего (10.8%). Даже, несмотря на сравнительно хорошую результативность для России миграционного обмена с государствами Балтии (русских выбывало обратно лишь одна четвертая часть прибывших), они не являются местом концентрации её миграционного потенциала. Русских там проживает менее 7% от их общей численности в новом зарубежье и в последние 8 лет российское миграционное сальдо за счет русских из трех государств Балтии получало всего по 650 человек в год.

В истекший период наиболее интенсивно русские покидали государства Закавказья. Этот процесс начался задолго до распада Советского Союза и особенно усилился в 1990–1994 гг. За период с 1989 г. по 2007 г. Россия получила из Грузии 49% всех проживавших в ней русских, соответственно из Азербайджана 50.9% и из Армении даже -69.2%. Ныне на долю этих государств приходится менее 2% всех русских, живущих в новом зарубежье, что составляет, по-видимому, 200–300 тыс. человек. В текущем десятилетии Россия ежегодно получала из этих трех стран менее чем по 3 тыс. человек. Несмотря, на высокую результативность миграционного обмена (выбывает менее 200 человек с каждой тысячи прибывших), в этих странах, судя по всему, отсутствует для России сколько-нибудь значимый миграционный потенциал русских.

Четыре среднеазиатских государства за 19 лет потеряли в миграционном обмене с Россией свыше 36% русского населения, при-

чем меньше всего потерял Кыргызстан (30,5%) и больше всего – Таджикистан (62%), уступающий по проценту потерь лишь Армении. Тем не менее, в этой группе государств в настоящее время проживает почти 10% русского населения, особенно много русских остается в Узбекистане и Кыргызстане, скорее всего 1.1–1.3 млн. человек.

У Молдовы процент потерь в миграционном обмене с Россией примерно такой же, как и у государств Балтии, а результативность после Беларуси и Украины самая низкая (409), правда, в 2000–2007 гг. она улучшилась для России, составив 141 (в 2006–07 гг. на каждую тысячу русских прибывших из Молдовы обратно выбывало менее 100 человек, еще ниже показатели были только у среднеазиатских государств). В Молдове ныне сосредоточено чуть больше 2% русских, проживающих в новом зарубежье (примерно 350 тыс.).

Казахстан в советское время по численности русских уступал только Украине. За 1989–2007 гг. из этого государства в Россию переселилось 1361 тыс. русских. Это самый большой вклад в миграционное сальдо русских, составляющий в нем 37.3% , хотя в численности русских, проживавших в 1989 г. в бывших союзных республиках, доля Казахстана не превышала 25% (24.6%). Выбытие русских оттуда шло с интенсивностью, заметно превышающей среднюю, а результативность для России все последние 15 лет оставалась достаточно высокой (100–200 выбывших на тысячу прибывших). Ныне в Казахстане сосредоточено свыше 1/5 всех русских нового зарубежья или примерно 4 млн. человек.

Таким образом, к настоящему времени из общего количества русских, проживающих в новом зарубежье, лишь одна треть представляет количественно определенный миграционный потенциал для России. Он находится в основном в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркмении и Молдове. С учетом, происшедших изменений в структурах населения (генетической и возрастной), реальная величина миграционного потенциала русских

вместе с другими титульными для России народами в настоящее время не превышает 5 млн. человек.

Другую исходную величину миграционного потенциала в странах нового зарубежья составляют его титульные и остальные народы, которые там проживают. Это очень неоднородное население в этнографическом отношении. Титульные народы стран нового зарубежья принадлежат пяти группам индоевропейской семьи (украинцы, белорусы, армяне, литовцы, латыши, таджики, молдаване), тюркской группе алтайской семьи (узбеки, казахи, азербайджанцы, туркмены, киргизы), финно-угорской группе уральской семьи (эстонцы) картвельской группе картвельской семьи (грузины). Этим народам с их культурными, языковыми, конфессиональными и другими особенностями в случае миграции достаточно сложно адаптироваться в иной этнической среде. Тем не менее, в советские годы происходило расселение одних народов среди других. В 1989 г. перепись зафиксировала, что в составе населения России находятся 7.8 млн. титульных для других союзных республик народов, в т.ч. украинцев, белорусов и молдаван -5742 тыс., казахов – 636 тыс., представителей Средней Азии -247 тыс., грузин, азербайджанцев и армян – почти один млн., литовцев, латышей и эстонцев -164 тыс. Человек.

Формирование миграционного потенциала России из титульных народов стран нового зарубежья во многом связано с повышением их уровня мобильности, который в прошлом был крайне низок, особенно в государствах Центральной Азии и Закавказья. Правда ко времени распада СССР миграционная подвижность всех титульных народов стран нового зарубежья выросла (исключение – Украина и Эстония). Дальнейшему росту миграционной подвижности титульного населения стран нового зарубежья в настоящее время противостоят процессы обновления населения и изменения его менталитета. Все годы независимости шло сокращение той части населения, которая представляла миграционный потенциал для России. В странах нового зарубежья рождались новые поколе-

ния и вместе с теми, кто находился в детском возрасте в момент распада СССР, обретали менталитет, отличный от того, который был в советские годы. Исчезала необходимость в знании русского языка, как языка межнационального общения, в усвоении культуры народов, населявших единую страну и т.д.

Взрослое население также стало утрачивать элементы советского, общего всем народам менталитета, забывать общий для единого государства язык и другие атрибуты, объединявшие все народы в братской семье (открытая вражда между некоторыми из них возникла накануне или после распада единой страны). Лишь, достигшая к настоящему времени массовых масштабов трудовая иммиграция, инициирует увеличение для России миграционного потенциала из титульных народов стран нового зарубежья.

Рассматривая титульное население стран нового зарубежья в качестве исходной численности миграционного потенциала, не следует строить иллюзий относительно украинцев и белорусов. Как уже отмечалось, с Украиной и Беларусью у России происходит нормальный миграционный обмен населением. В группу стран с незначимым миграционным потенциалом входят также государства Балтии.

Миграционный потенциал для России в количественном выражении в новом зарубежье сохранился преимущественно в странах Центральной Азии, Закавказья и в незначительной мере Молдове. Он сосредоточен в первую очередь в государствах Средней Азии, население которых к 2020 г. должно возрасти не менее чем на 8 млн. человек и к 2050 г. – еще на 10 млн. «Демографическое давление» этих стран на Россию может оказаться для неё вполне положительным явлением. Не следует бояться, что увеличение численности населения России на несколько млн. человек, относящихся к титульным народам Средней Азии, заметно изменят её этническую структуру. Даже если бы в современной численности населения России узбеков, таджиков и киргизов было 5 млн. человек, то все ровно их доля не превышала бы 3.5%.

Завершая анализ находящихся в странах нового зарубежья миграционных ресурсов, следует сказать, что иногда величину миграционного потенциала оценивают, опираясь на данные социологических обследований о миграционных намерениях мигрантов. В этом случае за миграционный потенциал принимается доля установок обычно определенной этнической группы населения на миграцию из страны. В таком подходе, по нашему мнению, есть три уязвимых места. Во-первых, необходимо при обследованиях выявлять не просто установки на миграцию из страны, а еще и на миграцию в определенную страну. Во-вторых, надо иметь в виду, что между установками на миграцию (потенциальная миграция) и реальной миграцией, как говорил один из героев «Горя от ума», дистанция огромного размера. Исследования, проведенные еще во второй половине 80-х годов, показали, что потенциальная миграция всегда во много раз больше, чем реальные перемещения. Так, интенсивность миграции жителей Тверской и Волгоградской областей в те годы не превышала 9%, тогда как их установки на выезд в другие районы составляли 17.5–17.7% (5.с.49).

В-третьих, и это главное, установки на миграцию за пределы данной территории больше чем что-либо другое зависят от политической, социально-экономической, экологической и иных ситуаций. Согласно обследованию, проведенному в 1990 г. под руководством А.Г. Злотникова, среди населения Гомельской области, включая г. Гомель, от 80 до 95% хотели покинуть территорию, подвергшуюся радиоактивному заражению (5.с.48). Фактическое число мигрантов, покинувших этот регион, составило несколько процентов. Этот же вывод, подтверждает, но с другой стороны, обследование, проведенное в 1991 г. ВЦИОМом. Оказалось, что из числа проживавших русских собираются покинуть Узбекистан 25%, Кыргызстан -24% и Таджикистан -36%.(6.с.136). Реально же мигрировали, причем, только в Россию, за прошедшее время: из Узбекистана -34%, из Кыргызстана -31% и из Таджикистана -62%. Обследование проводилось в более спокойное время, чем то, которое наступило вслед за ним, особенно в Таджикистане.

Источники

1. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И., Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. М. «Экон-информ». 2010

2. Численность и состав населения СССР По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.1984

3. Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г. М., 1990.

4. World Population 1994, 1998, 2002 и 2006. United Nations. Population Division.

5. Рыбаковский Л.Л. Демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС. //СОЦИС.1992.№9

6. Население России. М.1994.

Глава 9

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ*

9.1. Особенности учёта и анализа межрегиональной миграции в России в начале XXI века

Анализ межрегиональной миграции населения России, или миграционных связей между регионами страны, основывается на официальной текущей статистике России о постоянной миграции, т.е. миграции, фиксируемой как смена постоянного места жительства. Классическое определение постоянной миграции как переселений для современной российской практики уже не совсем подходит. Дело в том, что с 2011 года в статистический учет долгосрочной миграции населения Росстат начал включать также лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, т.е. временно прибывающих сроком более девяти месяцев. Называть этих лиц классическими переселенцами нельзя, хотя часть из них и собирается таковыми стать. Вследствие этого обстоятельства в дальнейшем изложении привычные обозначения единиц измерения объёмов миграции «переселения» заменены на «постоянные перемещения». При этом под постоянными перемещениями подразумеваются перемещения, сопровождаемые сменой постоянного места жительства.

* Подготовлено в рамках проекта РГНФ № 12-02-00008

Росстат в учете постоянного населения и его миграции в России движется практически по кругу. Сначала он отказывается от всего старого (советского), копирует учёт других, более развитых стран (учёт лишь постоянного населения на Западе), но потом, поняв, что ни к чему хорошему в российском случае это не приведёт, постепенно корректирует своё поведение в прежнее русло (выработанную десятилетиями послевоенных переписей населения в СССР методику). Включение в состав постоянного населения лиц, временно прибывающих в России сроком более девяти месяцев, – это есть не что иное, как попытка добавить к постоянному населению часть наличного населения, игнорируемого в обеих постсоветских переписях населения России. Этот нигилистический казус продолжается, несмотря на ужасающие переписные погрешности и несчётную массу временно проживающих в крупнейших мегаполисах и промышленных зонах страны россиян и иностранцев, выживающих за счет более высокой зарплаты и постоянного её предложения в тех сферах и по тем специальностям, которые старожилам этих мест занимать уже не хочется.

В результате нового порядка учёта с 2011 г. значительно выросли объёмы постоянной миграции как в Россию из-за рубежа, так и в самой России – внутри и между регионами страны. Следует заметить, что связь между уровнями этих объемов достаточно тесная, и не только вследствие цепного характера многих миграционных маршрутов, но и благодаря синхронности и сходству откликов всех видов миграционного движения любым нововведениям российского учета или законодательства.

В XXI веке в России миграционные потоки кардинально меняли свои объёмы уже трижды. Первый раз это было после принятия нового закона о гражданстве, вступившего в силу 1 июля 2002 года, накануне первой постсоветской переписи населения, заметно снизившего объёмы официально регистрируемых переселений в Россию. В результате его действия в 2003–2005 гг. в сравнении с 2000–2002 гг., например, миграционный прирост населения России из

СНГ сократился в 2,6 раза и достиг минимальной с 1990 года величины – 130 тыс. человек в год. [5] Внутрироссийский миграционный обмен населением, более инертный, чем внешний, также отреагировал. В 2003–2005 гг. оборот межрегиональной миграции упал в сравнение с 2000–2002 гг. на 15%.

Второй раз резкий скачок объёмов миграции в России произошел в 2007 году, когда в статистический учет постоянной миграции и, следовательно, постоянного населения стали включать иностранных граждан и лиц без гражданства, впервые получивших разрешение на временное проживание. В 2007 году в сравнение с 2006 годом число регистрируемых постоянных иммигрантов в России увеличилось более чем в полтора раза. Также в 2007–2008 годах заметно вырос и межрегиональный миграционный оборот.

И, наконец, в третий раз в 2011–2012 году после введения нового порядка статистического учета долгосрочной миграции миграционный прирост населения России из-за рубежа вырос более чем в два раза в сравнение с 2009–2010 годами. За то же время межрегиональный миграционный оборот в стране вырос также в два раза, с 0,83 млн. постоянных перемещений в год до 1,57 млн. постоянных перемещений в год.

Данные обстоятельства не позволяют корректно сравнивать в динамике интенсивность миграционных потоков внутри России. Несмотря на это, закономерности и особенности географии и характера, т.е. тесноты и результативности миграционных связей между регионами страны, – вырисовываются достаточно отчётливо. Их выявлению не мешают ни перманентные административные и учётные изменения, ни переписные накладки, значительно искажающие живую текущую статистику миграции населения.

Кстати о переписях населения. В XXI веке Россия их пережила уже две, и обе, как говорится, успешно. По первой (2002 г.) было добавлено и разнесено на период до 2004 года почти два миллиона

[5] Все дальнейшие показатели, встречающиеся в данной главе без сносок, рассчитаны по официальной информации Росстата. Сайт: http://www.gks.ru/.

человек, по второй (2010 г.) – более скромно – около одного млн. человек (разнесено по 2010 год). Разнесение, т.е. распределение задним числом на межпереписной период, у Росстата занимает значительное время. Так, в развитых странах мира переписные данные обрабатывают и публикуют менее чем за год. В претендующей на многое России эта процедура после переписи в октябре 2010 года заняла почти три года (в сентябре 2013 года на сайте Росстата появился 10-й том «Рождаемость» из 11-ти планируемых).

В зависимости от того как, с учётом или без учёта переписных добавок, анализировать ситуацию в России, могут получаться ощутимо различные между собой результаты (рис.9.1).

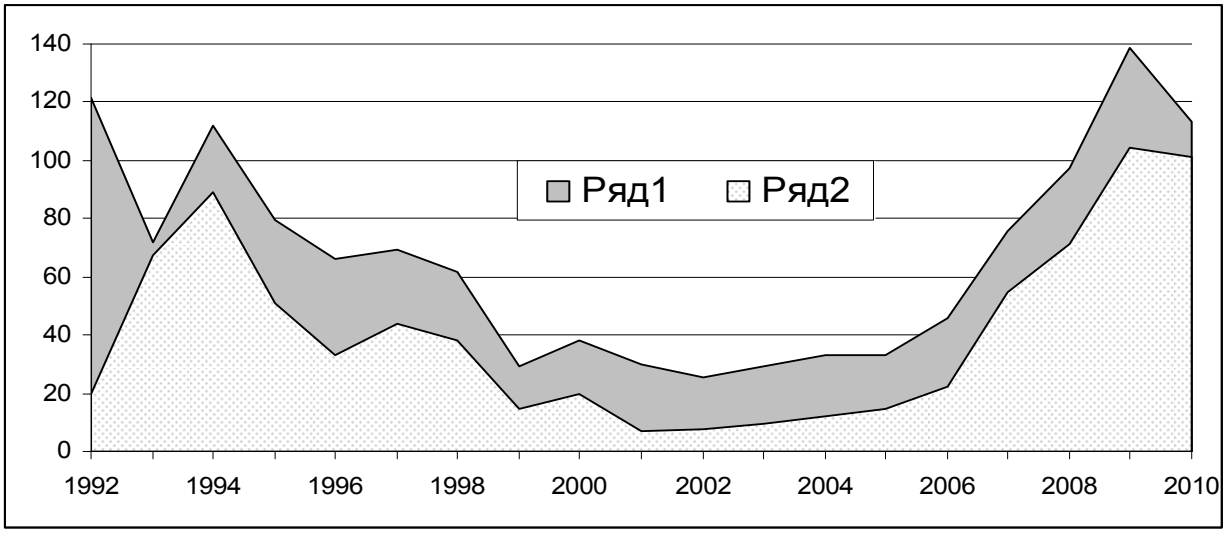

Рис.9.1. *Компенсация естественной убыли населения Российской Федерации миграционным приростом, в процентах.*
Ряд 1 – по уточнённым переписями населения 2002 и 2010 гг. данным с учетом ненулевого сальдо внутренней миграции,
Ряд 2 – по текущим данным об обмене населением Российской Федерации с зарубежьем.

В 1992–2011 гг. в России имел место первый период депопуляции. Естественная убыль населения России за 20 лет составила 13,2 млн. человек. Она была компенсирована на 37% миграционным приростом по текущим данным об обмене населением Российской Федерации с зарубежьем. Но по уточнённым переписями населения

2002 и 2010 гг. данным с учетом ненулевого сальдо внутренней миграции, имевшей место в российском учете переселений до 2005 года, компенсация миграционным приростом составила 59%.

За весь период уточнений Росстата (переписями населения 2002 и 2010 гг.), т.е. с 1990 по 2010 год Российская Федерация получила в форме миграционного прироста 7,9 млн. человек. В том числе – 0,9 млн. – текущим положительным сальдо внутрироссийской миграции (на более чем 4/5 – от межрегиональной миграции) и 2,8 млн. человек – уточнениями двух переписей населения 2002 и 2010 года. Миграционный прирост из-за рубежа по текущей статистике за 1990–2010 гг. составил лишь 4,2 млн. человек, т.е. почти в два раза меньше. Таким образом, 3,7 млн. человек в миграционном приросте Российской Федерации за 1990–2010 гг. – итог расхождений внутреннего учёта миграции, а также текущего и переписного учета населения.

В методологии Росстата к переписи населения 2010 указано следующее. «К постоянному населению Российской Федерации, находившемуся на территории страны, были отнесены все находившиеся в стране на дату переписи постоянные жители России (независимо от гражданства), включая временно выехавших из страны на работу и учебу на срок до 1 года или выехавшие на отдых, лечение, в гости на любой срок. В эту же категорию населения включены лица (независимо от гражданства), прибывшие в Российскую Федерацию в поисках убежища или на постоянное жительство (включая и тех лиц, кто не успел оформить регистрационные документы), а также лица, прибывшие из-за рубежа на работу и учебу на срок 1 год и более»[1]. В презентации итогов переписи населения 2010 года даны уточнения. Всё учтенное при переписи население, помимо «лиц, временно находящихся на территории Российской Федерации, но постоянно проживающих за рубежом», – это «постоянное население Российской Федерации» плюс «граждане Российской Федерации, находившиеся за рубежом в связи с длительной служебной командировкой по линии органов государственной власти»[1].

Из этого вытекает, что все иностранцы, т.е. не граждане России, находившиеся в стране на момент переписи более одного года, долговременные трудовые или учебные мигранты, а также получившие разрешение на временное проживание и имеющие вид на жительство в России (т.е. будущие граждане), – были учтены как постоянное население России.

Вследствие этого можно предположить, что итоговые для страны излишки учета могут иметь, скорее всего, международное, а не внутреннее происхождение (по переписи 2010 года это плюс 1,1 млн. человек). Прочие недоучеты и пересчеты по регионам – минус-плюс 1,3 млн. человек – следствие не учитываемой регистрациями долговременной межрегиональной миграции, трудовой, образовательной или иной. Суммарные расхождения по всем регионам по переписи 2010 года составили: плюс 2,4 – минус 1,3 млн. человек, т.е. суммарно по абсолютной величине 3,7 млн. человек.

На региональном уровне сумма абсолютных погрешностей текущего и переписного учета численности населения всех регионов России по итогам обеих постсоветских переписей населения, 2002 и 2010 года, составила 9,6 млн. человек. С учетом отклонений от теоретически нулевого межрегионального миграционного сальдо, имевшего место в данных Росстата до 2005 года, общие расхождения текущего и переписного учета численности населения постсоветской России составили по всем регионам: плюс 6,5 – минус 3,5 млн. человек, или десять млн. человек. Это 7% от среднепериодной численности населения за 1990–2010 годы.

До начала анализа межрегиональной миграционной ситуации в постсоветской России хотелось бы высказать еще несколько методологических замечаний, накопленных по данной проблематике за последние годы. Прежде всего, анализ межрегиональной миграции населения России, или миграционных связей между регионами страны, по всему массиву 83-х субъектов Российской Федерации (на 1 ноября 2013 года) проводить не корректно.

Так, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, официально входящие в Тюменскую область, – достаточно крупные по численности населения субъекты РФ. Но статистику миграций и социально-экономическую информацию до последних лет по ним раздельно не давали, либо представляли не полностью. После того, как эта информация начала регулярно появляться, в анализе межрегиональной миграции возникла перманентная задача выделять из Тюменской области её южную часть, поскольку оставлять в массиве регионов два автономных округа и включающую их в свой состав область не корректно – происходит дублирование данных. Следует подчеркнуть, что подобное выделение необходимо только при «чистом» анализе миграции населения, но никак не связывается с анализом факторов миграции, поскольку управление всей территорией области осуществляется едиными государственными органами.

Субъект РФ Ненецкий национальный округ входит в состав Архангельской области, и выделять территорию с населением в чуть более 40 тыс. человек в отдельный регион для анализа миграционных процессов не имеет смысла, – слишком незначительны его объемы межрегиональной миграции.

Чукотский автономный округ, хоть и имеет рекордную интенсивность эмиграционных и, как следствие, иммиграционных межрегиональных потоков, в особенности в 1990-е годы, уже не обладает достаточным населением (около 50 тыс. человек на середину первого десятилетия XXI века) для того, чтобы его рассматривать как отдельный регион в анализе миграционных связей в XXI веке. Подобные территории России с мизерной численностью населения не могут производить объёмы миграционных потоков, достаточные для адекватного анализа в силу закона больших чисел. Но так как округ официально не входит, как в двух предшествующих случаях, ни в один более крупный субъект Российской Федерации, то необходимо решить, что с ним делать при исследовании миграционных связей.

Подобная проблема, связанная либо с малочисленностью населения, либо с мизерной миграционной подвижностью населения территорий, – имеет место не только в случае с Чукотским автономным округом. Сюда же можно отнести еще ряд преимущественно окраинных субъектов РФ. Эти регионы – республики Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Тыва, а также Еврейская автономная область. Около 8% от всех 3081 (79х(79 -1)/2) парных межрегиональных направлений исходного массива 79-ти регионов[6] имеют средний за 12 лет миграционный оборот менее 10 человек в год.

Преимущественно – это пары регионов, одна из сторон которых – самые маленькие по численности, низко интенсивные и окраинные, обычно загороженные крупным соседом регионы страны. Это Республика Тыва – 54 парных направления из 78-ми возможных, Республика Алтай – 50, Еврейская автономная область – 32, Республика Ингушетия – 32, Республика Калмыкия – 31. Чукотский автономный округ по 16-ти направлениям имел в среднем за 12 рассматриваемых лет оборот межрегиональной миграции менее 10-ти человек в год.

Расчет показателей результативности миграционной связей по таким «нулевым» направлениям не надёжен, а построение показателей тесноты миграционной связей – и вовсе не корректно [2].

Существует два пути решения возникшей проблемы. Первый путь – возможное объединение данных регионов с однородными, смежными к ним более крупными по численности населения территориями, сходными с ними по межрегиональным миграционным признакам и дальнейший анализ по более крупным территориальным объединениям [2]. Второй путь – исключение данных субъектов РФ из массива, описание их итоговых характеристик и межрегиональных связей на региональном уровне, т.е. вне всего массива миграционных связей.

[6] Все республики, края, области России, а также Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. Без Чеченской Республики, информация о которой по части исследуемого периода отсутствует.

Первый путь применим к части пар регионов, ранее являвшихся едиными административно-территориальными образованиями. Это касается аналитического объединения Еврейской автономной области с Хабаровским краем, а также Чукотского автономного округа с Магаданской областью. Объединение Республики Алтай с Алтайским краем, несмотря на общность в прошлом, в аналитических целях не корректно: слишком различны итоговые параметры межрегионального обмена населением этих двух субъектов РФ: Республика Алтай – обособленный природный заповедник России, локальный миграционный реципиент, а Алтайский край – явный миграционный донор, депрессивный в социально-экономическом плане субъект РФ.

Республики Тыва и Калмыкия не имеют сходных и равноценных партнёров для условного объединения, хотя и тяготеют к ближайшим к ним территориям (Республика Тыва – к Республике Хакассии и Красноярскому краю, Республика Калмыкия – к Астраханской области). Республика Ингушетия близка и имеет равноценный обмен населением с Чеченской Республикой (единство в недалеком прошлом), но последняя из анализа массива по всему периоду исключена из-за неполноты информации.

Вследствие этого республики Алтай, Ингушетия, Калмыкия и Тыва исключены из укрупненного массива межрегиональных миграционных связей. Анализ по ним, как и по Чеченской Республике или по двум автономным округам и южной части Тюменской области, возможен лишь на региональном уровне – по итоговым показателям и по отдельным значимым направлениям.

Также как некорректно проводить анализ межрегиональной миграции по массиву регионов, содержащих малые по численности населения и интенсивности миграции территории, так и некорректно рассматривать массив межрегиональных связей, внутри которого имеются пары регионов, тесно между собой обменивающиеся населением, как будто бы они представляют собой единые образования. На обмен населением этих пар регионов внутри них (между собой)

приходится значительная доля их межрегионального миграционного оборота.

Так, межрегиональный миграционный оборот между городом Москвой и окружающей его Московской областью составил за 12 первых лет XXI века 22% от всего межрегионального миграционного оборота этих двух субъектов РФ в стране (0,5 млн. постоянных перемещений из 2,2 млн. постоянных перемещений). Аналогичный межрегиональный миграционный оборот между городом Санкт-Петербургом и Ленинградской областью составил 25%.

Обмен между двумя городами федерального подчинения и окружающими их областями не только очень интенсивный, но и практически равноценный. За 12 первых лет XXI века на сто постоянных перемещений из города Москвы в Московскую область приходилось 114 постоянных перемещений в обратном направлении, и на сто постоянных перемещений из Ленинградской области в город Санкт-Петербург – в обратном направлении шло 105 постоянных перемещений.

К двум столичным парам стремится и третья пара миграционных реципиентов – Краснодарский край с находящейся внутри его территории Республикой Адыгея. Краснодарский край обменивался населением с Республикой Адыгея в 2001–2012 гг. в пропорции 100:112 постоянных перемещений. Их парный миграционный обмен составил за 12 лет 7% от всего их межрегионального миграционного оборота.

Данные обстоятельства вуалируют реальную межрегиональную ситуацию в стране, сглаживают показатели результативности, скрывают реальное положение дел в межрегиональном обмене населением на всём пространстве страны. Три пары первых миграционных реципиентов современной России, хоть до сих пор и не объединены в единые территории (субъекты, или даже федеральные округа), тем не менее, в миграционном плане де факто представляют собой так называемые «единые миграционные пространства». Еди-

ные миграционные пространства – это группы территорий, имеющие сходные по характеру и географии миграционные параметры, а также тесный и близкий к равноценному миграционный обмен населением между собой.

К данному определению можно добавить следующее. Из-за дороговизны недвижимости в столицах мигранты перенаправляются в прилегающие к ним территории, вследствие чего цель их маршрута, к примеру, «город Москва» трансформируется в более доступную цель «жильё в Подмосковье (цена на вторичном рынке жилья была в 2,5 раза ниже в 2011 году), работа в Москве». Вследствие этого объёмы межрегиональных постоянных перемещений в Московскую область в 2001–2012 гг. превысили аналогичные объёмы в Москву (1,14 млн. против 1,05 млн. постоянных перемещений). Проникновение города Москвы вглубь территории Московской области с 1 июля 2012 года (проект «Новая Москва») делает аналитическое объединение двух субъектов в целях повышения корректности исследования ещё более необходимым.

Существует еще один алгоритм корректного анализа межрегиональных миграций первых трёх столичных пар. Это исключение из их итоговых показателей – межрегионального оборота с их парами по единому миграционному пространству. Такой алгоритм позволяет использовать полученные урезанные данные по регионам типа «город Москва без миграционного оборота с Московской областью» как для расчета более объективных индикаторов миграции, так и для анализа их взаимосвязей с социально-экономическими факторами.

Помимо трёх перечисленных пар регионов – миграционных реципиентов уже ранее упомянутые пары «Хабаровский край + Еврейская автономная область», а также «Магаданская область + Чукотский автономный округ» также являются едиными миграционными пространствами, но миграционных доноров. В представленной части работы анализ проводится по объединенным и усредненным текущим данным о миграции населения 79 и 70 укрупнённых регионов России в 2001–2006, 2007–2012 и 2001–2012 гг.

9.2. Итоговые показатели межрегионального обмена населением России в 2001–2012 гг.

Ни в абсолютном выражении в пространстве, ни даже в относительном выражении во времени (по коэффициентам интенсивности), – сравнительный анализ межрегиональной миграции населения России в начале XXI века проводить корректно не представляется возможным. В этой связи пространственные и временные сравнения проводятся лишь по части индикаторов межрегиональной миграции. Первая группа таких показателей межрегиональных миграций – итоговые коэффициенты результативности межрегиональных миграционных связей (КРМС).

Результативность в межрегиональных миграциях рассматривается как на частном (парном) уровне, так и на итоговом для регионов рассмотрении. На парном уровне это конечный результат миграционного обмена двух территорий между собой. Соотношение двух исходных характеристик межрегиональных миграций, объема выбытий и объёма прибытий, переведенное в промилле умножением на тысячу, даёт частный коэффициент результативности миграционных связей. Этот коэффициент показывает количество выбытий на каждую тысячу прибытий по парному направлению. Результативность на итоговом для регионов уровне отражает соотношение выбытий и прибытий в сумме по всем межрегиональным связям региона. Показатель КРМС заменяет частное или итоговое относительное сальдо межрегиональной миграции, которое может иметь как отрицательный, так и положительный знак. При этом разница двух абсолютных объёмов, или абсолютное сравнение с критерием в форме «нулевого значения» – подменяется на пропорцию, отношение количества выбывших с данной территории к количеству прибывших в неё, с критерием равным единице, или 1000‰. Коэффициент результативности межрегиональных миграционных свя-

зей показывает процесс замещения эмигрантов иммигрантами в наглядном и доступном виде. В этой связи данная характеристика широко применяется на стадии интерпретации результатов исследований межрегионального обмена населением.

Но не только вследствие этого использование пропорций КРМС в анализе имеет столь распространенный характер в отличие от сальдо миграции. Помимо элиминирования абсолютных исходных объемов, тесно связанных размерами сред происхождения и протекания миграционных процессов, массивы коэффициентов результативности межрегиональных миграционных связей имеют распределения значений, легко приводимые к нормальному виду логарифмированием, что необходимо для всего дальнейшего анализа межрегионального обмена населением и факторов, с ним взаимосвязанных. Этого же нельзя сказать о распределениях значений межрегиональных сальдо миграции. Абсолютные межрегиональные сальдо миграции, как и его производный коэффициент интенсивности сальдо (миграционного прироста), по нашему мнению, является слишком хрупким инструментом для любых расчетов и достижения каких-либо серьёзных результатов в изучении потоков переселений.

Вместе с тем, показатели КРМС в динамике сравнивать между собой также не всегда бывает достаточно корректно, если резко меняется интенсивность межрегиональных миграций, либо при снижении интенсивности миграции периоды сравнения уровней достаточно короткие. В первом случае на изменения КРМС влияет общий уровень интенсивности миграции: чем он выше, тем при прочих равных условиях значения КРМС ближе к 1000‰ (к среднему арифметическому взвешенному по массиву), и наоборот. Во втором случае возникает так называемая лаговая задержка «контр-потоков», и значения КРМС приближаются к 1000‰ за счет контр-потоков от потоков предшествующих лет.

Итоговая для регионов результативность межрегиональных миграционных связей в 2001–2006 и 2007–2012 гг. в среднем – сле-

дующая. Список лидеров возглавляют основные миграционные реципиенты страны (табл. 9.1). Для наглядности в список включены как отдельные субъекты РФ, так и часть их пар, аналитическое объединение которых было обосновано ранее.

Таблица 9.1.

Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей (КРМС) регионов России, выбытий на 1000 прибытий

№	Регионы	КРМС 01-12*	КРМС 01-06	КРМС 07-12
1	Московская о.+г.Москва	273	234	299
2	г.Москва	417	383	442
3	Московская область	440	419	453
4	Ленинградская о.+г.Санкт-Петербург	441	521	393
5	г.Санкт-Петербург	561	723	468
6	Респ.Адыгея+Краснодарский край	598	650	564
7	Краснодарский край	604	657	569
8	Белгородская область	616	534	700
9	Ленинградская область	619	572	658
…	…	…	…	…
16	Республика Адыгея	897	889	903

* Здесь и в последующих таблицах: 01–12 – это 2001–2012 гг., 01–06 – 2001–2006 гг., 07–12 – 2007–2012 гг.; о. – область, Р., Респ. – Республика, а.о. – автономный округ.

На 10-м месте по итоговой результативности располагалась Республика Ингушетия. За 2001–2012 гг. её межрегиональный КРМС был равен 717‰ (в 2001–2006 – 1091‰, в 2007–2012 – 600‰).

Основной поток иммиграции, формировавший данную результативность, шел в Республику Ингушетия из соседних к ней республик Северного Кавказа и носил не экономический характер. Вслед за лидерами списка и Республикой Ингушетия идут локальные миграционные реципиенты страны, отдельные принимающе – отдающие регионы Сибири, а также нефтегазоносная Тюменская область (см. таблицу 9.2).

Таблица 9.2.

Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей (КРМС) регионов России, выбытий на 1000 прибытий

№	Регионы	КРМС 01-12	КРМС 01-06	КРМС 07-12
11	Калининградская область	757	712	801
12	Ярославская область	772	772	772
13	Республика Татарстан	827	805	848
14	Новосибирская область	839	1022	719
15	Свердловская область	884	898	871
17	Нижегородская область	905	877	931
18	Самарская область	928	886	968
19	Томская область	935	1063	841
20	Воронежская область	937	964	913
21	Тюменская область	987	952	1014

Новосибирская область, находясь в самом центре России, является тем регионом, в котором замещение выбывающего на Запад населения прибывающим с Востока становится положительным. Полу-анклав Калининградская область и Ярославская область могли бы считаться и основными межрегиональными миграционными реципиентами страны, и только близость первых столичных пар не позволяет этого сделать, отодвигая эти две области в разряд локальных реципиентов. «Приволжский треугольник» – Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области, – три локальных реципиента, «поглощающих в себе» выходцев из всех находящихся между ними либо примыкающих к ним субъектов РФ. Томская и Воронежская области – успешно развивающиеся субъекты РФ. Тюменская область – специфическая «промзона», де факто работающая долговременным вахтовым методом, привлекающая население всех депрессивных регионов России, включая Северокавказские республики, а также Новое Зарубежье, и в равных объёмах теряющая уже отработавшее и заработавшее на жизнь население в более благоприятные западные территории страны.

Далее по списку идут регионы страны с итоговой результативностью межрегиональной миграции, близкой к тысяче промилле (см. таблицу 9.3).

Таблица 9.3.

Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей (КРМС) регионов России, выбытий на 1000 прибытий

№	Регионы	КРМС 01-12	КРМС 01-06	КРМС 07-12
22	Ставропольский край	1017	1008	1024
23	Республика Алтай	1057	996	1107
24	Рязанская область	1083	1151	1027
25	Челябинская область	1087	1151	1031
26	Вологодская область	1089	1022	1151
27	Кемеровская область	1092	944	1259
28	Республика Карелия	1097	916	1308
29	Республика Хакасия	1098	975	1233
30	Ивановская область	1103	1092	1113
31	Хабаровский край	1105	1053	1153
32	Владимирская область	1120	1007	1236
33	Липецкая область	1122	957	1289
34	Новгородская область	1132	1036	1217
35	Ростовская область	1144	1172	1120
36	Псковская область	1166	1057	1270

Среди этих территорий есть регионы, смежные к основным или локальным реципиентам, локальный реципиент Дальнего Востока Хабаровский край, а также регион – заповедник Республика Алтай. Ставропольский край и Ростовская область граничат с основным миграционным реципиентом – Краснодарским краем, Челябинская область – с локальным реципиентом Свердловской областью, Рязанская и Владимирская области – с Московской областью. Республика Карелия, Вологодская, Новгородская и Псковская области окружают вторую столичную пару. Ивановская область находится между двумя локальными реципиентами – Ярославской и Нижегородской областями. И, наконец, Липецкая область граничит с локальным реципиентом Воронежской областью (втроём с Белгородской областью они являлись ядром Центрально-Черноземного района РСФСР).

Далее идут регионы, умеренно – теряющие население в межрегиональном обмене населением (см. таблицу 9.4).

Таблица 9.4.

Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей (КРМС) регионов России, выбытий на 1000 прибытий

№	Регионы	КРМС 01-12	КРМС 01-06	КРМС 07-12
37	Саратовская область	1199	1106	1289
38	Республика Башкортостан	1200	1166	1227
39	Орловская область	1204	1110	1295
40	Еврейская автон. область	1205	1116	1308
41	Калужская область	1207	1152	1260
42	Красноярский край	1212	1267	1165
43	Костромская область	1215	1062	1395
44	Чувашская Республика	1224	1057	1390
45	Тульская область	1284	1277	1289
46	Тверская область	1287	1186	1383
47	Астраханская область	1307	1236	1367
48	Республика Марий Эл	1345	1197	1494
49	Смоленская область	1361	1244	1490
50	Брянская область	1365	1197	1531
51	Омская область	1371	1286	1453
52	Пермская область/край	1388	1273	1508
53	Курская область	1391	1666	1207
54	Пензенская область	1394	1327	1454
55	Волгоградская область	1428	1289	1572

Среди этих территорий преобладают регионы, смежные к основным или локальным реципиентам страны, области «второго кольца» от первой столичной пары, включая экологически неблагоприятную Брянскую область, а также слабо – контактные регионы Приволжского федерального округа.

И, наконец, завершает список результативности группа основных межрегиональных миграционных реципиентов страны (см. таблицу 9.5).

Среди этих территорий основную массу составляют территории Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также республики Северного Кавказа (плюс Республика Калмыкия). Среди регионов старообжитой Европейской России – это Кировская, Тамбовская, Ульяновская области, республики Мордовия и Удмуртская, а также две области юга Урала – Курганская и Оренбургская.

Таблица 9.5.

Итоговая результативность межрегиональных миграционных связей (КРМС) регионов России, выбытий на 1000 прибытий

№	Регионы	КРМС 01-12	КРМС 01-06	КРМС 07-12
56	Иркутская область	1519	1393	1645
57	Приморский край	1541	1628	1471
58	Тамбовская область	1559	1610	1518
59	Ульяновская область	1577	1528	1625
60	Республика Бурятия	1591	1754	1471
61	Удмуртская Республика	1616	1387	1892
62	Амурская область	1646	1512	1806
63	Чукотский автономный округ	1648	2093	1332
64	Мурманская область	1660	1644	1674
65	Алтайский край	1674	1559	1783
66	Кировская область	1767	1689	1841
67	Оренбургская область	1820	1590	2054
68	Сахалинская область	1854	2082	1686
69	Камчатская область/край	1880	1938	1831
70	Забайкальский край	1921	1811	2036
71	Республика Мордовия	1939	1955	1926
72	Республика Калмыкия	1994	1712	2297
73	Респ. Северная Осетия – Алания	2048	2012	2078
74	Курганская область	2050	1931	2166
75	Республика Саха (Якутия)	2125	1865	2405
76	Карачаево-Черкесская Республика	2127	2100	2149
77	Республика Коми	2296	1996	2630
78	Магаданская область	2331	2462	2177
79	Архангельская область	2357	2140	2550
80	Республика Дагестан	2369	2170	2495
81	Кабардино-Балкарская Республика	2459	2204	2670
82	Республика Тыва	2555	1868	3218

Между двумя первыми шестилетиями XXI века ситуация с результативностью заметно ухудшилась на Европейском Севере и Юге Сибири, а также в Забайкалье, Республике Саха (Якутия), Амурской и Иркутской областях. В большинстве регионов Дальнего Востока ситуация, напротив, улучшилась.

9.3. Типология регионов России по результативности межрегиональных миграционных связей

Представленный в таблицах 9.1–9.5 рейтинг итоговой за первые 12 лет XXI века результативности межрегиональных миграционных связей позволяет выделить следующие группы регионов России:

1-а. Основные межрегиональные миграционные реципиенты (федерального уровня);

1-б. Тюменская область;

2. Локальные межрегиональные миграционные реципиенты;

3. Основные межрегиональные миграционные доноры (федерального уровня);

4. Принимающе – отдающие территории окружения основных и локальных миграционных реципиентов;

5. Прочие принимающе – отдающие территории;

Рассмотрим каждую из групп в отдельности.

1-а. Реципиенты федерального уровня

Три «столичных» пары субъектов РФ – Московская область с находящимся в её центре городом Москвой, Ленинградская область с городом Санкт-Петербургом и Краснодарский край с находящейся внутри его территории Республикой Адыгея – три первых межрегиональных миграционных региона – реципиента федерального уровня России. Это означает, что все прочие её регионы являются в отношении этих территорий миграционными донорами. По итогам 2001–2012 гг. остальные регионы России теряли население в обмене с этими тремя миграционными магнитами.

За первые 12 лет XXI века первая столичная пара (Московская область с городом Москвой) имела положительное сальдо обмена населением с прочими регионами страны в размере 1,2 млн.

постоянных перемещений. Вторая столичная пара (Ленинградская область с городом Санкт-Петербургом) получила из России 0,4 млн. постоянных перемещений. Единственные её миграционные потери были по направлению с первой столичной парой (минус 20 тыс. постоянных перемещений). И наконец, южный регион (Краснодарский край с Республикой Адыгея), тоже в какой-то степени столичный, имел положительное сальдо с другими российскими регионами, кроме первых двух, в объёме 0,3 млн. постоянных перемещений. По направлениям двух первых столичных пар он потерял за рассматриваемый период 45 тыс. постоянных перемещений. Совокупно остальные регионы страны потеряли в обмене населением с тремя первыми парами – реципиентами за 12 лет 1,9 млн. постоянных перемещений.

Межрегиональный миграционный оборот между тремя первыми парами – реципиентами России был достаточно вялым – 200 тыс. постоянных перемещений из 23,3 млн. прибытий-выбытий, т.е. менее одного процента от всего оборота страны. При этом в трёх описываемых территориях постоянно проживало более 1/5 постоянного населения России (в среднем за рассматриваемый период – 29,3 млн. человек).

На три первые пары реципиентов России приходилось в 2001–2006 гг. 83% от положительного сальдо межрегиональной миграции, в 2007–2012 гг. – 88%. По этим данным можно сделать вывод, что в современной рыночной России продолжает усиливаться концентрация не только финансового, промышленного, но и людского капитала. При этом вследствие дороговизны земли и жилья доля данных регионов в миграционном приросте населения из-за рубежа постепенно снижается.

В первых трёх парах миграционных реципиентов сконцентрировано не только свыше одной пятой постоянного населения страны, но и неопределённое число наличного населения, прежде всего, трудовых мигрантов. Доля городского населения (среди шести субъектов РФ два крупнейших российских мегаполиса) и доля экономиче-

ски активного населения в них максимальны. Уровень рождаемости (кроме пары Краснодарский край и Республика Адыгея), напротив, – существенно ниже среднего по стране. Несмотря на высокую ожидаемую продолжительность жизни при рождении, превышающую серединное значение по стране на три года (в среднем за период 2007–2011 гг.), естественная убыль в этих регионах была ощутимей, чем в остальной части России. Тем не менее, общий прирост населения данных трёх пар субъектов РФ – первых миграционных реципиентов страны за 2001–2012 годы был положителен.

Эти шесть субъектов РФ продолжали обирать в начале XXI века прочую территорию страны, оголяя окраины – неблагополучные в социально-экономическом плане регионы, а также получали львиную долю миграционного прироста из-за рубежа – свыше 4/5. Остальная часть России за те же 12 лет – убывала естественным и миграционным путём. Её численность населения сократилась за 12 лет со 116,7 млн. человек до 110,5 млн. человек (на 01 января 2013 г. по массиву 79 регионов России). Каждая четвёртая потеря из 6,2 млн. человек общей убыли этой территории России – была миграционной убылью в первые шесть регионов страны.

Значение итоговой результативности межрегиональной миграции первой столичной пары за период 2001–2012 гг. составило 273 выбытия на 1000 прибытий. У каждого из входящих в эту пару субъектов РФ результативность межрегиональной миграции в указанный период составляла свыше 400 выбытий на 1000 прибытий (город Москва – 417, Московская область – 440).

В таком ракурсе более отчетливо видна степень различий между первой столичной парой регионов и прочей частью России по характеру межрегионального миграционного обмена, предопределяемого дифференциацией уровней жизни населения сравниваемых территорий.

Аналогичная, но менее ярко выраженная картина результативности межрегиональных миграционных связей наблюдается по второй столичной паре – городу Санкт-Петербургу и Ленинградской

области. Значение итоговой результативности второй столичной пары за период 2001–2012 гг. составило 441 выбытие на 1000 прибытий. У каждого субъекта РФ в отдельности результативность межрегиональной миграции в указанный период составляла свыше 500 выбытий на 1000 прибытий (город Санкт-Петербург – 561, Ленинградская область – 619).

Краснодарский край и Республика Адыгея – в последние годы по результативности межрегиональных миграционных связей уверенно приближается к двум первым столичным парам. Значение итоговой результативности межрегиональных миграционных связей третьей пары реципиентов за период 2001–2012 гг. составило 598 выбытий на 1000 прибытий (в отдельности Краснодарский край – 604, Республика Адыгея – 897 выбытий на 1000 прибытий).

Третья пара реципиентов стала не только основной российской курортно-рекреационной зоной с третьей Черноморской столицей России, но значительно развивает сельское хозяйство и промышленность. Краснодарский край является миграционным магнитом для большинства регионов России. Единственным препятствием для притока переселенцев в него являются сверхвысокие цены на землю и жильё. По усреднённым данным за 2011 год цены на вторичном рынке жилья в Краснодарском крае уступали лишь аналогичным ценам в Москве, Московской области и сверхдорогой по проживанию островной Сахалинской области.

Также к числу основных межрегиональных миграционных реципиентов относится Белгородская область. Она является уникальным примером роли субъективного фактора в социально-экономическом развитии отдельного региона. Область является привлекательной для мигрантов со всей России. Она также имеет самый высокий в России коэффициент интенсивности миграционного прироста населения из СНГ (прежде всего, смежных областей Украины). Это происходит благодаря не только активно развивающейся экономике, прежде всего, промышленности, но и вследствие грамотно и действенно проводимой политики привлечения и удержания переселен-

цев, создания для них льготных условий для максимальной приживаемости в регионе. Прожиточный минимум населения в Белгородской области по данным за 2006–2011 гг. был самым низким среди регионов – миграционных реципиентов России. Цены на вторичном рынке жилья в области оставались на достаточно невысоком уровне.

Отличные от других социально – экономические показатели имеют среди первых миграционных реципиентов лишь два города федерального подчинения. Помимо отражаемой официальной статистикой высокой «белой» зарплаты, эти два субъекта имеют самое высокое (после двух автономий Тюменской области) превышение этой зарплаты над прожиточным минимумом. Все субъекты РФ первой группы (кроме Ленинградской и Московской областей) имеют высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Это косвенно характеризует относительно высокий уровень жизни их населения и развитости социальной, прежде всего, здравоохранительной инфраструктуры. Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели оборота и сальдо межрегиональной миграции основных реципиентов России представлены в таблице 9.6.

Таблица 9.6.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	оборот	Сальдо
1	Московская о. + г.Москва	2174	1241	125	71
2	г.Москва	1494	615	140	58
3	Московская область	1641	638	244	95
4	Ленинградская о. + г.Санкт-Петербург	985	382	155	60
5	г.Санкт-Петербург	926	261	198	56
6	Р.Адыгея+Краснодарский кр.	967	243	173	43
7	Краснодарский край	974	240	189	47
8	Белгородская область	267	64	176	42
9	Ленинградская область	532	125	320	75
16	Республика Адыгея	121	7	272	15

1-б. Тюменская область

Помимо основных миграционных реципиентов на «притягивающий» экономически-мотивированный характер межрегионального обмена населением страны влияют два автономных округа Тюменской области – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, в которых полутора процентами постоянного населения страны при содействии армии трудовых мигрантов из прочих регионов страны и из СНГ создается свыше 10% от всего суммарного валового регионального продукта России. Высокий и в то же время равный по составляющим его двум частям межрегиональный миграционный оборот «промзоны» Тюменской области – это различные по составу потоки долговременных трудовых мигрантов, прибывающих на заработки на несколько лет из депрессивных и (или) смежных к Тюменской области регионов и выбывающих в более благоприятные для проживания места России.

Несмотря на то, что руководством двух округов предпринимается всё возможное для повышения приживаемости «трудовых новоселов», улучшается инфраструктура, растет уровень жизни, проводится действенная политика в области роста рождаемости и снижения смертности (ожидаемая продолжительность жизни в двух округах выше на 2–3 года средней по стране), – отток проработавших и не прижившихся не снижается. Возможно, со временем опыт североамериканского вахтового метода работы в суровых условиях придет в Россию. Но на сегодняшний день политика в области освоения этих мест станы иная, и какой из путей более эффективный – покажет время.

На сегодняшний день среди экстремальных по природно-климатическим условиям территорий России лишь два автономных округа Тюменской области являют собой пример эффективного экономического привлечения мигрантов на свою территорию по подобию советских времен, т.е. с целью получения высокооплачиваемой работы и долговременного проживания с возможностью перехода в разряд старожилов.

Тюменская область имела в 2001–2012 гг. крайне высокую суммарную интенсивность миграционного оборота (треть от численности постоянного населения региона, или 339‰) и минимальную интенсивность положительного сальдо (2‰). За 12 лет в абсолютном выражении этот регион покинуло либо в него прибыло свыше 1,1 млн. человек.

2. Локальные межрегиональные миграционные реципиенты

Помимо группы основных реципиентов в России имеется целый ряд успешно развивающихся регионов, привлекающих население преимущественно из окружающих их регионов и из-за рубежа. Это так называемые локальные (или местные) реципиенты.

Основные миграционные реципиенты страны и два автономных округа Тюменской области вуалируют своим притяжением миграционные процессы, происходящие в глубине российской территории. Если из массива регионов России исключить миграционные потоки с первыми реципиентами, то окажется, что почти во всех федеральных округах на сегодняшний день имеются свои межрегиональные реципиенты местного, или окружного уровня. В их числе в Европейской части России: полу-анклав Калининградская область в Северо-Западном округе (в отношении ближайших к ней российских территорий); Ярославская и Воронежская области в Центральном федеральном округе. Также к этой группе относятся Республика Татарстан, Самарская и Нижегородская области в Приволжском федеральном округе; локальные реципиенты Предуралья и Азиатской части России – Свердловская область и юг Тюменской области в Уральском федеральном округе; Томская, Новосибирская области в Сибирском федеральном округе; Хабаровский край в Дальневосточном федеральном округе.

Все данные регионы имеют высокие показатели соотношения доходов с прожиточным минимумом и низкий уровень безработицы. За 2001–2012 гг. локальные реципиенты в обмене населением со смежными к ним субъектами имели положительную результатив-

ность миграционных связей, в то время как итоговая результативность миграционных связей за этот же период у отдельных из них была даже отрицательная (выше 1000 выбытий на 1000 прибытий).

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели оборота и сальдо межрегиональной миграции локальных реципиентов России представлены в таблице 9.7.

Таблица 9.7.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	Оборот	сальдо
11	Калининградская область	138	19	146	20
12	Ярославская область	177	23	134	17
13	Республика Татарстан	393	37	104	10
14	Новосибирская область	443	40	166	15
15	Свердловская область	564	35	128	8
17	Нижегородская область	121	7	272	15
18	Самарская область	299	15	88	4
19	Томская область	420	16	131	5
20	Воронежская область	201	9	193	8
31	Хабаровский край	311	-15	222	-11
35	Хабаровский кр.+Еврейская а.о.	314	-21	197	-13

3. Основные межрегиональные миграционные доноры

Основные миграционные доноры – регионы, теряющие население в результате межрегионального миграционного обмена и имеющие минимальную компенсацию этих потерь межгосударственным миграционным приростом. Совокупность миграционных доноров России – полюс, противоположный полюсу реципиентов, его текущий потенциал и диаметральная внутрироссийская противоположность по социально-экономической ситуации. Большая часть этих территорий в России приграничная и (или) окраинная. Уровень замещения выбывающего населения прибывающим из других

регионов России или СНГ – мизерный. Уровень безработицы в этих территориях – самый высокий по стране. Все остальные социально-экономические и демографические характеристики у данных регионов различны и позволяют выделить среди них несколько однородных подгрупп.

Первая подгруппа основных миграционных доноров – регионы Европейского Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока (см. таблицу 9.8).

Таблица 9.8.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		оборот	сальдо	Оборот	сальдо
1	Мурманская область	337	-83	395	-98
2	Республика Коми	237	-93	244	-96
3	Архангельская область	195	-79	152	-61
4	Республика Бурятия	204	-46	210	-47
5	Алтайский край	386	-90	153	-36
6	Забайкальский край	210	-66	186	-59
7	Республика Тыва	47	-21	151	-66
8	Приморский край	307	-65	152	-32
9	Амурская область	178	-43	203	-50
10	Чукотский автон. округ	39	-10	767	-188
11	Сахалинская область	127	-38	242	-72
12	Камчатская область/край	106	-32	305	-93
13	Республика Саха (Якутия)	229	-82	241	-86
14	Магаданская о. + Чукотский а.о.	119	-43	536	-192
15	Магаданская область	83	-33	489	-196

Все данные территории характеризуются высокими уровнями интенсивности межрегиональных выбытий (прямых потоков), связанных с ними обратных прибытий (противотоков, или контрпотоков). Между двумя последними шестилетиями (2001–2006 и 2007–2012 гг.) интенсивность оттока из этих регионов в целом ос-

лабла. Объясняется это тем, что почти исчерпался потенциал так называемых «возвращенцев», или внутренних реэмигрантов, переселявшихся в места их первоначального исхода. Они составляли в 90-е гг. XX века основную массу эмигрантов из этих мест в Европейскую часть России, в Республику Беларусь и в Украину (т.е. в те места, откуда регионы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также прочие республики СССР заселялись в советское и досоветское время). Несмотря на это уровень интенсивности межрегионального миграционного оборота данных территорий остаётся максимальным по стране.

Средний уровень зарплаты занятых в экономике в регионах Европейского Севера и Дальнего Востока в 2007–2012 гг. оставался максимальным по стране (после двух автономных округов Тюменской области, двух первых мегаполисов и Московской области). Но этого уровня на сегодняшний день не достаточно, – ни для привлечения в эти территории трудовых ресурсов из других мест, – ни для удержания собственного трудового потенциала. Прожиточный минимум в данных регионах столь высок, что различия в оплате труда в сравнение с другими регионами становятся не такими заметными.

Первая подгруппа межрегиональных миграционных доноров является депрессивной во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и демографической. Это лишний раз подтверждает тезис о детерминации демографических процессов социально-экономическими. В территориях – донорах первой подгруппы наблюдается самый высокий уровень смертности, самые высокие общие коэффициенты разводимости, сохраняется высокий уровень преступности и т.п.

Таким образом, первая подгруппа межрегиональных миграционных доноров – это регионы с суровыми природно-климатическими условиями, ранее осваивавшиеся в военно-стратегических и геополитических целях и брошенные с началом экономических пертурбаций в постсоветский период развития страны. В последнее время, тем не менее, наметилась положительная тенденция притока населе-

ния СНГ и в эти неблагополучные регионы страны. Так, на Дальнем Востоке миграционный прирост между шестилетиями вырос более чем в 10 раз, хотя в абсолютном выражении это и немного. Кроме того, население регионов после более чем двадцати лет миграционных потерь достигло, по всей видимости, оптимального минимума, вследствие чего сократился и его отток из этих территорий.

Следующая группа неблагополучных регионов – республики Северного Кавказа и Республика Калмыкия (табл. 9.9).

Таблица 9.9.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	оборот	сальдо
1	Республика Калмыкия	83	-28	288	-96
2	Республика Северная Осетия – Алания	125	-49	177	-70
3	Карачаево-Черкесская Республика	95	-34	216	-77
4	Республика Дагестан	289	-111	107	-41
5	Кабардино-Балкарская Республика	100	-41	112	-47

Качество учета воспроизводственных и миграционных процессов Республики Дагестан, Республики Ингушетия и Чеченской Республики на сегодняшний день вызывает сомнение и нуждается в проверке. По переписи населения 2002 года Чеченской Республике добавили 480 тыс. человек, Республике Дагестан – 400 тыс. человек. В Ингушетии рост численности населения по текущему учету воспроизводственных процессов шел столь стремительно, что по переписи населения 2010 года пришлось даже вычитать 112 тыс. человек.

Все республики Северного Кавказа и Республика Калмыкия на сегодняшний день имеют неблагоприятную социально-экономиче-

скую обстановку. В них наблюдается самый высокий процент безработицы по стране и широко распространена скрытая занятость населения. Усугубляют статистику низкие официально регистрируемые доходы: по данным за 2007–2011 гг. они были ниже серединного значения по стране в 1,5–2 раза. При этом прожиточный минимум в рассматриваемых республиках относительно высокий: за тот же период – ниже серединного значения по России в 1,2 раза. Одновременно с низкими доходами в республиках Северного Кавказа – достаточно высокие цены на жилье и самый высокий по стране процент населения, получающего на него дотации.

Высокий уровень безработицы начинает понемногу выталкивать население республик в другие регионы России. Интенсивность межрегионального оттока из указанных республик росла в XXI веке опережающими другие регионы темпами.

Так как население республик преимущественно сельское, то миграции в большей степени, чем в целом по стране имеют направленность в смежные регионы. Это ведет к росту ряда проблем межнационального характера в равнинных территориях, примыкающих к Северному Кавказу, прежде всего, в Ставропольском крае.

Регионами Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока и республиками Северного Кавказа список депрессивных территорий России, теряющих население в межрегиональном обмене, не исчерпывается. К ним относятся и регионы третьей подгруппы, часть из которых – смежные к первым миграционным донорам, имеющие с ними много общего. Лишь не крайнее географическое положение либо другие особенности «смягчают» миграционную ситуацию в этих территориях России. Третья подгруппа межрегиональных миграционных доноров – депрессивные территории Европейской части России, Предуралья и Сибири, частично компенсирующие свои миграционные потери за счет доноров первой подгруппы, либо представляющие собой слабо контактные в межрегиональном миграционном плане регионы (к примеру, Омская область активно участвует в межгосударственной миграции (эмиграция в Германию)).

Весь набор характеристик межрегиональных миграций и социально-экономического развития этих территорий – близок к серединным уровням по стране. Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели оборота и сальдо межрегиональной миграции основных доноров третьей подгруппы представлены в таблице 9.10.

Таблица 9.10.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	оборот	Сальдо
1	Тамбовская область	170	-37	151	-33
2	Ульяновская область	227	-51	171	-38
3	Удмуртская Республика	160	-35	104	-23
4	Кировская область	197	-55	138	-38
5	Оренбургская область	296	-86	139	-41
6	Республика Мордовия	113	-36	132	-42
7	Курганская область	217	-75	223	-77
8	Брянская область	179	-27	135	-21
9	Омская область	276	-43	136	-21
10	Пермская область/край	257	-42	94	-15
11	Курская область	166	-27	140	-23
12	Пензенская область	181	-30	128	-21
13	Волгоградская область	325	-55	123	-21
14	Иркутская область	377	-76	150	-30

Территории старообжитой Европейской части России – второго-третьего кольца от Москвы – Курская, Брянская, Пензенская, Тамбовская области и Республика Мордовия – не имеют такого компенсирующего притока мигрантов как регионы «Золотого кольца», а отток местного населения в Москву и в направлении других основных реципиентов они испытывают не меньший. В результате данные территории являются самыми обезлюженными в Европейском центре России, а их итоговые показатели результативности межрегиональных миграций – худшими по Центральному и Приволжскому федеральным округам.

4. Принимающе – отдающие территории окружения основных и локальных миграционных реципиентов

Территория России, помимо «полюсов» межрегионального миграционного обмена, основных и локальных реципиентов и доноров, включает принимающе – отдающие территории, активно участвующие в перераспределении населения страны. Называть эти регионы транзитными – не совсем корректно, поскольку далеко не все те, кто прибывает в эти территории – выбывает из них дальше, «вверх по миграционной лестнице», создавая потоки ползучей многошаговой миграции. К тому же, этот процесс исчерпывающе можно отследить лишь по переписям населения – по генезисной структуре населения. Большая часть иммигрантов, по всей видимости, замещает в таких регионах эмигрантов, количественно смягчая миграционную ситуацию территорий. Вследствие чего их можно было бы называть «буферными» регионами, т.е. принимающими на себя основной миграционный поток иммиграции из миграционных доноров и отдающими своё население миграционным реципиентам. Приём иммиграции при этом идёт либо из ближайших к ним (в силу законов миграции) территорий, либо из удалённых, если территории приёма находятся рядом с основными миграционными реципиентами (вследствие более низких цен на землю и жильё). Во втором случае вероятность транзитности мигрантов, очевидно, выше, поскольку выбор территории объясняется не конечной целью, а лишь промежуточной.

Теряя население в форме миграционной убыли в обмене населением с реципиентами, эти территории получают взамен миграционный приток из депрессивных регионов России. Около 2/5 всех межрегиональных миграций в России в 2001–2012 гг. имели замещающий характер. Остальные три пятых постоянных перемещений – следствие замещающей формы миграции – взаимное погашение межрегиональных выбытий прибытиями, либо наоборот.

Из всей совокупности буферных регионов можно выделить, прежде всего, подгруппу территорий окружения основных миграционных реципиентов. Это шесть областей «Золотого кольца»

(кроме Ярославской области) – при первой столичной паре, Новгородская, Псковская, Вологодская области и Республика Карелия – при второй столичной паре, Ставропольский край и Ростовская область при Краснодарском крае с Республикой Адыгея. Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели оборота и сальдо межрегиональной миграции принимающе – отдающих территорий из числа окружения трёх первых (столичных) пар реципиентов представлены в таблице 9.11.

Таблица 9.11.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	Сальдо	оборот	сальдо
1	Рязанская область	174	-7	147	-6
2	Владимирская область	224	-13	152	-9
3	Калужская область	197	-18	193	-18
4	Тульская область	215	-26	134	-17
5	Тверская область	252	-31	179	-22
6	Смоленская область	159	-24	158	-24
7	Вологодская область	136	-6	110	-5
8	Республика Карелия	101	-5	146	-7
9	Новгородская область	120	-7	181	-11
10	Псковская область	131	-10	183	-14
11	Ставропольский край	516	3	189	1
12	Ростовская область	565	-34	131	-8

Первые мегаполисы современной России развиваются вширь, расселяясь, расстраиваясь, их население обзаводится загородным жильем. Поэтому развитие окружающих первые города областей напрямую зависит от широты и размаха этого процесса. Области, смежные с Московской, – Тульская, Калужская, Смоленская, Тверская, Владимирская и Рязанская, – имеют между собой много общих межрегиональных миграционных, социально-экономических и демографических черт. Их развитие тесно взаимосвязано с жизнью перво-

го мегаполиса, а характер миграционных процессов предопределен основной формой миграции из них в столицу – маятниковой.

Коэффициенты интенсивности межрегиональных миграций шести областей «Золотого кольца» находятся на среднем для страны уровне. Связано это с тем, что выбытия из данных регионов направлены к единому магниту – центру притяжения – первому мегаполису, а переселения в него с каждым годом становятся всё сложнее на фоне растущих различий в уровнях жизни населения города Москвы и большинства прочих российских территорий. Около 80% миграционного прироста шести областей из большинства регионов России «компенсируется» миграционной убылью в первую столичную пару, а также в другие основные миграционные реципиенты страны (по данным за 2007–2012 гг.).

Регионы «Золотого кольца» в настоящее время находятся в комфортном инвестиционном положении. Западные кампании, пользуясь их местоположением, относительной дешевизной земли и рабочей силы, в прямом смысле поделили эти области между собой. Каждая из областей производит автомобили, телевизоры и т.п. определенных зарубежных концернов. Это всё обеспечивает устойчивый приток мигрантов, как трудовых, так и переселенцев, в эти приближенные к Москве земли. Лидерами среди регионов «Золотого кольца» (за исключением локального реципиента Ярославской области) являются Калужская и Тверская области.

Аналогичная ситуация складывается вокруг города Санкт-Петербурга и вокруг Краснодарского края. Развитие капитализма в постсоветской России идёт опережающими темпами в крупнейших городах с максимальной концентрацией рабочей силы (производителей материальных благ) и населения в целом (потребителей материальных благ). Поэтому не связанное с добычей и первичной переработкой полезных ископаемых производство регионального валового продукта происходит в первую очередь в таких местах концентрации городского населения страны. По данным за 2007–2011 гг. в Москве с долей постоянного населения в 8%, к примеру, удается воспроиз-

водить свыше 20% совокупного регионального валового продукта страны. ВРП на душу населения в Москве в 3,3 раза выше, чем в остальной России. Доля оптового товарооборота Москвы в 2011 г. составила 2/5 от общероссийского товарооборота.

По мере развития экономики ускоренными темпами растёт и уровень жизни населения первых мегаполисов. Как следствие этого поднимаются цены на землю и недвижимое имущество. Желающим переселиться либо начать бизнес в первых городах приходится переселяться в ближайшие, а затем уже и не в ближние пригороды. Цены на землю и недвижимость в них также начинают ползти вверх. В результате этого вокруг Москвы, к примеру, более активно начинают заселяться ближайшие области «Золотого кольца»: цены на жильё в них позволяют переселяться из других регионов страны и из-за рубежа, а досягаемость до столицы позволяет иметь в ней работу со сменным графиком. Высокий процент городского населения и растущая концентрация трудовых ресурсов в областях ведут к тому, что именно эти области начинают выбираться в качестве площадок для строительства крупных, часто совместных предприятий, филиалов промышленных автогигантов и т.п. Оптимальное сочетание низких цен на землю, низкого прожиточного минимума и не высокой средней зарплаты, с одной стороны, и высокой концентрации рабочей силы и реальной возможности оперативного привлечения дополнительной трудовой миграции, с другой стороны, – способствуют такому выбору.

Аналогичная, но не столь ярко выраженная и с некоторым лагом запаздывания картина вырисовывается вокруг прочих основных и локальных реципиентов России. Окружающие их регионы становятся неким фильтром мигрантов, поднимающих переселениями свой уровень жизни постепенно, многошагово. Социально-экономические индикаторы уровня жизни в регионах окружения обычно незначительно выше средних по стране, но заметно ниже, чем у смежных к ним реципиентов.

Как регионы «Золотого кольца», так и следующие за ними по отдаленности от Москвы субъекты имеют отрицательные и близкие к нулю сальдо межрегиональных миграций, но положительные итоговые сальдо миграций. Основу миграционного прироста их населения составляет приток мигрантов из нового зарубежья.

В группу принимающе – отдающих территорий окружения реципиентов также входят регионы Центрального и Приволжского федеральных округов, смежные и тесно связанные миграцией с локальными реципиентами. Так, с Самарской, Нижегородской областями и Республикой Татарстан тесно связаны Республика Марий Эл и Чувашская Республика. Регионы окружения Ярославской (и одновременно Нижегородской) области – Костромская и Ивановская области.

К Воронежской области тесно примыкает Липецкая область. Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели оборота и сальдо межрегиональной миграции принимающе – отдающих территорий России из числа окружения локальных реципиентов представлены в таблице 9.12. Все территории данной группы «перерабатывают» «ползучую миграцию», нацеленную в сторону основных или локальных миграционных реципиентов.

Таблица 9.12.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные объёмы, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	Оборот	сальдо
1	Челябинская область	467	-19	132	-5
2	Кемеровская область	392	-16	138	-6
3	Липецкая область	157	-9	132	-7
4	Чувашская Республика	162	-16	125	-12
5	Республика Марий Эл	112	-16	157	-23
6	Ивановская область	161	-8	146	-7
7	Костромская область	115	-11	163	-16

5. Прочие принимающие – отдающие территории

Красноярский край, Республика Хакасия и Кемеровская область – связаны между собой не только транссибирской железнодорожной магистралью. Они имеют тесные экономические связи, разделение труда в производственном цикле (табл. 9.13). Между собой регионы имеют тесные и равные по результативности миграционные контакты. Вследствие этих обстоятельств данные территории не так тесно связаны с другими регионами страны (за исключением Омской, Томской и Новосибирской областей).

Таблица 9.13.

Суммарные за 2001–2012 гг. итоговые показатели межрегиональной миграции регионов России

№	Регионы	Абсолютные, тыс. постоянных перемещений		Коэффициенты интенсивности, на тысячу человек средней за 12 лет численности населения	
		Оборот	сальдо	Оборот	сальдо
1	Республика Башкортостан	540	-49	133	-12
2	Республика Хакасия	163	-3	302	-6
3	Красноярский край	544	-43	187	-15
4	Астраханская область	145	-17	145	-17
5	Саратовская область	354	-32	136	-12
6	Орловская область	111	-10	134	-12
7	Республика Алтай	50	-1	242	-7

Астраханская и Саратовская (а также Волгоградская) области являются самыми западными регионами России, граничащими с Казахстаном. Они активно принимают иммигрантов из Закавказья и из Центральной Азии, имеют низкую межрегиональную активность, хотя и пропускают сквозь свою территорию заметные потоки мигрантов с Северного Кавказа.

Республика Башкортостан достаточно обособлена в границах Приволжского федерального округа и имеет тесные связи с уральской Тюменской областью в силу общей профессиональной специализации. Орловская область в окружении депрессивных Курской и Брянской областей выглядит по итоговой результативности межре-

гиональной миграции «середняком», хотя по социально-экономическому положению мало чем от них отличается. Республика Алтай – обособленный регион – заповедник России с высоким уровнем межрегионального миграционного оборота и близким к нулю сальдо миграции. За 12 лет на территории этого субъекта РФ в постоянной межрегиональной миграции было зафиксировано перемещений, равных ¼ от всего постоянного населения республики. Большая часть этих территорий более активно участвует в зарубежном миграционном обмене со Старым (Германия) и Новым (Центральная Азия и Закавказье) зарубежьем.

Таким образом, направления и характер современной межрегиональной миграции России близки, по сути, к международной иммиграции из СНГ. Они как никогда ранее детерминированы современным рыночным характером отношений. Такое развитие в условиях недостаточного государственного контроля ведет к поляризации всех сторон жизни регионов страны, к росту социальной напряженности, к разобщенности и ослаблению связей между различными территориями слабозаселенного российского государства. Единственный положительный эффект от неконтролируемой современной миграции в стране – концентрация рабочей силы и зарождение свободной рыночной конкуренции в её среде – не может перевесить потерь от вымирания окраинных территорий, роста сепаратизма, ухудшения экологических и отдельных демографических (рождаемость, сохранение института семьи) характеристик российского общества, коренное население которого продолжает вымирать второе десятилетие.

Миграционную ситуацию в России в начале XXI века (2001–2012 гг.) можно охарактеризовать двояко. С одной стороны наблюдаются положительные тенденции в межгосударственной миграции, такие как: сохранение и рост миграционного прироста из СНГ; сокращение до минимальных объемов оттока в развитые страны Запада; переориентация иммигрантов из-за рубежа на все регионы страны, в том числе, не самые благополучные. С другой

стороны сохраняются негативные тенденции в практически неуправляемой государством межрегиональной миграции. Продолжается отток населения с оголенных окраин, в особенности из приграничных к Китаю территорий, – в основные миграционные реципиенты страны, расположенные в Европейской части России. Усиливается демографически-пагубная сверхконцентрация населения в первых мегаполисах, и политика продолжения расширения территории Москвы тому способствует. Остается низкой и медленно возрастает миграционная подвижность перенаселенных республик Северного Кавказа, являющихся на сегодняшний день единственным внутренним российским (не считая Москвы) источником перераспределения и оптимизации размещения населения по территории слабозаселенной России.

Источники

1. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/metod.doc
2. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа, Москва, Экон-Информ, 2008 г.

Глава 10

ТЕСНОТА МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ РОССИИ*

Миграционные индексы пространственной структуры (МИПС) позволяют определять тесноту миграционных связей между парами регионов по всему массиву-матрице парных миграционных связей. Этот массив по России включает по рассматриваемому периоду 2001–2012 гг. 3081 (79*(79-1)/2) пару регионов, либо (урезанный и укрупненный массив) – 2415 (70*(70-1)/2) пар регионов. Расчет показателей МИПС нужен постольку, поскольку по абсолютным объемам прибытий-выбытий предпочтения в межрегиональной миграции объективно выявить не возможно. На первых местах в таком случае будут стоять пары наиболее крупных по численности населения регионов. Но это не означает, что они между собой тесно связаны межрегиональными миграционными узами. К примеру, межрегиональный миграционный обмен населением между Чукотским автономным округом и смежной к нему Магаданской областью со средним за 12 лет оборотом в 97 постоянных перемещений в год теснее в несколько раз, чем аналогичный обмен населением между Тюменской областью и Краснодарским краем (5,3 тыс. постоянных перемещений в год).[7]

Показатели МИПС элиминируют потенциалы, т.е. предопределяющие абсолютные уровни миграции параметры регионов обмена населением. Этими потенциалами могут считаться как численности населения регионов, так и итоговые объёмы их межрегиональных

* Подготовлено в рамках проекта РГНФ № 12-02-00008

[7] Все дальнейшие показатели, встречающиеся в данной главе без сносок, рассчитаны по официальной информации Росстата. Сайт: http://www.gks.ru/.

миграционных потоков. В первом случае допускается, что средой происхождения эмиграционных потоков служит всё население регионов выхода, а средой приёма иммигрантов – население регионов входа. Во втором случае, т.е. при подходе, на основе которого строятся показатели МИПС, в качестве потенциалов частных потоков эмиграции или иммиграции выступают итоговые потоки эмиграции региона выхода или иммиграции региона входа мигрантов.

В истории и практике изучения тесноты миграционных связей имеют место и комбинированные показатели, использующие в качестве одной из двух составляющих (среды исхода либо среды входа мигрантов) – численности населения одних территорий и, в качестве второй составляющей – итоговые объёмы выбытий либо прибытий вторых территорий. Эти индексы – «Коэффициенты интенсивности межрегиональных миграционных связей», или «КИМС», – длительное время служили в качестве единственных «работающих» измерителей тесноты миграционной связи между территориями изучаемых массивов [1].

Во всех случаях методологические допущения основываются на логически и статистически доказанных предположениях о тесной взаимосвязи между численностью населения, итоговыми для регионов и частными (парными) объёмами межрегиональной миграции.

Принцип построения индексов МИПС основан на подходе, при котором матрица межрегиональных миграций отождествляется с таблицей парной сопряженности двух признаков – рядов регионов выхода и регионов входа мигрантов. При таком подходе реальные объемы парных выбытий сопоставляются с такими теоретическими объёмами, при которых не было бы никаких предпочтений между регионами входа и выхода мигрантов (все частные теоретические объёмы пропорциональны итоговым объемам выбытий-прибытий). Показатели МИПС выбытий при таком подходе элиминируют не только итоговую интенсивность выбытия из регионов выхода мигрантов, но и итоговую интенсивность прибытия в регионы входа мигрантов по каждому парному направлению.

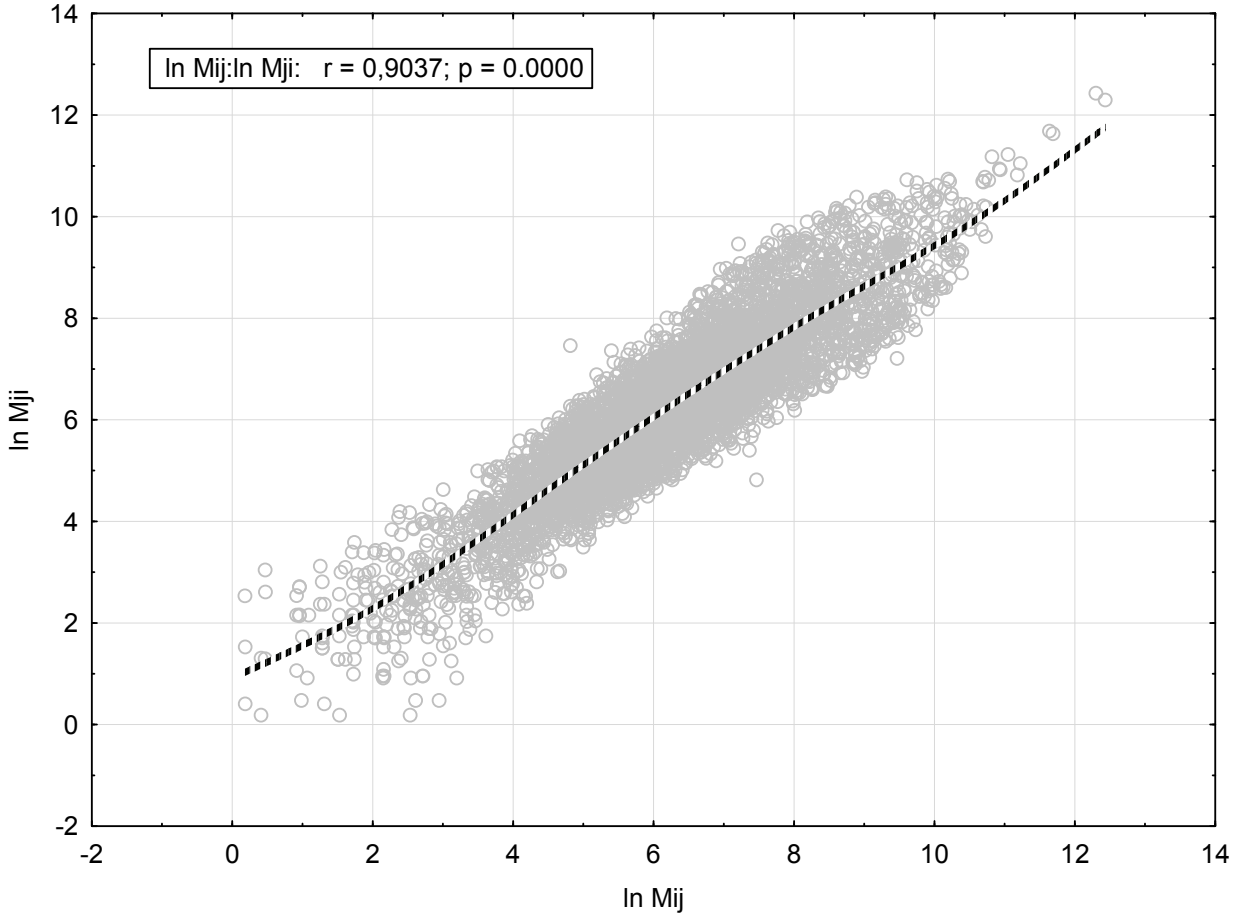

Рис.10.1. *Взаимосвязь прямых потоков (Mij) и контр-потоков (Mji) в массиве межрегиональных миграций между 79 регионами России, в сумме за 2001–2012 гг. Логарифмы натуральные (ln) используются для приведения исходных (логарифмически-нормальных) распределений к нормальному виду.*

Индексы МИПС могут рассчитываться по выбытиям, по прибытиям и по обороту. Анализ тесноты связи по индексам выбытий предпочтителен, если предметом основного рассмотрения является группа территорий – миграционных доноров. Анализ тесноты связи по индексам прибытий предпочтителен, если предметом основного рассмотрения является группа территорий – миграционных реципиентов. Индексы МИПС оборота – универсальны, они адекватно и приблизительно одинаково отражают тесноту миграционных связей любого массива территорий обмена населением. К тому же, выбор в качестве составляющей индексов МИПС миграционного оборота обоснован на тесной, практически функциональной взаимозависимости между парными выбытиями и прибытиями, т.е.

между потоками и контр – потоками всего многотысячного (для России) массива межрегиональных миграционных связей (т.е. на частном случае одного из законов миграции Э. Равенштейна [2]). Эту связь можно продемонстрировать на массиве межрегиональных миграций за 2001–2012 гг. (рис. 10.1).

В случае данной взаимосвязи доля ковариации составляет 82%, т.е. более чем на 4/5 изменения одной переменной объясняются изменениями другой переменной.

Вместе с частными коэффициентами результативности (КРМСij) и абсолютными объёмами межрегионального миграционного оборота индексы МИПС оборота дают полное представление об уровне, характере и тесноте миграционных связей массива регионов.

МИПС оборота по направлению i→j (MIPS OMij) массива регионов за определенный период времени рассчитывается по формуле:

$$MIPS\ OMij = OMij*(2*OM-OMi) / [OMi*OMj] \qquad (9.1)$$

Где: OMij – миграционный оборот между i-й и j-й территориями массива; ОМ – суммарный миграционный оборот всех территорий (общее по массиву число выбытий или прибытий в пределах массива); OMi – итоговый миграционный оборот i-й территории (в пределах массива); OMj -итоговый миграционный оборот j-й территории (в пределах массива).

Важным пунктом методологии построения показателей МИПС является исключение из массива-матрицы межрегиональных миграций диагонали граф внутрирегиональной миграции. Объясняется это следующим. Во-первых, внутрирегиональная миграция не ведет к изменению структуры массива миграционных связей и лишь является пассивным балластом, мешающим выявлению факторов, взаимосвязанных с межрегиональными миграциями; во-вторых, интенсивность внутрирегиональной миграции практически на любом уровне рассмотрения в разы выше, чем межрегиональной, что ме-

шает расчету сопоставимых между собой показателей межрегиональных миграционных связей; в-третьих, факторы объемов и интенсивности внутрирегиональной и межрегиональной миграций – по ряду позиций – принципиально различные, так что совместный анализ вуалирует истинные факторы масштабов переселений, о чем уже подробно писалось ранее [3].

Другой важный методологический момент: в матрице межрегиональных миграций кроме нулевой диагонали (направлений i→i) не должно быть ощутимого количества нулевых либо близких к нулю граф. Если такие графы имеются по отдельным строкам или столбцам, т.е. регион не имеет миграционного обмена населением с частью массива, то при расчете коэффициентов тесноты миграционной связи по ненулевым позициям его индикаторы будут «зашкаливать» по величине и создавать ложное представление о сверхтесной связи по отдельным направлениям. Чтобы этого не происходило на стадии построения массива слабоконтактные территории либо объединяют со сходными по миграционному «поведению» смежными регионами, либо исключают из анализа.

При сравнении и ранжировании индексов МИПС оборота, как, впрочем, и любых других аналогичных индексов тесноты миграционных связей или результативности, необходимо также иметь в виду следующее. Центром распределения значений индексов МИПС будет отнюдь не единица, являющаяся итоговой и одновременно средней арифметической взвешенной величиной по массиву таких парных коэффициентов, а медиана (в идеале усечённого, т.е. лишенного статистических выбросов распределения значений [4]). По всему массиву межрегиональных миграционных оборотов между 79 регионами России за 2001–2012 гг. такое медианное значение равно 0,52.

Помимо показателей межрегиональных миграционных связей в описательном анализе для выявления групп однородных регионов (единых миграционных пространств) можно использовать еще одну группу характеристик. Это мера географического сходства рядов межрегиональных потоков. Регионы в большей мере сходны

между собой, если сходен и круг их миграционных партнеров. Мера географического сходства рядов межрегиональных потоков может быть рассчитана как квадрат коэффициента корреляции (r^2) между рядами логарифмов натуральных от исходных объемов межрегиональных миграционных оборотов двух регионов, помноженный на 100. В логарифмы натуральные ряды переводятся для достижения нормальности их распределений как необходимого условия корректного использования коэффициентов линейной корреляции. Исходно все ряды межрегиональных миграционных потоков и производных от них показателей имеют логарифмически – нормальные распределения [4].

Чем ближе по географии ряды, тем теснее между ними линейная связь и выше коэффициент парной корреляции. Его квадрат, помноженный на 100, называемый коэффициентом детерминации (R), показывает процент ковариации, т.е. взаимной линейной изменяемости значений рядов двух признаков. Применение его для определения процента сходства двух рядов в этом ракурсе корректно, поскольку, если два ряда линейно меняют свои значения в зависимости от географии значений их признаков, то они близки (сходны) между собой в большей степени, чем иные.

Коэффициент парной корреляции (r) ряда показателей Республики Адыгея с аналогичным рядом Краснодарского края максимален (0,979). Он выше, чем с другими регионами. Его квадрат, помноженный на 100, ($R=r^2*100$), равен 96%. Это значит, что мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Республики Адыгея и Краснодарского края по данным за 2001–2012 гг. составляет 96% (мера различия – 4%). Иными словами, два субъекта РФ в межрегиональном миграционном обмене населением выступают «единым тандемом», единым миграционным пространством.

Рассмотрим отдельные примеры анализа межрегиональных миграционных связей по усредненным данным за 2001–2012 гг. по массивам 70 и 79 регионов России.

Основной миграционный донор Центрального федерального округа Брянская область после аварии на Чернобыльской АЭС стала одной из самых экологически – неблагополучных в России. Несмотря на то, что большая часть населения региона осталась в нём жить, значительный эмиграционный поток из Брянской области не останавливался всё время, начиная с 1985 года. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.1.

Таблица 10.1.

Показатели миграционных связей между Брянской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

		MIPS OM ij, раз*	KRMS ij, в ‰ *	OM ij, постоянных перемещений в год*
1	Орловская область	8,9	1047	697
2	Смоленская область	6,8	1014	761
3	Калужская область	5,2	1047	726
4	Курская область	4,0	1221	468
5	Московская о. + г. Москва	2,6	3941	4073
6	Калининградская область	1,7	1166	161
7	Мурманская область	1,6	650	385
8	Ленинградская о.+г.Санкт-Петербург	1,5	2196	1047
9	Тверская область	1,4	1325	242
10	Тульская область	1,3	1125	195
11	Республика Коми	1,3	405	220
12	Белгородская область	1,2	1393	222

* – Здесь и в последующих таблицах главы 9: MIPS OMij – миграционные индексы пространственной структуры оборота, KRMSij – частные коэффициенты результативности межрегиональных миграционных связей, OMij – миграционный оборот между регионами i и j.

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Брянской области максимальна в отношении смежной к ней, более северной Смоленской области (R=89%). Чуть меньшее сходство имеют восточные соседи – Орловская и Курская области, 82% и 80% соответственно. Со всеми тремя смежными областями Брянская область имеет обмен населением, близкий к равноценному.

Центральный федеральный округ, локальный миграционный реципиент Воронежская область в начале XXI века из числа окружения первых миграционных реципиентов (Белгородской области) постепенно переходит в число самостоятельных локальных реципиентов России. С Белгородской областью обмен населением Воронежской области давно уже стал равноценным и даже с некоторым перевесом в пользу последней (947 выбытий на 1000 прибытий). С другими соседями Воронежская область выступает миграционным реципиентом. Межрегиональный обмен региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями представлены в таблице 10.2.

Таблица 10.2.

Показатели миграционных связей между Воронежской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Липецкая область	11,1	725	2313
2	Белгородская область	5,7	947	2038
3	Тамбовская область	4,2	655	963
4	Курская область	3,1	507	690
5	Магаданская область	2,4	231	383
6	Мурманская область	2,2	487	992
7	Волгоградская область	2,2	766	916
8	Ростовская область	1,6	892	1194
9	Орловская область	1,5	689	227
10	Московская о.+г.Москва	1,4	3333	4021
11	Саратовская область	1,4	955	665
12	Республика Коми	1,3	357	402

Помимо соседей наиболее тесные миграционные связи Воронежская область имеет с основными миграционными реципиентами и донорами страны. Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Воронежской области максимальна в отношении смежной к ней, более северной Липецкой области (R=89%). Во-первых, обе области находятся на одном векторе в направлении

первого столичного реципиента страны. Во-вторых, экономические связи, действовавшие в рамках сложившегося в советское время и научно-обоснованного районирования (Центрально-Черноземный район), таким образом, продолжают сохраняться.

Центральный федеральный округ, Рязанская область, принимающе – отдающий регион «Золотого Кольца» окружения первого миграционного реципиента России, – юго-восточный миграционный фильтр Московского региона (табл. 10.3).

Таблица 10.3.

Показатели миграционных связей между Рязанской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Тамбовская область	4,3	718	498
2	Московская о.+г.Москва	3,7	2615	5547
3	Республика Мордовия	3,3	500	254
4	Тульская область	3	805	447
5	Владимирская область	1,9	1006	292
6	Липецкая область	1,9	746	209
7	Пензенская область	1,5	506	192
8	Воронежская область	1,2	757	268
9	Калужская область	1,2	879	157
10	Ивановская область	1,1	813	125
11	Республика Коми	1,1	285	181
12	Нижегородская область	1,1	851	225
13	Брянская область	1,0	705	121

Принимая население из большинства восточных регионов страны, а также из Нового зарубежья Рязанская область отдаёт своё (либо уже ставшее своим) население в первый центр страны. На более чем 2600 эмигрантов в Московский регион в обратном направлении, т.е. в Рязанскую область, мигрирует лишь тысяча.

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Рязанской области максимальна в отношении смежных к ней, более близкой к г. Москве и более отдалённой – Московской и Тамбовской областей. Такой характер связи подтверждает тезис о мно-

гошаговости миграции в столицу России, в особенности «на ближних подступах» к ней.

Северо-Западный федеральный округ, Архангельская область, основной миграционный донор, – типичный представитель Европейского Севера России. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.4.

Таблица 10.4.

Показатели миграционных связей между Архангельской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

	Регионы	MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Вологодская область	16,2	1949	1699
2	Ярославская область	5,3	4488	722
3	Республика Коми	4,3	1388	794
4	Ленинградская о.+г.Санкт-Петербург	4,1	3413	3136
5	Мурманская область	4,0	1397	1032
6	Республика Карелия	3,4	1918	267
7	Костромская область	2,2	2212	196
8	Кировская область	2,2	992	331
9	Новгородская область	1,8	2664	167
10	Псковская область	1,7	2352	169
11	Белгородская область	1,6	4672	326

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Архангельской области максимальна в отношении смежной к ней, находящейся на векторе (пути) к первым миграционным реципиентам страны Вологодской области, региона окружения второй столичной пары России (R=87%).

Северо-Западный федеральный округ, полу – анклав Калининградская область связана с Россией либо морскими путями, либо через территорию иностранных государств. Несмотря на это – закономерности межрегиональных миграционных связей области аналогичны другим регионам страны, хотя имеются и особенности – тес-

ная связь с дальневосточными, омываемыми морями окраинными регионами, включая островную Сахалинскую область. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.5.

Таблица 10.5.

Миграционные связи между Калининградской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Камчатская область/край	2,9	442	163
2	Смоленская область	2,6	770	226
3	Мурманская область	2,6	740	482
4	Псковская область	2,2	699	159
5	Ленинградская о.+г.Санкт-Петербург	2,1	1634	1115
6	Сахалинская область	2,0	327	138
7	Брянская область	1,7	857	161
8	Алтайский край	1,7	339	319
9	Приморский край	1,6	465	269
10	Республика Карелия	1,5	1227	80
11	Архангельская область	1,5	424	159

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Калининградской области максимальна в отношении ближайшей к ней, находящейся по направлению к первым миграционным реципиентам страны Псковской области (R=87%).

Северо-Кавказский федеральный округ, Республика Дагестан, основной миграционный донор страны. Помимо первых миграционных реципиентов России и соседних регионов, эмигрантов из Дагестана привлекает Тюменская область. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.6.

Таблица 10.6.

Показатели миграционных связей между Республикой Дагестан (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

	Регионы	MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Астраханская область	8,5	2099	1294
2	Ставропольский край	6,6	1860	3704
3	Тюменская область	4,0	3065	5042
4	Ростовская область	2,0	1901	1222
5	Респ. Северная Осетия – Алания	1,8	1860	220
6	Саратовская область	1,6	1705	613
7	Кабардино-Балкарская Респ.	1,5	1360	160
8	Волгоградская область	1,4	1278	508
9	Московская о.+г.Москва	1,2	4967	2834
10	Орловская область	1,0	1755	123
11	Р.Адыгея+Краснодарский край	1,0	3040	1075
12	Карачаево-Черкесская Респ.	1,0	1031	104

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Республики Дагестан максимальна в отношении находящихся на пути к первым миграционным реципиентам страны Волгоградской и Астраханской областей (R=76%), а также к Карачаево-Черкесской Республике (78%).

Республика Башкортостан – принимающе отдающий регион, в большей степени связанный с территориями Уральского федерального округа, чем со своими соседями по Приволжскому федеральному округу. Не зря до 2001 года он входил в Уральский экономический район страны. Устойчивые экономические и, как следствие, миграционные связи республики с Уралом сохраняются в начале XXI века. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.7.

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Республики Башкортостан максимальна в отношении смежной к ней Оренбургской области (R=78%). Также мера сходства

максимальна в отношении Курганской области, равноотстоящей от Свердловской области и Тюменской области (79%).

Таблица 10.7.

Показатели миграционных связей между Республикой Башкортостан (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Челябинская область	7,3	1013	7333
2	Тюменская область	4,7	1191	11471
3	Республика Татарстан	4,6	1339	3887
4	Оренбургская область	4,6	815	2958
5	Удмуртская Республика	2,5	926	801
6	Свердловская область	2,4	1419	2896
7	Пермская область/край	1,7	968	933
8	Самарская область	1,3	1356	1185

Кировская область, находясь на Севере Приволжского федерального округа, тесно связана миграционно не только со своими соседями по округу, но и с территориями Северо-Западного федерального округа.

Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.8. Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Кировской области максимальна в отношении смежной к ней Удмуртской Республики (R=79%). Для неё Кировская область находится на векторе (пути) к первым миграционным реципиентам страны.

Самарская область является одним из трёх локальных миграционных реципиентов Приволжского федерального округа. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.9.

Таблица 10.8.

Показатели миграционных связей между Кировской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Республика Марий Эл	13,0	1794	1132
2	Удмуртская Республика	8,5	1132	979
3	Республика Коми	7,5	768	1385
4	Республика Татарстан	4,1	1807	1254
5	Нижегородская область	4,0	2753	932
6	Пермская область/край	3,5	1608	697
7	Костромская область	2,5	1347	222
8	Архангельская область	2,2	1008	331
9	Вологодская область	1,8	2030	189
10	Свердловская область	1,8	2000	770

Таблица 10.9.

Показатели миграционных связей между Самарской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Ульяновская область	12,0	665	4564
2	Оренбургская область	6,9	560	3439
3	Пензенская область	5,3	794	1598
4	Саратовская область	3,3	916	1962
5	Республика Мордовия	3,2	689	609
6	Республика Татарстан	3,2	1115	2078
7	Тюменская область	1,5	719	2933
8	Чувашская Республика	1,4	997	374
9	Республика Башкортостан	1,3	737	1185

Самарской области максимальна в отношении смежной к ней и тесно связанной экономически и транспортно Ульяновской области (R=89%).

Свердловская область, являясь локальным миграционным реципиентом Уральского федерального округа, не теряет население в обмене ни с одним из смежных с ней регионов, включая Тюменскую область. Показатели межрегиональной миграции Свердловской области с тесно связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.10.

Таблица 10.10.

Показатели миграционных связей между Свердловской областью (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

Регионы		MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Курганская область	6,9	476	3369
2	Пермская область/край	6,2	584	3612
3	Челябинская область	4,4	709	4618
4	Тюменская область	3,6	984	9322
5	Республика Башкортостан	2,4	705	2896
6	Удмуртская Республика	2,1	564	698
7	Кировская область	1,7	500	770
8	Оренбургская область	1,5	521	1023
9	Омская область	1,1	734	683
10	Республика Татарстан	0,9	1353	789

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Свердловской области максимальна в отношении смежной к ней Челябинской области (R=90%).

Алтайский край – один из основных миграционных доноров страны и Сибирского федерального округа. Тем не менее, находясь на пути маршрута с Востока на Запад, он получает в форме миграционного прироста население из окраинных регионов Дальнего Востока, Забайкалья и Якутии. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.11.

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Алтайского края максимальна в отношении смежной к нему и ранее входившей в его состав Республики Алтай (R=81%), а также примыкающих к краю с Северо-запада Новосибирской области (85%) и с Северо-востока Кемеровской области (84%).

Республика Саха (Якутия) – крупнейший по площади субъект РФ, граничащий с Запада с тремя сибирскими регионами, с Юга и Востока – с четырьмя дальневосточными. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связан-

ными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.12.

Таблица 10.11.

Показатели миграционных связей между Алтайским краем (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

	Регионы	MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Новосибирская область	9,9	1726	6067
2	Кемеровская область	8,7	1890	4795
3	Томская область	4,3	1761	1211
4	Омская область	2,5	1272	991
5	Красноярский край	2,0	1239	1472
6	Республика Саха (Якутия)	1,7	656	545
7	Калининградская область	1,6	2948	319
8	Читинская область	1,5	609	441
9	Магаданская область	1,5	732	245
10	Иркутская область	1,3	766	680
11	Камчатская область/край	1,3	1523	196
12	Тюменская область	1,2	1823	1922
13	Приморский край	1,2	890	519
14	Сахалинская область	1,1	915	193

Таблица 10.12.

Показатели миграционных связей между Республикой Саха (Якутия) (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

	Регионы	MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений в год
1	Амурская область	4,4	1177	700
2	Иркутская область	4,2	1314	1423
3	Республика Бурятия	3,9	984	710
4	Новосибирская область	3,9	2664	1523
5	Орловская область	2,7	3834	272
6	Забайкальский край	2,2	779	418
7	Белгородская область	2,0	5331	491
8	Хабаровский край	2,0	1624	576
9	Алтайский край	1,7	1524	545
10	Красноярский край	1,4	1978	674

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Республики Саха (Якутия) максимальна в отношении смежных к ней Забайкальского края (R=70%) и Иркутской области (R=69%). Столь низкая величина меры сходства объясняется и величиной территории республики, и специфичностью географии её миграционных связей, и тем, что данный субъект РФ достаточно самостоятелен для того, чтобы его включать в какие-либо группы регионов. Ни в составе Восточной Сибири до 2001 года, ни в Дальневосточном федеральном округе после 2000 года Республика Саха (Якутия) не вписывалась и не вписывается в районирование в силу своей специфики.

Камчатская область/край – крайний, удалённый от «материка» регион Дальнего Востока, основной миграционный донор страны. Показатели межрегиональной миграции региона с наиболее тесно с ним связанными миграционными узами территориями России представлены в таблице 10.13.

Таблица 10.13.

Показатели миграционных связей между Камчатским краем (i) и некоторыми регионами России (j), в среднем за 2001–2012 гг.

	Регионы	MIPS OM ij, раз	KRMS ij, в ‰	OM ij, постоянных перемещений
1	Приморский край	7,0	1314	888
2	Хабаровский край	4,2	1501	547
3	Калининградская область	2,9	2261	163
4	Белгородская область	2,6	5342	293
5	Амурская область	2,0	1002	144
6	Ленинградская о.+г.Санкт-Петербург	1,9	3052	783
7	Магаданская область	1,9	615	93
8	Сахалинская область	1,7	760	92
9	Р.Адыгея+Краснодарский кр.	1,6	3140	657
10	Алтайский край	1,3	657	196

Мера сходства рядов межрегионального миграционного оборота Камчатского края максимальна в отношении сходных по расположению Сахалинской области и Приморского края, R=77 и 70% соответственно.

Экономические связи между регионами детерминируют миграционные. На характер и направления миграционных потоков влияет ряд основных факторов, и не только экономической природы. На характер влияют: географическая близость, наличие транспортного сообщения, общность в прошлом (вхождение в одни административно-территориальные объединения либо экономические районы). На направления влияют различия в уровне и условиях жизни, а также географическая близость и расположенность относительно первых миграционных реципиентов и доноров страны. Иерархичность деления регионов России по результативности межрегиональных миграционных связей предопределяется социально-экономическим неравенством и продолжающей расти региональной дифференциацией уровня и условий жизни населения страны.

Равноотстоящие от основных миграционных реципиентов России регионы между собой имеют умеренную по тесноте связь, хотя довольно близкую географию межрегиональных миграционных связей. Напротив, смежные регионы, находящиеся на одном векторе «основные миграционные доноры → основные миграционные реципиенты», имеют тесную миграционную связь и максимально близкую географию миграционных связей.

Окраинные, приграничные и закрытые соседними территориями регионы России – вынуждены общаться миграционно в первую очередь со своим порою единственным внутрироссийским соседом, в особенности, если все транспортные артерии проходят либо заканчиваются в нём. Регионы предшествующего освоения, Европейского Севера, Сибири, Дальнего Востока, с высоким процентом городского населения – основной потенциал дальних миграций. Регионы с преимущественно сельским населением, Северный Кавказ, юг Урала и Сибири – основной потенциал ближних миграций, в смежные территории страны.

Указанные закономерности и особенности межрегиональной миграции населения России необходимо учитывать при выстраивании стратегии внутрироссийской миграционной политики, основною

целью которой должна стать оптимизация внутрироссийских миграционных потоков в геополитических и социально-экономических интересах Российской Федерации.

Источники

1. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973.

2. E.G. Ravenstein, The Laws of Migration, //Journal of the Royal Statistical Society, v.48, 1885.

3. Рыбаковский О.Л. Межрегиональная миграция населения (По материалам отечественной и зарубежной науки).// СОЦИС, 21011, №4.

4. Рыбаковский О.Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа, Москва, Экон-Информ, 2008 г.

Глава 11

ТРУДОВЫЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ*

11.1. Динамика потребности российского рынка труда в иностранной рабочей силе

В контексте существующих неравномерностей экономического и демографического развития международная трудовая миграция населения приобрела в последние десятилетия глобальный характер и стала неотъемлемой частью современной системы мирового хозяйства, условием существования большинства государств.

В глобализирующемся мире десятки миллионов людей ежегодно пересекают границы стран в поисках работы. Согласно Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г., термин «трудящийся мигрант» означает лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является (1.с.162). В узком смысле слова трудовые перемещения населения предполагают, что для занятия оплачиваемой деятельностью лицо мигрирует из одной страны в другую. Трудящиеся-мигранты – это люди, допущенные страной, не являющейся их собственной, с целью осуществления экономической деятельности (2,с.35).

Однако, поскольку миграция складывается из внутренних и международных миграционных потоков, понятие «трудовая мигра-

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 12-02-00231.

ция» часто употребляют в широком смысле слова как такой вид территориальных перемещений людей с целью занятости, которые могут осуществляться и между странами, и в пределах одной страны (3,с.307). Подобные межпоселенные передвижения трудоспособного населения носят, как правило, временный и возвратный характер (4,с.319). В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что трудовую миграцию нужно рассматривать как «временную миграцию с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг)».

В наступившем десятилетии в мировой миграционный кругооборот вовлечены трудовые мигранты большинства стран мира. Растущее перемещение капитала, расширение экономического и финансового взаимодействия между странами, снятие многих ограничений в торговле, бурно происходящая интернационализация производства, улучшение средств связи и транспортной системы сопровождаются углубляющейся интеграцией национальных рынков труда, расширением движения населения через государственные границы, активизацией процессов в сфере международной миграции.

Глобальные масштабы международной трудовой миграции установить трудно, так как не все страны происхождения, транзита и приема мигрантов учитывают и фиксируют мобильность в поисках достойной работы, но это транснациональное явление, несомненно, характеризуется растущими масштабами. Общая численность международных трудовых мигрантов увеличивается год от года, а особенно заметный рост наблюдается с 1990 года. Достаточно сказать, что, по данным МОТ, уже к середине 90-х гг. XX века численность трудящихся-мигрантов в зарубежных странах составляла от 36 до 42 млн. человек против 3 млн. в начале 60-х гг. Ускоренными темпами увеличивалась численность трудовых мигрантов в нулевые годы текущего столетия. В 2005 г. их количество оценивалось уже в 90 млн. человек, а с учетом членов семей – около 170 млн. человек (5,с.4). Согласно данных МОТ, в настоящее

время в мире 105 миллионов иностранцев являются экономически активными – работают по найму, являются самозанятыми или иным способом участвуют в экономической деятельности (6,с.42). По оценкам МОМ, за период 2000–2011 гг. численность трудящихся-мигрантов в мире возросла с 81 до 105 млн. человек, то есть на 24 млн. человек, или почти на 30 % (7).

Иностранные рабочие составляют значительную долю занятых во многих жизненно важных отраслях экономики крупнейших развитых стран мира, Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона. Практически все государства, даже так называемые «закрытые», в той или иной мере задействованы в процессе глобализации миграции рабочей силы. Россия, которая активно включилась в международные миграционные потоки в 90-е годы прошлого века, – не исключение.

С началом проведения политики открытого общества Россия превратилась из закрытой страны с незначительным внешним миграционным оборотом в активного участника интеграционных процессов и международного трудового обмена. На рубеже XX–XXI веков международная трудовая миграция превратилась в крупный динамичный феномен социально-экономического развития российского общества. За последние четверть века потоки прибывающих мигрантов, пересекающих государственные границы Российской Федерации из-за невозможности найти достаточный заработок на своей родине, заняли значительную часть в общем миграционном движении на территории страны. Международная трудовая миграция стала органической частью отечественной экономики. Как на уровне страны, так и большинства ее регионов она влияет на изменение количественных и качественных показателей трудовых ресурсов, воздействует на формирование рынка труда. Работников-мигрантов сегодня можно встретить не только в столичных и крупных городах, но и в любом регионе страны.

В условиях усиления тенденции к старению населения, под воздействием сокращения населения в трудоспособном возрасте и

возрастающего дефицита трудовых ресурсов обеспечение отечественной экономики и социальной сферы иностранными трудящимися-мигрантами стало объективной необходимостью.

В общей цепи причин и следствий тенденций развития трудовой миграции наиболее важным является состояние занятости населения и рынка труда. Широкие возможности занятости для иностранцев в формальном и неформальном секторах экономики – один из основных факторов трудовой иммиграции в Россию. По мнению Воробьевой О.Д., рынок труда – важнейший регулятор процессов трудовой миграции (8,с.36).

В настоящее время в России, как и в большинстве стран мира с развитой рыночной экономикой, ситуация на российском рынке труда развивается под воздействием количественного дисбаланса и структурных диспропорций между спросом на рабочую силу и ее предложением**.** В экономике, регионах и отраслях структура рабочей силы и структура рабочих мест плохо «стыкуются» между собой, что выражается в количественном несоответствии спроса на труд и его предложения – с одной стороны, в наличии безработицы, а, с другой, – в дефиците рабочей силы.

Характерно также, что современное развитие национального рынка труда происходит в условиях снижения численности населения в трудоспособном возрасте и сокращения предложения рабочей силы. Функционирование рынка труда характеризуется относительно невысокой безработицей. Благодаря реализации в 2009–2010 гг. государственных программ по стабилизации ситуации в сфере занятости населения на рынке труда удалось сдержать нарастание кризисных явлений и обеспечить снижение безработицы. Посткризисное развитие 2010–2013 годов привело как к снижению среднегодовой численности безработных, рассчитанной по методологии Международной организации труда, так и среднегодовой численности безработных, зарегистрированных в органах службы занятости.

По данным официальной статистики, в середине 2013 г. в целом по России в государственных учреждениях службы занятости

населения в качестве безработных было зарегистрировано менее 1,0 млн. человек. При этом общая численность безработных, оцениваемая по методике МОТ, которые не имели работы и находились в ее поиске составила 4,0 млн. человек, или 5,3% экономически активного населения (9).

Тем не менее, проблемы трудоустройства и поиск подходящей работы являются актуальными для широкого круга лиц. К ним относятся безработные граждане, работники, высвобождаемые с предприятий в связи с их реструктуризацией, выпускники общеобразовательных школ и учреждений профессионального образования – высшего, среднего и начального, а также лица, возвращающиеся на рынок труда после продолжительного перерыва. И если в Москве и ряде крупных городов уровень занятости населения в трудоспособном возрасте является достаточно высоким и безработица не вызывает серьезной озабоченности, то в ряде региональных рынков труда, сотнях моногородов и населенных пунктах с монопрофильной структурой экономики, сельской местности и на Северном Кавказе проблемы поиска рабочего места, трудоустройства и занятости населения ощущаются довольно остро и являются болезненными как с индивидуальной, так и с общественной точки зрения.

Следует отметить, что в условиях высокого уровня занятости в неформальном секторе наряду с безработицей на рынке труда сохраняется большое количество вакантных рабочих мест и наблюдается неудовлетворенный спрос на труд по территориям, отраслям, видам деятельности и занятий.

Потребность работодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости, имеет длительную тенденцию к увеличению с волнообразно-циклические колебаниями ее динамики, обусловленную чередованиями подъема и спада экономической активности населения. До кризисного периода 2008–2009 гг. в сравнении с периодом середины 90-х годов дополнительная потребность предприятий в рабочей силе возросла в 3,4 раза (табл. 11.1).

Таблица 11.1

Потребность предприятий в работниках, заявленная в государственные службы занятости, июнь

год	1996	2000	2005	2008	2009	2013
Тыс. человек	346,5	898,7	1041,3	1526,8	1177,9	1975,0
прирост за период		552,2	142,6	485,5	- 348,9	797,1

Источник: данные Росстата (10).

К середине 2013 года под воздействием восстановления спроса на рабочую силу со стороны предприятий в целом по РФ только заявленная потребность работодателей в работниках достигла 2,0 млн. человек. Однако этого количества рабочих мест оказалось недостаточным для трудоустройства безработных граждан. По данным официальной статистики, в июле 2013 г. на каждые 100 заявленных вакансий приходилось всего около 60 человек, не занятых трудовой деятельностью (11).

На фоне демографического спада последних лет в российской экономике все более ощутимой становится проблема недостатка квалифицированных кадров, отсутствие которых превращается в препятствие для развития производства на многих предприятиях. Как и в большинстве стран мира, важнейшая причина, генерирующая занятость иностранной рабочей силы, – относительная ее нехватка в отдельных секторах экономики и регионах, по отдельным профессиям и видам работ. Прежде всего, это те сферы занятости, которые характеризуются низким уровнем оплаты труда, большим количеством непривлекательных рабочих мест, отдаленностью районов.

В экономике России дефицит в рабочей силе существенен и носит не только количественный, но и качественный характер. Несоответствие структуры профессионального образования потребностям рынка труда по квалификационному уровню и профессиональной составу работников привели к нехватке квалифицированных кадров по ряду профессий и специальностей.

Существующая в настоящее время на российском рынке труда структура вакансий в первую очередь ориентирована на рабочих

и занятых физическим трудом, а не на представителей так называемых «белых воротничков». В условиях неоднородности спроса на рабочую силу и ее предложения по регионам и секторам экономики самая острая нехватка кадров наблюдается в квалифицированных рабочих специальностях, а также среди рабочих по профессиям **с** большим количеством непривлекательных и тяжелых видов работ**.** В отечественной экономике сложилась ситуация, когда при наличии хорошо образованной рабочей силы не хватает квалифицированных и опытных работников, прежде всего специалистов рабочих специальностей, высококвалифицированных кадров, умеющих работать на современном оборудовании, современных станках и овладевать современными технологиями.

В настоящее время с проблемой недостатка квалифицированных кадров сталкивается большинство предприятий и организаций. Дефицит квалифицированной рабочей силы связан с нехваткой рабочих основного технологического профиля, а также рабочих, занятых ремонтом и техническим обслуживанием. Наибольшую потребность в квалифицированных кадрах испытывают предприятия промышленности (особенно машиностроения и металлообработки), строительства и транспорта. Дефицит этих кадров образовался из-за развала системы ПТУ, восстановление которой пока никак не происходит. В странах, из которых идут основные потоки трудовых мигрантов, никаких ПТУ тоже не существует. По имеющимся оценкам, при нынешних тенденциях в развитии системы профессионального образования к 2015-му году дефицит некоторых рабочих профессий будет достигать 90% (12,с.19).

При оценке несоответствий между спросом на труд и предложением рабочей силы необходимо учитывать современное распределение производительных сил в стране в сочетании со сложившимися территориальными диспропорциями спроса и предложения и локализацией региональных рынков труда. В настоящее время распределение производительных сил характеризуется концентрацией спроса и предложения рабочей силы в центральных регионах стра-

ны, масштабной миграцией трудоспособного населения из районов Сибири и Дальнего Востока, значительным превышением предложения рабочей силы над спросом на нее в республиках Северного Кавказа. Наибольшую потребность в дополнительной рабочей силе испытывают крупные и крупнейшие города, в первую очередь Московский регион, Санкт-Петербург, а также восточные территории, откуда уже длительное время идет интенсивный миграционный отток населения.

Следует учесть, что проблема диспропорций между рабочими местами и трудовыми ресурсами в отраслевом и территориальном разрезах усиливается из-за низкой трудовой мобильности населения. Даже в условиях кризиса среди безработных и лиц, ищущих работу, крайне низкой оставалась доля желавших переехать или переехавших на работу в другую местность. В 2010 году только 7,0 тыс. человек воспользовались помощью государства и сменили место жительства, чтобы трудоустроиться в других регионах страны.

Можно утверждать, что в период выхода из рецессии спрос на рабочую силу и дефицит трудовых ресурсов возрастают. Увеличивается количество вакансий, которые предлагаются гражданам, ищущим работу. Так, в июле 2013 года заявленная работодателями потребность в дополнительной рабочей силе была на 6,3% выше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и в 1,4 раза выше в сравнении с потребностью июля 2010 года (13).

В долгосрочной перспективе проблемы дефицита рабочей силы будут усугубляться в связи с сокращением совокупного предложения на рынке труда из-за снижения численности населения в трудоспособном возрасте и в результате процесса старения населения, в том числе его экономически активной части.

Согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата 2013 г., сокращение численности трудоспособного населения в России в перспективном периоде 2014–2030 гг. превысит 7,5 млн. человек. Причем в ближайшие пять лет сокращение будет особенно резким – темпом около 1,0 млн. человек в год**.** Однако, по

имеющимся расчетам, если из прогнозных оценок исключить численность долгосрочных мигрантов, то сокращение данной категории населения к концу следующего десятилетия составит уже около 18 млн. человек, или почти четверть от его нынешней численности (14,с.81). Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте приведет к снижению численности экономически активного населения, и соответственно к сокращению предложения трудовых ресурсов, что не может не обострить ситуацию на рынке труда.

В долгосрочной перспективе из-за нехватки рабочих и инженеров могут остановиться многие крупные предприятия. При неизменной величине перспективного спроса на труд для покрытия дефицита отечественной рабочей силы потребуется значительная численность трудовых мигрантов. С такой ситуацией в истории нашего общества мы сталкиваемся впервые. В период 80-х годов прошлого столетия отмечалось лишь сокращение прироста трудовых ресурсов. Теперь же ожидается обвальное сокращение самого трудового потенциала, что еще более выдвигает на передний план проблемы развития качественных характеристик народонаселения, увеличения объемов инвестиций в человеческий капитал, структурных изменений в экономике, привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Необходимо учитывать, что Россия вступает в период, когда основные параметры ее демографического развития и формирования трудового потенциала будут крайне неблагоприятными. Рыночная экономика будет предъявлять все большие требования к обеспечению сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу, развитию кадрового потенциала, повышению качества рабочей силы, ее образовательного, профессионального и квалификационного уровня.

Страна подошла вплотную к неизбежному для нее этапу развития, когда прогресс экономики потребует не просто ускорения роста производительности труда, стимулирования экономической

активности населения, увеличения численности работающих и преодоления кадрового дефицита, а модернизации производства, массового создания современных рабочих мест, изменения сложившейся структуры занятости населения, преодоления территориальных и структурных диспропорций спроса и предложения на региональном и локальных рынках труда, совершенствования профессионального образования, адаптации системы подготовки кадров под складывающуюся производственную структуру, возрастающего вовлечения в национальную экономику высококвалифицированных рабочих и специалистов, повышения территориальной мобильности рабочей силы. Важное значение приобретает также решение вопросов регулирования трудовой миграции, оптимизации привлечения и использования зарубежных трудовых мигрантов.

11.2. Тенденции и особенности трудовой миграции

Одной из главных особенностей современной миграционной обстановки в России является ее активное вовлечение в мировой рынок труда. В последние десятилетия под воздействием нарастающего миграционного давления на Россию со стороны государств с избыточным населением и стран-экспортеров рабочей силы страна расширила импорт иностранной рабочей силы. По данным Федеральной миграционной службы, на конец 2012 года численность иностранных граждан, имевших действующие разрешение на работу, составила 1,2 млн. человек, еще около 1,1 млн. иностранцев получили патент на осуществление трудовой деятельности у физических лиц за год.

Как показывают расчеты, в последние годы в России доля официально регистрируемой иностранной рабочей силы не отличалась высоким уровнем. В 2013 г. она составила 3,8% численности занятых, что значительно меньше, чем в экономически развитых странах мира (таких, например, как Великобритания, Норвегия, Ис-

пания, Германия, Бельгия, Франция, Австрия, Италия, Швейцария), где в общей численности занятых иностранные работники составляют от 5 до 20% и более. Поэтому в целом существенного влияния трудовая иммиграция на внутренний рынок труда не оказывает. Однако влияние иностранных работников на сферу занятости населения оказывается более существенным, если учитывать нелегальную составляющую трудовой миграции. По экспертным оценкам, доля общей численности трудовых мигрантов из-за рубежа с учетом незаконной части в общей численности занятых достигает 7–10% (15,с.18;с.10). Весьма заметно это влияние на локальном уровне. Особенно это относится к столичным и крупным городам, приграничным территориям, малонаселенным районам в северных и восточных регионах страны.

Экономические виды перемещений, в первую очередь трудовая миграция, начали преобладать в структуре миграции в Россию со второй половины 90-х годов. В последние годы в масштабах, тенденциях и направлениях трудовой иммиграции в Россию наблюдаются существенные изменения, которые требуют не только всестороннего анализа произошедших трансформаций, но и осмысления проблем, связанных с проведением разумной политики по использованию труда мигрантов.

Трудовая миграция в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья имела устойчивую нарастающую тенденцию к росту вплоть до кризисного 2008 г**.** Только за период 1994–2005 гг. численность зарегистрированных иностранных работников в экономике нашей страны возросла со 129,0 тыс. человек до 702,5 тыс. человек, или в 5,5 раза. За десятилетний период, предшествующий кризису (1998–2007 гг.), зарегистрированное число иностранных трудовых мигрантов увеличилось в России более чем в 10 раз.

Особенно заметный рост мигрантов на российском рынке труда наблюдался после вступления в силу в январе 2007 г. нового миграционного законодательства, направленного на проведение политики «открытых дверей» для трудовой миграции из стран СНГ.

В 2008 г. в сравнении с 2006 г. под воздействием введения новых либеральных миграционных правил и в связи с ростом спроса на труд численность иностранных работников, на законных условиях работавших в России, возросла с 1,0 млн. человек до 2,4 млн. человек, или более чем вдвое.

В период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в использовании потенциала этого миграционного процесса произошли существенные перемены. Рецессия сократила количество свободных рабочих мест, привела к массовым увольнениям среди работающих, снизила потребность в привлечении иностранной рабочей силы, особенно, в строительстве, а также в малом бизнесе, который наиболее остро испытал последствия финансового кризиса, и серьезно сказался на положении как легальных, так и незаконных трудовых мигрантов.

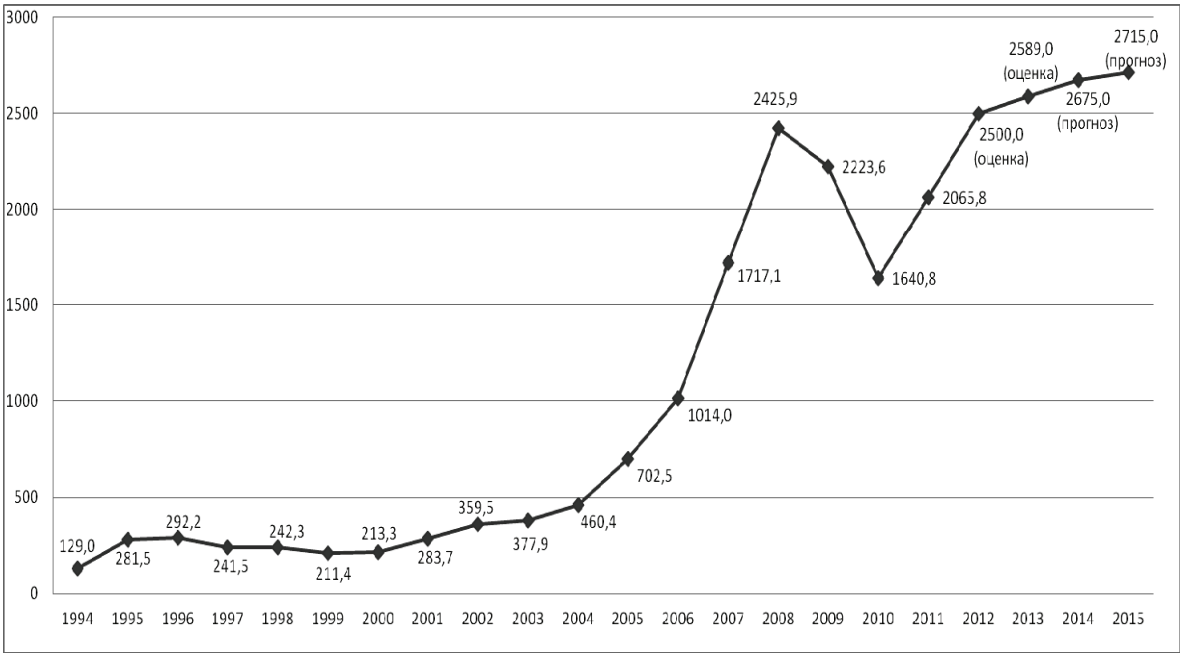
В условиях роста числа людей, пополняющих ряды безработных, возросло решение актуальной задачи сохранения баланса на рынке труда и защиты права российских граждан на приоритетное трудоустройство. В целях обеспечения реализации указанного права в Российской Федерации были существенно снижены квоты на привлечение иностранной рабочей силы. В 2008 г. в целом по РФ трудовая квота (без учета резерва) составила 2,6 млн. человек, в 2009 г. – соответственно 2,0 млн. человек. В 2008–2009 гг. в результате сокращения квот и снижения потребности предприятий и организаций в иностранных работниках произошло заметное уменьшение численности официально привлекаемых на работу в России трудовых мигрантов – с 2,4 млн. человек до 2,2 млн. человек, или на 8,3% (диагр. 11.1).

В 2010 году под воздействием антикризисных мероприятий на рынке труда, снижения спроса на труд и ужесточения правил приема мигрантов масштабы используемой в Российской Федерации иностранной рабочей силы сократились еще значительнее – более чем на четверть по сравнению с 2009 г., составив 1,6 млн. человек (при установленной квоте в 1,9 млн. человек). При этом количество

легальных мигрантов, осуществлявших трудовую деятельность в России из государств-участников СНГ, уменьшилось на 24,2%, из стран дальнего зарубежья – почти на треть (32,1%).

Диаграмма 11.1

Динамика численности иностранных работников, занятых в экономике России, тыс. человек (1994–2015 гг.)

Источник: данные ФМС России и Минтруда России.

К 2011 г. в сравнении с кризисным 2008 г. квота на привлечение и использование иностранной рабочей силы была сокращена вдвое. В результате на конец 2011 г. в российской экономике действующие разрешения на работу имели немногим более 1,0 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства, не считая граждан Белоруссии и иностранных граждан, имевших разрешение на работу сроком до трех месяцев и не продливших их в дальнейшем. Дополнительно к этому в среднем за 2011 год еще свыше 190 тыс. иностранных граждан имели патенты на осуществление трудовой деятельности у физических лиц (16).

По данным ФМС России, на начало 2012 г. в России находилось свыше 9,0 млн. мигрантов. Из этого числа 1,2 млн. человек – это те, кто законно осуществлял трудовую деятельность на терри-

тории РФ, 3,7 млн. человек пребывали на российской территории с целью, исключающей трудовую деятельность, и 4,3 млн. человек составляли группу риска, указав при въезде цель – работу, но не получили на нее разрешения.

Согласно данных Росстата, на середину 2013 г. в Россию с использованием разрешений на работу было привлечено немногим более 1,0 млн. иностранных работников. Кроме того, численность иностранных граждан, получивших патент на осуществление трудовой деятельности у физических лиц, составила 513,5 тыс. человек. В общей численности трудовых мигрантов, имевших действующее разрешение на работу, численность иностранных граждан-высококвалифицированных специалистов составила всего 11,6 тыс. человек, или 1,1% (17).

По территории России ситуация с привлечением и использованием иностранной рабочей силы различается, причем довольно существенно. Труд иностранных работников наиболее востребован в тех субъектах Российской Федерации, где отмечаются наибольшие инвестиции в экономику и высокая деловая активность. В посткризисном развитии России сформировались 2 основных центра притяжения трудовых мигрантов из других стран. Это Центральный федеральный округ (40,4% их общей численности на основании действующих разрешений на работу и 42,3% на основании патентов в 2012 г.) и Северо-Западный федеральный округ (соответственно 18,4% и 6,4%). Причем для Южного, Приволжского и Сибирского федеральных округов в общем потоке иностранных работников характерно явное преобладание трудовых мигрантов, работающих по патентам, над занятыми на основании действующих разрешений на работу (табл. 11.2).

В течение последних лет наибольшая часть всех иностранных работников использовалась в Центральном федеральном округе, в основном в Москве (18,4% от общей численности иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в Российской Федерации в 2012 г.), Московской области (13,0%), Калужской и Туль-

ской областях (соответственно 2,1% и 1,3 %). Кроме того, значительная часть иностранных работников трудится в Краснодарском и Приморском краях, Иркутской, Новосибирской, Свердловской и Тюменской областях. В 2012 г. самыми низкими показателями регистрируемой занятости иностранной рабочей силы характеризовался Северо-Кавказский федеральный округ – всего 0,5% на основании действующих разрешений на работу и 1,9% по числу выданных патентов.

Таблица 11.2

Численность иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в Российской Федерации в 2012 году

	Численность иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу на конец года		Численность иностранных граждан, получивших патент на осуществление трудовой деятельности у физических лиц за год	
	тыс. человек	в % к итогу	тыс. человек	в % к итогу
Российская Федерация	1148,7	100	1080,4	100
Центральный федеральный округ	464,2	40,4	457,5	42,3
Северо-Западный федеральный округ	211,5	18,4	69,1	6,4
Южный федеральный округ	80,8	7,0	114,5	10,6
Северо-Кавказский федеральный округ	5,3	0,5	20,9	1,9
Приволжский федеральный округ	86,7	7,6	128,3	11,9
Уральский федеральный округ	120,5	10,5	70,7	6,5
Сибирский федеральный округ	88,0	7,7	156,5	14,5
Дальневосточный федеральный округ	81,8	7,1	62,8	5,8

Источник: данные Федеральной миграционной службы.

Надо отметить, что по отраслям российской экономики распределение зарегистрированных трудовых мигрантов также отличается спецификой. Большая часть иностранной рабочей силы, привлекаемой в Российскую Федерацию, занята в сфере строитель-

ства, где достаточно высокая оплата труда и большой фронт работы. В 2010 г. в общем объеме задокументированных трудовых мигрантов ее доля в целом составила 36,3%. Значительно превышает среднереспубликанский показатель доля иностранных работников в численности занятых в строительной отрасли в Ямало-Ненецком автономном округе – 77,3%, Ставропольском крае (47,8%), Чукотском автономном округе (45%).

Относительно много работающих трудовых мигрантов в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, бытовых изделий и пр. (16,6%). Явно выделяются категории трудовых мигрантов, занятых операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (10,0%). Немного ниже доля, занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве – 9,0%. Однако при этом ряд территорий характеризуются повышенной долей иностранных работников в численности занятых в сельском хозяйстве. Среди них – Еврейская автономная область (17,6%), Ленинградская область (14%), Приморский край (13,2%), Хабаровский край (10,8%), Магаданская область (10%), Волгоградская область (9,7%), Ставропольский край (4,3%), Республика Калмыкия (3%).

Сравнительно мал из числа зарегистрированных мигрантов удельный вес занятых на транспорте и в связи (4,3%). В перечисленных шести основных видах деятельности в 2010 году было занято 89,7% всех легальных трудовых мигрантов (табл. 11.3).

Все имеющиеся прогнозные расчеты свидетельствуют, что в ближайшие годы численность населения России в рабочих возрастах заметно сократится, а процесс старения населения, в том числе его экономически активной части, продолжится. Эту неблагоприятные тенденции вряд ли удастся компенсировать с помощью мер демографической политики, роста производительности труда и реформ в сфере образования. Поэтому привлечение и использование необходимых человеческих ресурсов из-за рубежа на российском рынке труда в ближайшей перспективе будет объективной реальностью.

Таблица 11.3

Численность иностранных работников, осуществлявших трудовую деятельность в России, по видам экономической деятельности

	2009 г.		2010 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всего	2223,6	100,0	1640,8	100,0
в том числе по видам экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	174,7	7,9	148,6	9,0
обрабатывающие производства	264,9	11,9	221,5	13,5
строительство	876,5	39,4	595,2	36,3
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	408,0	18,3	272,1	16,6
транспорт и связь	94,2	4,2	70,6	4,3
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	161,5	7,3	163,2	10,0
другие	243,8	11,0	169,6	10,3

Источник: данные Росстата (18).

Следует учесть, что процессы глобализации экономики и ситуация на отечественном рынке труда содействуют развитию в России двух основных форм международной трудовой миграции: а) миграции высококвалифицированных специалистов и менеджеров, которые занимают верхний уровень в социально-экономической структуре работающего российского населения, и б) миграции низкоквалифицированной рабочей силы, которая в экономике занимает рабочие места на нижнем уровне социально-экономической структуры населения.

На верхнем уровне находятся так называемые «белые воротнички» – менеджеры, высококвалифицированные мигранты, специалисты с ученой степенью, иностранцы, обладающие «уникальными способностями», бизнесмены, инвесторы, работники, оказывающие услуги, лица, которые переводятся в рамках транснациональных компаний, а также творческие работники и спортсмены.

Нижний уровень социально-экономической структуры составляют мигранты, которые занимают низкооплачиваемые, неквалифицированные или низкоквалифицированные рабочие места, часто связанные с выполнением грязных, опасных и изнурительных видов работ, от которых отказывается местное население. Прежде всего, это рабочие места в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности, сфере услуг (очистка улиц, обслуживание коммунального и гостиничного хозяйства, работа в ресторанах, барах, кафе, закусочных, химчистках, в качестве домработниц, нянь и пр.). В 2013 г., по данным официальной статистики, доля неквалифицированных рабочих в общей совокупности зарегистрированных иностранных работников, составила 28,2 %. Занятость мигрантов в сфере неквалифицированного труда характеризуется не только его низкой престижностью и оплатой, но также и тем, что в значительной мере она встраивается в неформальные и теневые сектора экономики.

Следует иметь в виду, что трудовая миграция в современной России характеризуется большим разнообразием миграционных потоков по странам выезда. При этом необходимо учитывать, что основной поток трудовых мигрантов в Россию идет из стран СНГ. На долю государств-участников СНГ приходится около 85 % иностранной рабочей силы, поступившей на территорию Российской Федерации. Ниже приводится распределение численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу, по профессиональным группам, на конец 2-го квартала 2013 г., в % (19).

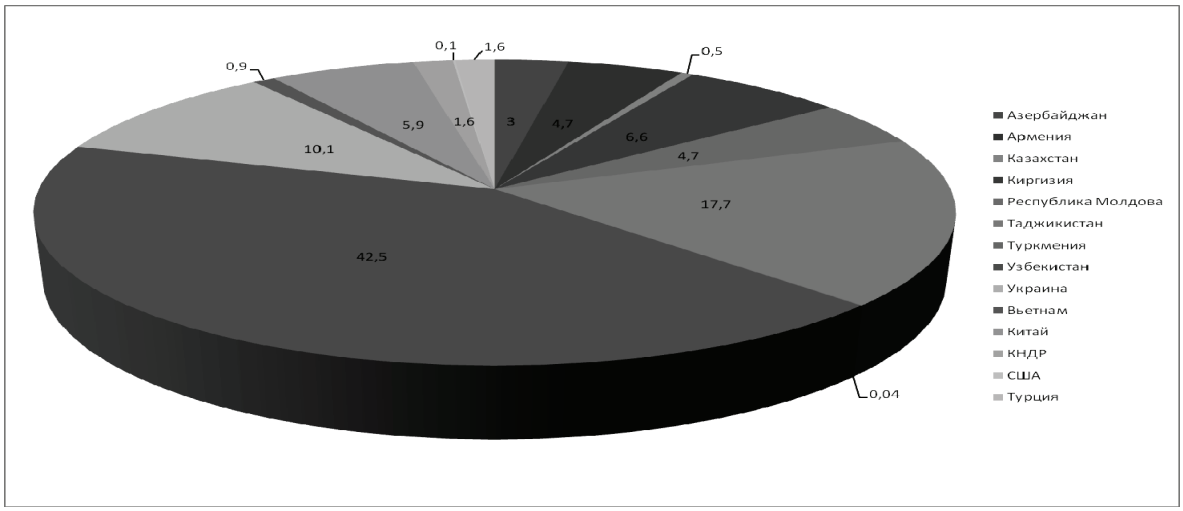
Всего	**100,0**
в том числе: руководители учреждений, организаций и предприятий и их структурных подразделений (служб)	3,3
специалисты в области естественных и инженерных наук	2,0
специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности	2,6
средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности	

Всего	**100,0**
работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности	4,6
продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды	0,9
квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию	4,0
рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах	26,7
рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности	4,7
Другие профессии квалифицированных рабочих промышленных предприятий	4,4
Операторы, аппаратчики и машинисты промышленных установок	2,1
Операторы, аппаратчики, машинисты промышленного оборудования и сборщики изделий	3,8
водители и машинисты подвижного оборудования	7,0
неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	28,2
Иные профессионально-квалификационные группы	4,7

В настоящее время наиболее крупными поставщиками рабочей силы в Россию из государств-участников СНГ являются Узбекистан, Таджикистан, Украина и Киргизия, из стран дальнего зарубежья – Китай, Турция. В 2011 г. «большая тройка» стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан и Украина) аккумулировали около двух третей всей иностранной рабочей силы, используемой в России (диагр. 11.2)**.**

Диаграмма 11.2

Страны – основные «поставщики» трудовых мигрантов в Россию в 2011 г.

Оценивая изменения в структуре трудовой миграции, следует иметь в виду, что с середины 2000-х годов все большую активность в формировании государственной политики экспорта трудовых ресурсов в Российскую Федерацию проявляют страны Центральной Азии. В настоящее время по объемам трудовой эмиграции в Россию Узбекистан и Таджикистан занимают первое и второе места, сменив Китай и Украину, лидировавших в середине нулевых годов в списке основных стран-экспортеров иностранной рабочей силы.

Нетрудно заметить, что с ростом доли мусульманских стран Центральной Азии в экспорте трудовых ресурсов в РФ возрастает культурная дистанция между приезжающими мигрантами и российским населением. В своей основной массе трудовые мигранты из азиатских стран являются представителями бедных слоев населения и плохо знают русский язык. Четверть из них не умеет говорить по-русски и общается исключительно на своем языке (20,с.32). Поэтому оказываются наиболее проблемными группами с точки зрения адаптации к российским условиям жизни. К этому следует добавить, что большинство мигрантов приезжают из небольших городов и сельской местности. По имеющимся оценкам, половина из них не имеет профессионального образования и может заниматься только неквалифицированным трудом (21,с.32–33). Это также создает дополнительные трудности для их доступа на рынок труда и интеграции в российское общество. Культурно более далекие и менее адаптивные мигранты – серьезный вызов миграционной политике России, которая должна учитывать происходящие изменения.

11.3. Последствия и перспективы трудовой миграции в России

Как и во всем мире, сложный и многогранный феномен международной трудовой миграции в России противоречив и оказывает неоднозначное влияние на ее демографическое и социально-экономическое развитие. Положительные эффекты связаны прежде всего с тем, что миграционный приток в Россию, компенсируя демографические потери государства, сдерживает убыль населения и трудовых ресурсов. Только за последние два десятилетия (1992–2011 гг.) благодаря миграции численность постоянного населения Российской Федерации увеличилась на 7,5 млн. человек.

Благодаря трудовым мигрантам усиливается ресурсный потенциал экономического роста, стимулируется рост инвестиций, реализуются инвестиционные проекты с участием иностранного капитала, используются современные технологии в строительстве, развиваются новые виды бизнеса, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов экономики – таких, как строительство, транспорт, торговля, сфера услуг, коммунальное хозяйство.

В результате притока постоянных и временных мигрантов решаются многие экономические проблемы страны, улучшается сбалансированность российского рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. Весьма важное значение имеет использование миграционного ресурса для кадровой поддержки отраслей, имеющих высокую сезонность и невысокий уровень оплаты труда. Присутствие на российском рынке труда иностранной рабочей силы оказывает благоприятное воздействие на уровень инфляции путем снижения издержек производства и сдерживания роста себестоимости продукции.

И, как главный итог, трудовая миграция оказывает прямое влияние на рост ВВП России. По имеющимся оценкам, мигрантами создается от 8 до 10% ВВП России (22,с.274). Доход, извлекаемый

российской экономикой из труда мигрантов, несоразмерен затратам, а потоки денежных переводов из РФ в страны СНГ являются существенным подспорьем для экономик наших ближайших соседей, дружба и партнерские отношения с которыми отвечают геополитическим интересам страны.

Признавая неизбежность и полезность трудовой миграции в Россию, нельзя не видеть опасностей и угроз, с которыми может столкнуться страна, если ее экономическое развитие будет ориентироваться на бесконтрольное расширение привлечения и использования иностранной рабочей силы. К этим угрозам уже сегодня относится нерациональная структура потоков трудовых мигрантов. Количество и качество прибывающих в страну трудящихся-мигрантов не соответствует потребностям инновационного развития экономики. Доступность дешевой иностранной рабочей силы ослабляет стимулы для инвестиций, обеспечивающих рост производительности труда.

В условиях безвизового въезда в Россию мигрантов из стран СНГ происходит наполнение российского рынка труда неквалифицированной рабочей силой, что приводит к маргинализации населения и снижению качества трудового потенциала страны. В настоящее время основная масса мигрантов прибывает из бедных стран и регионов, заполняет ниши в нижнем сегменте рынка труда, сосредотачивается в нижней части социальной пирамиды. В страну по большей части едут люди без высшего, средне-профессионального, а иной раз – и без общего среднего образования. Масштабное использование низкоквалифицированного труда мигрантов в экономике тормозит процессы её модернизации.

В результате высокого уровня заболеваемости инфекционными заболеваниями стихийно прибывающих в страну мигрантов (туберкулезом, ВИЧ, сифилисом и другими социально-значимыми инфекциями) возрастают риски ухудшения эпидемиологической обстановки в России, угрозы потерь здоровья и сокращения жизни местного населения. Поведение многих мигрантов криминально,

особенно в крупных городах, из-за них повышается преступность. Усиливаются сложности межкультурного взаимодействия и интеграции в российский социум выходцев из отдаленных в культурном отношении стран, происходит обострение проблем с социально-культурной адаптацией мигрантов.

Приток значительного количества иноэтничных мигрантов, существенно отличающихся в социокультурном плане от местного населения, нередко вызывает у российских граждан отторжение и неприязнь. В обществе, в особенности среди молодежи, развивается этнический негативизм, ксенофобные настроения, различного рода предубеждения в отношении мигрантов. В связи с ростом культурной дистанции между мигрантами и принимающим населением возрастают угрозы этнокультурной безопасности, риски обострения межнациональных отношений и социальной стабильности.

В стране сохраняется высокий уровень нелегальной миграции и незаконной занятости иностранных граждан. Большие масштабы незаконной миграции оказывают негативное воздействие на экономическую ситуацию и социальную сферу, обостряют криминогенную обстановку в стране.

К числу основных следствий международной миграции относятся денежные переводы. Рост объемов трудовой миграции в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья породил мощные потоки денежных переводов за границу. В России, как и во всем мире, получили развитие два основных типа перевода денег трудовыми мигрантами: официальный и неофициальный. Денежные суммы проходят как через официальные каналы (банковскую систему, почту, специальные системы денежных переводов), так и передаются в неподдающемуся учету виде через неофициальные каналы, в том числе личные и семейные.

Постепенно формируется развитый и цивилизованный рынок услуг по отправке и выдаче переводов. В соответствии с российским законодательством заниматься переводами в РФ могут только банковские и почтовые учреждения. Базу индустрии переводов со-

ставляют российские и международные банки, локальные и международные ремиттинговые компании, почты и почтовые альянсы.

К настоящему времени в России сложилась разветвленная и достаточно эффективная система организации денежных переводов по официальным каналам, которая включает специализированные международные и российские системы переводов, национальные банковские и почтовые учреждения. Подсистема операторов денежных переводов находится под воздействием жесткого законодательного регулирования. Деятельность каждого из операторов должна соответствовать действующему российскому законодательству, двусторонним и многосторонним соглашениям, действующим на территории исполняющих стран, а также международным стандартам по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Среди основных операторов, действующих в пространстве транзакций физических лиц, – банки (включая сетевые и международные), локальные и международные ремиттинговые компании, Почта страны и почтовые альянсы. В России большой потенциал к дальнейшему развитию имеют следующие 16 систем денежных переводов, не считая использования в этих целях Почты России – Anelik, Contart, InterExpress, Migom, MoneyGram, PrivatMoney, Ria Envia, STB-Экспресс, Travelex Worldwide Money Ltd, UNIStream, VIP Money Transfer, Western Union, Быстрая Почта, Гута Спринт, Страна Экспресс.

Помимо официальных каналов перевода денег трудовыми мигрантами своим семьям за рубежом используются неофициальные способы переправки денег – самостоятельный перевоз денег мигрантами, через неформальных операторов, в том числе через знакомых, родственников, доверенных лиц (например, заработная плата нескольких мигрантов передается одному доверенному лицу-мигранту, который возвращается на родину), работников транспорта (водителей автобусов, проводников поездов) и другие каналы. Чаще всего неофициальные переводы в России используют группы

мигрантов, объединенных по национальному признаку, например, из стран Закавказья, Средней Азии, Украины, основной сферой деятельности которых является мелкий бизнес, розничная торговля, ремонт и строительство индивидуального жилья, разные работы, не требующие специальных навыков.

Причины использования трудовыми мигрантами неофициальных каналов многообразны. Очевидно, что это связано, прежде всего, с общим слабым включением населения в сферу банковских услуг. Так, по оценкам экспертов, в России банковскими услугами, за исключением оплаты коммунальных платежей, пользуются не более 30% населения, в то время как в развитых странах – 99% населения.

При принятии решений большей частью нелегальных мигрантов об использовании неформальных схем в расчет принимается отсутствие необходимых документов для осуществления перевода. Большое значение имеет их недоверие к услугам банковского сектора из-за слабого знания банковских процедур, низкого уровня образования и плохого знания русского языка. К этому следует добавить, что во многих случаях мигранты сталкиваются с высокой комиссией, взимаемой международными системами денежных переводов.

В последние годы также как и во многих странах мира российский рынок денежных переводов демонстрирует стремительный и устойчивый рост. Согласно данных Центрального банка РФ, за последние пять лет (2007–2011 гг.) денежные переводы трудовых мигрантов из Российской Федерации возросли с 9,4 до 17,5 млрд. долларов США, или в 1,9 раза, в том числе в страны дальнего зарубежья в 2,8 раза и страны СНГ – в 1,8 раза. Только в посткризисный период (2010–2011 гг.) переводы мигрантов из России в страны ближнего и дальнего зарубежья увеличились на 37% (табл. 11.4). За первое полугодие 2012 года объем трансграничных переводов трудовыми мигрантами составил почти 8,5 млрд. долларов США.

Таблица 11.4

Денежные переводы мигрантов из России, осуществленные через системы денежных переводов с 2006 г. по 2011 г. (млн. долларов США)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Всего по странам	5189,8	9443,8	13706,6	9966,7	12834,6	17533,1
Страны дальнего зарубежья	516,2	868,4	1098,0	1047,7	1754,8	2390,4
Страны СНГ	4673,6	8575,4	12608,6	8919,0	11079,8	15142,8

Источник: данные Центробанка РФ.

Характерно, что в структуре денежных переводах трудовых мигрантов преобладают операции со странами ближнего зарубежья – в 2011 году от совокупного объема трансграничных переводов из России через системы денежных переводов 86% были направлены в страны СНГ. Этому развитию способствует значительный приток как легальных, так и нелегальных мигрантов из этих государств. Основными странами-получателями денежных переводов в коридоре «Россия – страны СНГ» являлись Узбекистан – 4,3 млрд. долларов США, или 24%, Таджикистан – 3,0 млрд. долларов США (17%), Украина – 2,4 млрд. долларов США (13%), Киргизия – 1,6 млрд. долларов США (9%) и Армения 1,3 млрд. долларов США (7%).

Кроме общего нарастающего потока денежных переводов из РФ после острой фазы мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. возрастает и величина среднего перевода за рубеж. По официальным статистическим данным, в 2011 году средняя сумма одного денежного перевода из Российской Федерации по сравнению с 2010 годом увеличилась с 521 до 530 долларов США, или на 1,6%, в страны СНГ – с 486 до 495 долларов США (на 1,9 %).

Для многих ближайших соседей предоставление рабочих мест на территории России их гражданам является мощнейшим экономическим фактором, по силе сопоставимым с размером их бюджетов или торговыми оборотами между нашими странами. Благодаря денежным переводам трудовая миграция в России стала не только

средством выживания значительной части населения большинства государств-участников СНГ, но и реальным механизмом экономической интеграции («интеграции снизу») на постсоветском пространстве. Для Российской Федерации, являющейся сегодня основным «работодателем» для миллионов трудовых мигрантов из стран Содружества, трудовая миграция является весомым внешнеполитическим рычагом.

Необходимо подчеркнуть, что Россия сегодня аккумулирует масштабные миграционные потоки из-за рубежа. Миграцию стимулирует разница в экономическом развитии стран евразийского региона, миграционные сети, сложившиеся за прошедшее десятилетие масштабных миграций, а также история стран, в недавнем прошлом составлявших единое государство.

В ближайшем будущем потребность России в привлечении как постоянных, так и временных мигрантов будет возрастать, что обусловлено, в первую очередь, демографическим спадом, необходимостью обеспечения экономического роста, а также уже сложившимся на рынке разделением труда между национальными работниками и мигрантами. Активная миграция будет важна для формирования интеграционной стратегии развития региона СНГ, преимущество которой перед иными стратегиями очевидно. Интеграция будет означать постепенное формирование безбарьерного миграционного пространства и единого рынка труда, что, в свою очередь, облегчит перемещения населения.

Масштабы привлечения необходимых человеческих ресурсов из-за рубежа на российский рынок труда в решающей степени будут зависеть от траекторий социально-экономического развития страны и проводимой в ней государственной миграционной политики. Резкое сжатие трудового потенциала выводит иммиграционную составляющую на уровень стратегического направления социально-экономической политики России.

Очевидно вместе с тем, что в периоде краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективы при оценках реальной по-

требности экономики в иностранной рабочей силе недостаточно отталкиваться только от демографических прогнозов. Важно также четко определиться с темпами экономического роста, внутренними резервами увеличения трудового потенциала, возможностями дополнительных источников рабочей силы за счет решения проблем структурной безработицы, сокращения незанятости нуждающихся в работе, изменений в неформальной занятости граждан, легализации нелегальных трудовых мигрантов, активизации переселения соотечественников, повышения внутренней (в том числе трудовой) мобильности населения.

В перспективе до 2020 года возможны следующие три основных сценария развития трудовой миграции в Россию. В условиях невысоких темпов экономического развития, реформирования системы профессионального обучения, осуществления реструктуризации занятости российского населения и предположения об ужесточения миграционной политики следует ожидать *низкий («инерционный») сценарий* привлечения и использования иностранной рабочей силы на уровне тенденций и объемов, достигнутых в посткризисном развитии к началу второго десятилетия XXI века (2,0–2,5 млн. человек в среднем за год). Низкий вариант учитывает последствия финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и исходит из сохранения в основном современной ситуации трудового обмена со странами ближнего и дальнего зарубежья. Основной поток трудовых мигрантов будет направлен в Россию с территории постсоветского пространства. В то же время вследствие инерционности миграционных процессов в сфере трудовой иммиграции можно ожидать расширение сегмента незаконной миграции и роста латентной занятости трудовых мигрантов.

При предположении ускоренного экстенсивного экономического роста и значительного увеличения потребности в импорте трудовых ресурсов для восполнения потерь трудовых ресурсов и покрытия дефицита рабочей силы возможен высокий сценарий привлечения иностранной рабочей силы, который является альтер-

нативным к «инерционному» и ориентирован на расширение каналов въезда для временных и постоянных мигрантов не только из стран постсоветского пространства, но и из государств традиционного зарубежья (в первую очередь из КНР). К 2020 г. в зависимости от тенденций развития численность иностранных трудовых мигрантов в России может достигнуть 4,5–7,0 млн. человек. Кроме того, в перспективе рост численности занятых в экономике иностранных граждан может быть связан с выходом из тени части незаконных мигрантов, численность которых, по минимальным оценкам, составляет в настоящее время от 3 до 5 млн. человек.

Средний, наиболее вероятный сценарий, получается как средняя из значений низкого и высокого вариантов обеспечения притока легальной иностранной рабочей силы. К концу текущего десятилетия численность трудовых мигрантов может достигнуть 3,0–4,0 млн. человек. Теоретически данный вариант обосновывается стратегически выверенной последовательной позицией государства о необходимости привлечения мигрантов для обеспечения устойчивого экономического развития, перспективой резкого сокращения численности населения в трудоспособном возрасте и растущим дефицитом на рынке труда. При этом предполагается, что государственная миграционная политика будет адекватна задачам по повышению миграционной привлекательности России и будут приняты меры по разработке дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, востребованной отечественной экономикой.

11.4 Незаконная трудовая миграция в России

К числу основных особенностей развития трудовой иммиграции в России является то, что пополнение внутреннего рынка труда за счет притока в страну иностранной рабочей силы сопровождается целым комплексом экономических и социальных проблем. К числу

острейших из них относится нелегальная трудовая миграция и незаконная занятость иностранных граждан. При отсутствии полноценной государственной границы и в условиях безвизового въезда на территорию Российской Федерации большей части иностранных граждан и лиц без гражданства латентная миграция превратилась в стране в устойчивое и масштабное явление.

Главными факторами, влияющими на приток в Россию нелегальных мигрантов, являются, во-первых, миграционная привлекательность страны, более прочное экономическое положение Российской Федерации, большие различия в уровне жизни в сравнении как со странами СНГ, так и с многими странами дальнего зарубежья и, во-вторых, потребность бизнеса в использовании труда незаконных мигрантов на фоне прогрессирующего дефицита кадров на внутреннем рынке труда.

Другие важные факторы связаны со слабостью миграционного законодательства, отсутствием эффективной системы иммиграционного контроля в условиях безвизового въезда большей части мигрантов, относительной «прозрачностью» отдельных участков российских границ, а также географическим положением, удобным для транзита из Азии в Европу.

Хотя изучение нелегальной миграции идет уже длительное время, у специалистов до сих пор не сложился единый понятийный аппарат для ее анализа. Четко не определено понятие нелегальной миграции и в российском законодательстве. В результате данный термин в настоящее время широко употребляется в самом различном контексте и часто под альтернативными названиями – «незаконная, неразрешенная, неурегулированная, неконтролируемая, недокументированная, незарегистрированная, подпольная, полулегальная миграция». Противоречивость, запутанность и неадекватность действующих трактовок «теневой» составляющей миграционных процессов требует прежде всего внесения ясности и уточнения ряда определений, используемых для описания этого феномена.

Для государственного регулирования миграционных процессов и противодействия нелегальной миграции важно провести разграничения между различными категориями мигрантов с незаконным статусом. Если за основу взять понятие гражданства, то нелегальных (незаконных) мигрантов можно определить как иностранных граждан, которые не выполняют условий, требований и формальностей, связанных с их пересечением государственной границы, пребыванием, транзитным проездом и трудовой деятельностью на территории Российской Федерации.

Под *нелегальным (незаконным) въездом* в Российскую Федерацию понимается проникновение на ее территорию иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляемое с нарушением действующего в России порядка, определяемого соответствующими законами, т.е.: в местах и пунктах, не предназначенных для пересечения и пропуска через Государственную границу РФ, по недействительным, поддельным (фальшивым), чужим, просроченным въездным документам или вообще без таковых.

Под *нелегальным (незаконным) пребыванием* понимается не оформленный в соответствии с действующим в Российской Федерации правилами порядок пребывания на ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства не зависимо от того, легально или нелегально они въехали в страну. Данная категория охватывает, во-первых, въехавших как беженцы, но по разным причинам не подавших соответствующего заявления (просьбы, ходатайства) о получении соответствующего статуса, или обратившихся, но не получивших статуса беженца или разрешения на временное проживание в стране; во-вторых, транзитных мигрантов, не соблюдающих правила транзитного проезда через территорию России; в-третьих, не зарегистрировавших своего пребывания в РФ в соответствии с действующими в России правилами или превысивших сроки своего законного пребывания без надлежащего их продления.

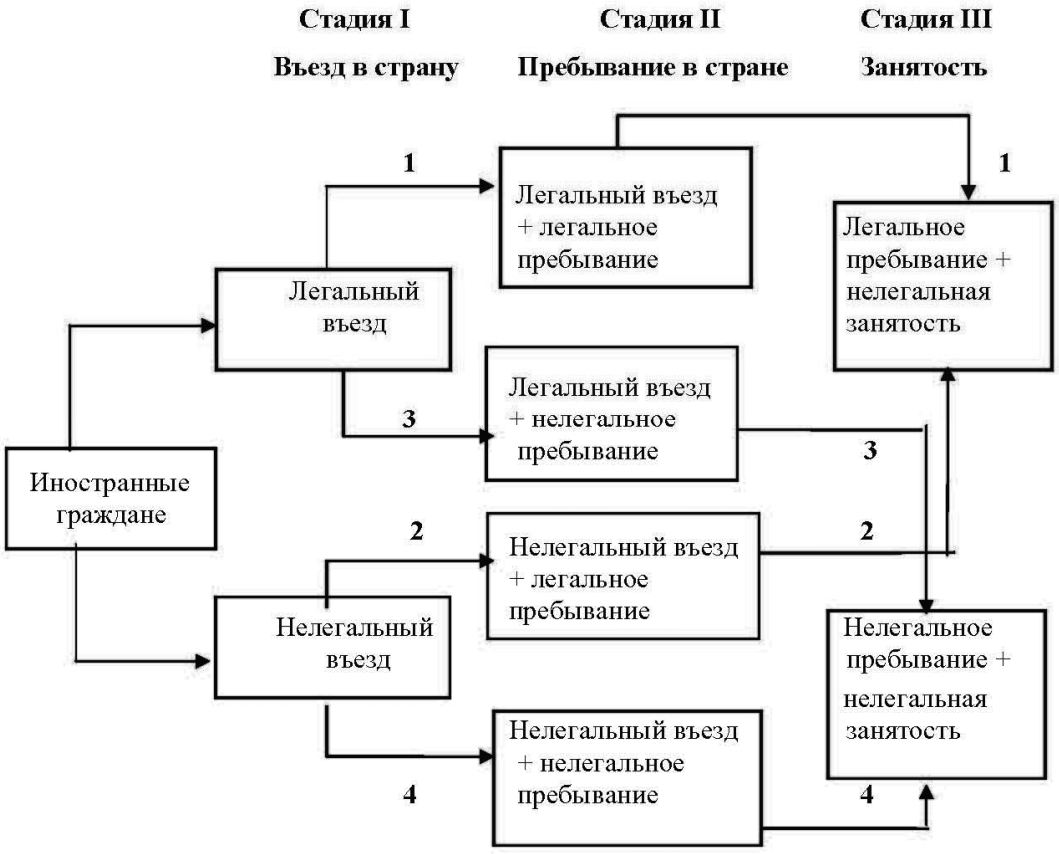
Нелегальная (незаконная) занятость иностранных граждан может рассматриваться как их трудовая деятельность, юридически

не оформленная в соответствии с действующими в Российской Федерации правилами использования труда иностранных работников. Основными формами нелегальной занятости являются: а) работа по найму без оформления надлежащих разрешений и подтверждений на право трудовой деятельности; б) трудовая деятельность, осуществляемая не в соответствии с полученным разрешением и подтверждением или по просроченным и поддельным (фиктивным) разрешениям (подтверждениям); в) занятие запрещенными законом (криминальными) видами деятельности (организация проституции, торговля оружием и людьми, распространение наркотиков, порнографии и т.п.).

На диаграмме 11.3 приведена теоретическая схема формирования нелегальной миграции, состоящая из трех стадий: въезда мигрантов в страну, пребывания на ее территории и занятости.

Диаграмма 11.3

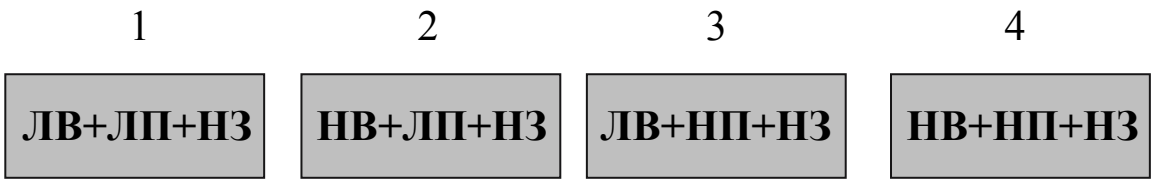
Теоретическая модель формирования нелегальной миграции и занятости иностранных граждан в России

Категория «нелегальный мигрант», таким образом, не ограничивается только лицами, незаконно въезжающими в страну, или лицами, незаконно проживающими на ее территории, или мигрантами, осуществляющими нелегальную трудовую деятельность. Нелегальный статус иностранца складывается из трех компонент, которые могут существовать в различных комбинациях, образуя 4 модели нелегальной миграции (диагр. 11.4):

Диаграмма 11.4

Модели нелегальной трудовой миграции

где:
ЛВ – легальный въезд, НВ – нелегальный въезд, ЛП – легальное пребывание, НП – нелегальное пребывание, НЗ – нелегальная занятость.

В настоящее время общие масштабы трудовой миграции в Россию многократно превышают официальную составляющую. Резкое сокращение в период кризиса квот для приема трудящихся-мигрантов и усиление ограничительных тенденций в регулировании миграции в условиях масштабных и слабо контролируемых миграционных потоков из «безвизовых» стран привело к активизации в российских регионах процессов незаконной занятости иностранной рабочей силы, менее зависящей от вводимых ограничений.

Масштабы нелегальной миграции и незаконной занятости мигрантов оценить довольно сложно. Последние несколько лет миллионы незаконных мигрантов продолжали работать в строительстве, сельском хозяйстве, оптовой и розничной торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве, оказывали услуги физическим лицам. Большинство из них сконцентрированы в неформальном секторе экономики столичных агломераций и крупных городов.

Точно сказать, сколько насчитывается сейчас в стране нелегальных мигрантов, никто не может. Как известно, большая часть нелегальной миграции развивается вне государственного учета и контроля, а потому не отражается в официальных статистических данных. Представители МВД России определяют число незарегистрированных трудовых мигрантов в России порядка 10 млн. человек (23,с.226). Разброс экспертных оценок данного явления очень велик – от 3-х до 10 млн. человек (24,с.135). Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной в 2012 году, ежегодно в стране от 3 до 5 миллионов иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения, то есть незаконно. По данным автоматизированного учета и мониторинга ФМС России, в настоящее время в Российской Федерации незаконно работают порядка 4 млн. человек из числа иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих определенного правового статуса (25,с.3).

Для оценки масштабов и динамики незаконной миграции и занятости иностранных граждан часто используют информацию о денежных переводах мигрантов к себе на родину. Характерно при этом, что в период, когда масштабы регистрируемой трудовой иммиграции в Россию под воздействием кризиса устойчиво снижались, российский рынок денежных переводов мигрантов демонстрировал стремительный и устойчивый рост.

В России основной контингент нелегальных мигрантов формируют следующие группы лиц:

- иностранные граждане, попадающие на территорию России нелегально, в обход или минуя паспортный и иммиграционный контроль, пользуясь значительной протяженностью Государственной границы на востоке страны, а также ее «прозрачностью» с республиками бывшего СССР;
- иностранцы, прибывающие в Россию легально по действительным туристическим документам, частным приглашениям, гос-

тевым и служебным визам, но с иной целью, нежели указанной при их оформлении (чаще всего – с целью занятия челночным или иным мелким бизнесом, либо незаконной экономической деятельностью, включая криминальную);

- иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в Россию в поисках убежища и не получившие статус беженца;
- транзитные мигранты с просроченными визами, въезжающие в Россию легально с конкретной целью проследовать в другие страны мира;
- иностранные граждане, обучавшиеся ранее в учебных заведениях России и после завершения учебы не пожелавшие вернуться на родину в силу различных обстоятельств;
- иностранные граждане, не прошедшие на российской территории в установленные законодательством сроки регистрацию по месту жительства или пребывания;
- иностранцы, работающие с нарушением установленных российским законодательством правил занятости.

Нелегальная миграция – это глобальный процесс, который затрагивает большинство развитых стран мира. В их числе и России, где незаконная миграция и занятость иностранных граждан ведут к целому ряду нежелательных последствий.

Бесконтрольный въезд значительного количества незаконных трудовых мигрантов негативно отражается на социально-экономическом развитии Российской Федерации, несет огромные политические и экономические риски, является важным фактором снижения управляемости и повышения непредсказуемости процессов в обществе.

Нерегулируемая миграция нерезидентов в высокоприбыльные отрасли российской экономики ведет к ощутимому выпадению финансовых средств из доходов федерального бюджета. Труд мигрантов прочно срастается с теневой экономикой, дешевая рабочая сила активно используется недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. Из-за бесконтрольности за

указанными процессами в России реально формируется «латентная» социально-общественная прослойка.

Концентрация и занятость значительного числа нелегальных мигрантов наносит ощутимый ущерб экономике страны. Применение в больших масштабах нелегальной, дешевой и бесправной иностранной рабочей силы подрывает рыночные механизмы экономики, снижает социальные стандарты занятости и темпы модернизации в целом ряде отраслей. Использование работодателями дешевой и бесправной иностранной рабочей силы ставит преграды для роста производительности труда, повышения эффективности занятости и роста оплаты труда российских граждан. В конкуренции с ними на рынке труда в обход действующему законодательству часть рабочих мест занимается нелегальными мигрантами. В отдельных отраслях экономики происходит консервация низкого уровня оплаты труда местных работников.

Масштабная незаконная иммиграция является основным источником рабочей силы для теневого сектора экономики, способствует распространению нелегитимных видов занятости, усилению напряженности на «формальном» рынке труда, росту безработицы, приводит к существенным потерям для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы, уклонения от уплаты налогов и отчислений в социальные фонды. Ни работодатели, ни сами нелегальные работники не платят налогов. По имеющимся оценкам, сумма недополученных российским бюджетом налогов из-за незаконной занятости мигрантов составляет не менее 200–250 млрд. руб. ежегодно (26,с.21).

Угрозы нелегальной миграции для национальной безопасности связаны с въездом в РФ сотен тысяч малообразованных работников из СНГ, стран Юго-Восточной Азии, Африки и других слаборазвитых стран, что усиливает давление на рынок труда низкоквалифицированной рабочей силы.

Нелегальная иммиграция препятствует развитию условий для рыночной конкуренции. Создавая неконтролируемый рынок това-

ров и услуг и искажая систему взаимоотношений между субъектами рынка и государством, нелегалы тормозят создание в стране эффективного цивилизованного рынка труда.

Сотни тысяч нелегальных мигрантов оказываются вовлеченными в незаконный бизнес, криминальную экономическую деятельность. В крупных городах нелегальные иммигранты сформировали этнические сообщества и в ряде случаев стали выполнять функцию связующего звена с локальными криминальными группировками. Незаконная миграция осложняет миграционную ситуацию, способствует развитию криминальной экономики, затрудняет борьбу с терроризмом, представляет собой серьезную угрозу в сферах экономической и общественной безопасности.

Использование труда незаконных мигрантов создает условия для развития масштабной латентной инфраструктуры, обслуживающей трудовую миграцию и сферу незаконного трудоустройства, «консервирует» теневые экономические отношения.

В столичных и крупных городах в результате масштабной незаконной миграции и высокого уровня заболеваемости мигрантов инфекционными заболеваниями (СПИД, туберкулез, сифилис, гепатит и др.) возрастают риски осложнения санитарно-эпидемиологической обстановки.

Незаконная иммиграция приводит к избыточной концентрации мигрантов, ускоренному формированию в них национальных диаспор из зарубежных стран и нарушению сложившегося этнодемографического баланса в ряде территорий страны. Оказывая дестабилизирующее воздействие на межэтнические отношения, незаконная миграция является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части населения Российской Федерации, усиления антимигрантских настроений и возникновения на этой почве конфликтных ситуаций. Неурегулированность правового статуса большого количества мигрантов и их нарастающая изоляция от принимающего социума ведет к усилению мигрантофобии среди местного населения и создает условия к росту социальной напряженности в российском обществе.

Наконец, важно и то, что большой приток нелегалов в Россию формирует негативный социальный фон, который препятствует пониманию позитивной роли миграции в социально-экономическом развитии страны.

11.5. Проблемы регулирования трудовой миграции

Среди ключевых тем трудовой миграции в Российской Федерации все большое внимание привлекает круг вопросов управления процессами привлечения и использования иностранной рабочей силы. Регулирование трудовой иммиграции является одной из главных составляющих проводимой в РФ миграционной политики.

Важные проблемы в этой сфере связаны, прежде всего, с вопросами определения перспективной потребности в трудовых мигрантах, привлекаемых в национальную экономику из других стран. Очевидно, что при оценках и прогнозах реальной потребности в трудовых мигрантах недостаточно отталкиваться только от демографических проектировок численности населения в трудоспособном возрасте. Необходимо четко определиться на перспективу с внутренними резервами увеличения российского трудового потенциала и возможностями дополнительных источников увеличения рабочей силы за счет решения проблем структурной безработицы, сокращения незанятости нуждающихся в работе, изменений в неформальной занятости граждан, повышения внутренней (в том числе трудовой) мобильности населения.

Особого внимания заслуживают те проблемные аспекты трудовой миграции, которые связаны с ее квотированием. Действующая на территории РФ система квотирования несовершенна, не позволяет достоверно оценить потребность в иностранной рабочей силе в субъектах Российской Федерации, не учитывает реальную потребность в трудовых мигрантах в профессионально-квалификационном разрезе, предполагает излишне длительные сроки рассмотрения заявок рабо-

тодателей на привлечение иностранных работников и ограниченный период их обращения по корректировке установленных квот. В стране не разработана система социальной защищенности большинства иностранных работников, временно пребывающих на российской территории.

Принятая практика квотирования совершенно не отражает истинный спрос национальной экономики на иностранную рабочую силу. При установлении квот учитывается информация только о трети потребности рынка труда в трудовых мигрантах. Квоты часто не под силу пройти мелким предприятиям, а потребности микро-предприятий, нанимающих одного–двух работников, вообще не отражаются в квотах.

Действующий механизм квотирования позволяет работодателю самостоятельно подбирать трудовых мигрантов из числа иностранных граждан, въехавших в безвизовом порядке, не требует от работодателя обоснования целесообразности привлечения этой категории работников и участия в квотной компании. Данный порядок не может не вести к девальвации всей работы по определению потребности в привлечении и использовании трудовых мигрантов из-за рубежа как в регионах, так и на федеральном уровне. В связи с тем, что существующий механизм не обеспечивает привлечение иностранной рабочей силы работодателями, участвующими в квотной кампании, система квотирования не гарантирует использование этой категории работников на рабочие места в соответствии с заявленной ими потребностью. Выстраиваемые барьеры в виде квот не могут ограничить миграцию из стран, с которыми у России установлен безвизовый режим, что приводит к массовой нелегальной миграции и латентной занятости иностранных граждан.

К важным проблемным аспектам регулирования трудовой иммиграции в Россию относится противодействие большим масштабам незаконной миграции. Из-за многомиллионного количества нелегалов наше государство несет огромные финансовые потери, исчисляемые сотнями миллиардов рублей. При этом необходимо

учитывать, что значительная часть легальных трудовых мигрантов (имеющих все необходимые разрешения) и практически все нелегальные мигранты заняты в теневом секторе экономики. Теневая занятость провоцирует понижающее влияние мигрантов на уровень оплаты труда в отраслях их преимущественной занятости, которое при «белых» схемах найма нивелируется. Распространенные в теневой экономике практики создания рабочих мест с искусственно заниженной ставкой зарплаты «отсекают» местных работников, которые могли бы претендовать на эту работу, если бы она справедливо оплачивалась.

Следует при этом иметь в виду, что даже наличие разрешения на работу не гарантирует мигрантам законности их трудовых отношений с работодателями. В соответствии с действующим законодательством наличие официальной работы у мигранта должно отслеживаться властями с помощью уведомления, которое работодатель при трудоустройстве мигранта обязан послать в территориальный орган ФМС России, службу занятости и налоговую службу. Однако на практике это требование законодательства не соблюдается. До 40% случаев по выданным разрешениям на работу уведомления не отправляются.

Об отсутствии должной проработанности механизмов регулирования трудовой миграции свидетельствуют и принятые нововведения в миграционной политике, связанные с патентами. Предполагалось, что работа по патентам должна была сократить количество нелегалов на несколько миллионов человек. Однако попытки регулирования занятости мигрантов у частных лиц по патентам значительного эффекта не дали. При всей своей позитивности патентная система не стала привлекательной для основной массы незаконных трудовых мигрантов. Для большинства из них получение патента является экономически невыгодным мероприятием. Выданное количество патентов совершенно не соответствует как официальным прогнозам, так и числу мигрантов, которые реально существуют и работают в частном секторе экономики.

Вывести мигрантов с помощью патентов из теневого сектора и взять ситуацию с трудовой миграцией под контроль полностью не удалось, так как большинство мигрантов не оплачивает патент и продолжает работать незаконно на физических лиц. Введение платных патентов не усилило контроль властей за миграционными потоками. По мнению опрошенных нами экспертов, трудовые мигранты, работающие по патентам, фактически ушли из поля зрения ФМС России и ее территориальных органов. Контроль за пребыванием, занятостью и здоровьем «патентованных мигрантов» фактически отсутствует. Проверки по квартирам, домам и дачам не могут быть организованы также эффективно, как рейды по рынкам и стройкам.

Необходимо также учитывать возросшие риски пополнения региональных рынков труда группами мигрантов особого риска – носителей опасных заболеваний, лиц с криминальным прошлым, занятых распространением наркотиков.

Трудно признать существенными и результаты по привлечению высококвалифицированных специалистов. Наибольшая доля от общего количества высококвалифицированных иностранных работников приходится на Москву, Санкт-Петербург, Ленинградскую и Московскую области. На долю всех остальных субъектов РФ приходится малая часть от общей численности высококвалифицированных иностранных работников, привлекаемых к трудовой деятельности на российской территории. Процесс привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов не стал массовым. Количество иностранных граждан, привлеченных на работу в Российскую Федерацию в качестве высококвалифицированных специалистов, настолько мало, что не может оказать влияния на рынок труда. Заметный миграционный поток высококвалифицированных специалистов пойдет в российские регионы еще не скоро. Установленный для них размер оплаты труда слишком велик для большинства российских предприятий и организаций, в частности для предприятий малого и среднего бизнеса. Даже при

своей значительной отраслевой, региональной и внутрифирменной дифференциации средний уровень оплаты труда в регионах не сравним с размером заработной платы, который установлена для трудоустройства таких иностранных граждан.

Для реализации положительного потенциала, заложенного в трудовой иммиграции, решения экономических задач инновационного развития и смягчения дисбалансов на региональных рынках труда необходимо усиление регулирующей роли государства в этом процессе. В целях достижения разумного баланса между максимизацией выгоды от трудовой миграции и минимизацией негативных последствий от притока нерезидентов в России должна быть сформирована более эффективная организационно-правовая модель привлечения и использования иностранной рабочей силы. При этом должен быть использован комплексный подход, который будет учитывать как демографическую обстановку и интересы экономического развития, так и политическую ситуацию.

В целях компенсации складывающегося в перспективе дефицита рабочей силы целесообразно, прежде всего, вернуться к практике прогнозных балансовых разработок в сфере труда, от которых «всецело зависит определение количества и качества трудовых мигрантов» (27,с.13). Необходимо внедрить в практику разработку прогнозов баланса трудовых ресурсов по субъектам Российской Федерации в разрезе видов экономической деятельности с учетом изменения демографической ситуации и структуры профессионального образования, а также возможностей привлечения и использования иностранной рабочей силы. Необходимо обеспечить большую скоординированность функционирования системы образования с динамикой спроса экономики на рабочую силу.

В условиях перехода экономики на инновационный путь развития крайне актуальной становится разработка процедур, которые поощряют въезд в Россию нужных для страны мигрантов и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех, в ком нет нужды. Важно в этой связи обеспечить дифференцированный подход

к привлечению иностранных работников в зависимости от профессии (специальности), квалификации. На передний план должны выйти мероприятия, способствующие диверсификации миграционных потоков и приданию им различного статуса.

Большое практическое значение имело бы также введение трудовых виз для тех иностранных граждан из стран СНГ, которые не являются участниками формирования единого миграционного пространства и общего рынка труда в рамках создаваемого Евразийского экономического союза (ЕЭС) и без получения которых мигранты не должны иметь возможности работать в России. Одновременно целесообразно предпринять конкретные меры по переходу к программам организованного приема востребованных экономикой трудовых мигрантов из-за рубежа, включая создание информационных и медицинских центров в странах, с которыми установлен безвизовый порядок въезда-выезда.

С учетом стратегических задач стабилизации и роста демографического потенциала, а также обеспечения экономики страны трудовыми ресурсами должен быть предпринят целый ряд мероприятий, касающихся стимулирования миграции в РФ молодежи, имеющей особо востребованные на отечественном рынке труда профессии и специальности, включая обеспечение преференций в получении вида на жительство выпускникам российских образовательных учреждений профессионального образования из числа иностранных граждан.

В политике по приему иностранной рабочей силы должен быть предприняты усилия, направленные на разработку и принятие законодательства, регулирующего условия и стимулы для расширения миграции в Российскую Федерацию предпринимателей и инвесторов. Важно упрощать процедуры привлечения квалифицированных трудящихся-мигрантов по профессиям, востребованным на рынке труда, и устанавливать более жесткие административные и экономические барьеры на пути найма на работу временных трудовых мигрантов для выполнения малоквалифицированных и неквалифи-

цированных работ, вводя дополнительные требования к работодателям, повышающим для них стоимость привлечения услуг таких категорий иностранных работников.

Своего совершенствования требует существующий механизм квотирования иностранной рабочей силы. В рамках работ по формированию заявок работодателей о потребности в иностранных работниках и определению квоты на привлечение иностранной рабочей необходимо заметно ускорить эти процедуры и активизировать усилия по согласованию спроса на рабочую силу и ее предложения. Квоты на трудоустройство иностранных граждан должны выдаваться только по тем профессиям (специальностям, должностям), на которые поступили заявки от работодателей, и именно к этим работодателям на указанные рабочие места могут устраиваться на работу трудящиеся-мигранты. Важнейшим составным элементом решения этой общей задачи является предоставление права субъектам РФ самим оперативно корректировать квоты на привлечение трудовых мигрантов. В целях более эффективного регулирования рынка труда иностранных работников и более оперативного определения вакантных рабочих мест, которые не могут быть заняты российскими гражданами, целесообразно передать функции выдачи разрешений мигрантам на трудовую деятельность из миграционной службы в службы занятости.

В условиях перехода экономики на инновационный путь развития качество трудовых мигрантов является определяющим фактором, обеспечивающим успех миграционной политики. В целях ограничения притока в российскую экономику низкоквалифицированных работников необходимо увеличить плату работодателей в бюджет за выдачу разрешений на привлечение и использование иностранной рабочей силы с более низкой квалификацией или без квалификации.

Одновременно для привлечения в российскую экономику квалифицированных трудовых мигрантов с учетом изменяющихся потребностей рынка труда и решения задач модернизации экономики

целесообразно пересмотреть перечень профессий (специальностей, должностей), на которые не распространяются квоты на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации. Вместе с тем, необходимо скорректировать разрабатываемую в настоящее время в России балльную систему оценок отбора мигрантов для получения ими вида на жительство в направлении привлечения и использования в национальной экономике высококвалифицированных специалистов и квалифицированных работников по примеру Канадской системы отбора иммигрантов.

В области совершенствования патентной системы целесообразно внести изменения в миграционное законодательство, предусматривающие а) осуществлять первоначальное оформление патента и продление срока его действия на срок не менее трех месяцев с обязательным обращением иностранного гражданина в миграционную службу; б) исключить возможность повторного получения патента без выезда за пределы территории РФ; в) расширить перечень оснований для отказа иностранному гражданину в выдаче патента и его аннулирования (наличие судимости за совершение тяжких и особо тяжких преступлений и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих); г) включить в перечень документов, предоставляемых иностранным гражданином вместе с заявлением о выдаче патента, наличие медицинской страховки, а также документы, подтверждающие отсутствие у него заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

В сфере миграционной политики пристальное внимание должно быть уделено дальнейшему наращиванию усилий по защите отечественного рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы. Борьба со спросом российских работодателей на дешевый труд незаконных мигрантов – трудная задача, которую вряд ли можно решить только мерами миграционной политики. Латентная занятость мигрантов составляет только неболь-

шую часть проблемы теневой экономики. Как показывает практика, высокие штрафы за нелегальных мигрантов, скорее повышают «цену вопроса», чем противодействуют этому явлению. Следовательно, нужны активные меры экономического воздействия на работодателей, повышающие их заинтересованность в использовании отечественной рабочей силы и снижающие мотивацию в незаконном привлечении трудовых мигрантов. Поскольку нелегальная миграция тесно связана с функционированием теневого сектора экономики, политика в области регулирования незаконной миграции должна быть более тесно увязана с политикой в области противодействия теневой экономике. От принятия своевременных мер по противодействию незаконной миграции и занятости иностранных граждан во многом зависит позитивное влияние трудовой миграции на решение экономических задач и обеспечение безопасности страны. Эта система мер должна минимизировать негативные последствия латентной иммиграции и максимизировать экономические выгоды от использования иностранных работников для устойчивого развития российской экономики.

Вместе с тем, особое внимание должно быть обращено на решение задач содействия адаптации, интеграции и реинтеграции долгосрочных мигрантов. Политика по приему, интеграции и натурализации этой категории мигрантов должна включать экономическую, социальную, политическую и культурную составляющие. Неотъемлемой частью такой политики должны стать меры по развитию взаимной толерантности между мигрантами и местным населением.

Для последовательного и эффективного решения проблем регулирования трудовой миграции необходимо существенное улучшение информационного обеспечения в этой области. Большое практическое значение имело бы развитие системы статистического наблюдения за трудовыми мигрантами, введение внятной статистики данной категории иностранных граждан, внедрение в статистическую практику системы обследований в сфере внутренней и

международной миграции населения, а также расширение круга разрабатываемых показателей по вопросам трудовой мобильности населения.

Источники

1. Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. Международная организация по миграции. М., 1994.
2. Билсборроу Р.Е., Хьюго Г., Обераи А.С., Злотник Х.. Статистика международной миграции. Международное бюро труда. Женева, 1999.
3. Демографический понятийный словарь. Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003.
4. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999.
5. Globalization, international labour migration and rights of migrant workers. ILO. Geneva, 2006.
6. Патрик А. Таран. Международная организация труда: ответ на миграционные вызовы глобализации – в политике, основанной на правах человека/Международная миграция населения: вызовы глобализации. Гл. ред. серии В.А. Ионцев.- М.: ТЕИС, 2011.
7. International Organization for Migration. http://www.iom.int/cms/en/sites/iom/home/what-we-do/labour-migration.html.
8. Воробьева О.Д. Миграция и рынок труда. Серия специальных докладов. Фонд Новая Евразия. www.baromig.ru.
9. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2013 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm.
10. Федеральная служба государственной статистики.
http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi.;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm.
11. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2013 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm.
12. Итоги деятельности ФМС России в 2011 г.//Сб. материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы. Под общ. ред. директора ФМС России К.О.Ромодановского – М.: ФМС России, 2012.
13. Федеральная служба государственной статистики Социально-экономическое положение России – 2010 год, 2013 год. http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-2.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm.
14. Ивахнюк И.В. Перспективы миграционной политики России: выбор верного пути. – М.: МАКС Пресс, 2011.
15. Итоги деятельности ФМС России в 2011 г.//Сб. материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы. Под общ.

ред. директора ФМС России К.О.Ромодановского – М.: ФМС России, 2012, Топилин А.В., Парфенцева О.А. Миграция и рынок труда в условиях кризиса. – М.: МАКС Пресс, 2009.

16. Россия в цифрах – 2012 г. Федеральная служба государственной статистики. М., 2012 //http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/Main.htm.

17. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2013 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.htm.

18. Федеральная служба государственной статистики. Статистическое обозрение – 2011 г.

19. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2013 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/Main.htm.

20. Красинец Е.С. Проблемы трудовой миграции и миграционная политика России//Народонаселение, № 2 (56) – 2012.

21. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях//Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской / Цент миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: ИТ «АдамантЪ». – 2009.

22. Рязанцев С.В. Трансформация миграционных процессов и построение миграционной политики//Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 году: анализ и прогноз. – М.,: ИСПИ РАН, 2011, с. 274.

23. Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции: Сб. науч. тр./Под общ. Ред. К.О. Ромодановского, Е.Ю. Егоровой, В.А. Лянного. – М.: ФМС России, 2012.

24. Поставнин В.А., Власова Н.И., Матвеева И.Г. Сценарии развития миграционной политики в России. Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. Фонд Новая Евразия. www.baromig.ru. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007.

25. Итоги деятельности ФМС России в 2011 г.//Сб. материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы. Под общ. ред. директора ФМС России К.О.Ромодановского – М.: ФМС России, 2012.

26. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Международная организация по миграции (МОМ), М., 2009.

27. Рыбаковский Л.Л. Так нужны или не нужны России мигранты? //Миграция XXI век. – №2 (сентябрь 2010).

Глава 12

СТРАНЫ – ОСНОВНЫЕ ДОНОРЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЮ

12.1. Основные страны происхождения и трудоустройства трудовых мигрантов в России

Сейчас временная трудовая миграция представляет собой самый значительный миграционный поток в Российской Федерации. Российский рынок труда остается привлекательным для трудоспособного населения из стран СНГ. Несмотря на распад СССР, который произошел двадцать лет назад, Россия продолжает сохранять довольно устойчивые связи со многими соседями. Объективными предпосылками формирования прочных миграционных связей в этом регионе остаются общность менталитета, культуры, языка, открытость границ, а также емкость российского рынка труда. Трудовая миграция в России характеризуется довольно высокими параметрами. В июле 2010 г. российские власти фактически легализовали правовое положение иностранцев, которые работали у частных лиц, введя патенты – специальные разрешения на работу иностранцам из безвизовых стран, работающих в частном секторе. По официальным данным ФМС во второй половине 2010 г. патенты получили более 950 тыс. человек. По заявлению заместителя директора ФМС Е.Ю. Егоровой с середины 2010 г. к сентябрю 2012 г. в России патенты получили около 2 млн. иностранных работников. Официальная доля иностранных трудовых мигрантов среди населения занятого на российском рынке

труда оставалась относительно небольшой – всего 3–5%. Однако в некоторых отраслях эта доля была более заметной (например, в строительстве она достигла почти 19%). Согласно экспертным оценкам, с учетом официально неоформленных работников эта доля может доходить до 50–60% в некоторых отраслях экономики.

Между официальными данными и реальными масштабами трудовой миграции в России существует значительный разрыв. Количество незарегистрированных трудовых мигрантов отличается от численности зарегистрированных в несколько раз, хотя оценки первых весьма приблизительны. Например, представители МВД России определяют число незарегистрированных трудовых мигрантов в России приблизительно 10 млн. человек, а некоторыми политиками озвучивалась цифра 15 млн. мигрантов. Однако, данные цифры вызывают сомнение, поскольку они не основаны на результатах серьезных научных исследований.

Более или менее приближенными к реальности можно считать сведения, полученные в ходе переписи населения 2002 г. В результате в России было обнаружено около 2 млн. человек, которые не были учтены ранее. Перепись 2010 г. «увеличила» население страны на 1 млн. человек. Можно предполагать, что это получилось из-за наличия временных трудовых мигрантов. Наши расчеты, основанные на оценке численности основных категорий незарегистрированных трудовых мигрантов в России, показывают, что в стране их может быть около 5 млн. человек. Большинство из них – граждане стран СНГ, которые имеют полное право приехать в Россию без визы, но затем не получают регистрацию по месту пребывания или разрешение на работу. Многие из них живут в России на протяжении нескольких лет или периодически возвращаются домой.

В настоящее время иностранная рабочая сила привлекается в Россию более чем из 120 стран. Крупнейшими поставщиками иностранных рабочих в 2010 г. были три страны Центральной Азии: Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Происходит заметное пополнение численности рабочих из стран СНГ, в т.ч. из Украины,

Молдовы, Армении и Азербайджана. В списке стран-экспортеров рабочей силы в Россию весьма весомы позиции Китая, Турции, Вьетнама и КНДР. После упрощения процедуры регистрации и получения разрешения на работу в России для граждан стран СНГ с января 2007 г., их доля в общем числе иностранных работников выросла и составила около трех четвертей. А после введения патентов для мигрантов из безвизовых стран, занятых в частном секторе, их доля занятых в частном секторе превысила 85%.

В половозрастной структуре иностранных работников в России преобладают мужчины (около 90%), причем подавляющая их часть в возрасте от 18 до 39 лет (около 80% всех мужчин-мигрантов). Подобная половозрастная структура иностранных трудовых мигрантов объясняется тем, что на российском рынке труда из числа иностранных трудовых мигрантов востребованы, прежде всего, рабочие низкой квалификации в строительстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, транспорте. В последние годы происходит тенденция «омоложения» потока трудовых мигрантов в Россию, начиная с 2007 г. возрастная группа от 18 до 29 лет стала преобладать над группой от 30 до 39 лет. На самых молодых приходилось в 2008 г. около 37% общего потока иностранных трудовых мигрантов в России. Это свидетельствует о том, что в странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются новые социальные группы – молодежь, получившая среднее и высшее образование. Квалификационный состав трудовых мигрантов оценить достаточно сложно, поскольку многие из них работают не по своей специальности и ФМС России данные сведения не собирает.

Иностранные трудовые мигранты по территории России распределяются неравномерно. Безоговорочным лидером, первым центром притяжения является Центральный федеральный округ, в котором работает около 43% официально оформленных иностранных работников. Внутри региона абсолютным лидером является Москва, которая концентрирует около трети всех трудовых мигрантов в стране и Московская область (около 6% иностранных работников).

Московский регион обладает диверсифицированным и очень емким рынком труда, который активно привлекает временных трудовых мигрантов из различных регионов России, стран СНГ и государств дальнего зарубежья.

Второй центр притяжения иностранной рабочей силы в Российской Федерации – Уральский федеральный округ. Здесь работает каждый шестой трудовой мигрант. Столь высокая позиция региона в российском рейтинге объясняется особой привлекательностью нефтяных территорий Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, которые занимают второе и третье места в стране по численности иностранных рабочих-мигрантов. Здесь трудовые мигранты работают в нефтедобывающей промышленности и строительстве. Третий по привлекательности – Дальневосточный федеральный округ, который притягивает 10% иностранных работников. В нем преобладает рабочая сила из Китая, КНДР и Вьетнама. В основном мигранты востребованы в Приморском крае, Хабаровском крае и Амурской области, где они заняты в строительстве, сельском хозяйстве, лесной промышленности.

Можно выделить пять типов территорий России по особенностям отраслевой концентрации иностранных работников. Первый тип – территории с преобладанием рабочих-мигрантов в строительстве: Смоленская, Ярославская, Ростовская, Самарская области, Краснодарский край и др. К этому типу регионов можно отнести Москву и Московскую область, хотя здесь структура занятости иностранной рабочей силы отличается большим разнообразием. В данную группу вошли достаточно динамично развивающиеся регионы, в которых строительная отрасль переживала «бум». Экономическое развитие данных регионов требовало трудовых ресурсов, что стимулировало приток иностранной рабочей силы. Второй тип – регионы с концентрацией иностранных рабочих в сфере транспорта. К ним можно отнести Калининградскую и Калужскую области. Хотя во многих других регионах России рабочие-мигранты также трудятся в качестве водителей маршрутных такси, городских автобу-

сов, троллейбусов и т.п. Наем иностранных работников в транспортную отрасль вызывает в последние годы в России много споров. С 1 января 2010 г. Правительство Москвы запретило мигрантам работать водителями маршруток. Правда, новшество распространяется не на всех водителей, а лишь на коммерческих перевозчиков. В госкомпаниях иностранцы работать смогут. Столичные власти аргументируют свою позицию заботой о безопасности пассажиров. Будучи губернатором Санкт-Петербурга, В.И. Матвиенко высказывалась за необходимость дополнительного обучения водителей-мигрантов, поскольку они не имеют достаточных навыков вождения в крупных городах с интенсивным движением.

Третий тип – регионы с концентрацией рабочих-мигрантов в промышленности и на транспорте. К их числу относится: большинство регионов Центральной России, Северо-Запада, Новосибирская область, Забайкальский край. Четвертый тип – территории с преимущественной занятостью рабочих-мигрантов в торговле и сфере обслуживания: Брянская, Орловская, Саратовская, Пензенская области, Ставропольский край, регионы Урала, Алтайский и Приморский края. Здесь иностранные мигранты задействованы в торговле, ресторанном бизнесе, сфере бытового обслуживания. Наконец, пятый тип – регионы с концентрацией мигрантов в сельском и лесном хозяйстве – Карелия, Калмыкия, Новгородская, Волгоградская, Астраханская, Кировская, Омская, Амурская, области, Красноярский и Хабаровский края. Рабочие-мигранты привлекаются для сельскохозяйственных работ в коллективные и частные хозяйства, сами являются арендаторами земли и выращивают сельскохозяйственную продукцию, заняты на лесозаготовках, сборе продуктов леса.

12.2. Трудовые мигранты из стран Центральной Азии

Миграция из стран Центральной Азии обусловлена действием комплекса следующими факторами.

Культурно-исторический фактор. Можно утверждать, что данный фактор является одним из основных в формировании миграционных потоков на постсоветском пространстве. Евразийская миграционная система практически сформировалась в рамках бывшего Советского Союза. Основной для ее образования стали социально-экономические связи между людьми и странами, формировавшиеся на протяжении семидесяти лет существования СССР. А также распространение русского языка, как основного средства общения между людьми, в пределах всего бывшего Советского Союза. Очевидно, что при выборе направления миграции за границу жители стран Центральной Азии руководствуются тем, что знание русского языка и понимание менталитета населения существенно повышает их шансы на трудоустройство именно в России – стране близкой не только географическом, но и культурном отношении.

Инфраструктурно-географический фактор. Удобство географического положения России для стран Центральной Азии также очевидно. Государства Центральной Азии, несмотря на свое географическое расположение в «сердце» Евразии, в транспортном отношении значительно плотнее связаны с Казахстаном и через него с Россией, чем с Китаем, Афганистаном, Ближним Востоком и другими регионами. На территорию России из Центральной Азии можно добираться различными видами транспорта: железнодорожным, автомобильным, морским, авиационным. В последние годы получила широкое развитие воздушные перевозки, сравнительно недорого теперь стоят билеты на перелеты в крупнейшие города России. В итоге, транспортный фактор стал существенно стимулировать миграцию населения.

Политический фактор. С одной стороны, наличие относительно нормальных политических отношений у стран Центральной Азии с Россией, а также безвизового режима перемещения предопределяет значительные масштабы миграционных потоков. В настоящее время в Российскую Федерацию без визы могут въехать граждане Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и ряда других стран (из стран Центральной Азии исключение составляет только Туркмения). Конечно, периодически политические отношения обостряются, что отчасти затрагивает положение, прежде всего, временных трудовых мигрантов. Например, в 2011 г. после задержания российских летчиков в Таджикистане, из России были депортированы несколько сотен таджикских трудовых мигрантов, которые находились в крупных российских городах без регистрации или разрешения на работу. Периодически в российском политическом пространстве начинает подниматься вопрос о введении визового режима с Таджикистаном и другими странами Центральной Азии. Однако, пока между странами не происходит открытых конфликтов на политическом уровне, сохраняется безвизовый режим и относительная свобода перемещения для населения.

С другой стороны, в странах исхода действует группа политических факторов, предопределяющих эмиграцию в Россию некоторых групп населения. Прежде всего, это выезд русского и русскоязычного населения, которые не смогли адаптироваться в странах Центральной Азии. Причиной тому стали сокращение сферы использования русского языка, невозможность продвижения по карьерной лестнице, национализм, угрозы безопасности. Во многих странах Центральной Азии до сих пор периодически происходят этнические конфликты, человек может преследоваться за несогласие с курсом власти, политические убеждения, сексуальную ориентацию, это провоцируют часть населения Центральной Азии к эмиграции по политическим мотивам. Последняя волна политических потрясений в ряде стран СНГ (переворот в Кыргызстане, «оранжевая революция» в Украине, «революция роз» в Грузии, события в Узбеки-

стане) увеличила количество желающих уехать из этих стран в Россию, прежде всего из числа этнических русских.

Экономический фактор. С одной стороны, в странах Центральной Азии главными экономическими предпосылками стимулирующими выезд значительного количества трудоспособного населения являются типичные «выталкивающие» факторы: стагнация производства, достаточно низкий уровень заработной платы, широкое распространение бедности, высокий уровень безработицы, отсутствие рабочих мест. С другой стороны, в России, как принимающей стране, действуют «притягивающие» экономические факторы: диверсифицированные рынки труда дают возможность трудоустроиться в разных отраслях экономики и регионах, получать более высокую заработную плату. В этой ситуации между странами Центральной Азии с одной стороны, и Россией с другой стороны, сложилась типичная миграционная модель, основанная на факторах «притяжения» и «выталкивания». Данную ситуацию наглядно иллюстрирует таблица 12.1.

Таблица 12.1.

Показатели уровня жизни населения в некоторых странах СНГ (7, с. 384, 411)

Страна	Уровень безработицы по данным обследований рабочей силы в 2009 г., % экономически активного населения	Среднемесячная заработная плата в 2010 г., долларов США
Казахстан	6,6	525,7
Кыргызстан	8,4	155,4
Россия	8,4	689,4
Таджикистан	11,5	81,0
Узбекистан	…	52,2 (2004 г.)

Проблема безработицы касается, прежде всего, населения в сельской местности. Понятно, что здесь, даже потеряв работу, люди могут обеспечить себя благодаря земле и подсобному хозяйству в натуральной экономике. Обычно на уровень регистрируемой безработицы в сельской местности может существенно влиять терри-

ториальная удаленность и транспортная доступность сельского населенного пункта. Многие безработные из сел просто не могут зарегистрироваться в качестве безработных из-за отсутствия возможностей поехать в районный центр, в службу занятости (11, с. 93). Отсутствие работы в месте постоянного проживания подталкивает человека искать ее сначала в ближайшем окружении (районном центре, областном городе, столице), а в отсутствии ее в пределах транспортной доступности – в другой стране.

Социальный фактор. Данный фактор стал основным в принятии решения о необходимости миграции. Во многих населенных пунктах стран Центральной Азии в массовом сознании сформировались стереотипы поведения, ориентированные на трудовую миграцию в России как стратегию жизненного успеха. Значительная часть молодых людей, окончив школу, предпочитают поехать на работу в Россию, предпочитая эту стратегию обучению в вузе, рассматривая миграцию как более успешную стратегию поведения. Причиной стали примеры успешности многих родственников, соседей и знакомых, которые работали за границей и смогли купить дом, машину, необходимые вещи и прочее. Интересно, что в последние годы существенно расширился социальный базис трудовой миграции из Центральной Азии за счет сельских жителей. Теперь они все более активно вовлечены в процесс трудовой эмиграции. На направление миграции оказывает существенное влияние «миграционные сети», созданные на основе социальных контактов, родственных и социальных связей. Как показывают различные исследования, большинство трудовых мигрантов из Центральной Азии в России сейчас устраиваются на работу через именно социальные сети и частных посредников. При этом роль государственных структур и частных агентств занятости в трудоустройстве мигрантов в России остается крайне низкой.

Роль миграции из Центральной Азии в Россию очень значительна. В настоящее время на долю иммигрантов из этого региона приходится более 40% общего миграционного прироста России по

миграции на постоянное место жительства. По-прежнему происходит приток русского населения, но интенсивно растет доля представителей титульных народов стран Центральной Азии (таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен). Например, в миграционном обмене между Россией и Таджикистаном в 2000-е гг. каждый третий мигрант, прибывший и осевший в России, был представителем титульных национальностей стран Центральной Азии, в обмене с Киргизстаном – таким был каждый десятый, а с Узбекистаном – каждый восемнадцатый. Также, в российских вузах обучается примерно 30 тыс. студентов из стран Центральной Азии. Многие студенты выходят на рынок труда, фактически представляя собой переходную группу между учебными и трудовыми мигрантами. Основной поток миграции из Центральной Азии составляют трудовые мигранты. В 2010 г. в России работали только официально более 1,5 млн. временных трудовых мигрантов из Центральной Азии, что составляло 60% всей численности иностранной рабочей силы. С учетом зарубежной статистики можно дать следующие обобщающие оценки численности трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, работавших за пределами своих стран (табл. 12.2) (12, с. 298).

Таблица 12.2.

Оценка численности трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, работающих за пределами своих государств в 2010 г.

Страна выезда мигрантов	Оценка численности, тыс. человек	Основные страны трудоустройства трудовых мигрантов	Численность экономически активного населения в 2008 г., тыс. человек (7, с. 367)	Доля трудовых мигрантов среди экономически активного населения страны, %
Казахстан	350–500	Россия, Украина, Израиль, Германия, США, Канада	8.611	4,1–5,8
Кыргызстан	320–700	Россия, Казахстан, Украина, Израиль, Германия, Турция США	2.448	13,1–28,6

Окончание таблицы 12.2.

Страна выезда мигрантов	**Оценка численности, тыс. человек**	**Основные страны трудоустройства трудовых мигрантов**	**Численность экономически активного населения в 2008 г., тыс. человек (7, с. 367)**	**Доля трудовых мигрантов среди экономически активного населения страны, %**
Таджикистан	600–1.000	Россия, Казахстан, Узбекистан, Украина, Израиль, Кыргызстан, США	2.276	26,4–43,9
Туркменистан	200–300	Россия, Украина, Казахстан, Азербайджан, Турция, Иран	1.892 (1995 г.)	10,6–15,9
Узбекистан	1.200–1.500	Россия, Украина, Казахстан, США, Южная Корея, страны Ближнего Востока	11.645	10,3–12,9
Всего	2.670–4.000		26.872	9,9–14,9

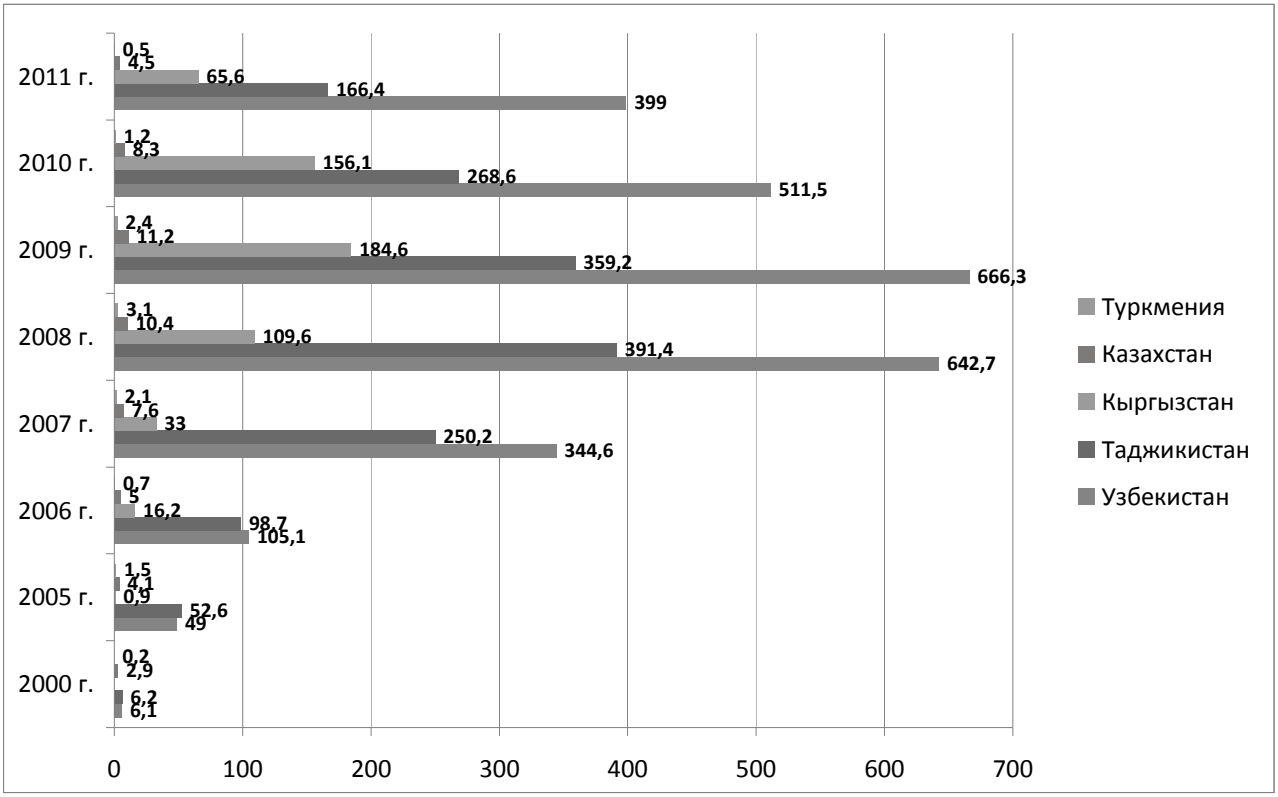

Рис. 12.1. *Численность граждан стран Центральной Азии, работавших в России в 2000–2011 гг., тыс. человек (21, с. 28; 26, с. С. 302)*

Исследования показывают, что миграционная активность населения в странах Центральной Азии в 2000-е гг. существенно возросла. В миграционные потоки включились все новые социально-демографические группы населения. В частности, более активно стали участвовать в миграции жители сельских районов, небольших населенных пунктов, женщины, молодежь (14, с. 15–16). В некоторых публикациях приводится пример, что из северного Таджикистана для работы на томатных плантациях в Волгоградской области возили даже школьников. В этом случае фактически трудовая миграция в виде эксплуатации труда детей называлась «летней учебной практикой для старшеклассников» (20).

Трудовая миграция из стран Центральной Азии обусловлена сходными факторами и характеризуется общими чертами. Однако, соотношение эмиграции и иммиграции отличается, кроме того, разниться степень участия государства в регулировании миграционных процессов. Данные обстоятельства позволяют выделить несколько моделей трудовой миграции, сложившихся в странах Центральной Азии.

Модель Узбекистана со значительным государственным регулированием трудовой эмиграции. Суть модели Узбекистана заключается в попытках государства серьезно контролировать трудовую миграцию через систему государственных органов по трудоустройству. В Законе о трудовой миграции от февраля 1992 г. и его новой редакции от мая 1998 г., а также в Постановлении Кабинета Министров № 505 от 12 ноября 2003 г. было закреплено право граждан Узбекистана на трудовую деятельность за рубежом. Организованной отправкой трудовых мигрантов за границу занимается Агентство по внешней трудовой миграции Министерства труда и социальной занятости населения. За заключение контракта государством как посредником взимается плата.

Последним ограничительным миграцию нововведением стало ограничение 2013 г. выезда узбекских граждан за границу без разрешения на работу или трудового соглашения с компанией в стра-

не, в которую они направляются. Как сообщил представитель МВД Узбекистана, новые правила приняты для противодействия торговле людьми, говорится в сообщении (22).

Спрос на трудоустройство очень велик в условиях мощного демографического «пресса» в стране и ограниченного числа рабочих мест в Узбекистане. Спрос населения на трудоустройство за границей превышает предложение – на очереди стоят около 25 тыс. человек (28, с. 149). В итоге из страны происходит самый масштабный отток трудовых мигрантов. Трудовая эмиграция происходит в первую очередь из Андижанской и Самаркандской областей (20).

Масштабы организованной трудовой эмиграции относительно невелики – ежегодно до 50 тыс. человек (32, с. 259). Около 90% организованных трудовых мигрантов из Узбекистана направились в Южную Корею, с которой заключено специальное соглашение о поставках рабочей силы. Согласно данным узбекской статистики в Корее официально находятся немногим более 4 тыс. граждан Узбекистана. Например, данные ОЭСР по Южной Корее свидетельствуют о работе в этой стране порядка 18 тыс. человек из Узбекистана (т.е. примерно в 4 раза больше, чем по данным узбекской статистики). По оценкам корейских ученых, в общей сложности в Корее проживают порядка от 130 до 250 тыс. нелегальных мигрантов, в том числе из Узбекистана около 7 тыс. человек (33, с. 303). Большая часть узбеков работают на малых и средних предприятиях, где требуется низкооплачиваемый физический труд (17). Работа в Корее приносит наибольший и гарантированный доход. Число желающих попасть на работу в Корею достаточно велико, многие стоят на очереди в министерстве по нескольку лет. Также узбекские трудовые мигранты выезжают в США. Небольшая часть направляется на работу за границу по частным контактам – около 50–100 человек в год – в большинстве своем в ОАЭ в качестве обслуживающего персонала или прислуги.

Несмотря на жесткую систему государственного контроля над трудоустройством за рубежом, значительная часть узбекских ми-

грантов, разными способами трудоустраивается самостоятельно или через неофициальных посредников. Легальных фирм, занимающихся вопросами экспорта трудовых ресурсов, в Узбекистане немного. Правительство жестко контролирует их деятельность. Как отмечают эксперты, основными каналами миграции являются гостевые и туристические визы, частные приглашения на работу, «челночные» поездки. Работу узбекские трудовые мигранты находят с помощью родственников и знакомых, нелегальных посредников, по набору специалистов, объявления о котором публикуются в прессе и Интернете (29).

По данным Федеральной миграционной службы России трудовой миграции из Узбекистана пришелся на 2009 г., когда в стране работали 666 тыс. узбекских граждан. Затем их численность несколько сократилась. В 2011 г. в России официально получили разрешения на работу 399 тыс. и 478 тыс. – патенты на работу у частных лиц, т.е. общая численность узбекских трудовых мигрантов в России составляла примерно 877 тыс. человек (26, с. 302). В отличие от Кореи, трудовая эмиграция из Узбекистана в Россию происходит в стихийном режиме. По примерным оценкам реально в России работает 1,0–1,2 млн. узбекских граждан. В большинстве своем узбеки трудятся в строительстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере обслуживания, на транспорте. В пределах России узбекские трудовые мигранты концентрировались в приграничных регионах – Астраханской, Самарской, Саратовской, Омской областях, Алтайском крае (рис. 2). Здесь на них приходится более половины всей иностранной рабочей силы. Достаточно много узбекских трудовых мигрантов в столичных мегаполисах и Калининградской области.

Среди исследований по узбекским мигрантам нужно отметить интересный социологический опрос, проведенный российским исследователем Н. Митрохиным в октябре 2002 г. в Ташкенте, Андижанской, Наманганской и Ферганской областях. Он отмечает, что чаще всего «фронт работ» в России организуют этнические узбеки,

выехавшие из Узбекистана еще в годы советской власти. Именно они в последние два-три года стали приезжать на родину и формировать из родственников и знакомых бригады по восемь-десять человек для работы в строительстве, общественном питании, сельском и лесном хозяйстве. Бывает, что узбеки нанимаются работать даже дворниками. Многие мигранты из Узбекистана ездят на временную сезонную работу в Россию весной и летом, а осенью возвращаются на родину. Многие трудовые мигранты из Узбекистана живут в России без регистрации, работают без разрешения, поэтому крайне не защищены в своих правах. По данным переписи 2002 г. в России насчитывалось 71 тыс. узбекских граждан и 123 тыс. этнических узбеков, которые попадали под критерий «постоянного» населения (т.е. жили в России более 1 года). Перепись 2010 г. выявила в России 290 тыс. этнических узбеков.

Необходимо отметить миграционный поток из Узбекистана в Россию этнических корейцев. Начиная с момента депортации корейцев в 1937 г. Узбекистан стал одним из основных мест их проживания в СССР. Первоначально корейцы были преимущественно сельскими жителями. В 1960–1970 гг. у них выделилась значительная часть городских корейцев, принявших русскую культуру. Они владеют русским языком, носят русские имена, стремятся получить высшее образование. Среди них достаточно значителен поток выезжающих на заработки в Россию. Однако специальной статистики по этому поводу не ведется.

Некоторая часть узбекских рудовых мигрантов направляется в Казахстан, где они работают на сельскохозяйственных работах, а также в домашнем хозяйстве. Уровень оплаты труда достаточно низкий, распространены нарушения прав мигрантов, в том числе при расчетах за выполненную работу.

Также многие узбекские граждане работают в южной части Кыргызстана в местах компактного проживания этнических узбеков, на временных сезонных работах в сельском хозяйстве и строительстве. Точная численность их неизвестна, но она не меньше 4–5 тыс.

человек (36, с. 168). На узбекском их называют «мардикерлар», что значит «поденщики». Они готовы выполнять самую тяжелую работу за небольшую плату. Многие узбекские трудовые мигранты работают в Кыргызстане нелегально и поэтому находятся в уязвимом положении, а их гражданские права нарушаются. Межгосударственное соглашение от 2006 г. позволяет гражданам двух стран беспрепятственно пересекать границу и проживать на территории другого государства без визы в течение 60 дней. Но закон не предоставляет жителям Узбекистана прав на работу в Кыргызстане.

Официальные узбекские источники фиксируют явно заниженную численность трудовых эмигрантов – несколько десятков тысяч человек в год. Реально за границей находятся сотни тысяч узбекских граждан. Например, данные МОМ 2001–2002 гг. свидетельствовали о 500–700 тыс. трудовых мигрантов из Узбекистана, работавших за границей (34, с. 161). По экспертным оценкам в России и Казахстане в среднегодовом исчислении в настоящее время насчитывается, в каждой из них, примерно по 500 тыс. граждан Узбекистана, преимущественно узбекской национальности. Они работают во всех областях России, в Сибири и на Дальнем Востоке, в степных и других районах Казахстана, малопривлекательных для коренных жителей. В других странах мира, – на Украине, в США, Европе, Южной Кореи, Австралии, Канаде, Израиле, Греции, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах, Иране, – узбекских трудовых мигрантов насчитывается в совокупности не менее 300 тыс. человек (29). По другим данным в 2005 г. порядка от 1 до 3 млн. граждан Узбекистана отправилось в ближнее зарубежье на заработки. Расхождения в оценках связаны, скорее всего, с резкими колебаниями численности узбекских трудовых мигрантов в период летних сезонных работ, пик которых приходится в период сбора сельскохозяйственного урожая, особенно в приграничных районах. В зимний период приток мигрантов сокращается (29). По нашим оценкам в 2010 г. численность трудовых мигрантов за рубежом достигла 1,2–1,5 млн. человек. Это составляет от 10% до 13% экономически активного на-

селения страны. По данным Всемирного банка за пределами страны в 2010 г. находилось 1.955 тыс. граждан Узбекистана, что составляло 7% населения страны (35, с. 156).

Значительные масштабы и темпы роста трудовой миграции позволяют говорить о том, что Узбекистан в среднесрочной перспективе останется для России и Казахстана одним из основных поставщиков рабочей силы.

Модель Таджикистана с пассивной санацией трудовой эмиграции. Миграционная модель Таджикистана основана на негласном стимулировании выезда максимально возможного количества граждан на работу за границей. Таким способом власти страны снимают политическое и социальное напряжение в условиях роста населения, распространения бедности, стагнации местной экономики. Практически в Таджикистане социальная ответственность государства перенесена на «плечи» трудовых мигрантов. В большинстве семей есть трудовые мигранты, работающие в России. Государство подписало соглашения о защите прав трудовых мигрантов с ключевыми государствами (Россией, Казахстаном), но на практике права трудовых мигрантов не соблюдаются, мигранты теряют здоровье, а иногда и жизнь. Практически Таджикистан идет по пути интенсификации экспорта трудовых ресурсов, экспортируя людей, как, например, Россия экспортирует нефть и другие природные ресурсы. Экономика Таджикистана стала полностью зависимой от трудовых мигрантов.

Всплеск трудовой эмиграции из Таджикистана наблюдался в середине 1990-х гг., когда социально-экономическая ситуация в стране настолько ухудшилась, что это поставило на грань выживания большую часть населения страны. С тех пор миграционная активность таджикского населения только усиливалась. По официальным трудовым контрактам ежегодно из Таджикистана за рубеж выезжает только 5–6 тыс. человек, которые направляются в Россию и Казахстан. Реальные объемы трудовой миграции гораздо больше, поскольку подавляющая часть трудовых мигрантов, устраивается

на работу самостоятельно и не попадает в эту статистику. В 2008 г. в России работали официально 390 тыс. трудовых мигрантов из Таджикистана (21, с. 28). Экономический кризис несколько снизились численность трудовых мигрантов, но масштабы миграции значительны. В 2011 г. более 166 тыс. таджикских граждан получили разрешение на работу в России и 207 тыс. человек работали по патентам у частных лиц.

Реальная численность трудовых мигрантов из Таджикистана за границей трудно поддается точной оценке. По данным официальной таджикской статистики в середине 2000-х гг. за пределами страны с целью временного трудоустройства находились 420 тыс. человек, в том числе в России – более 413 тыс., Казахстане – 4 тыс., в Кыргызстане, Беларуси и Узбекистане – по 2 тыс., в Украине – около 1 тыс. человек.

Эти данные не совпадают с результатами исследований и данными зарубежной статистики. Очевидно, что на самом деле таджикских трудовых мигрантов больше. Исследования, проведенные вначале 2000-х гг. в Таджикистане местными экспертами показали, что в трудовой миграции участвовали около 600 тыс. граждан Таджикистана, из которых 85% выезжают на работу именно в Россию (24, с. 21). Министерство труда и социальной защиты населения Таджикистана, совместно с хукуматами (исполнительными органами), в августе 2003 г. провело опрос домохозяйств по всей территории страны. По результатам этого опроса численность трудовых мигрантов на август 2003 г. единовременно составила 190 тыс. человек. Согласно обследованию МОМ и Центра «Шарк», проведенному в 2002–2003 гг., общий объем трудовой миграции из Таджикистана составляло более 630 тыс. человек.

В России работает 84% всех трудовых мигрантов из Таджикистана (10, с. С. 176–177). По данным переписи населения в 2002 г. насчитывалось 64 тыс. граждан Таджикистана и 120 тыс. этнических таджиков, проживавших в России. В 2010 г. перепись населения зафиксировала в России более 200 тыс. этнических таджиков.

Аналогично существуют расхождения на региональном уровне. Например, в Самарской области вначале 2000-х гг. были официально зарегистрированы 4 тыс. граждан Таджикистана, а в ходе проверки ФМС их обнаружилось более 23 тыс. человек. Российские эксперты приводили следующие оценки со ссылкой на российское посольство в Душанбе: в России живут и работают около 700 тыс. этнических таджиков, а также более 400 тыс. этнических русских, бежавших из Таджикистана в 1989–1995 гг. (20). Более реалистическими можно считать оценки численности трудовых мигрантов из Таджикистана в России в диапазоне от 600 тыс. до 1 млн. человек. Это составляет от 26% до 44% экономически активного населения страны. По данным Всемирного банка за границей в 2010 г. находилось 791 тыс. граждан Таджикистана, что составляло 11,2% населения страны (35, с. 238).

Таджикские трудовые мигранты работают практически во всех регионах России. Их максимальное число сосредоточено в мегаполисах (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), а также в приграничных или близкорасположенных регионах к Казахстану (Свердловская, Новосибирская, Тюменская, Самарская, Челябинская, Кемеровская области, Красноярский край). Среди таджикских трудовых мигрантов можно выделить две группы. Первая – более многочисленная – это сезонные работники. Их поток возрастает весной и летом, когда они едут в Россию на работу в сельском хозяйстве и строительстве. Осенью они возвращаются домой. По примерным оценкам в некоторых регионах России на таджиков приходится порядка 75–80% сезонных мигрантов. Вторая группа таджикских мигрантов – это те, кто достаточно долго находится и работает в России, но при этом не имеет легального статуса. Многие работают как легально, так и без официального оформления в строительстве, сфере обслуживания, жилищно-коммунальном хозяйстве.

Среди трудовых мигрантов из Таджикистана преобладают мужчины. Однако, в последнее время происходит феминизации миграции из Таджикистана. Возрастной состав зависит от сфер за-

нятости. Среди строителей больше всего молодежи. Наем производится на самые тяжелые работы, требующие выносливости, физической силы, хорошего здоровья. Среди сельскохозяйственных рабочих больше доля людей средних возрастов. Трудовая миграция, сейчас является «спасательным кругом», но может стать ловушкой для будущего Таджикистана. Миграция приводит к потере населения и трудовых ресурсов, специалистов высокой квалификации и наиболее активных людей, а соответственно лишает будущего страну. Семьи разлучаются на длительные сроки, что негативно сказывается на супружеских отношениях и очень часто приводит к разводам, к появлению не только одиноких матерей, но и одиноких отцов, так как выезжает на заработки и значительная часть женского населения. Ещё хуже складываются ситуация, когда уезжают оба родителя, и дети остаются на попечении престарелых бабушек и дедушек, не способных уследить за прогрессивными подростками, у которых к тому же появляются в руках деньги, присланные родителями, разумно распоряжаться которыми они ещё не умеют. В последние время растет преступность среди подростков и молодежи, которые остались без надзора родителей, которые выезжали на заработки заграницу. Большинство трудовых мигрантов живут и работают в плохих и тяжёлых условиях, что отрицательно влияет на здоровье.

По данным опроса, проведенного Центром демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН в 2005–2006 гг. среди 166 трудовых мигрантов из Таджикистана, большая часть мигрантов (около 69%) работали в России по устной договоренности. Только четверть трудовых мигрантов заключала письменный договор на работу. А также только 23% респондентов имели разрешение на работу в России. Многие испытывают большие трудности во время поездки и работы в России. В частности, порядка 53% респондентов отвечали, что самыми значимыми проблемами по дороге в Россию проверки документов при пересечении границы, около 44% респондентов испытывали

поборы со стороны таможенников, пограничников и милиции. При этом многие трудовые мигранты из Таджикистана хотели бы остаться в России на постоянное место жительства – об этом высказались около 48% респондентов. Это свидетельствовало о возможности перехода временной миграции в постоянную эмиграцию (1, с. 5–6). Многие таджикские граждане смогли получить в последние годы российское гражданство и сейчас являются обладателями двух паспортов – российского и таджикского.

На государственном уровне в Таджикистане принято ряд документов, которые ставили целью урегулирование стихийных потоков трудовой миграции за границу, повышение социально-правовой защищенности граждан Таджикистана. В 2001 г. была разработана и принята концепция трудовой миграции граждан Республики Таджикистан за границу. В соответствии с данным документом в декабре 2002 г. правительством была принята Программа внешней трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на 2003–2005 гг., которая поставила задачи перед заинтересованными министерствами и ведомствами более активно рассматривать и решать проблемы в сфере миграции. В рамках данной программы в 2004 г. была введена карточка миграционного учета для граждан Республики Таджикистан с целью систематического сбора статистической информации граждан о внешней трудовой эмиграции. Затем была разработана Государственная программа трудовой миграции граждан Республики Таджикистан на период 2006–2010 гг. Этими документами был заложен фундамент регулирования трудовой эмиграции. Однако, данные программы не изменили существенно ситуации в самом Таджикистане, прежде всего, они не ликвидировали «выталкивающих» факторов трудовой эмиграции.

В 2009 г. около 35% ВВП Таджикистана формировалось за счет денежных переводов трудовых мигрантов из-за границы (35, с. 14). В 2010 г. в Таджикистан поступило 2,1 млрд. долларов США от трудовых мигрантов (35, с. 238). Роль денежных переводов в социально-экономическом развитии отдельных регионов и семей в

Таджикистане очень значительно. Благодаря этим средствам население удовлетворяет основные потребности в продуктах питания, товарах широкого потребления, жилье, образовании. Однако, пока денежные переводы не стали фактором роста национальной экономики. Незначительные средства пока вкладываются в развитие малого бизнеса и инфраструктуры.

Пока миграция из Таджикистана продолжается в основном стихийном режиме, по-прежнему, в России и Казахстане многие таджикские трудовые мигранты не имеют разрешений на работу, а также подвергают эксплуатации со стороны работодателей. Кроме того, периодически, трудовые мигранты из Таджикистана становятся «заложника» обострения политических отношений между государствами. Например, когда в 2011 г. в Таджикистане властями были задержаны в российские летчики, Федеральная миграционная служба РФ депортировала 297 граждан Таджикистана за нарушение миграционного законодательства в России (31).

Эксперты отмечают, что в перспективе возможна переориентация трудовой миграции таджиков на некоторые новые государства (например, Беларусь, Пакистан, Афганистан). В политической элите Таджикистана существует также идея переориентации таджикских мигрантов на Саудовскую Аравию, что, по мнению экспертов, может иметь негативные последствия для страны в виде роста радикального фундаментализма (8).

Модель Кыргызстана с активной санацией трудовой эмиграции. Сложная экономическая ситуация и периодическое обострение этнополитической обстановки в Кыргызстане сдвинули с места значительную часть сельского населения страны. Например, в некоторых южных районах страны уровень бедности достигает 70%. Последний этнический конфликт в городе Ош в 2011 г. также спровоцировал отток населения в столицу и за пределы Кыргызстана. Кроме того, само государство через довольно развитую инфраструктуру стимулирует отток трудовых мигрантов за границу, которые преимущественно направляются в Россию и Казахстан.

В Кыргызстане был создан Госкомитет по миграции и занятости с приданием статуса министерства, а его руководитель входит в состав правительства страны. Госкомитет по миграции и занятости Кыргызстана открыл свои представительства в ряде российских городов, которым было поручено изучать ситуацию на российском рынке труда. В результате это стимулировало организованное трудоустройство кыргызских граждан в российских регионах. В свое время, руководство Пензенской области, надеясь реанимировать за счет мигрантов овощеводство и скотоводство в сельском местности, а также устранить дефицит квалифицированных кадров в сельском здравоохранении, заявило о готовности принять 2 тыс. трудовых мигрантов из Кыргызстана (30). Кыргызстан также организованно направил своих трудовых мигрантов Москву, Ярославскую, Свердловскую, Оренбургскую и Самарскую области.

По официальным данным Федеральной миграционной службы России в 2009 г. было выдано 195 тыс. разрешений на работу гражданам Кыргызстана (21, с. 28). В 2011 г. число выданных разрешений составило около 66 тыс., а также было выдано 65 тыс. патентов на работу у частных лиц. Введение патентов для иностранных граждан, работающих у частных лиц в России, вывело из теневой экономики несколько десятков тысяч киргизских граждан, которые ранее работали неофициально. Т.е. в Российской Федерации легальной работали порядка 130 тыс. киргизских граждан. По данным переписи 2002 г. в России 29 тыс. граждан Кыргызстана и 32 тыс. этнических киргизов, которые относились к постоянному населению. Перепись 2010 г. зафиксировала на территории России уже 103 тыс. этнических киргизов, многие из которых получили российский паспорт, пользуясь облегченным порядком предоставления российского гражданства. В то же самое время неофициальные оценки численности киргизов в России значительно больше. В Кыргызстане четкой статистики по эмиграции не ведется, существуют только приблизительные оценки. Оценка трудовых мигрантов, находящихся за пределами страны варьируется от 320–

700 тыс. человек (23). Например, по заявлению спикера парламента Кыргызстана О.Текебаева в России работают 320 тыс. граждан (5). По другим данным в России работают не менее 500 тыс. граждан Кыргызстана (20; 35, с. 28). Очевидно, в это число были включены и этнические русские, уехавшие в первой половине 1990-х гг.

Трудовая миграция в Казахстан имеет еще советскую историю, когда работники приезжали на краткосрочные работы в Казахстан. Также граждане Кыргызстана также работают в более близком южном Казахстане, в большинстве своем на табачных плантациях. Например, по данным Миграционной службы Казахстана в 2005 г. в стране было выдано 2 тыс. разрешений на работу гражданам Кыргызстана. По новым правилам киргизские граждане могут находиться без регистрации в Казахстане 90 дней, вместо 30 дней ранее. Кроме того, с 1 января 2013 г. в Казахстане введен новый закон, по которому заниматься предпринимательством в стране могут граждане лишь трех государств – России, Белоруссии, Кыргызстана. Кыргызстану даны такие привилегии, несмотря на то, что страна не является членом Таможенного союза, с одним условием, что граждане упомянутых стран должны быть зарегистрированы в фискальных органах Казахстана как «частные предприниматели». Один предприниматель может брать на работу до 25 человек (2). Возможно, власти Казахстана рассчитывают таким образом получить мультипликативный эффект от трудовой миграции с точки зрения создания рабочих мест. Однако, пока положение киргизских рабочих в Казахстане также не всегда носит официальный характер, многие не имеют регистрации или необходимых разрешительных документов.

Последние оценки экспертов свидетельствуют о том, что из Кыргызстана уехали на работу за границей от 300 до 700 тыс. трудовых мигрантов (27, с. 119). Таким образом, в трудовой миграции участвует от 13% до 29% экономически активного населения страны. По данным Всемирного банка за границей в 2010 г. находилась 621 тыс. граждан Кыргызстана, что составляло 11,2% на-

селения страны (35, с. 156). В 2010 г. в Кыргызстан поступило от трудовых мигрантов, работавших за границей более 1 млрд. долларов США, что составляло 15% ВНП страны (35, с. 156). По неофициальным оценкам объемы денежных переводов были еще больше и составляли до 1,9 млрд. долларов (27, с. 119). Как отмечают эксперты, экономическая жизнь в Кыргызстане обеспечивается за счет мигрантов, а денежные переводы удачно маскируют эрозию системы социальной защиты населения в регионах страны и способствуют выживанию основной части населения. Существует и серьезная негативная сторона масштабной трудовой миграции, связанная с массовой потерей трудоспособного населения и обезлюживанием некоторых регионов, деформацией рационального расселения в стране (27, с. 120).

Модель Туркменистана с рестриктивным контролем государства над трудовой эмиграцией. В 1994 г. власти Туркменистана разорвали транспортные связи с Россией: было прекращено железнодорожное, автобусное и морское пассажирское сообщение. Практически Туркменистан стал замкнутой в транспортном отношении страной. Эмиграция также подверглась жесткому ограничению и была фактически поставлен тотальный контроль государства поток трудовых мигрантов за границу. Несмотря на ограничительный характер эмиграции, большое число туркменских мигрантов находятся за пределами странами. По примерным оценкам от 11% до 16% экономически активного населения Туркменистана находится за рубежом. По данным Всемирного банка за странами в 2010 г. находилось 261 тыс. граждан Туркменистана, что составляло 5% населения (35, с. 247). Российская перепись населения 2010 г. выявила около 37 тыс. этнических туркмен, которые проживали в стране. Нужно заметить, что значительное число этнических туркмен проживали в России еще до распада СССР.

Статистикой информации относительно трудовой миграции из Туркменистана крайне мало в национальных и зарубежных ис-

точниках. По российским данным пик трудовой миграции в Россию пришелся на 2002 г., когда ФМС выдала разрешения на работу в стране 7 тыс. туркменских граждан. В 2008 г. в России работали 3,1 тыс. туркменских граждан, а в 2010 г. – 0,5 тыс. человек. Основной поток трудовых мигрантов из Туркмении направляется в нефтегазовые регионы Западной Сибири (Тюменскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). В большинстве своем это нефтяники, которые в состоянии оплатить самостоятельно авиабилеты или за счет будущих работодателей. Для большинства населения Туркменистана в стране просто нет объективных условий реализации своих миграционных установок.

Модель Казахстана с либеральным регулированием трудовой эмиграции. Несмотря на динамичное развитие экономики Казахстана, страна продолжает отдавать за границу определенное число трудовых эмигрантов. Порядок выезда на работу за рубеж достаточно свободный и не ограничивается государством. По данным казахстанской статистики ежегодно по официальным каналам за границей трудоустроились около 500 человек ежегодно. Статистический учет численности казахстанских граждан, работающих за рубежом, осуществляет Министерство труда и социальной защиты Республики Казахстан. По оценке Всемирного банка в 2010 г. 3,7 млн. граждан Казахстана находились за пределами страны, что составляло 24% населения (35, с. 149). Однако, скорее всего, данные оценки завышены. Специфической особенностью эмиграции из Казахстана является ее ярко выраженный характер – значительный отток русскоязычного населения. По примерным оценкам численность трудовых эмигрантов из Казахстана, находящихся за рубежом, может приблизительно составлять от 350 тыс. до 500 тыс. тыс. человек. По данным российской статистики в 2011 г. было выдано 4,5 тыс. разрешений на работу в России гражданам Казахстана. Основной поток трудовых мигрантов из северных районов Казахстана направлен в Россию, на Урал и Южную Сибирь (20). Трудовой миграции в Россию способствуют близость географиче-

ского положения и транспортная доступность. Казахстан связывает с Россией достаточно разветвленная сеть автомобильных и железных дорог, а также воздушное сообщение. Трудовые мигранты из Казахстана работают на Украине, в Беларуси, Молдове, Южной Корее, США, ОАЭ, и ряде других государств. Однако, объемы официальной трудовой эмиграции в эти государства были весьма незначительны. По оценке Всемирного банка в 2010 г. трудовые мигранты перевели в Казахстан около 131 млн. долларов США, что было гораздо меньше, чем для других стран Центральной Азии (35, с. 149).

Таким образом, страны Центральной Азии остаются основными поставщиками трудовых мигрантов в Россию, Казахстан и некоторые другие государства постсоветского пространства. Примерная численность трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, находящихся за пределами своих государств составляет от 2,6 до 4 млн. человек, что составляет от 10% до 15% экономически активного населения этих стран.

Прежде всего, трудовая миграция имеет существенные позитивные последствия и для государств, являющихся родиной мигрантов. Прежде всего, это значительный поток денежных переводов, поступающих родственникам и семьям мигрантов в страны происхождения. Например, в Таджикистане денежные переводы из-за рубежа превышают 35% ВВП, а в Кыргызстане – около 15% ВВП страны (35, с. 14). Максимальные объемы денежных переводов получает Таджикистан, в 2010 г. из-за границы было переведено в страну около 2,1 млрд. долларов (табл. 12.3). Порядка 1 млрд. долларов было переведено в Кыргызстан. Это денежные суммы, поступившие официальные каналы (банковскую систему, системы денежных переводов, почту). Хотя существуют и неофициальные переводы через специальных людей, проводников поездов, родственников. Данные по Узбекистану и Туркмении Всемирный банк не приводит. По сообщениям прессы в 2011 г. физическими лицами из России в Узбекистан было переведено

4,3 млрд. долларов США (средняя сумма каждой операции составляла 523 доллара). Узбекские мигранты, работающие в Казахстане, Украине, Южной Корее, Китае, Арабских Эмиратах, США, Западной Европе посылают домой еще не менее полумиллиарда долларов (25).

Таблица 12.3.

Динамика денежных переводов из-за рубежа в страны Центральной Азии в 2003–2010 гг., млн. долларов США (35, сс. 149, 156, 238)

Год / Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Таджикистан	146	252	467	1.019	1.691	2.544	1.748	2.065
Кыргызстан	78	189	322	481	715	1.232	882	1.037
Казахстан	148	166	178	186	223	192	124	131

В основном, денежные переводы направлялись трудовыми мигрантами, которые работали в России. Объем официальных денежных переводов из России в 2010 г. в различные страны составил более 15 млрд. долл. США. Основной поток денежных переводов направлялся в Узбекистан (22%), Таджикистан (18%), Украину (12%), Армению (9%), Кыргызстан (8%) и Молдову (8%). Две страны СНГ – Узбекистан и Таджикистан суммарно получили более 5,5 млрд. долларов США от рабочих-мигрантов из-за границы (рис. 12.2). Денежные переводы рабочих-мигрантов и накопленные сбережения семей являются прямыми экономическими результатами трудовой миграции для стран происхождения. Это помогает сократить дефицит платежного баланса, обеспечить семьи мигрантов, снизить безработицу и социальную напряженность. Трудовая миграция стала не только средством выживания значительной части населения в СНГ, но и реальным механизмом стихийной экономической интеграции («интеграции снизу») между некоторыми странами в целом аморфной группировки СНГ.

Рис. 12.2. *Объемы денежных переводов из России в страны происхождения мигрантов в 2010 г., млн. долл. США (5)*

Экономический кризис 2008–2009 гг. отразился на трудовой миграции и денежных переводах. Директор ФМС России К.О. Ромодановский заявил, что в первом квартале 2009 г. объемы миграции в Россию уменьшились на 13%, или на 700–800 тыс. человек. Во время кризиса некоторая часть рабочих-мигрантов потеряла работу, и уехала на родину, что автоматически сократило объем денежных поступлений. По данным Центрального банка России, в 2009 г. объемы денежных переводов из России в страны СНГ сократились примерно на треть (рис. 12.3). Аналогичные данные существуют в странах-получателях денежных переводов. Согласно данным директора таджикского научно-исследовательского центра «Шарк» М. Олимова, в 2009 г. объем денежных средств от трудовых мигрантов из России, пересылаемых в страны Центральной Азии, снизился на 30%. Эксперты утверждают, что объем переводов падает вследствие сокращения средней суммы перевода, при сохранении примерно прежней их частоты. Также важной причиной сокращения денежных переводов из России в страны СНГ стали более чем в два раза возросшие случаи невыплат заработных плат мигрантам (3).

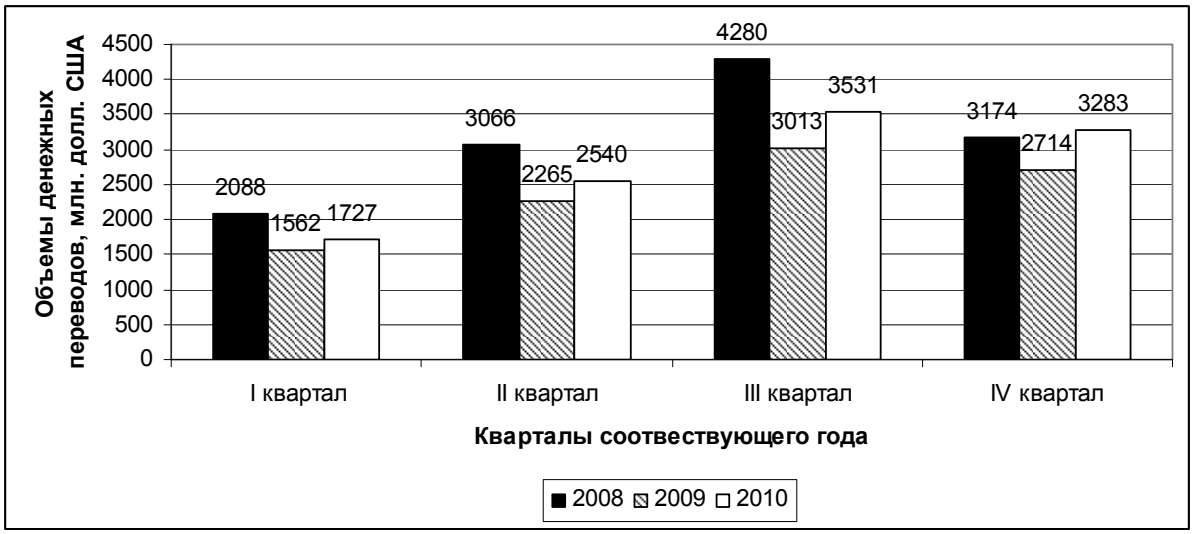

Рис. 12.3. *Объемы денежных переводов из России в страны СНГ в 2008–2010 гг. (поквартально), млн. долл. США*

В результате легальной трудовой миграции в России, как в принимающей стране, проявляется также много позитивных социально-экономических последствий. Рабочие-мигранты заполняют многие не престижные ниши на рынке труда с тяжелыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. За счет иностранных мигрантов всегда развиваются целые отрасли экономики. Наглядным примером является строительная отрасль в крупных городах России, рост которой связан с использованием дешевой рабочей силы из-за рубежа. В 2011 г. директор ФМС России К.О. Ромодановский отметил, что трудом рабочих-мигрантов создается 8% ВВП России (4). В то же время, трудовая миграция имеет ряд негативных последствий для принимающих стран: стимулирует рост теневой экономики, демпинг уровня заработной платы, трансформирует этнический состав населения, формирует этнические анклавы, способствует росту межнациональной напряженности.

12.3. Трудовые мигранты из Китая и Вьетнама в России

Демографический потенциал Китая и Вьетнама как фактор миграции в Россию

В настоящее время Китай и Вьетнам являются одними из самых населенных стран в мире: в 2010 г. численность населения составила в Китае – 1341,3 млн. (занимает первое место в мире), а во Вьетнаме – 87,8 млн. человек. По данным ООН темпы роста численности населения при этом во Вьетнаме (1,1% в 20105–2010 гг.) были на порядок выше, чем в Китае (0,5% в 2005–2010 гг.). Хотя гигантские размеры населения Китая приводят к тому, что даже небольшие темпы роста оборачиваются существенным (в несколько сотен миллионов) увеличением абсолютной численности населения. За период с 1990–2010 гг. население увеличилось в Китае на 196 млн., а во Вьетнаме – на 20,7 млн. человек. Самый большой прирост был зафиксирован в период с 1990 по 1995 гг., когда численность китайцев выросла на 69 млн. человек, а вьетнамцев на 7 млн. человек.

Общие коэффициенты рождаемости постепенно снижаются в обеих странах: с 1990 по 2010 гг. во Вьетнаме данный показатель сократился с 16,7‰ до 27,3‰, а в Китае – 12,3‰ против 18,7‰. Достаточно резким было снижение суммарных коэффициентов рождаемости за указанный период: во Вьетнаме – с 3,2 до 1,8 ребенка на одну женщину фертильного возраста и с 2,0 до 1,6 ребенка на 1 женщину фертильного (репродуктивного) возраста. Очевидно, что оказывала влияние активная демографическая политика в странах направленных на ограничение количества детей в семье (отчетливо она проявляется в Китайской Народной Республике, а вот во Вьетнаме носит более завуалированный, «непрямой» характер). С ростом уровня жизни и по мере социально-экономического развития в обеих странах сокращалась смертность населения. Тренды показателей смертности были разнонаправленными. Об-

щий коэффициент смертности во Вьетнаме постепенно снижался в 1990–2010 гг. с 6,9‰ до 5,2‰, а в Китае он вырос с 6,9‰ до 7,3‰. Очевидно, что в Китае играет роль значительная смертность населения, живущего в условиях бедности, травматизм, аварийность на производстве. В этом смысле социальная политика во Вьетнаме более эффективна. Тем не менее, ожидаемая продолжительность жизни китайцев и вьетнамцев росла. Например, во Вьетнаме у мужчин она выросла с 66,1 до 72,3 года между 1990–2010 гг., у женщин – с 69,6 до 76,2 лет за тот же период. В Китае данный показатель увеличился не так значительно: у мужчин – с 68,4 до 71,1 года, у женщин – с 71,6 до 74,5 года в 2010 г.

Уровень урбанизации в Китае в 1990–2010 гг. значительно увеличился – с 26,4 до 47%, что было обусловлено активной миграцией китайского населения из сельской местности в города. Во Вьетнаме рост также происходил, но менее активно – с 20,3 до 30,4%. Несмотря на существенное увеличение доли городского населения, уровень урбанизации во Вьетнаме остается низким: почти 70% вьетнамцев проживают в сельской местности. Существенно отличается соотношение полов в двух странах: в Китае в 2010 г. на 100 женщин приходилось 108 мужчин, а во Вьетнаме – на 100 женщин приходилось только 98 мужчин. Возрастная структура населения двух стран отличается значительной долей людей молодого и среднего возраста. Во Вьетнаме доля населения в возрасте до 14 лет составила 26,3%, в возрасте от 15 до 64 лет – 67,9 %, старше 65 лет – 5,8%. В Китае – 18,5%, 73,2% и 8,3% соответственно.

Обе исследуемые страны обладают существенным демографическим потенциалом. Их демографические характеристики способствуют формированию избыточных трудовых ресурсов на национальных рынках труда. В этой ситуации часть «лишних» трудовых ресурсов будет ориентирована на трудовую эмиграцию за границу. Вероятность выезда трудовых мигрантов из Вьетнама усиливается также таким фактором, как глобальное потепление и затопление части прибрежных районов страны. Российская Федерация как

страна с высокой емкостью национального рынка труда и историческими миграционными связями может быть одним из государств, куда будут стремиться переехать на работу трудовые мигранты из Китая и Вьетнама.

Наше предыдущее исследование (Рязанцев, Кузнецов, 2010) показывает, что молодая половозрастная структура населения Вьетнама в сочетании с социально-экономическим развитием является одним из важнейших факторов формирования миграционного потенциала трудовой эмиграции. Расчеты показывают, что Вьетнам обладает миграционным потенциалом объемом порядка 2,6 млн. человек. Столько вьетнамцев потенциально могут быть эмигрантами в краткосрочной перспективе. Миграционный потенциал, ориентированный на Россию может составлять всего 85 тыс. человек – очень немного. Это обусловлено с одной стороны тем, что вьетнамцы не знают или боятся эмиграции в Россию, зная о коррупции, бюрократии, проблемах трудовых мигрантов. С другой стороны, Россия не формирует миграционные потоки из Вьетнама целенаправленно. Нет эффективно работающих соглашений о поставках рабочей силы, не отработаны инструменты привлечения и адаптации вьетнамских рабочих в России.

Масштабы трудовой миграции и ключевые проблемы трудовых мигрантов из Китая и Вьетнама в России

Ежегодно только официально ФМС России выдает 100–200 тыс. разрешений китайским гражданам и 50–100 тыс. вьетнамским гражданам для работы в России.

Перепись населения 2002 г. зафиксировала всего 35 тыс. этнических китайцев и 31 тыс. граждан КНР, которые живут в России. Последняя российская перепись 2010 г. насчитала несколько меньше – около 29 тыс. этнических китайцев и 28 тыс. граждан Китая на территории России (6). Цифры, полученные в результате последних российских переписей населения можно считать явно заниженными, как минимум, по трем причинам. Во-первых, офи-

циально переписывалось только постоянное население, т.е. люди, которые проживали на территории России более 1 года. Следует иметь в виду, что многие мигранты из КНР находятся в России, как правило, короткие сроки, временно работают. Во-вторых, в ходе переписей населения был существенный недоучет, вызванный невозможностью сбора информации в некоторых местах (например, на рынках, строительных площадках, сельских районах и т.п.). В-третьих, не оформленные должным образом иностранные работники умышленно избегали переписи, так как боятся любого контакта с властями. Многими экспертами признано, что недоучет в ходе переписи 2002 г. составил от 5% до 10% населения. Можно считать, что для такой сильно локализованной этнической группы как китайцы недоучет мог быть гораздо более существенным – до 90%. Таким образом, реальная численность китайцев в России может составлять не менее 350–400 тыс. человек. Нет ничего удивительного в том, что точность оценок китайской диаспоры в России невозможна. Кроме некачественной статистики на это влияют также высокая подвижность китайцев (например, многие приезжают в Россию в качестве сезонных и временных работников, «челноков»), а также замкнутость общины и криминализованность отношений вокруг нее (известно, что в условиях российской коррупции даже представители Федеральной миграционной службы не всегда могут произвести проверки на китайских рынках).

Таблица 12.4.

Численность иностранцев, включая граждан Китая и Вьетнама, осуществлявших трудовую деятельность в России в 2000–2010 гг., тыс. человек (13, с. 28)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего	213,3	702,5	1014,0	1717,1	2425,9	2223,6	1640,8
Из стран СНГ	106,4	343,7	537,7	1152,8	1780,0	1645,1	1246,9
Из стран «дальнего» зарубежья, в том числе	106,9	358,7	476,1	563,8	545,0	577,3	392,0
Китай	26,2	160,6	210,8	228,8	281,7	269,9	186,5
Вьетнам	13,3	55,6	69,1	79,8	95,2	97,5	46,0

По данным Федеральной миграционной службы России среди китайских трудовых мигрантов подавляющую часть составляли мужчины (около 90%). Среди трудовых мигрантов немногим более 80% мужчин и 90% женщин находятся в возрасте от 18 до 39 лет. Наиболее многочисленна группа иностранных работников в возрасте 30–39 лет (около 40%). Половина всех китайцев в России (более 52%) в 2006 г. были заняты в розничной и оптовой торговле, общественном питании, около 21% – в строительстве, примерно 15% – в сельском и лесном хозяйстве, порядка 3% – на промышленных предприятиях и в добывающей промышленности (рис. 12.4). Таким образом, ни структура занятости, ни квалификационный состав китайских мигрантов ныне не отвечают потребностям экономики восточных регионов России. В наиболее трудодефицитных отраслях (строительстве, сельском хозяйстве) работают только те, кто легально въехал по контракту.

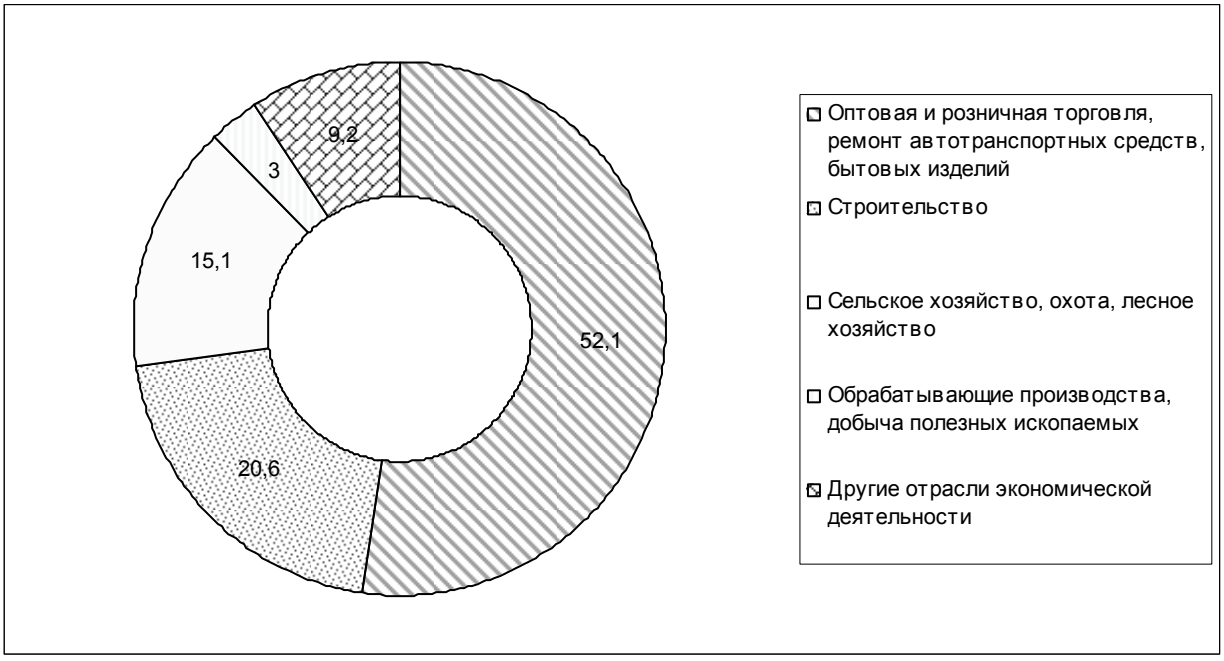

Рис. 12.4. *Отраслевая структура занятости китайских трудовых мигрантов в России, %*

Основными регионами расселения китайских мигрантов в России являются Москва, Дальний Восток, Сибирь. Здесь численность китайской диаспоры растет наиболее интенсивно. По данным пере-

писи 2002 г. в Москве насчитывалось около 13 тыс. этнических китайцев. По неофициальным оценкам китайская община в столице составляет до 100 тыс. человек. Как показывают исследования, китайское землячество в основном состоит из молодых мужчин (около 70%) в возрасте до 40 лет (68%), из которых половина холостяки. Почти 70% китайцев живут в общежитиях и гостиницах. Некоторые общежития Москвы имеют «китайские» этажи, где за 1 тыс. долларов США китайские мигранты арендуют комнату на 4–5 человек. Остальные китайские мигранты снимают квартиры вблизи мест работы – рынков и торговых центров. Районами компактного проживания китайцев в столице являются Измайлово, Черкизово, Марьино, Ясенево, Крылатское, Очаково. Примерно 40% китайцев торгуют на рынках, остальные работают в сфере услуг (в центрах традиционной китайской медицины и косметологии) – 15–20% – в гостиницах, ресторанах или занимаются организацией бизнеса. В Москве возникли этнические анклавы типа «рынок-общежитие», хотя они не носят массового характера. Китайские землячества становятся все более значимым фактором социально-экономического развития городов и регионов России. В российских городах выстроена система приема прибывающих китайцев, которая включает китайские рынки, магазины, гостиницы, рестораны, банки, адвокатов, контакты в правоохранительных органах. Во многих городах России зарегистрировано несколько национальных обществ, представляющих перед властью интересы китайских мигрантов.

Также существуют криминальные отношения внутри китайской общины. В Российской Федерации китайские преступные организации оказывают давление на китайских торговцев, бизнесменов, трудовых мигрантов, требуя от них плату за защиту («крышу»). При этом они умело используют нежелание жертв и их родственников обращаться в российские правоохранительные органы из-за своей этнической лояльности, а также опасения иметь проблемы с миграционными властями. По этой причине установить свидетелей преступлений совершенных членами китайских триад невозможно.

Китайские торговцы, торговавшие товарами потребления на городских рынках до недавнего времени самостоятельно, а в настоящее время через «русских» продавцов, представляют для преступников цель, заслуживающую самого серьезного внимания. Также многие владельцы китайских ресторанов являются еще одной категорией жертв вымогательств (19).

На Дальнем Востоке китайцы известны как земледельцы, прекрасно знающие особенности агроклиматических условий региона, намного более эффективные, профессиональные и исполнительные работники, чем россияне. Они не склонны к пьянству. Согласно экспертным интервью, если российский земледелец за год производит продукции на 100 тыс., а его китайский коллега – в среднем на 260 тыс. рублей. Поэтому коллективные и фермерские хозяйства Дальнего Востока, если есть возможность, предпочитают нанимать не местных жителей, а китайцев, и им же отдавать в аренду пустующие земли. Иностранную рабочую силу используют в качестве основной компоненты уже более 1/5 сельскохозяйственных предприятий Приморского края (15, с. 63). В Красноярском крае работают тысячи китайских и корейских мигрантов. Большинство из них завербовано посредниками для работы в сельском хозяйстве или на открытых рынках в качестве продавцов, и обращаются с ними как с рабами. В основном мигранты приезжают на время сельскохозяйственных работ весной и летом, но некоторые остаются и на зиму для работы в теплицах. Их не обеспечивают ни защитной одеждой, ни жильем, так что жить им приходится прямо на рабочем месте. В зимние месяцы это – теплицы, где температура достигает -40 градусов. При этом на улице температура может опускаться до -40 градусов, а необходимой теплой одежды у мигрантов нет (16, с. 13).

Китайские трудовые мигранты достаточно хорошо адаптировались на российском рынке труда. Особенно успешной можно назвать социально-экономическую составляющую их интеграции – они имеют работу, относительно высокий уровень доходов для тру-

довых мигрантов. Однако, социально-психологическая составляющая их адаптации гораздо менее эффективна и успешна. Община является достаточно замкнутой, локализованной, не склонной к ассимиляции и культурной миксации. Большинство представителей китайской диаспоры в России живут очень изолированно, слабо владеют русским языком, не стремятся получать российское гражданство. Все это закрепляет в массовом сознании китайских мигрантов идею временности их пребывания в России. На фоне отсутствия нормальных отношений с государством и властями и на фоне коррупции, сложившейся вокруг миграционной сферы в России и китайской диаспоры, это приводит к усилению изоляции мигрантов, их отчужденности. Это создается предпосылки для трудовой эксплуатации трудовых мигрантов внутри китайской общины.

По данным переписи населения 2002 г. в России проживало 26 тыс. вьетнамцев, а по итогам переписи 2010 г. их численность сократилась до 14 тыс. человек. Хотя реально эта цифра гораздо выше, и по нашим оценкам достигает 100–150 тыс. человек. В настоящее время большая часть вьетнамцев, живет и работает в Москве, Ставропольском крае, Башкортостане, Волгоградской, Свердловской областях, Хабаровском крае и ряде других регионов России. По большей части в России живут и работают выходцы из северного Вьетнама. В столице выходят газеты и журналы на вьетнамском языке, существует спутниковый канал вьетнамского телевидения, транслирующий программы для граждан Вьетнама, проживающих в России (13, с. 28). В основном вьетнамцы работают в торговле, сельском хозяйстве, ресторанном бизнесе, растёт занятость в производственной сфере на предприятиях, которые принадлежат вьетнамским бизнесменам в России.

Известно о фактах эксплуатации труда вьетнамцев на этих предприятиях. Эти случаи трудно раскрываемы, поскольку происходят внутри самой общины, правоохранительные органы часто не имеют доступа на эти предприятия. Русская служба ВВС в одной из программ рассказывала об издевательствах над нелегальными мигранта-

ми из Вьетнама на фабрике в поселке Савино Егорьевского района Московской области. Тогда ни Следственный комитет, ни МВД не выявили нарушений уголовного законодательства, и владельцы фабрики отделались административными штрафами. Позже поступило сообщение, что предприятие сгорело, и в огне погибли 14 вьетнамцев, предположительно, запертых в цеху. В Москве полиция освободила 77 вьетнамцев, работавших в цехе по пошиву детской одежды. Денег «рабы» не видели, а бежать им без документов было некуда (9).

Сходства и отличия китайской и вьетнамской трудовой миграции в России. Можно выделить несколько ключевых аспектов отличающих данные миграционные потоки.

Во-первых, существенно отличается характер расселения и трудоустройства трудовых мигрантов из Китая и Вьетнама. Вьетнамцы распределены по территории России более дисперсно, в то время как китайцы в большинстве своем концентрируются в приграничных регионах Дальнего Востока и Москве. Произошла существенная трансформация этнической занятости китайцев и вьетнамцев в последние годы. Китайцы в большей степени ориентируются на торговлю, сервис и строительство, в то время как вьетнамцы на промышленное и аграрное производство в России.

Во-вторых, китайские бизнес является более закрытым, бизнесмены предпочитает встраиваться в схемы теневых отношений, которые сложились в различных секторах российской экономики. Китайцы предпочитают вкладывать деньги через подставных лиц (российских граждан), не выступая сами владельцами открытых предприятий или фирм. Вьетнамский бизнес более открыт, но не лишен проблем, которые скорее обусловлены не столько стремлением уходить в тень, сколько невозможностью действовать полностью прозрачно. В России по-прежнему сложно четно вести бизнес, оформлять документы, платить налоги, не давать взятки. Мы фиксируем тенденцию того, что многие успешные вьетнамские предприниматели уезжают на родину, не имея желания вести бизнес в России на таких условиях.

В-третьих, в обоих этнических бизнесах активно используется труд своих соотечественников. Фактически можно говорить о том, что китайские и вьетнамские инвестиции обеспечивают рабочими местами в России собственных соотечественников и являются экономическим базисом трудовой миграции. Это накладывает отпечаток на процесс формирования и функционирования китайского и вьетнамского сегмента российской экономики, представленного такими экономическими субъектами как этнические фирмы, рынки, рестораны, магазины. Внутри этнически однородных компаний чаще всего используется труд незаконных мигрантов, которыми можно управлять, запугивать, не платить зарплату, эксплуатировать. Эта тенденция нежелательная для России в том плане, что эти компании не должны быть замкнутыми и должны предоставлять рабочие места и российским гражданам. Но это сложный вопрос. В России необходимо развития нормальных условий ведения бизнеса вообще, поскольку русские бизнесмены страдают от коррупции и произвола чиновников не меньше.

В-четвертых, такие условия накладывают отпечаток на миграционные установки китайцев и вьетнамцев в России. Известно, что оба государства поощряют экспорт за границу трудовых ресурсов. Китай стремиться создать многочисленную и экономически мощную диаспору за пределами страны. И хотя многие китайцы в опросах говорят о том, что не собираются оставаться в России надолго, очевидна тенденция на их долгосрочное «оседание» здесь. Обычно это происходит экономическими способами (через открытие бизнеса, пусть и через подставных лиц с российским гражданством) и социальными путями (через обучение, браки). И это четко стимулируется со стороны китайского государства. И хотя многие китайцы отвечают в опросах, что не хотят быть гражданами, это скорее обусловлено не отсутствием у них желания, сколько опасениями бюрократических процедур с этим связанных. Вьетнамцы, напротив, стремятся связывать с Россией, здесь играет роль исторический фактор. Но объективных предпосылок задерживаться в

России, у них просто нет. Здесь невозможно вести бизнес четно, многие вопросы коррумпированы, практически невозможно стать гражданином России.

В-четвертых, миграционная политика России в отношении китайцев и вьетнамцев очень жесткая. Во внутренних документах эти страны называются не иначе как «миграционно-опасные»! Как не странно, при этом Китаю отдано больше преференций, чем Вьетнаму. Например, существует безвизовый режим в приграничных регионах. В условиях нарастающей мощи Китая и наличия непосредственной границы, геополитические последствия массовой миграции китайцев в Россию могут иметь гораздо более серьезные последствия. И виноваты в этом не столько китайцы сами по себе, столько теневые и коррупционные отношения, которые созданы в области регулирования миграции в России, но в которые китайцы встраиваются очень успешно. И внешне жесткая миграционная политика России вроде бы является надежным «оборонным щитом», но на самом деле этот щит уже давно «прогнил». Вместе четкого и прозрачного регулирования китайской миграции с квотами по отраслям и регионам, с прозрачными процедурами оформления, в России сложилась теневая система отношений с подставными собственниками, коррумпированными отношения, фирмами-посредниками и пр.

С Вьетнамом существуют визовые отношения. Хотя Вьетнам, пойдя навстречу России, стимулируя туризм, разрешает российским гражданам находиться во Вьетнаме до 15 дней без визы. В «знак благодарности» Россия пытается депортировать незаконных мигрантов из Вьетнама, вместо того, чтобы урегулировать их статус. Более того, часто вьетнамцы попадают под «горячую суровую руку» российской миграционной политики. Например, в августе 2013 г., когда несколько сотен вьетнамцев были задержаны ФМС и посажены в специально созданный лагерь, где их кормили гречкой (вместо риса), вызвав проблемы со здоровьем у людей. Хотя проблема на рынке изначально возникла вовсе не с вьетнамскими мигрантами, а с мигрантами из российских республик Кавказа, просто

вьетнамцы не имели всех необходимых документов. Но в этом случае бюрократическая машина сработала грубо, чем был нанесен еще больший урон репутации России во Вьетнаме. Хотя в прочем в этом нет ничего удивительного, Россия давно отвернулась от Вьетнама экономически и геополитически.

Прежде всего, российским властям необходимо понять, что вьетнамская миграции для некоторых отраслей экономики России нужна, она гораздо эффективнее и выгоднее с экономической и политической точки зрения, чем например китайская миграция. На уровне миграционной политики необходимо выделение Вьетнаму отдельных квот по отраслям и регионам России, где труд вьетнамских рабочих необходим и экономически обоснован. Учитывая дальность расстояния от Вьетнама до России и более стабильные миграционные установки вьетнамцев, с ними нужно заключать долгосрочные контракты и выдавать рабочие визы на более длительные сроки – например, на 3–4 года (в настоящее время максимальный срок составляет 1 год). Требуется развитие сети фирм и учреждений, которые будут готовить трудовых мигрантов во Вьетнаме, еще до их миграции в России. Хорошо бы организовать обучение русскому языку и основам культуры во Вьетнаме, что позволит подготовить трудовых мигрантов к жизни в России и сформирует потоки учебных мигрантов. Немаловажным направлением работы должна стать активизация деятельности в вопросах рекрутинга учебных мигрантов в Россию. Нужно восстановить утраченные научные и образовательные связи, необходимо открывать курса русского языка, распространять литературу, информацию о российских вузах, требуется выделить достаточно количество стипендий и грантов для студентов из Вьетнама.

Источники

1. Акрамов Ф.Ш. Демографическая ситуация и трудовая миграция из Таджикистана в Россию// Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии: Материалы научно-практической конференции (16–17 октября 2006 г.)/ Отв. ред. д.э.н., проф. С.В. Рязанцев. – М., 2006.

2. Байжигитов Н. Трудовая миграция (http://rus.kg/news/policy/8923-pyat-problem-kyrgyzsko-kazahskih-otnosheniy.html) [Дата обращения: 5 января 2013 г.]

3. «Большая тройка» СНГ потеряла половину денежных переводов из России/ Сообщение агентства «Newsru.com» (http://www.newsru.com/finance/25may2009/gastarbeiters.html) [Дата обращения: 1 декабря 2012 г.]

4. В связи с кризисом число трудовых мигрантов в России уменьшилось на 13%/ Сообщение с сайта «Work.ua» (http://www.work.ua/news/world/269/) [Дата обращения: 1 декабря 2012 г.]

5. Данные Центрального банка Российской Федерации (http://cbr.ru) [Дата обращения: 12 января 2012 г.]

6. Данные Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru) [Дата обращения: 21 июня 2013 г.]

7. Двадцать лет Содружеству Независимых Государств 1991–2010: Статистический сборник/ Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2011.

8. Джураева Г. Таджики в России (http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Tadzhiki-v-Rossii) [Дата обращения: 21 января 2013 г.]

9. Жизнь рабов: как трудовые мигранты становятся пленниками. – Заявление Сообщение Московского бюро по правам человека в связи с использованием рабского труда мигрантов через информационное агентство REX от 26 ноября 2012 г. – www.iarex.ru/articles/31509/html [Дата обращения: 25 июня 2013 г.]

10. Иванова Т.Д. Иммигранты в Москве/ Под ред. Ж.А.Зайончковской. – М.: Изд-во «Три квадрата», Институт Кеннана, 2009.

11. Региональный рынок труда в условиях социально-экономической трансформации российской экономики (на материалах Южного Федерального округа)/ Под ред. П.В. Акинина, С.В. Степановой. – Ставрополь: Сервис-школа, 2002.

12. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007.

13. Рязанцев С.В., Маньшин Р.В., Нгуен Кань Тоан. Сравнительный анализ вьетнамской и китайской миграции в Россию// Миграционное право. – № 1, 2013.

14. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию. Экономико-социологическое исследование. – М.: Научный мир, 2011; Миграционные мосты в Евразии: Сборник докладов и материалов участников международного симпозиума/ Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: Экон-информ, 2012.

15. Рязанцев С.В., Хунмэй Я. Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия, подходы к регулированию. – М.: Экономическое образование, 2010.

16. Как организовать и защитить трудовых мигрантов в сельском хозяйстве и смежных отраслях. – Женева: Международный союз работников пищевой и табачной промышленности, сельского хозяйства, гостиничного и

ресторанного обслуживания, общественного питания и смежных отраслей. – Женева, 2008 (www.fpkk.ru/text/migrantsbook.pdf) [Дата обращения: 27 июня 2013 г.]

17. Капиталистическая Корея: война против мигрантов (www.communist.ru) [Дата обращения: 12 января 2012 г.]

18. Киргизия просит помощи в миграции, зовет Россию в Ош и экономику (www.migracia.ru) [Дата обращения: 21 января 2013 г.]

19. Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на Дальнем Востоке России: Заключительный отчет от 10 октября 2011 г. (http://forums.drom.ru/garazh/t115185899.html) [Дата обращения: 22 июня 2013 г.]

20. Митрохин Н. Трудовая миграция из государств Центральной Азии (www.strana-oz.ru) [Дата обращения: 10 января 2012 г.]

21. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2007–2008 гг. – М.: ФМС, 2009.

22. На казахстанско-узбекистанской границе скопились узбекские мигранты/ Сообщение информационного агентства «Kazakhstan Today» от 20 февраля 2013 г. (http://kt.kz/?lang=rus&uin=1253258757&chapter=1153569000) [Дата обращения: 10 января 2012 г.]

23. Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. – М., 2011.

24. Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. – Душанбе: МОМ, 2003.

25. Скоков И. Кто станет вторым по численности этносом в Казахстане? (http://news.headline.kz/chto_v_strane/kto_stanet_vtoryim_po_chislennosti_etnosom_v_kazahstane.html) [Дата обращения: 20 января 2013 г.]

26. Труд и занятость в России 2011.: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2011.

27. Турдиев Т.И. Миграционный аспект устойчивого развития Кыргызстана// Миграционные мосты в Евразии: Сборник докладов участников международного симпозиума (6–7 ноября 2012 г)/ Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. – М.: Экон-информ, 2012.

28. Экспорт рабочей силы из Узбекистана// Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. – М., 2003.

29. Юлдашев Т. Трудовые мигранты из Узбекистана (http://www.proza.ru/2009/06/03/933) [Дата обращения: 12 января 2012 г.]

30. 2 тысячи кыргызских мигрантов будут легально работать в Пензенской области (www.gazeta.kg) [Дата обращения: 21 января 2013 г.]

31. 300 таджиков ждут депортации из России// Аргументы и факты. – 11 ноября 2011 (http://www.aif.ru/society/news/99795) [Дата обращения: 19 января 2013 г.]

32. Analysis of Institutional and Legal Frameworks and Overview of Cooperation Patterns in the Field of Counter-Trafficking in Eastern Europe and Central Asia: Research Report, Vienna, IOM, 2003.

33. Kil-Sang Yoo, Korea: Country Report, Migration and the Labour Market in Asia: Recent trends and policies, Tokyo, The Japan Institute of Labour.

34. Migration trends in Eastern Europe and Central Asia: 2001–2002 Review, Geneva, IOM, 2002.

35. Migration and Remittances Fact book 2011, 2hd Edition, Washington DC, The World Bank, 2011.

36. Pickup F., The Impact of Transition and the Afghanistan Crisis on Employment and Decent Work Concerns in Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. WP № 13, Geneva, ILO, 2003.

37. 2003 Year Book on Illegal Migration, Human Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe: A Survey and Analysis of Border Management and Apprehension Data from 19 States, Vienna, International Centre for Migration Policy Development, 2004.

Глава 13

ВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ

В настоящее время миграционный потенциал российской системы образования в части обучения иностранных студентов используется в России пока слабо. В Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. (2007 г.), отмечается необходимость привлечения квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, привлечение молодежи из иностранных государств для обучения и стажировки в Российской Федерации с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. (2008 г.) в качестве прочих целевых ориентиров прописано «увеличение доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5% общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях, обучающихся из государств – участников СНГ». К сожалению, идея привлечения учебных мигрантов не была четко прописана в Государственной программе стимулирования переселения в России соотечественников. Однако известно, что на уровне согласования региональных программ содействия переселению этому аспекту уделяется определенное внимание. В 2012 г. необходимость привлечения учебных мигрантов была отмечена в новой Концепции миграционной политики.

Парадоксально, но, несмотря на упоминание учебной миграции в этих важных документах, привлечение иностранных студен-

тов пока не стало направлением государственной политики. В последнее время многие российские вузы самостоятельно пытались выходить на образовательные рынки зарубежных стран. Однако, их шаги разобщены, часто они конкурируют между собой, сталкиваются с активной конкуренцией вузов из других стран. Но главное, нет государственной поддержки в этом вопросе – русский язык не продвигается за рубежом, нет государственных программ стажировок и обменов студентами, аспирантами, преподавателями и учеными, не финансируются научно-образовательные проекты, нет политики формирования контингентов абитуриентов за границей.

В итоге, имея огромный потенциал системы образования, Россия обучает только 80–90 тыс. иностранных студентов ежегодно и занимает только 3% рынка образовательных услуг. Главным образом, они приезжают в Россию стихийно, по накатанным каналам – здесь учились их родители, или они этнические русские и родители хотят через них переехать со временем в Россию. В первую десятку стран входят Китай, Казахстан, Индия, Украина, Вьетнам, Узбекистан и др. Студентов из стран СНГ привлекает русский язык, сходство системы образования, родственные связи. Но это явление временное. Китайские, индийские и вьетнамские студенты едут в Россию главным образом потому, что здесь обучение дешевле, чем в экономически развитых странах. Других конкурентных преимуществ у российских вузов пока нет.

Наши исследования во Вьетнаме показывают, что потоки учебных мигрантов, традиционно ориентированные на Россию – переориентируются на США, Канаду, Австралию, Западную Европу, Японию. Согласно данным нашего опроса во Вьетнаме в 2009 г., проведенного среди 300 вьетнамцев 8 провинциях, которые работали или учились в России, 50% не хотели бы учить своих детей в России ни при каких условиях. Причем 42% вьетнамцев уверено, что в России опасно жить. Все больше вьетнамский средний класс ориентируется на обучение своих детей в других странах. Например, в США хотят обучать своих детей 33% вьетнамцев, принявших

участие в опросе, 20% – в Великобритании, 18% – в Австралии, 9% – в Японии. Потому, что 32% абитуриентов изучали во Вьетнаме язык страны – будущего места обучения (как правило, английский). Фактически, это свидетельствует, что Россия потеряла для себя образовательный рынок Вьетнама. Аналогичные процессы начинаются в странах СНГ.

Между тем, образовательная иммиграция молодежи – это один из самых желательных миграционных потоков для страны. Он имеет экономические, политические и социально-демографические эффекты. К числу последних можно отнести увеличение молодежных возрастных групп в возрастное структуре населения, пополнение трудовых ресурсов, численности высококвалифицированных специалистов, развитие национальной системы образования. При всей значимости учебной миграции в настоящее время властями России не предпринимается конкретных шагов по продвижению российских образовательных услуг на зарубежных рынках, не ликвидированы препятствия с точки зрения трудового и миграционного законодательства. До сих пор иностранным студентам официально не разрешается работать в России за пределами своего вуза. Это автоматически выталкивает их в неформальный сегмент рынка труда. Существует много проблем с безопасностью, жилищными условиями иностранных студентов.

В последнее время временные формы миграции – трудовая и учебная – имеют тенденции к переходу в постоянную форму миграции. Многие трудовые и учебные мигранты остаются в России на постоянное место жительства, приобретают вид на жительство и российское гражданство. Трансформация временной миграции в постоянную миграцию – это пока слабоизученное явление, но очевидно, что это явление становиться массовым и влияет на социально-демографическое развитие российских регионов.

Одним из важнейших амортизаторов демографического спада и предотвращения сокращения системы образования может стать привлечение иностранных студентов российские вузы.

Международная образовательная миграция представляет собой перемещения людей между странами с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. К ней относятся перемещения школьников, студентов, аспирантов, докторантов, стажеров, профессионалов, повышающих свою квалификацию в различных структурах, организациях и компаниях. Большую часть образовательной миграции составляет поток учебных мигрантов, которые ориентированы на учебные заведения – школы, колледжи и университеты.

Масштабы образовательной миграции в условиях глобализации стабильно растут, в нее вовлекается все большее количество людей. Однако сведений относительно точной численности всех участвующих в образовательной миграции нет. Имеются сведения только относительно учебных мигрантов. По данным ЮНЕСКО в мире в 2007 г. насчитывалось не менее 3 млн. иностранных студентов, согласно прогнозам, их число к 2010 г. возрастет до 3,7 млн. чел. Наиболее крупными принимающими странами являются США, Великобритания, Германия, Франция, Австралия, Япония, Канада и Испания.

Миграция выступает важным источником пополнения населения в современной России. Образовательную миграцию молодых и перспективных людей целесообразно считать одной из самых желательных для страны, поскольку она имеет целый ряд положительных социальных последствий, в том числе несет «омолаживающий» эффект, пополняет численность трудоспособного населения и высококвалифицированных специалистов на рынке труда, стимулирует культурный обмен и развитие национальной системы образования. При всей значимости данного явления, на наш взгляд, эффекты учебной миграции в настоящее время остаются недооцененными на разных уровнях. В настоящее время в России нет четкой государственной политики в сфере продвижения российских образовательных услуг на зарубежных рынках, отсутствует эффективная миграционная политика в сфере привлечения образователь-

ных мигрантов. Существующая практика по привлечению учебных мигрантов в Россию не увязана с геополитической стратегией, миграционной политикой, вопросами занятости и демографической политикой страны. К сожалению, учебная миграция пока не рассматривается как стратегический ресурс России.

Учебная иммиграция имеет огромное социальное значение для развития России и несет, как минимум, четыре ключевых эффекта: социальный, политический, демографический и экономический.

Социальные эффекты. Прежде всего, учебная миграция играет важную роль в распространении инновационного потенциала, высокотехнологичных отраслей и наукоемких секторов экономики (образование, здравоохранение, связь, IT-технологии). При этом иностранные выпускники вузов могут рассматриваться как ценный потенциальный ресурс пополнения человеческого капитала для нужд экономики, поскольку на учёбу за рубеж едут, как правило, лучшие и наиболее мотивированные молодые люди. В глазах работодателей дополнительную привлекательность им придаёт и то обстоятельство, что, в отличие от многих вновь принимаемых мигрантов, иностранные студенты к моменту завершения учёбы уже владеют языком страны обучения, знакомы с её законами и обычаями, а также правилами и условиями приема на работу. Поэтому иностранные выпускники приглашаются на работу в местные организации.

Иностранные студенты и преподаватели дают позитивные импульсы развитию всей системы высшего образования принимающей страны. Так, на долю иностранцев приходится, например, в Швейцарии – 13%, в США – 8% профессорско-преподавательского состава университетов, и их приток в определенной мере нейтрализует старение вузовских кадров. Иностранные студенты способствуют модернизации их структуры, появлению новых учебных программ, направлений и отделений. Как следствие, повышается качество всей национальной системы образования. В настоящее время в России не ослабевают споры относительно эффективности реформирования системы образования. В этой ситуации потребности иностранных

студентов могут существенно помочь российским вузам эффективно модернизировать учебные планы и содержание курсов, методы и формы обучения, т.е. учебная миграция иностранцев может рассматриваться с социальной точки зрения как эффективный «внутренний преобразователь» системы образования.

Политические эффекты. Поддержка обучения молодых людей принимающими странами представляет собой наиболее эффективный путь влияния на формирование будущей политической и экономической элиты в посылающих странах. Обучение иностранных студентов в данном случае можно рассматривать как инвестиции, обладающие мультипликативным эффектом в среднесрочной перспективе. Через обучавшихся в вузах студентов принимающие страны гораздо эффективнее устанавливают связи с посылающими государствами. Пример нынешних политических лидеров некоторых стран бывшего СССР (Грузии, Латвии, Литвы и др.), обучавшихся в университетах США, в настоящее время очень наглядно демонстрирует проявление политических эффектов учебной миграции. Активную и достаточно эффективную политику по подготовке кадров для развивающихся и социалистических стран проводил Советский Союз. Она была ориентирована на страны Азии, Африки, Латинской Америки, которые декларировали «строительство социализма». Например, в 1961 г. в вузах СССР учились 300 студентов из западноафриканских стран. Советское руководство надеялось, что студенты станут не только высококвалифицированными специалистами, но и друзьями Советского Союза, людьми с прогрессивными взглядами (4, с. 16). После распада СССР, долгое время Россия не уделяла пристального внимания этому вопросу. В итоге, страной были потеряны «завоеванные» с большим трудом и затратами образовательные рынки.

Экономические эффекты. Национальная система образования получает прямые денежные доходы от оплаты обучения иностранными студентами. Прием иностранных студентов стал заметным источником внешних поступлений финансовых средств для многих

экономически развитых стран. Мировой рынок образовательных услуг оценивается в 60–65 млрд. долл. США, в том числе 40% приходится на США и Великобританию. В эту сумму входит оплата за обучение, проживание, транспортные и иные расходы иностранных студентов, стажеров и аспирантов. Согласно прогнозам, рынок образовательных услуг может составить в среднесрочной перспективе 90 млрд. долл. США. Экспорт образовательных услуг уже принес странам ОЭСР около 30 млрд. долл. США, составив 3% общего объема торговли услугами. Например, в Австралии доходы от торговли услугами и товарами, связанными с образованием, являются третьей по важности статьей экспорта услуг, на долю которой приходится 12% его объема.

Среднегодовая стоимость обучения в России иностранных граждан по данным обследования Центра социологических исследований составила 2.680 долл. США, а совокупная плата за обучение всех иностранных студентов, стажеров, аспирантов, а также слушателей подготовительных отделений составила в 2005/2006 учебном году около 170 млн. долл. США (7, с. 163). Плата иностранных студентов за обучение в российских вузах составила в 2007/2008 учебном году около 271 млн. долл. США.

При этом ценовая политика российских вузов различна. Ценовой диапазон зависит от географии расположения вуза, его престижности, от специальности, формы обучения и других факторов. Цены на обучение гораздо выше в Москве, чем в регионах. Эксперты отмечают, что некоторые вузы проводят демпинговую политику в ценообразовании, в том числе, в сегменте иностранных студентов. Как показало исследование, в стране также четко проявляется ценовая дифференциация в подходе вузов к размеру оплаты за обучение для российских и иностранных студентов. По данным Министерства образования и науки России, соотношение цен на обучение в российских вузах для иностранных и российских граждан в 2008 г. было на уровне 2:1. При этом, как правило, для студентов из стран СНГ устанавливаются цены немного выше, чем

для российских граждан, но меньше, чем для представителей дальнего зарубежья.

Расходы на питание, досуг, плата за проживание, транспорт иностранных студентов в России могут составлять не менее 250 млн. долларов США в год. Расходы сильно зависят от типа города. Наиболее дорогим для студентов является Москва, в которой приходится тратить на питание, проезд, услуги связи, книги, канцелярские товары гораздо больше, чем в провинции. В среднем, по данным нашего исследования, иностранные студенты в Москве тратят на указанные цели от 10 до 15 тыс. руб., в областных и краевых центрах от 8 до 12 тыс. руб. В большинстве случаев им помогают родители.

Как показало исследование, родители часто пересылают деньги студентам в Россию. В связи с этим обратимся к данным Центрального банка России относительно денежных переводов в страну. В отношении стран СНГ можно утверждать совершенно четко, что значительная часть денег, направляемых в Россию, представляет собой внутрисемейные трансферты – оплату за обучение и материальную помощь родителей детям, которые обучаются в российских вузах. Объемы денежных переводов из стран СНГ в Россию стабильно росли на протяжении последних лет, достигнув своего максимума в 2007 г. – 868 млн. долл. США. По данным Центрального банка России, в 2007 г. средний размер одного денежного перевода в Россию составлял 575 долл. США.

В разрезе стран нужно отметить ведущую роль Казахстана, Узбекистана и Украины. Именно эти государства являются крупнейшими «поставщиками» студентов в Россию из СНГ. Например, из Казахстана в Россию в 2007 г. было переведено 205 млн. долл. США, а из Узбекистана в Россию – 201 млн. долл. США. Ведущие позиции государств в списке лидеров по числу учебных мигрантов и объемам денежных переводов доказывают тесную связь между этими феноменами. В 2007 г. Казахстан был единственной страной в СНГ, с которой у России было положительное сальдо по денежным переводам. Это означает, что из Казахстана в Россию посту-

пило больше денег, чем было переведено из России в Казахстан. Иначе, объемы учебной миграции из Казахстана в Россию оказались выше, чем объемы трудовой миграции.

Таким образом, расходы иностранных студентов, связанные с обучением и проживанием в России, могут составлять примерно 520 млн. долл. США. Если из этих денег вычесть стоимость учебы и проживания иностранных граждан, которые обеспечены знаниями и жильем за счет средств российского федерального бюджета и бюджетов российских вузов (около 25 млн. долл. США), то полученный в итоге «чистый экономический эффект» для России составил 495 млн. долл. США. Если принимать во внимание, что на студентов из СНГ приходится 38% всех иностранных студентов, то экономический эффект от учебной миграции именно из СНГ составил для России не менее 188 млн. долл. США. Однако, это не предел, так как потенциальный объем российского рынка образовательных услуг может составлять около 4 млрд. долл. США, в том числе, из них до 2 млрд. долл. США могут приносить студенты из СНГ. Пока Россия не полностью использует свои возможности в отношении обучения иностранных студентов.

Демографические эффекты. Иностранные студенты, которые остаются после окончания вузов в принимающей стране – это также демографический потенциал. Иностранные выпускники российских вузов, получившие образование, владеющие языком, понимающие местную культуру, адаптированные к национальному рынку труда, могут рассматриваться как наиболее желательная категория мигрантов, способных быть хорошими работниками и законопослушными гражданами. В настоящее время большинство развитых стран сталкивается с проблемами недостатка высококвалифицированных трудовых ресурсов, а некоторые с серьезными демографическими проблемами. Например, недостаток специалистов в области информационных технологий в США составляет порядка 850 тыс. чел., в Европе – около 2 млн. чел. Как показывает практика, только за счет внутренних резервов (в частности, разви-

тие соответствующих направлений в образовании и переквалификации), проблему удовлетворения высокого спроса на профессионалов решить не удается. Во многих странах существует высокий спрос на специалистов в области информационных технологий, космической и авиационной техники, здравоохранения, образования и др.

С начала 1990-х гг. Россия и многие ее регионы столкнулись с проблемой сокращения численности населения, а в скорой перспективе начнет сокращаться численность трудовых ресурсов. Кроме того, население России продолжает стареть, растут затраты на пенсионную систему. Учебная миграция может быть одним из ресурсов, который в состоянии отчасти замедлить эти негативные процессы. Конечно, учебная миграция не может решить полностью всех демографических проблем России. Прежде всего, необходимо стимулировать рождаемость и снижать смертность, но учебная миграция может быть весьма существенным компонентом компенсации потерь населения в стране. Таким образом, в России сложились объективные демографические предпосылки для привлечения учебных мигрантов.

Как показывает социологический опрос, проведенный в 2007 г. Центром социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН в шести городах России, более половины иностранных студентов ориентированы на рождение двоих детей, примерно 19% – на рождение троих детей, порядка 9% – на рождение четверых детей. Только 2% опрошенных студентов не хотят иметь детей.

На основании данных социологического опроса мы сделали расчеты демографических эффектов для России на примере потока учебных мигрантов из стран СНГ и Балтии. По данным Министерства образования и науки Российской Федерации в 2006 г. российские вузы окончили 6.556 граждан стран СНГ и Балтии. Причем, как показывает исследование, многие иностранные студенты из СНГ и Балтии еще в процессе учебы получают российское гражданство.

Если принять во внимание, что примерно пятая часть иностранных студентов настроена на то, чтобы остаться жить и работать в России, из указанного числа выпускников это примерно 1.300 чел. Во-первых, эти люди пополнят население России, т.е. несут прямой демографический эффект. Кроме того, у них родятся дети, что будет иметь демографический эффект в перспективе. По нашим расчетам, учитывая дифференцированные установки на рождение детей, от выпускников вузов 2006 г. из стран СНГ и Балтии, желающих остаться в России, может родиться 3.161 ребенок. Таким образом, мы получим в лице иностранных выпускников российских вузов не только квалифицированную рабочую силу, но и новые семьи и детей, что в условиях демографического спада очень важно.

Некоторые эксперты отмечали значимость учебной миграции в решении демографических проблем. Они считают, что учебная миграция может частично решить проблему сокращения числа абитуриентов, которое ожидается. Некоторые эксперты рассматривают иностранных выпускников как важный ресурс для российского рынка труда. В стране в октябре 2007 г. Указом Президента была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года, в которой отмечается необходимость стимулирования учебной миграции молодежи в страну.

В качестве приоритетной задачи обозначается необходимость привлечения квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, привлечение молодежи из иностранных государств (прежде всего из государств – участников СНГ и Балтии) для обучения и стажировки в Российской Федерации с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы.

В настоящее время правительства многих принимающих стран мира фокусируют свои миграционные политики в направлении привлечения учебных мигрантов, которые могут рассматриваться как

значительный капитал. Резервы российской системы образования не исчерпаны, тем более, что вузы нуждаются в средствах и абитуриентах. Многие вузы самостоятельно пытаются выходить на правительства зарубежных стран с предложениями обучать иностранных студентов в России. Однако, в условиях усиления конкуренции в мире, в этом вопросе требуется государственная политика продвижения за границей российской системы образования и русского языка, которая учитывала бы позитивный опыт зарубежных стран. Для достижения уровня стран-лидеров мирового рынка образовательных услуг, России необходимо разработать Концепцию по расширению конкурентоспособности страны в сфере экспорта образовательных услуг.

Цель концепции – привлечение образовательных и учебных мигрантов в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья в интересах демографического, политического, социально-экономического развития страны.

Задачи концепции:

1. Создание благоприятных условий для привлечения и обучения иностранных образовательных и учебных мигрантов в Российской Федерации.

2. Формирование миграционного потенциала для пополнения числа образовательных и учебных мигрантов в Российской Федерации.

3. Совершенствование миграционной политики страны в направлении облегчения режима въезда, пребывания и получения гражданства образовательными и учебными мигрантами из-за рубежа в Российской Федерации.

4. Стимулирование интеграции учебных мигрантов в общество и национальную экономику.

Механизмы реализации концепции:

– разработка государственной программы стимулирования учебной миграции в Россию;

– активизация работы по формированию миграционного потенциала молодежи для обучения в России, в том числе по направ-

лениям распространения русского языка и работы с абитуриентами в странах происхождения учебных мигрантов;

– внесение изменений в нормативно-законодательные акты, касающиеся вопросов регулирования миграционного, трудового и пенсионного права, затрагивающих вопросы пребывания и адаптации учебных мигрантов в России;

– разработка программ привлечения учебных мигрантов из-за рубежа на уровне субъектов Российской Федерации;

– информационно-рекламные кампании по привлечению иностранных учебных мигрантов в Россию, отдельные регионы и университеты;

– активизация деятельности российских университетов в направлениях привлечения, обустройства и работы с иностранными студентами.

Меры по привлечению учебных мигрантов и экспортной экспансии российских вузов. Проведенное исследование, основанное на комплексном подходе и обработке разнообразных источников информации, показало, что для расширения позиций российского сегмента на мировом рынке образовательных услуг необходимо реализовать комплекс мер на трех уровнях: государственном, региональном и университетском. Необходимым условием достижения поставленной цели является взаимодействие и координация деятельности всех трех вышеперечисленных уровней.

1. Меры на уровне государства.

1.1. Внести поправки в Закон об иностранных гражданах в России, касающиеся возможностей трудоустройства и работы иностранных студентов, аспирантов и докторантов, а также членов их семей в России без получения разрешения в определенном объеме часов. Целесообразно также внести необходимые изменения в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» с учетом новых требований к пребыванию иностранных учащихся (студентов, аспирантов, стажеров) на территории Российской Федерации.

1.2. Внести изменения в Закон об учете иностранных граждан, который позволит людям с высшим образованием в упрощенном порядке регистрироваться по месту пребывания в России на длительные сроки.

1.3. Внести поправки в Закон о гражданстве с целью автоматического предоставления российского гражданства выпускникам российских вузов и членам их семей. В перспективе необходимо внести в Федеральный закон «О гражданстве» положение, предусматривающее предоставление без всяких условий российского гражданства соотечественникам, пожелавшим после обучения в российских вузах остаться на постоянное место жительства в России. В свою очередь, это потребует от российской стороны определенных гарантий их трудоустройства по специальности, для чего потребуется внедрение не только планов подготовки квалифицированных кадров и специальных программ, но также и соответствующих изменений и дополнений в Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации».

1.4. Внести изменения в Налоговый кодекс России, освободив от налогов расходы вузов, связанные с обучением иностранных студентов и аспирантов. Необходимо кардинальное решение вопроса о налогообложении системы образования с существенными изменениями в гражданском, бюджетном и налоговом законодательстве с четким разделением бюджетного финансирования и внебюджетных источников. Увеличение последних связано с процессом преобразования рынка платных образовательных услуг. Это станет возможным в результате уменьшения видов учебных услуг, предоставляемых за счет государственных средств, и введения образовательных услуг, требующих оплаты со стороны обучаемого или работодателя, а также при формировании собственной материально-технической базы, прежде всего, за счет реализации права на предпринимательскую деятельность на основании ст. 47 Закона РФ «Об образовании».

1.5. Внести дополнения в Государственную программу содействия стимулированию возвращения соотечественников в отноше-

нии возможности участия в программе молодых людей, обучающихся в российских вузах.

1.6. Разработать специальную Государственную программу привлечения образовательных мигрантов с финансированием из федерального бюджета, направленную на привлечение иностранных студентов, аспирантов, докторантов, ученых и стажеров в Россию независимо от стран их происхождения (включая ближнее и дальнее зарубежье). В настоящее время образовательная миграция не рассматривается как значимый миграционный поток, он существует сам по себе, без всякой государственной поддержки.

1.7. Создать государственный фонд продвижения русского языка через систему русских языковых центров за рубежом, а также оказать содействие русским школам. Необходимо более активное продвижение русского языка и русской культуры на образовательных рынках различных стран, откуда возможно черпать потенциал образовательных мигрантов. Нужно использовать опыт Великобритании, которая через «Британский совет» открывает центры и представительства, в которых обучают английскому языку, распространяют английскую культуру, чем привлекают абитуриентов и студентов к обучению в Соединенном королевстве.

1.8. Необходимо подписать и развивать соглашения о взаимном признании дипломов между Россией и странами, отдающих в Россию образовательных мигрантов. Это признание аттестатов на уровне школ, дипломов университетов, дипломов кандидатов и докторов наук, свидетельств об аттестации. В первую очередь требуется подписать такие соглашения со странами, из которых Россия уже принимает образовательных мигрантов.

1.9. Провести ревизию, актуализировать устаревшие и подписать новые двухсторонние соглашения о возможности обучения и стажировок между Россией и зарубежными странами.

2. Меры на уровне регионов.

2.1. В региональные программы стимулирования возвращения соотечественников внести позиции, связанные с привлечением образовательных мигрантов в Россию.

2.2. Подписать протоколы (соглашения) между регионами России и регионами происхождения образовательных мигрантов в различных странах с целью их привлечения в средние специальные и высшие учебные заведения.

2.3. На региональном уровне выделять стипендии для обучения в вузах России наиболее талантливой молодежи из стран ближнего и дальнего зарубежья.

2.4. За счет средств регионального бюджета и университетов проводить регулярные выставки образования в странах и регионах, из которых происходит основная часть учебных мигрантов.

2.5. Частично финансировать (возможно, половину) строительство студенческих городков («кампусов»), общежитий, объектов транспортной и социально-экономической инфраструктуры совместно с вузами, привлекающими иностранных студентов.

2.6. Ввести систему транспортных карт для студентов, в том числе иностранных студентов и абитуриентов, с правом льготного проезда на общественном транспорте, включая междугородние и международные направления на железнодорожном, автомобильном и авиационном транспорте.

3. Меры на уровне университетов.

3.1. Повысить безопасность и качество социально-бытовых услуг, предоставляемых иностранным студентам, в том числе обеспечить безопасность на территории студенческих городков и в общежитиях, улучшить условия проживания, качество питания и бытовых услуг, снизить плату за общежитие для иностранных студентов.

3.2. Улучшить качество образовательных услуг для иностранных студентов, в том числе, упростить доступ к библиотечным фондам и современным информационным ресурсам. Дать возможность бесплатно пользоваться Интернетом на территории университетов; регулярно обновлять программы обучения и учебно-методического оснащения в вариативной части учебного планы с учетом интересов иностранных студентов; расширять спектр дисциплин, преподаваемых на иностранных языках.

3.3. Повысить требования к преподаванию дисциплин учебного плана и овладению русским языком после обучения на подготовительном отделении.

3.4. Подписать соглашения между университетами и компаниями, государственными учреждениями и научно-исследовательскими институтами о предоставлении ими своей базы для практик и стажировок по ряду специальностей.

3.5. Повысить эффективность взаимодействия с иностранными студентами вспомогательных структур университетов (международных отделов, отделов аспирантуры, жилищно-коммунального сектора, отдела регистрации и пр.), в том числе расширить часы приема, увеличить персонал, ликвидировать очереди, упростить процедуры паспортно-визовой поддержки на уровне университетов.

3.6. Увеличить расходы на рекламу университетов и программ за рубежом, в том числе развивать интернет-ресурсы, информирующие об университетских программах и деятельности университетов в России; распространять информацию об университетах через посольства, консульские учреждения и представительства Федеральной миграционной службы России.

3.7. Активизировать работу с организациями выпускников российских вузов за рубежом для информирования потенциальных абитуриентов о возможностях обучения в российских университетах.

3.8. Разработать государственный маркетинговый план по привлечению иностранных студентов с конкретными показателями. Россия могла бы более активно черпать миграционный потенциал из числа молодежи в СНГ, а также в некоторых развивающихся государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Наши исследования потенциала зарубежных образовательных рынков показывают, что страны отличаются друг от друга с точки зрения предпосылок и перспектив расширения экспорта образовательных услуг России. Основными критериями, которыми необходимо руководствоваться России при выборе стратегии продвижения обра-

зовательных услуг на зарубежных рынках, являются демографический, социально-экономический и исторический факторы.

Демографический фактор, т.е. динамика численности населения и его половозрастная структура. Более перспективными рынками можно считать страны с растущим населением и значительной долей молодых возрастов в населении. В настоящее время рост населения характерен для некоторых развивающихся стран, здесь также увеличивается абсолютная численность и доля молодых людей в общей численности молодежи. В большинстве своем это страны Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной и Восточной Азии, Индия. На территории бывшего СССР к таким государствам можно отнести Узбекистан и Таджикистан. Многие страны мира испытывают сокращение численности населения или имеют нулевой прирост населения. Они в меньшей степени перспективны для притока иностранных студентов в Россию.

Социально-экономический фактор, т.е. особенности и перспективы социально-экономического развития стран, темпы роста экономики, динамика социально-экономического развития, тенденции формирования среднего класса. С этой точки зрения для России безусловный интерес представляют «растущие» экономики азиатских стран Китая, Индии, Вьетнама, стран Ближнего Востока, Латинской Америки, в СНГ – Казахстан. Во всех этих государствах экономический рост часто опережает социальное развитие, системы образования не успевают «поглощать» значительный потенциал молодежи из числа среднего класса, способного платить за обучение, что вызывает образовательную эмиграцию за границу. Поэтому на эти страны Россия также должна обратить особое внимание при реализации своей стратегии экспорта образовательных услуг.

Исторический фактор, т.е. особенности развития и традиции взаимодействия России с различными странами, в том числе в области научно-технического сотрудничества и учебной миграции. У России имеется положительный и достаточно давний опыт привлечения учебных мигрантов из различных стран, прежде всего, из

республик бывшего СССР, стран Восточной Европы, Вьетнама, Монголии, Индии, Афганистана, Кубы, КНДР, африканских государств. Как показывают наши исследования, наличие «сетевых связей», традиций обучения во многом предопределяет выбор студентами страны обучения. Например, родители многих нынешних иностранных студентов получили образование в университетах СССР или России.

При формировании политики привлечения учебных мигрантов необходимо концентрировать усилия на странах, в которых сочетаются три фактора – исторический, социально-экономический и демографический. Государства, в которых есть подобное сочетание, представляют собой наиболее перспективные рынки для расширения экспорта образовательных услуг российскими вузами. К ним относятся Китай, Вьетнам, Индия, Таиланд, страны СНГ в Центральной Азии (прежде всего, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан), ряд государств Ближнего Востока (ОАЭ, Сирия, Ливан, Иордания), Африки (Египет, Ливия, Танзания, Эфиопия) и Латинской Америки (Куба, Венесуэла, Бразилия).

В первую очередь Россия должна продвигать экспорт образовательных услуг именно на этих рынках. Подобная концентрация усилий даст больший эффект для России.

Источники

1. Письменная Е.Е. Учебная иммиграция в Россию: современные тенденции. – М.: «Экономическое образование», 2008.

2. Письменная Е.Е. Социальные эффекты учебной миграции и политика в сфере привлечения иностранных студентов в России и за рубежом. – М.: Издательство «Экономическое образование», 2009.

3. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник/ министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: ЦСП, 2007.

4. Global Education Digest 2011. Comparing Education Statistics Across the World. — UNESCO Institute for Statistics, Montreal, 2011.

Глава 14

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

На протяжении достаточно длительного исторического периода, в поле зрения государственного управления общественными процессами, обязательно попадает миграция населения. Притом влияние на неё становилось успешным только в том случае, если при разработке государственной миграционной политики квалифицированно использовалась, учитывалась, анализировалась информация о различных аспектах социально-экономической ситуации, оказывающей влияние на миграционное поведение населения. Достаточно сравнить два периода: до и после 1991 года.

Глобальный общественно-политический перелом, произошедший в истории России в 1991 году, не мог, не отразится на миграционном поведении населения бывшего Союза ССР. Резко, на протяжении двух-трех лет изменилась мотивация, направления и масштабы миграционных процессов. Анализ миграционной ситуации начала 90-х годов выявил несколько отличительных особенностей этого периода.

Произошли значительные изменения в миграционном обмене России с бывшими союзными республиками. Положительное сальдо миграции в пользу России с 1989 г. по 1995 г. увеличилось в 3,7 раза. Причем, что важно отметить, не столько за счет увеличения притока населения в Россию, сколько за счет резкого сокращения его оттока (рисунок 14.1).

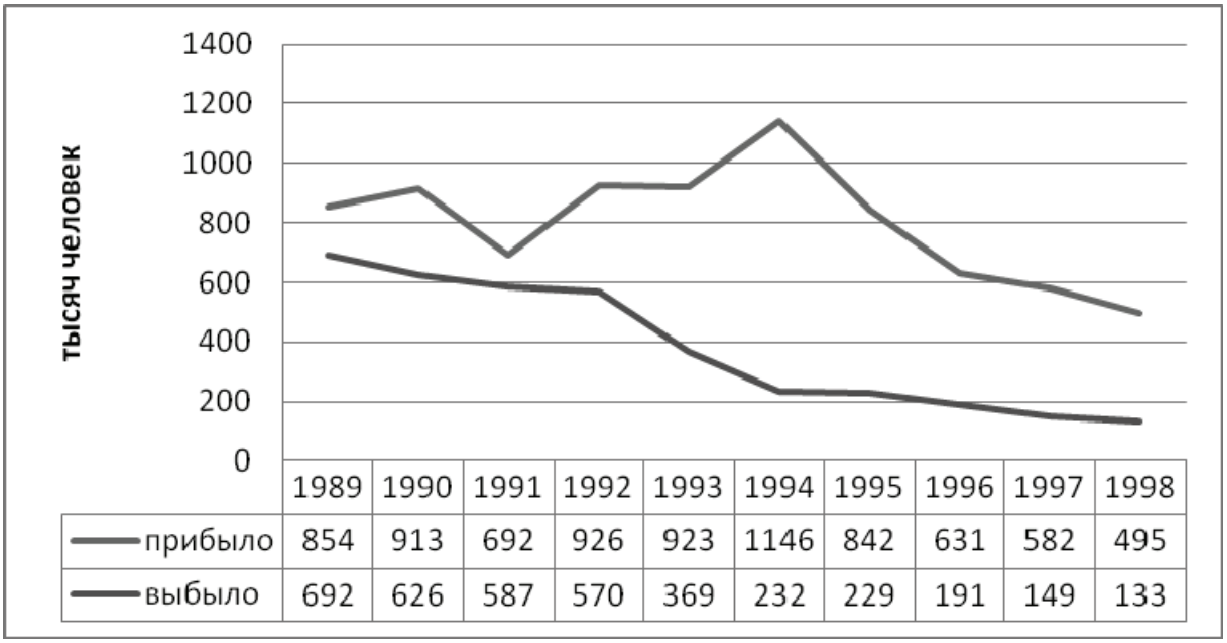

Рис. 14.1. *Межгосударственная миграция России и стран СНГ с 1989 по 1998 г.*

Таблица 14.1.

Межреспубликанская (межгосударственная) миграция со странами СНГ и Балтии

Страны	Миграционный прирост (убыль) в России.								
	в среднем за период				Годы				
государства-участники СНГ и страны Балтии, всего	1971–75	1976–80	1981–85	1986–90	1991	1992	1993	1994	1995
	80,3	**120,5**	**167,7**	**184,2**	**104,9**	**355,7**	**553,8**	**914,6**	**612,2**
Украина	20,9	17,2	45,5	16,4	-66,1	-110,0	17,3	139,0	89,0
Белоруссия	7,3	5,9	5,9	7,8	-4,7	-21,3	-11,4	15,6	10,1
Узбекистан	-0,8	13,8	11,2	30,6	35,9	86,4	70,6	135,4	97,1
Казахстан	39,8	49,0	53,3	49,0	29,5	96,6	127,0	304,5	191,0
Грузия	7,9	9,2	10,1	11,6	28,7	46,2	65,0	62,2	47,3
Азербайджан	7,6	10,2	17,3	31,2	20,7	50,8	43,1	43,4	37,8
Литва	-1,5	-1,3	-1,0	0,3	4,4	11,7	17,0	6,9	2,8
Молдавия	-1,2	2,1	4,8	4,0	2,5	9,9	4,5	12,0	10,5
Латвия	-3,6	-2,8	-1,8	-0,9	5,8	23,2	23,7	25,0	13,7
Киргизия	3,4	8,4	7,1	8,8	17,7	49,8	86,7	56,5	18,3
Таджикистан	-0,6	4,1	5,5	12,9	17,6	66,7	62,9	42,0	38,5
Армения	3,0	4,6	7,5	7,6	4,1	12,0	27,9	44,6	31,3
Туркмения	0,2	2,9	4,8	5,2	4,5	12,0	6,8	17,4	17,2
Эстония	-2,3	-3,0	-2,4	-0,2	4,2	21,8	12,8	10,2	7,7

В 1989 г. на 100 человек, выехавших из России, приходилось 124 прибывших, в 1993 г. это соотношение составило 100:250, в 1995 г. – 100: 367. Половина прибывших – это жители Казахстана и Средней Азии, пятая часть – Украины, 17% – государств Закавказья. «Рекордного» уровня показатели притока и миграционного прироста достигли в 1994 году. (рисунок 14.1).

В структуре причин и факторов межреспубликанской миграции на одно из первых мест вышли бегство от войн и преследований: миграция приобрела ярко выраженный вынужденный характер. Практически ежегодно менялась структура вынужденных мигрантов, получивших в Российской Федерации статус вынужденного переселенца или беженца с точки зрения регионов выезда (Таблица 14.2).

Таблица 14.2.

Численность и структура вынужденных мигрантов из отдельных регионов, прибывших в Российскую Федерацию с 1992 по 1996 годы

	1992	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1992–1996**
Численность вынужденных мигрантов (переселенцев и беженцев) тыс.чел.	160,3	323,3	254,5	291,3	172,7	1202,1
Доля вынужденных мигрантов, прибывших из отдельных регионов в их общей численности: в %% к итогу						
Таджикистана	**40,8**	**21,2**	9,6	9,9	11,6	**15,9**
Азербайджана	**20,5**	13,8	5,4	4,8	1,7	8,9
Казахстана	0,2	2,4	**25,0**	**32,6**	**32,0**	**17,9**
Узбекистана	2,0	5,7	**23,0**	**21,8**	11,0	**13,3**
Грузии	**15,5**	**20,4**	6,9	4,0	6,0	9,7
Молдавии	6,4	1,3	1,1	0,7	0,8	1,2
Чечни	13,5	12,3	8,6	12,4	**20,0**	**12,6**
Сев.Осетии-Алании	0,1	12,8	0,2	0,1	0,1	3,3

Внутренняя вынужденная миграция из регионов Северного Кавказа уже в начале 90-х годов приобрела достаточно массовый характер. К концу 1994 г. в регионах России в качестве вынужденных

переселенцев было зарегистрировано более 80 тыс. человек, выехавших из Чечни (в тот период главным образом из Грозного), и 6,5 тыс. вынужденных переселенцев, выехавших из Северной Осетии.

В 1989 г. впервые после Великой Отечественной войны на территории России появились беженцы. Первоначально это были граждане Советского Союза, ищущие убежище на территории России от вооруженных конфликтов в Узбекистане (свыше 20 тыс. турок-месхетинцев); в 1990 г. – жертвы этнических конфликтов в Сумгаите, Баку, Нагорном Карабахе; в 1991 г. – выехавшие из районов конфликтов в Грузии и Южной Осетии (100 тыс. осетин).

На миграционную ситуацию того периода коренным образом повлияло ослабление контроля внешних границ. Одновременно в начале 90-х годов западные страны ужесточили режим въезда иностранных граждан. В результате на территорию России хлынули первые потоки незаконной транзитной миграции.

На развитие миграционной ситуации оказало также влияние вхождение России в международный рынок труда. Это проявилось, с одной стороны, в выезде российских граждан в поисках трудоустройства за рубеж, а с другой, – в использовании иностранной рабочей силы на территории России (рис. 14.2).

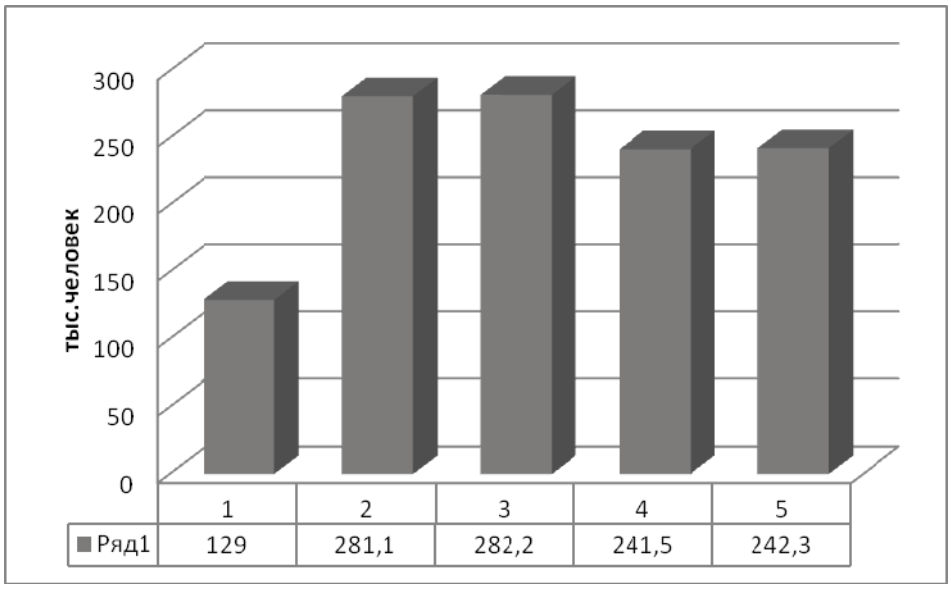

Рис.14.2. *Динамика численности иностранной рабочей силы (ИРС) в РФ с 1994 по 1998 г. (тыс.чел.).*

В это же время началось изменение направлений, объемов и интенсивности внутренних миграционных потоков. Масштабы и направления внутренней экономической миграции в полной мере отражают особенности переходного периода. Сократился общий миграционный оборот (сумма прибытий и выбытий) в целом по России: к 1993 г. он составил лишь 60% объема 1989 г. Произошло это главным образом за счет сокращения миграционного оборота внутренней миграции. Но при этом резко возрос отток из регионов Сибири и Дальнего Востока. (Рисунок 14.3). В 1989 г. миграция в пределах страны составляла 4,7 млн. человек, в 1994 г. – 3,0 млн. человек.

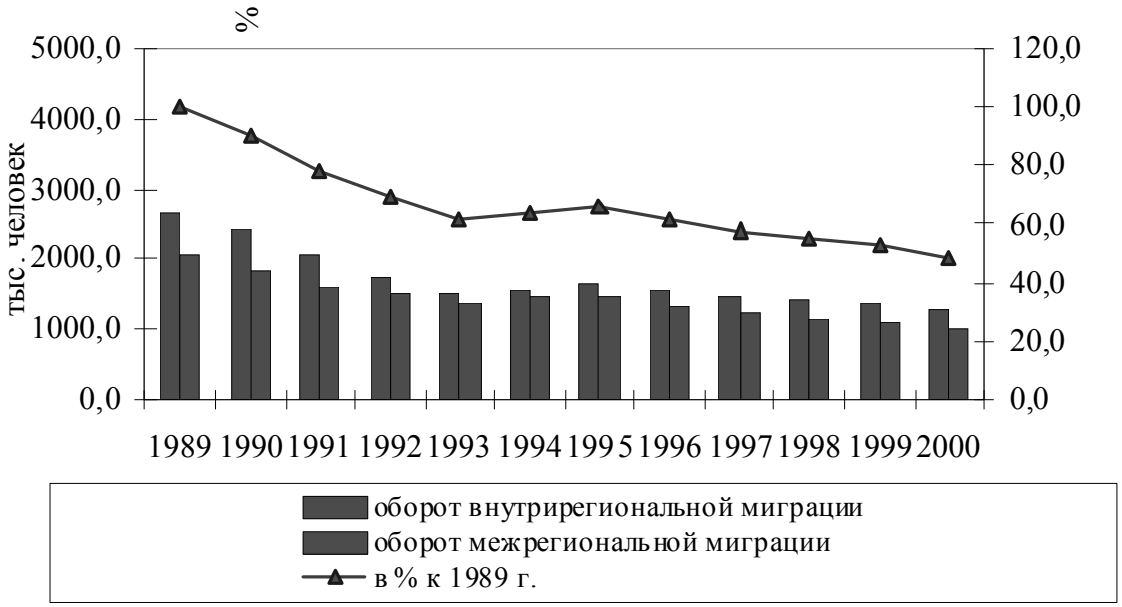

Рис. 14.3. *Оборот внутренней миграции с 1989 по 2000 годы*

Однако процессы внутреннего миграционного обмена между регионами и в пределах регионов между городской и сельской местностью, хотя и обозначили новые тенденции, но не приобрели столь драматического характера, как процессы иммиграции и внутренней вынужденной миграции.

Поэтому, среди всех названных проблем наиболее заметными, осязаемыми, требующими оперативного государственного вмешательства были в начале и середине 90-х годов проблемы внешней и внутренней вынужденной миграции и нелегальной иммиграции. Эти процессы заслонили и отодвинули на второй и третий планы

не менее опасное явление для социально-экономического развития и стабильности – трансформацию внутренних миграционных процессов.

Все более экстремальное развитие миграционных процессов настоятельно требовало приведения в систему всех принимавшихся мер, выработки миграционной политики, адекватной сложившейся ситуации, разработки механизмов ее реализации. Распоряжением Президента РСФСР «Об организации работы по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» 14 декабря 1991 г. предусмотрено:

- определение мер защиты прав и интересов российских граждан, проживающих в других государствах – бывших республиках, и мер по оказанию помощи и созданию условий для приема и размещения тех лиц, которые вынуждены переселиться в Россию;
- образование Комитета по делам миграции населения при Министерстве труда и занятости РФ;
- завершение разработки республиканской долговременной программы «Миграции».

Основные направления миграционной политики России и были **впервые** сформулированы в республиканской долговременной программе «Миграция», утвержденной Правительством Российской Федерации 18 мая 1992 г.

В качестве приоритетных направлений миграционной политики в этой программе были названы:

- защита прав и интересов граждан Российской Федерации, проживающих как на ее территории, так и за ее пределами, в соответствии с принятой Верховным Советом Российской Федерации Декларацией прав и свобод человека и гражданина и Законом России «О гражданстве РСФСР»;
- управление миграционными процессами в Российской Федерации, регулирование въезда и выезда мигрантов в Россию, миграционный контроль, минимизация неконтролируемых миграционных потоков;

• содействие социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации путем создания законных и гуманных условий их приема и размещения; оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам;

• сотрудничество с международными организациями в области миграции.

Таким образом, исходя из конкретных политических и социально-экономических условий, сложившихся в Российской Федерации, требований норм международного права, опыта реализации этих требований в различных странах, Россия провозгласила основополагающие принципы миграционной политики.

Для реализации провозглашенных принципов и решения приоритетных задач и основных направлений миграционной политики потребовалось создание новой для России системы, включающей институциональную структуру, нормативно-правовую базу, механизмы и инструменты реализации политики и ее финансовое обеспечение.

Трансформация миграционной ситуации в России в начале 90-х годов вызвала необходимость разработки и реализации новой миграционной политики, приема и обустройства на своей территории огромных масс обездоленных людей, борьбы с незаконной миграцией. Отсутствовал необходимый опыт, средства, законодательная база и система органов государственной власти, на которую необходимо возложить решение миграционных проблем.

Указом Президента Российской Федерации в июне 1992 г. практически в условиях чрезвычайной ситуации была создана Федеральная миграционная служба России (ФМС России), на которую были возложены функции головного и координирующего органа по миграционной политике. Новая структура должна была максимально оперативно включиться в решение в первую очередь абсолютно новых и очень болезненных проблем по приему, размещению и обустройству вынужденных мигрантов.

Первое Положение о ФМС России было утверждено в марте 1993 г. В 1993–94 гг. на ФМС России были дополнительно возло-

жены функции организации иммиграционного контроля, разработки и реализации мер в области внешней трудовой миграции. Задачи, поставленные перед ФМС России, можно было сгруппировать в четыре основных блока:

- создание и совершенствование миграционного законодательства;
- прием и размещение вынужденных переселенцев и беженцев, оказание содействия в их обустройстве;
- создание системы иммиграционного контроля;
- разработка механизмов государственного регулирования внешней трудовой миграции.

Первый федеральный орган по миграции в структуре исполнительной власти, как видно из сказанного, не занимался вопросами внутренней миграции. Вся система в первую очередь была «настроена» на работу с вынужденной миграцией, так как нелегальная миграция (незаконная по характеру въезда и пребывания на территории Российской Федерации, в том числе и с целью трудовой деятельности), также носила характер вынужденной миграции.

На протяжении 1992–93 гг. была создана во всех субъектах Российской Федерации система региональных органов ФМС России строго вертикального подчинения: территориальные миграционные службы (ТМС), в 32 субъектах – центры временного размещения вынужденных переселенцев (ЦВР), центры временного размещения иностранцев (ЦВРИ), пункты первичного приема (ППП), посты иммиграционного контроля (ПИК), базы материально-технических ресурсов, центр медико-психологической реабилитации вынужденных переселенцев, учебно-методический центр, несколько позже – представительства ФМС России за рубежом.

Реализация государственной миграционной политики осуществлялась через систему органов, учреждений и подведомственных организаций ФМС России в контакте с другими федеральными органами законодательной и исполнительной власти, органами исполнительной власти в субъектах федерации, международными, обще-

ственными, неправительственными и благотворительными организациями.

Через систему территориальных миграционных служб осуществлялась непосредственная реализация норм законодательства в области вынужденной миграции.

За время самостоятельного функционирования ФМС России (с 1992 по 1999 г.) в территориальные органы обратились и прошли процедуру определения правового статуса почти 1,8 млн. человек, в отношении 1432 тыс. человек вопрос был решен положительно. С июля 1997 г. начал механизм снятия с учета по истечении срока действия статуса вынужденного переселенца.

В переходный период от административно-плановой системы управления к использованию преимущественно рыночных регуляторов широкое распространение получили проблемно ориентированные целевые программы как метод реализации задач комплексного характера с многофакторной и многофункциональной внутренней структурой. Требования к разработке и реализации федеральных целевых программ были сформулированы в нормативном документе, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации в 1995 г. № 594.

В области миграционной политики весь спектр необходимых требований для формирования и реализации федеральной миграционной программы сложился несколько раньше – уже к 1992 г.

Для достижения поставленных целей и реализации задач в области миграционной политики, вскоре после разработанной в 1992 г. республиканской долговременной программы «Миграция» (одобрена Постановлением Совета Министров Российской Федерации № 327 от 18 мая 1992 г.), была разработана первая Федеральная целевая программа по миграции – Федеральная миграционная программа (далее ФМП), одобренная Указом Президента Российской Федерации от 9 августа 1994 г. № 1668.

В соответствии с приоритетностью стоявших перед страной проблем, полностью в соответствии с задачами, поставленными

перед ФМС России, ФМП включала четыре основных направления деятельности:

- создание и совершенствование миграционного законодательства;
- прием и размещение вынужденных переселенцев и беженцев, оказание содействия в их обустройстве;
- создание системы иммиграционного контроля;
- разработка механизмов государственного регулирования внешней трудовой миграции.

Не стало приоритетным направление в области регулирования внутренней миграции, хотя при характеристике миграционных процессов наряду с вынужденной, внешней, внешней трудовой и незаконной миграцией в отдельный самостоятельный блок и были выделены проблемы внутренней миграции.

Федеральная миграционная программа просуществовала до 2002 г. Она трижды корректировалась, уточнялась и утверждалась на следующие краткосрочные периоды: на 1996–1997 гг. – Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 августа 1996 г. № 935; на 1998–2000 гг. – Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414; на 2001 г. – Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2000 г. №1034 «О продлении срока реализации некоторых федеральных целевых и иных программ» (п. 48).

Таким образом, попытки влияния на миграционную ситуацию в России, на мотивацию миграционного поведения населения, управление миграционными процессами через формирование и реализацию определенной концепции миграционной политики насчитывают в России без малого 20 лет. Первый масштабный документ под названием проект государственной миграционной политики готовился и регулярно обсуждался, начиная с 1995 года. В мае 1999 года он был представлен на парламентских слушаниях, в работе которых, приняли участие около тысячи представителей органов законодательной и исполнительной власти, экспер-

тов, общественности, переселенческих организаций. После нескольких туров доработки, совершенствования, переработки и согласований документ был одобрен распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р под названием Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.

Начиная с 2002 года, принимается ряд федеральных законов с целью реализации положений этого документа. Это Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07. 2002 № 115-ФЗ, содержащий основные нормы для реализации Концепции регулирования. Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации от 18.07.2006 г. №109-ФЗ. Эти законодательные акты содержат большое количество отсылочных норм, действие которых уточняется соответствующими подзаконными актами, Постановлениями Правительства, Приказами Федеральных органов исполнительной власти, региональных органов власти. Кроме того, основные нормы Федеральных Законов постоянно редактируются, уточняются, исправляются. Трудно определить сколько раз к сегодняшнему дню в ФЗ №115-ФЗ от 2002 года вносилась новая редакция и изменения. Два года назад, к июлю 2011 их насчитывалось около тридцати.

Такая перманентная корректировка позволяет предполагать, что принимаемые решения не опираются на понимание стратегического направления при регулировании миграционных процессов. Ряд положений, относящихся непосредственно к видению инструментов влияния на миграционное поведение населения, содержатся в разделах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. В качестве одной из основных задач с области демографической политики названа необходимость «привлечения мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-эконо-

мического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции».

Принципиально новый подход к регулированию миграционных процессов, позволивший сократить нелегальную составляющую до минимальных масштабов был предпринят в 2007 году. Он заключался в практическом переходе от разрешительного порядка получения права на трудовую деятельность в России к уведомительному, как то и предусматривает законодательство. Это сразу дало всплеск официально зарегистрированной численности иностранной рабочей силы в стране с 1 717 тыс. в 2007 году до 2 400 тыс. человек в 2008 году, позволило сократить нелегальную составляющую. Но эта практика была кратковременной.

Полемика при подготовке новой концепции государственной миграционной политики велась между исполнительной, законодательной властью, общественностью и экспертным сообществом в основном вокруг проблем регистрации мигрантов, квотирования и иных систем привлечения иностранной рабочей силы, и степени «жесткости» проводимой политики. Кроме того, по ключевому вопросу политики, её цели, стратегическому направлению, также не было единодушия даже в подходах.

При одних подходах на первый план выдвигается стабилизация и рост численности населения, при других – обеспечение экономического роста и прирост трудовых ресурсов, при третьих – обеспечение безопасности страны и ее граждан. По нашему мнению обеспечение безопасности возможно только на базе высокого уровня экономического развития, который достигается интенсивными методами за счет развития и внедрения новых технологий, модернизации производства, позволяющих снижать спрос на трудовые ресурсы, а значит и на трудовых мигрантов. Рост численности населения – чисто демографическая задача, должна решаться в интересах заселенности и освоенности всей территории Российской Федерации. И решение этой задачи лежит скорее в плоскости социальных и экономических проблем, а не чисто миграционных.

Обеспечение относительно равномерного расселения населения по территории страны можно отнести к задачам миграционной политики, но рассматриваться и решаться они могут только в плоскости равномерного размещения производства и точек экономического роста, т.е. также с помощью чисто экономических рычагов и инструментов.

Сложным для решения и ключевым для миграционной политики можно считать вопрос административного наблюдения за перемещением и проживанием населения. Эту проблему принято считать проблемой регистрации населения на территории Российской Федерации (или прописки). Она до сих пор не решена, и предпосылок ее позитивного решения не отмечается в связи с тем, что до сих пор не определена главная задача регистрации. Она может заключаться в необходимости наличия информации о каждом человеке, находящимся на территории страны (т.е. наличия базы данных о населении в целом и мигрантах в частности), или в необходимости обеспечения относительно комфортных условий пребывания или проживания мигрантов (т.е. задача создания нормальных санитарно-эпидемиологических условий жизни всего населения). Это совершенно разные подходы к созданию инструмента регистрации и решаться они могут совершенно разными путями. Для первого достаточна регистрация по прибытию в любом уполномоченном органе и регулярное (например, раз в месяц) сообщение сведений о своем пребывании, роде деятельности, источнике дохода и т.д. Для второго – необходим контроль за самими местам проживания (или пребывания) мигрантов. Насколько они соответствуют санитарным нормам, насколько плотно заселены и т.д. Такого рода контроль целесообразно доверить соответствующим структурам местного самоуправления и санитарно-эпидемиологического надзора, т.к. нарушение этих норм влечет за собой распространение инфекционных заболеваний и распространение эпидемий, как среди мигрантов, так и постоянного населения. Возможно, оптимальным является сочетание этих двух подходов. Но в современ-

ной практике не решается ни одна, ни другая задача. Это означает, что практику ведения регистрационного учета мигрантов необходимо модернизировать.

Дискуссии по проблеме квотирования или иных систем привлечения иностранной рабочей силы сводятся к форме данной процедуры. При этом, не определяется главная позиция – как и почему формируется спрос на иностранную рабочую силу, чем мотивирован работодатель, используя труд иностранцев в нелегальном формате. Низкая эффективность труда во всех видах экономической деятельности, отсутствие экономического интереса к модернизации и технологическим прорывам, прямо-пропорциональная зависимость между объемом получаемой прибыли и численностью низкооплачиваемых работников, занятых малоквалифицированным трудом не позволят ни при какой системе сократить завышенный спрос на иностранную рабочую силу. И тут миграционная политика должна тесно смыкаться с политикой в области труда и занятости, с государственной политикой на рынке труда, должна опираться на налоговые, кредитные и иные экономические инструменты регулирования спроса на рабочую силу. Значит должна быть в первую очередь **экономической политикой**. «Действующая система квотирования несовершенна и предполагает излишне длительные сроки рассмотрения заявок работодателей, а также не обеспечивает привлечения иностранных работников на рабочие места в соответствии с заявленной потребностью работодателей.»(п.14, раздел II Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Президентом РФ.)

Уровень установленных квот на получение разрешения на работу иностранным гражданам, судя по оценке уровня нелегальной занятости иностранных граждан, вероятно, существенно занижен. Механизм определения размера квот по результатам заявочной кампании не отражают основные факторы формирования спроса и предложения, порождают масштабное нелегальное использование ИРС.

Любой инструмент, используемый для ограничения использования на национальном рынке труда ИРС должен разрабатываться, опираясь на объемы и структуру вакансий, анализ регистрируемой и общей безработицы и стратегические направления социально-экономического развития. Следовательно, действенным инструментом может быть только имеющий экономический характер, сущность и содержание.

«Жесткость» политики, о которой неоднократно упоминал Президент Российской Федерации, не должна, на наш взгляд, трактоваться как требование исключительно ограничительной и «выдворительной» направленности всех механизмов и инструментов. «Жесткая» политика – это мера степени реализации предусмотренных целей, это последовательное и неуклонное её достижение, и соответствующих поставленных задач. Практика, которая не приводит к достижению определенных результатов и целей, и даже резко отклоняется от них, демонстрирует эластичность конструкции, призванной быть жесткой.

Нынешнюю «миграционную практику», трудно оценить как успешную, соответствующую национальным интересам России, т.к. она по всем официальным и неофициальным данным, очевидно, приводит к **сокращению миграционного притока и прироста населения и увеличению нелегальной миграции, т.е. к эффектам, противоположным, тем, которые провозглашены в качестве основных целей государственного регулирования демографических и миграционных процессов.**

«Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами проявляется в наличии большого числа незаконных мигрантов.» (п.12. раздел II Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.)

При разработке миграционной политики очень важно не только изучить, но и сбалансировано применить имеющийся успешный международный опыт и собственный, уже достаточно богатый российский. Специфику условий государства с огромной территорией,

региональным разнообразием природных, экономических, социальных, этнических и прочих факторов, влияющих на расселение населения, нельзя не принимать во внимание, но нельзя и гипертрофировать. Уже более десятилетия без преувеличения можно сказать, что на чашах весов под названием «государственная миграционная политика» лежат два противоположных подхода.

Первый. Россию захлестывают волны незаконной миграции. Приближается «девятый вал», который покончит с национальной самобытностью, безопасностью, народы России растворятся среди представителей нероссийских этносов. Экономической независимости также придет конец. На пути этих грозных волн необходимо построить неприступную стену, которая оградит от пагубного влияния востока и юга. Нужна жесткая иммиграционная политика с набором полицейских и силовых инструментов. Эти меры сократят уровень криминализации общества, а значит, позволят ускорить экономический рост и социальное согласие.

Второй. Демографический кризис настоятельно требует решительных мер для быстрого роста численности населения, трудовых ресурсов. Такой рост может быть связан только с иммиграционным приростом. Необходимо стимулировать любую иммиграцию, но в первую очередь русскоязычных граждан бывшего СССР (соотечественников).

И та, и другая позиции – крайности, но между ними существуют различные комбинации, сочетающие различные подходы. И те и другие, безусловно, имеют под собой основания.

Самая обсуждаемая обществом тема сегодня – это нелегальная занятость мигрантов. Но при этом нельзя не принимать во внимание, крайне низкий уровень производительности труда во всех практически сферах экономической деятельности в России от автомобильной промышленности и нефтедобычи, до банковского сектора и торговли в 2–3 раза ниже, чем в экономически развитых странах (рисунок 14.4).

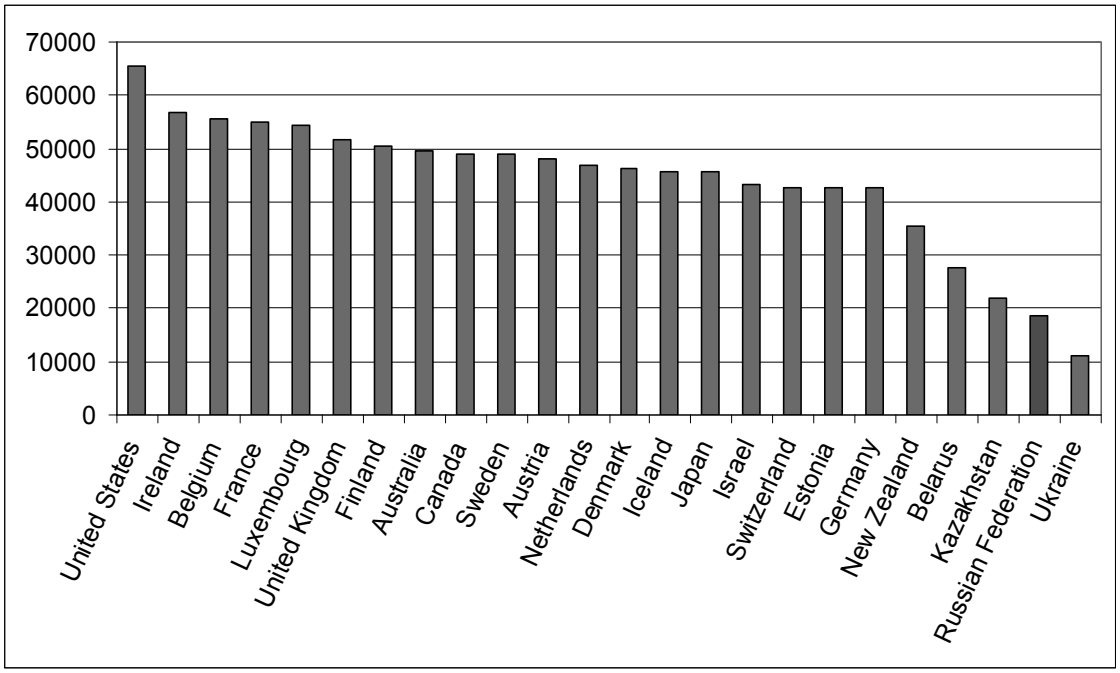

Рис.14.4. *Производительность труда в России и некоторых странах мира, долл. США на человека.*

• автомобильная промышленность отстает по производительности труда от лидеров рынка не менее чем в 2–3 раза; розничный банковский сектор отстает от американского показателя в 3,2 раза; в сталелитейной промышленности в 3 раза, в жилищном строительстве в 5 раз ниже, чем в США; в электроэнергетике 15%, в цементной отрасли составляет 9% от показателя США; в нефтедобывающем секторе производительность труда в отечественных компаниях составляет 25–30% от уровня ведущих западных; и наконец в сфере розничной торговли производительность труда в России составляет 31% от уровня США. (безусловно, на эти показатели воздействует и отсутствие единой методологии для определения производительности труда, но не в таких масштабах).

При таких условиях, конечно спрос на дополнительную рабочую силу не может сокращаться, а будет, по мере роста объемов производства только расти. Самые широко использующие ИРС отрасли – это строительство и торговля, затем транспорт и услуги. Могут ли они сегодня обойтись без этих работников? При изменении организации труда, его механизации могут. Но есть ли у работодателя стиму-

лы для сокращения применения ручного труда, есть ли у него возможности вкладываться в модернизацию за счет собственной прибыли? В каких условиях он осуществляет свою деятельность? Это одна сторона проблемы. Высокий спрос на рабочую силу, её практически неограниченное предложение и отсутствие каких-либо действий для появления у работодателя мотивации для роста эффективности труда и сокращения спроса на рабочую силу – вот те составляющие масштабного присутствия на российском рынке труда ИРС.

Поэтому можно утверждать, что решение проблемы нелегальной трудовой миграции лежит в плоскости экономической политики, а не миграционной.

Но всем теоретическим дискуссиям был положен конец после утверждения Президентом Российской Федерации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Она предусматривает:

(П.23. раздел II. Задачи государственной миграционной политики Российской Федерации):

а) создание условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан;

б) разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы;

в) содействие развитию внутренней миграции;

г) содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности;

д) выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов;

е) содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом;

ж) противодействие незаконной миграции.

В следующем разделе Концепции приводится подробный перечень основных направлений, по которым данная Концепция должна реализовываться. Рискнем привести полностью формулировки основных направлений (без расшифровки содержания каждого), чтобы не отсылать читателя к тексту документа.

Основные направления государственной миграционной политики Российской Федерации:

а) в области создания для соотечественников, проживающих за рубежом, эмигрантов и отдельных категорий иностранных граждан условий и стимулов для переселения в Российскую Федерацию на постоянное место жительства;

б) в области разработки дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, востребованной российской экономикой;

в) в области содействия развитию внутренней миграции граждан Российской Федерации;

г) в области содействия образовательной (учебной) миграции в Российскую Федерацию и поддержки академической мобильности;

д) в области выполнения гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов;

е) в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом;

ж) в области противодействия незаконной миграции: совершенствование правовой базы противодействия незаконной миграции.

Если же обратиться к самому документу и подробно ознакомиться с содержанием мероприятий по каждому направлению, то можно увидеть, что никаких направлений «жесткого» характера в нем не содержится. Текст изобилует формулировками о «содействии» и «создании» весьма комфортных условий для привлечения, обустройства и работы мигрантов в России.

Все, отраженные в Концепции положения должны стать основой для разработки документа, содержащего конкретный набор конкретных мер для реализации целей, задач и основных направлений,

выдвинутых в Концепции. Этим документом должна стать федеральная миграционная программа или пакет целевых программ.

В целом инструментарий реализации должен состоять из правовых, организационных и экономических мер.

Чем длиннее будет интервал между продекларированной политикой и программой действий, тем дольше будет продолжаться хаос в сфере формирования населения и трудовых ресурсов за счет как внешних, так и внутренних миграций, дольше сдерживаться экономический рост и социальный прогресс, усугубляться сокращение численности населения. Тем дольше стена непонимания и взаимной неприязни между государством и иммигрантами будет расти. Поэтому по ту сторону её, где находятся мигранты, теневая экономика и криминальные законы будут продолжать процветать.

Алгоритм реализации миграционной политики должен, по нашему мнению выглядеть так:

– выбор оптимальных решений и мер для реализации целей по каждому направлению Концепции;

– законодательное оформление реализации принятых решений;

– финансовое и институциональное обеспечение их проведения.

Парадоксальна практика, при которой эти шаги делаются в обратном порядке. В этом случае возможен только один вариант развития – отдаление от поставленных целей, движение вспять к усугублению ситуации.

Источники

1. Воробьева О.Д. Миграционная политика и ее реализация //Народонаселение, 2000, № 4.

2. Ивантер В.В. Экономика роста//Эксперт. 2001, №1–2.

3. Информационные, информационно-аналитические, информационно-статистические сборники ФМС России. М., 1994–1999.

4. Исторический опыт регулирования миграции населения в России /Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М., 1994.

5. Регент Т.М. Миграция в России: Проблемы государственного управления. М., 1999. Демографические ежегодники России. Стат.сборники, Росстат. М.,1995–2012.

6. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ, 18 июля 2012 г.).

Содержание

Введение 3

Глава 1 Понятийный аппарат и источники данных о миграционных процессах 7

Глава 2 Россия в мировых миграционных процессах 33

Глава 3 Эмиграция населения из России (исторические аспекты).... 51

Глава 4 Современная эмиграция в страны дальнего зарубежья..... 67

Глава 5 Эмиграция из России в страны ближнего зарубежья: история и современность 87

Глава 6 Иммиграция в Россию из ближнего и дальнего зарубежья.....103

Глава 7 Русские общины за рубежом..... 131

Глава 8. Миграционный потенциал для России в странах нового зарубежья 163

Глава 9 Результативность межрегиональной миграции населения России 189

Глава 10 Теснота миграционных связей между регионами России ..229

Глава 11 Трудовые миграции в России..... 249

Глава 12 Страны – основные доноры трудовых мигрантов в Россию 297

Глава 13 Временные учебные миграции в России..... 343

Глава 14 Трансформация системы регулирования миграционных процессов в России 363

Научное издание

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

Под редакцией
профессора В.В. Локосова и профессора Л.Л. Рыбаковского

Подписано в печать 15.01.2014 г. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,00. Заказ 2347. Тираж 500 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eep@yandex.ru